

Ди Браун

СХОРОНИТЕ МОЕ СЕРДЦЕ У ВУНДЕД-НИ

[История американского Запада, рассказанная индейцами]

Dee Brown

Bury my Heart at Wounded Knee
[An Indian History of the American West]

БЕЗ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Трагедия индейцев американских прерий

О коренных жителях Нового Света - американских индейцах - написаны сотни, а может быть, тысячи развлекательных и популярных книг и серьезных научных исследований. Советскому читателю с юных лет известны замечательные литературные произведения американских писателей Фенимора Купера, Джеймса Кервуда и Майн Рида. В СССР изданы научно-популярные книги М. Стингла и К. Керама. Советские ученые - историки и этнографы создали целый ряд отличных исследований по истории и культуре американских индейцев. Это прежде всего книги Ю. П. Аверкиевой, Ю. В. Кнорозова, В. И. Гуляева, Р. В. Кинжалова и других авторов. В целом мы уже имеем достаточно полное и верное представление об очень интересной культуре и глубоко трагичной судьбе индейских народов Американского континента.

На сей раз читатель берет в руки необычную и даже уникальную книгу, которая в отзывчивом и честном сердце вызовет жгучую боль, гнев и сострадание, перевернет в сознании многие сложившиеся представления, поможет по-новому взглянуть на некоторые не только прошлые, но и происходящие в современной Америке события. После ее прочтения даже романы всемирно известного Фенимора Купера предстанут не лишёнными искажений исторической истины, а многие другие литературные повествования и виденные десятки раз на экранах знаменитые вестерны - фильмы о покорении Дикого Запада - будут восприниматься как лживые подделки.

Ди Браун, бывший библиотекарь и профессор библиотечного дела в Иллинойском университете, создал поистине замечательную книгу, со страниц которой заговорила подлинная индейская история в ее самый трагический, жуткий момент, когда во второй половине XIX в. имел место так называемый «индиан ремувэл» - «индейское перемещение» - самая безжалостная стадия индейского геноцида, осуществленная Соединенными Штатами Америки в 60-90-е годы прошлого века. В глазах большинства белых американцев это было время героических свершений пионеров-колонистов, которые несли демократию и прогресс цивилизации на Запад страны, осваивая «свободные земли» и создавая мощь и славу Америки. В глазах краснокожих американцев это была пора бед и несчастий, наглых и непонятных притязаний со стороны пришельцев на все, чем испокон веков владели они и их предки, время провокаций, вероломства, обманов, угроз и, наконец, безжалостного применения жестокого огнестрельного оружия, которое сеяло вокруг слезы, кровь и смерть. Много смертей, так много, что гибли целые народы, а от всей богатой и по-своему совершенной культуры североамериканских индейцев остались лишь жалкие изуродованные осколки.

Книга Ди Брауна, впервые опубликованная в США в 1971 г. и выдержавшая после этого более десяти изданий, абсолютно достоверна по своему общему пафосу и фактическому материалу. В ней использованы многочисленные документальные свидетельства, оставшиеся от того времени, в том числе воспоминания самих индейцев, а также достаточно обширная научная литература. Однако, рассчитанная прежде всего на американского читателя, книга не содержит каких-либо сведений общего характера по истории и культуре североамериканских индейцев, а также по истории Соединенных Штатов Америки в описываемый период. Поэтому первое полное издание этой книги на русском языке, на наш взгляд, целесообразно и полезно предварить некоторыми сведениями такого рода. Они помогут лучше понять события, происходившие на просторах американских прерий.

Итак, книга начинается с изложения истории первых контактов коренных обитателей Америки с европейскими колонистами в XVII в. К этому моменту земли, которые ныне составляют территорию Соединенных Штатов Америки, были уже освоены и заселены теми, кого Христофор Колумб по ошибке назвал «индейцами», приняв открытую им землю за Индию. Таким образом, название «индейцы» - историческое недоразумение. Сами коренные жители Нового Света так себя никогда до этого не называли, и лишь в итоге уже позднее, под влиянием колонизации, это слово утвердилось в их сознании и языке как общее название для всех аборигенов Америки, хотя, например, в некоторых районах Южной Америки слово «индеец» до сих пор является оскорбительным и уничижительным и перво жители его не признают.

Сами индейцы имели для своих племен собственные этнонимы (самоназвания). Так, например, самая многочисленная среди атапаскской языковой семьи племенная группа - навахо - имела самоназвание «дене» - «настоящие люди». Под самоназваниями индейцы обычно были известны и окружающим их соседним племенам, а позднее - колонизаторам, хотя последние часто заимствовали названия незнакомых им индейских племен из языка тех, с кем вступили в контакт ранее. Вот почему многие названия пришли из языков алгонкинских и ирокезских племен, с которыми европейские колонизаторы вступили в контакт первыми. А эти названия не всегда совпадали с самоназваниями или же, что гораздо чаще, подвергались некоторым искажениям. До сих пор в литературе, в том числе и в русскоязычной, встречается употребление разных названий по отношению к одному и тому же племени. Так, например, сиуязычное племя абсароки чаще всего называют «вороны» (в переводе на русский), или «кроу». Алгонкинское племя сиксиков встречается под именем «черноногие» (в переводе на русский), или «блэкфуты».

В своей книге Ди Браун предпочитает употреблять коренные индейские этнонимы и придерживается этого же принципа применительно к именам собственным, особенно именам вождей. Здесь также существует много разночтений и путаницы, начало которой положили малосведущие и в большинстве неграмотные европейские перво поселенцы. Они часто давали индейским вождям имена по названию возглавляемого ими племени. Эти имена чаще всего и сохранялись позднее в письменных источниках, а затем в научной и прочей литературе об индейцах. Так, например, вождь конфедерации индейцев алгонкинов Ухонсонок, о котором идет речь в первом разделе книги, по существующей традиции больше известен как Поухатан (по названию алгонкинского племени поухатанов).

Около четырехсот проживавших в Северной Америке племен говорили на разных языках. В книге на этот счет не содержится никаких сведений, и у читателя даже может сложиться впечатление, что все действующие лица изъяснялись просто на английском языке. Дело обстояло несколько иначе. После открытия Америки европейцам было известно свыше двух тысяч индейских языков, которые распадались на несколько крупных родственных семей. На родственных языках говорили иногда несколько десятков индейских племен, а иногда язык одного-двух племен составлял особую группу, и этот язык, естественно, никто больше не понимал. В Северной Америке наиболее известными языковыми семьями, объединяющими родственные по языку племена, были следующие:

1. Алгонкинская, в которую входили тридцать шесть племен. Эти племена населяли обширные пространства на востоке и в центральной части Северной Америки, от Атлантического океана до Скалистых гор. Среди упоминаемых в книге племен к алгонкинским относятся поухатаны, меномини, кикапу, осакивуки и мусквакивуки (Ди Браун употребляет для них англоязычное название - сак и фокс), шауни, майами, делавары, могикане, пекоты, монтанье-наскапи, кри, оджибвеи (или чиппева), арапахи, блэкфуты, шайены.

2. Атапасская, в которую входило пятьдесят три племени. Они занимали громадную территорию на Западе Североамериканского континента - от берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов до Мексики - на юге и берегов Гудзонова залива - на востоке. Главные племена этой языковой семьи, которые чаще всего упоминаются в книге, - это навахи, апачи и кайова.

3. Диалекты сиу, на которых говорило шестьдесят восемь племен, населявших бассейн реки Миссури и степные районы между Миссисипи и Скалистыми горами. В книге главным образом упоминаются индейцы группы дакотов - ассинибойны.

4. Ирокезская, которая включала тринадцать племен, проживавших главным образом на территории современной Канады (район Великих озер и берега реки Св. Лаврентия). На территорию США (штаты Северная и Южная Каролина) в алгонкинские племена врезалась южная ирокезская группа - племена чироков, могавков, кайюга и другие.

5. Мускогская, сходная с сиу. Племена этой группы населяли юго-восточную часть территории США между Миссисипи, Мексиканским заливом и Атлантическим океаном. Среди этой группы наиболее известны племена мускоги (или крики), чоктава, чикасава, семинолы, натчезы.

6. Юта-ацтекская, самая большая по численности говорящих на этих языках индейцев США и Мексики. Эти племена занимали плоскогорье между Скалистыми горами и прибрежными Кордильерами. Из племен юта-ацтекской группы в книге идет речь о самом южном племени степных индейцев - команчах, а также о племенах шошоны, юта, пайюта, хопи.

Наконец, самостоятельную группу составляли индейцы Тихоокеанского побережья Северной Америки (селиши, нутка, квакиютли, тлинкиты и др.). Их история и культура по-своему интересны и своеобразны, но об этих племенах в книге Ди Брауна речь не идет.

Итак, североамериканские индейцы говорили на многих и очень разных языках, но вот письменности своей они не создали. За исключением одного из наиболее развитых племен - чироков, где индейский просветитель Секвойя создал в начале XIX в. собственный алфавит, и эта письменность получила распространение (даже выходила первая индейская газета «Чироки феникс»). Однако у индейцев, особенно у степных индейцев, существовало так называемое пиктографическое (рисуночное) письмо, о котором неоднократно упоминается в книге. Рисуночное письмо обычно выполнялось наконечником стрелы или заостренной костью на бизоньей или оленьей шкуре. Изображались очень искусно и выразительно фигурки людей и животных, разные сцены и события. Искуснее всего в этом деле были индейцы дакота и кайова. Автор книги широко и удачно использовал те пиктографические документы, в которых сами индейцы рассказывали о пережитых ими событиях.

Несмотря на разноязычие, коренные жители могли и умели общаться между собой, даже если говорили не на родственных языках. Во-первых, были распространены, особенно с развитием торговых связей между племенами и с европейскими колонизаторами, межплеменные «жаргоны». Так, например, среди племен юго-восточной части США, где жили сиу, ирокезы, алгонкины и другие группы, был распространен общий торговый язык чикасавов (или язык «мобиле»), который состоял из слов разных индейских языков. Этот язык понимали многие индейцы племен от Флориды до Миссисипи.

Кроме того, у индейцев, особенно у жителей прерий, которые находятся в центре повествования книги Ди Брауна, был широко распространен «язык жестов» и «язык сигналов». Ими племена пользовались при встречах и даже могли вести переговоры, излагать свои легенды и реальные события. Жесты понимали все индейские племена в районах Скалистых гор, рек Миссури и Рио-Гранде. Наиболее простые сообщения (о приближении врага, о появлении дичи, о призыве на помощь и т. д.) передавались системой сигналов. Сигналы передавались взмахами одеял, условными передвижениями пешком или на лошади, а также зеркалами.

У многих североамериканских племен было также известно средство передачи сообщений с помощью особых поясов - «вампумов», изготовлявшихся из специально подобранных бус разного цвета, расположение которых имело особое значение. Поэтому, когда в книге говорится о посылке вампума одним вождем другому, это нужно понимать как передачу какого-то определенного сообщения. В данном случае речь чаще всего идет об организации совместных действий против карательных экспедиций американских воинских частей. Кстати, вампумы заменяли также индейцам деньги.

Теперь несколько слов о занятиях и общественных отношениях коренных жителей Америки. Традиционное хозяйство индейцев, складывавшееся веками, определялось прежде всего природными условиями той местности, где они обитали, а также уровнем их общественного развития. К востоку от Миссисипи, особенно в северо-восточных районах США, откуда фактически и началась европейская колонизация, жили главным образом оседлые племена, которые занимались земледелием, охотой и собирательством. В северных районах жили охотники на морского зверя. Совершенно особый тип хозяйства, жизненный уклад и культурную традицию выработали индейские племена, которые жили в американских прериях - огромных травянистых степях - от Великих озер и реки Миссисипи до Скалистых гор. Именно здесь, на американском Западе, разыгралась финальная стадия индейского геноцида, закончившаяся трагедией у Вундед-Ни в декабре 1890 г.

Следует иметь в виду, что до прихода европейцев в неудобных прериях жило сравнительно мало индейцев. За исключением дальнего юго-запада, где индейцы жили в пуэбло (деревнях) и обрабатывали землю, степные индейцы занимали только подножия холмов и отчасти лесные окраины к северу и востоку, совершая длительные пешие походы в степи для охоты на бизонов.

В XVII-XVIII вв. прерии были довольно быстро заселены новыми индейскими племенами. Это произошло из-за оттеснения коренного населения из районов восточнее Миссисипи, а также благодаря быстрому распространению среди индейцев лошади, завезенной в Новый Свет европейцами. Лошадь и огнестрельное оружие сделали просторы прерий более доступными, а охоту на бизонов - более легкой и результативной. Ко времени, о котором идет рассказ, то есть к середине XIX в., американские прерии были уже заселены многочисленными племенами.

Несмотря на разное историческое прошлое и традиции, сходные условия жизни в прериях определили сходный образ жизни племен. Главными здесь стали кочевое коневодство и охота верхом на бизонов. Лошади попали в прерии из южных районов, от испанских колонизаторов. Здесь они обычно дичали и превращались в диких лошадей - мустангов. Индейцы быстро научились приручать мустангов, обращаться с ними и использовать для охоты и домашних нужд. Следует заметить, что к середине XIX в. индейцы пополняли свои табуны не столько за счет ловли мустангов или кражи лошадей, как это иногда можно заключить из различных романтических описаний индейской жизни, сколько за счет выращивания молодняка и разведения лошадей (вывели даже две породы: «пинто» и «аппалуза»), таким образом, культурное коневодство было основным источником пополнения табунов.

Одними из первых коневодством стали заниматься южные племена: кайова, юта, команчи. От них опыт обращения с лошадьми и искусство охоты верхом перешли к их северным соседям: пауни, шайенам, кроу, черноногим, а затем к кри. Черноногие стали одними из самых опытных коневодов. Однако не все племена и не сразу отказались от оседлого земледелия. В бассейне реки Миссури индейцы продолжали заниматься земледелием и жили оседло - деревнями. Когда заканчивались полевые работы, они выезжали охотиться в степи. Племена юго-западных районов прерий уже жили в селениях только в период сева и уборки урожая, а в остальное время они кочевали в поиске бизонов. Самые южные племена, особенно команчи, земледелием вообще не занимались.

Сажали и выращивали индейцы кукурузу (маис), бобы, кабачки и некоторые другие культуры. Индейские женщины делали муку, они перетирали зерна ручными каменными жерновами или толкли их в ступах. Из этой муки в железном котле пекли хлеб. Кукурузные початки обжаривались или варились. Лесные охотники, любившие передвигаться быстро и налегке, часто брали с собой только мешочек из кожи с тонко помолотой мукой. Несколько пригоршней муки разбавлялись водой. Некоторые племена на востоке прерий занимались собиранием дикого риса, диких плодов, ягод и корнеплодов. Но для индейцев прерий главным в пище все-таки было мясо, а основным занятием - охота.

Бизон - самое крупное животное Нового Света - был подлинным даром природы для коренных жителей американских степей. Миллионы бизонов когда-то обитали в этих районах, мигрируя в зависимости от времени года с юга на север, и наоборот. Индейцы издавна научились охотиться на это животное и употреблять в пищу его мясо, а кожу использовать для одежды, жилища и домашней утвари. В «долошадный период» (этот термин вполне научный и применяется часто в литературе об индейцах) индейцы охотились на бизонов, или скрытно (надев на себя шкуру) подкрадываясь к животному, или загоняя стадо к глубокой яме, рву или же в узкий загон, где бизонов легче было убить. В такой охоте обычно участвовало все население индейской общины, включая женщин и детей.

Лошадь в корне изменила характер охоты. Теперь стада бизонов выслеживались охотниками-разведчиками, а затем уже только одни мужчины верхом преследовали животных. Для этой самой ответственной стадии охоты специально отбирались самые быстрые лошади, на которых индейцы даже не садились до момента преследования, чтобы не утомлять их без надобности. «Лучшая дичь в степи принадлежит лучшей лошади», - любили говорить индейцы.

Несмотря на распространение огнестрельного оружия, индейцы продолжали довольно широко пользоваться традиционным луком со стрелами. Ружье приходилось долго заряжать, и выстрелы из него пугали и разгоняли животных. Лук и древко стрелы делались из крепких и гибких пород дерева, тетива - из сухожилий, а наконечники стрел индейские умельцы изготавливали из камня, позднее - из железа. Вспомним интересные строки из «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло:

У дверей в своем вигваме,
Вместе с милой Миннегагой,
Стрелоделатель работал,
Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий,
А она плела в раздумье
Тростниковые циновки.

Кроме лука, многие охотники имели при себе копье с каменным (позднее железным) наконечником. Им пользовались в случае крайней необходимости или когда заканчивался запас стрел.

Ружье, лук, копье были также и боевым оружием индейцев. Только у воинов еще был круглый щит, сделанный из толстой бизоньей кожи. Конечно, с таким оружием (устаревшие мушкеты, для которых индейцы сами отливали пули) индейцы были не в силах противостоять регулярным американским войскам, оснащенным скорострельными винтовками и артиллерией.

Принадлежность убитых животных определялась по специальным меткам, которые каждый охотник наносил на свои стрелы. Когда пользовались ружьями, охотник просто оставлял часть своей одежды или какой-то предмет у убитой туши и продолжал вместе с остальными преследовать животных, пока не устанет лошадь. При удачной охоте на быстроногой лошади можно было убить за одну охоту четыре-пять бизонов, чаще одного-двух, а на плохой лошади охотник мог вернуться совсем без добычи. Индейцы строго соблюдали правила коллективной охоты (ни одна стрела не могла быть пущена без команды предводителя), строго наказывали тех, кто, нарушал ее сроки и порядок. По окончании охоты, когда каждый собирал свои трофеи, охотники специальными ножами освеживали туши. Иногда этим занимались более бедные индейцы, у которых не было собственной лошади. За это они получали свою долю мяса. Лучшие части - язык и мясо из горба, - а также шкуру забирала семья охотника, а остальное мясо принадлежало всей общине, включая больных и престарелых.

На специальных повозках - волокушах, - в которые были запряжены пони, индейские женщины отвозили мясо в лагерь или деревню. Их же обязанностью были выделка шкур (довольно сложная и трудоемкая операция), а также консервирование мяса. В книге Ди Брауна несколько раз упоминается один из основных продуктов питания индейцев, особенно в зимний период, - пеммикан (от слова из языка индейцев кри «пими-окан» - «род жира»). Приготовление пеммикана было столь же ответственным занятием для женщин, как охота на бизонов - для мужчин. Для этого брались лучшие куски мяса, вялились на костре и перетирались в порошок. Затем этот порошок смешивался с бизоньим салом и ягодной пастой. Приготовленный пеммикан помещался в кожаные мешки и мог так сохраняться несколько лет. Это был основной продукт питания индейцев прерий. Теперь должно быть ясно, почему, ведя войну против индейцев, американские войска всегда стремились прежде всего уничтожить запасы консервированного мяса - чтобы обречь коренных жителей на голодную смерть в зимнее время, когда охота была исключительно трудной.

Своеобразными были одежда и жилище коренных жителей прерий. Традиционная одежда изготавливалась из бизоньих или оленьих шкур, которые выделывались индейскими женщинами в замшу. Главную часть одежды составляла накидка из шкуры бизона, которая обычно украшалась иглами дикобраза, вышивкой, кожаными аппликациями. Под влиянием европейцев одежда индейцев изменилась, тем более что плащи из шкур бизонов интенсивно скупались торговцами для перепродажи. В описываемый период индейцы уже в основном заменили традиционные накидки фабричными одеялами, а также стали носить брюки и рубашки из замши или фабричной ткани. Вот почему неоднократно упоминаемые в книге индейские одеяла - это основной элемент одежды жителей прерий в XIX в. Головной убор не был распространен, но читатель должен знать (об этом также есть упоминания в тексте), что в особо торжественных случаях вожди и другие нерядовые члены племени могли надевать убор из орлиных перьев, кожи, меха горностая. Перед боем мужчины также раскрашивали свое лицо.

Главным видом жилища у индейцев прерий была коническая кожаная палатка «типи», хотя в книге упоминаются еще и другие разновидности жилья, которые встречаются у племен более южных районов - «хоган» и у племен лесной зоны на востоке - «вигвам». Переселившиеся с востока в прерии племени, заимствовав жилище кочевников, продолжали называть его вигвамом. Каркас палатки составлялся из тонких сосновых жердей, которые наверху скреплялись сыромятным ремнем. Внутри и снаружи индейское жилище богато украшалось рисунками на темы индейских легенд и мифов.

Из оленьей крепкой кожи
Сделан был вигвам просторный,
Побелен, богато убран
И дакотскими богами
Разрисован и расписан.
Двери были так высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на пороге,
Чуть коснулся занавесок
Головой в орлиных перьях.

(Г. Лонгфелло. «Песнь о Гайавате»)

У дакотских племен и у сиксиков (черноногих) палатки действительно были больших размеров: в них можно было разложить два-три костра (дым выходил через отверстие сверху палатки), а на их покрытие шло иногда до 30-40 шкур. Обычная палатка сшивалась из 12-14 бизоньих шкур, раскрашенных в разные цвета. Хозяином палатки считалась женщина, она же отвечала за ее сооружение, разборку и переноску или же перевозку на лошадях. На стоянках индейцы ставили из палаток одной общины или даже племени круг, в котором у каждой семьи было определенное место. В центре стояли палатки вождя и других выдающихся членов племени, а также находился загон для лошадей. Вот эти круговые лагеря из индейских типи, в которых иногда насчитывалось по несколько сот палаток, и были основным объектом карательных экспедиций солдат и разного рода бандитских групп из среды белых поселенцев.

Конечно, укрепленные форты колонизаторов, с сооружения которых начинался каждый новый этап «покорения Запада», были несравнимо более приспособлены для ведения затяжных военных кампаний и постоянного пребывания в состоянии необъявленной войны с коренным населением. Сколько в результате коварных, ничем не спровоцированных нападений на фактически незащищенные лагеря индейцев погибло не только мужчин-воинов, но и индейских женщин, детей, стариков - сосчитать просто невозможно! В книге Ди Брауна читатель найдет достаточно леденящих душу трагедий, которые разыгрывались в прериях на протяжении целых десятилетий.

Богат и своеобразен был духовный мир коренных жителей Америки. О некоторых характерных чертах индейской культуры автор упоминает в книге, хотя и без особых разъяснений. В частности, неоднократно упоминается Пляска Солнца. Этот древний обряд, свойственный всем степным индейцам и многим другим племенам, был связан с почитанием Солнца как главного божества - покровителя племени. С этим культом у индейцев были связаны и многие мифы и религиозные церемонии. Кроме Солнца, индейцы почитали личных духов-покровителей, благорасположения которых добивался каждый мужчина путем поста и всевозможных самоистязаний.

Пляска Солнца носила не только религиозный характер (моление Великому Духу о общественных и личных благах), но и способствовала воспитанию у молодых воинов храбрости (через самоистязания). Она устраивалась летом и продолжалась три дня, сопровождаясь пением, звуками бубна и разных трещоток. В период активной борьбы с колонизаторами американские власти запретили Пляску Солнца, опасаясь больших собраний индейцев, где усиливался боевой дух воинов и где, конечно, могли рождаться планы новых выступлений. Однако ритуал этот продолжал сохраняться и, кстати, существует до сегодняшнего дня в качестве одного из немногих сохранившихся общеиндейских праздников.

Важно отметить, что во второй половине XIX в. среди индейцев получает распространение Пляска духов. Это также был не только религиозный ритуал, но и акт общественного самовыражения индейцев, их приверженности своей культуре. Американская полиция

жестоко преследовала эти собрания, и именно разгон такого собрания закончился резней у Вундед-Ни.

Напомним читателю некоторые основные сведения об общественных отношениях среди индейцев к тому историческому моменту, о котором повествует книга. В целом этот этап в развитии индейского общества ученые определяют как переход от родового общества к классовому. Это означает, что отношения родства лежали в основе организации индейского общества, но развивающиеся имущественные различия подрывали старые традиции. В прериях частное владение лошадьми привело к накоплению богатства в руках небольшого числа индейцев, которые составили немногочисленную и влиятельную верхушку племен. Но все же племя, делившееся на роды, оставалось в XIX в. важным элементом традиционной структуры коренного населения. У чисто охотничьих племен внутренняя родовая организация уже претерпела значительные изменения. Дакоты, например, делились на охотничьи группы, состоявшие из родственников по отцовской линии. Эти группы зимой кочевали порознь в поисках дичи, а весной собирались в общий лагерь для совершения религиозных обрядов перед летней коллективной охотой. У больших племен основной хозяйственной единицей были несколько родственных семей. Они вместе кочевали и зимой, когда охота была особенно трудна. Во главе такой кочевой общины стоял старейшина или общинный вождь. Из числа самых храбрых воинов выбирался военачальник.

Община была основной ячейкой политической структуры индейских племен: старейшины и военачальники общин составляли совет племени, старейшина самой влиятельной общины признавался верховным вождем племени, а самый прославленный воин - военачальником, или военным вождем племени. Верховный вождь, за которым закреплялось название «мирного» вождя, ведал гражданскими делами племени. Эта должность у большинства племен была семейно-наследственной. Военачальник ведал делами войны и предводительствовал в походах. В период войн с колонизаторами эти две должности часто сочетались в лице одного, выдающегося военачальника. Такими, в частности, были известные вожди Понтиак, Красное Облако, Сидящий Бык, Гуанак Паркер и ряд других активных участников излагаемых событий. Читателя не должно смущать большое число индейских вождей (портреты многих из них, написанные американским художником Г. Кроссом, или же современные фотографии мы помещаем в русском издании книги Ди Брауна). Следует учитывать, что вожди делились на несколько рангов. Главные (или большие) вожди племени были хранителями Священной трубки - символа племени - и часто совмещали в своем лице правителя, жреца или пророка, а также шамана. Такими были, например, Джеронимо, Черный Медведь, Сидящий Бык. К малым вождям относились прославившиеся воины и члены родов больших вождей. Был еще третий ранг вождей, так называемые «внуки».

Военная организация степных индейцев имела форму мужских союзов, которые у большинства племен носили названия животных. У дакотов, например, это были общества Бизона, Оленя, Барсука, Белой Лошади, Лисицы, Ворона. Каждое общество имело свои знаки отличия. Они наносились на тело и одежду, отражались в форме прически и головного убора. Мужские союзы имели сложную внутреннюю структуру, но каждый из них представлял собой военную единицу общеплеменной военной организации, то есть отдельный отряд воинов. Со временем у степных индейцев некоторые мужские союзы превратились в военные дружины выдающихся военачальников. По крайней мере из членов военных обществ избиралось несколько воинов, которые в качестве телохранителей, помощников и советников состояли при каждом вожде. За этими воинами закреплялось дакотское название «акацита», или Собаки, которое на русский язык переводится как «солдаты» или «полицейские». Но эта своеобразная военная свита вождей сложилась только в результате непрерывных сражений индейцев с наступающими войсками колонизаторов.

Отсутствие у индейцев регулярных военных объединений, а также укрепленных жилищ и поселений подтверждает, что они издавна вели преимущественно мирный образ жизни. Миф

о воинственном и кровожадном характере американских индейцев был в свое время намеренно создан колонизаторами, прежде всего официальными властями американских штатов. Этот миф был позднее подхвачен дельцами массовой культуры, и до сих пор, почти сто лет спустя после трагедии у Вундед-Ни, игрушечные индейцы - «солдатики» с обязательным томагавком в руках гуляют по витринам магазинов мира.

Нужно отметить одно существенное обстоятельство из истории американских индейцев. Хотя в книге об этом говорится немного, но хорошо известно, что племена, особенно кочевники прерий, вели между собой войны. Но конфликты и войны между индейцами, во-первых, зачастую были вызваны тем обстоятельством, что, теснимые колонизаторами, многие восточные племена лесных охотников и земледельцев были вынуждены перебираться в прерии, осложняя тем самым условия жизни исконных степных обитателей. Вот почему, например, кочующие охотничьи племена дакотов часто нападали на алгонкиноязычные группы, и в результате сложился миф об особой жестокости индейцев дакотов. Вспомним опять же Г. Лонгфелло:

Не вводи в мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикие Дакоты,
Часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!

Во-вторых, колониальные державы (Великобритания, Франция, Испания), воюя между собой за обладание Североамериканским континентом, всегда стремились втянуть, и неизбежно втягивали, в эти конфликты коренных жителей, нарушая тем самым издавна существовавшие межплеменные связи и отношения. Уже после образования США во время англо-американской войны 1812-1814 гг. и Гражданской войны 1861-1865 гг. индейцы также были вовлечены в военные действия, а затем бессовестно преданы и обмануты.

Наконец, если говорить только о межплеменных конфликтах, то они никогда в истории не были долгими и жестокими. В кочевом индейском обществе войны велись обычно, чтобы захватить чужие пастбища, отомстить за смерть соплеменника, а иногда предпринимались и походы с целью грабежа. В XIX в. набеги с целью угона лошадей стали важным средством обогащения, и в некоторых племенах (например, шайены) многие воины превратили набеги почти в постоянное ремесло. Мужчины считали военные походы самым почетным занятием, иногда в походах участвовали и женщины. Индейцы высоко ценили воинскую храбрость. В каждом племени отмечали подвиги воинов. Существовала градация подвигов: кроу считали самым высоким подвигом прикосновение к живому врагу, черноногие - захват оружия врага, тетон-дакоты - угон привязанных к палаткам врага лошадей. И все же, нисколько не идеализируя индейское общество, нельзя не отметить, что главной причиной участия молодых воинов в набегах была нужда в лошадях. Что же касается межплеменных войн, то существовали негласные, но строгие правила относительно объявления войны, обмена пленниками, заключения мирных договоров с выкуриванием Трубки мира, которая была одной из святынь племени.

Очень много небылиц написано о практике скальпирования, как проявлении кровожадности индейцев. Действительно, у некоторых, главным образом земледельческих, племен издавна существовал, но не практиковался широко, обычай срезать острым ножом кусок кожи с волосами с головы убитого врага. Это считалось проявлением воинской доблести. Но именно европейцы первыми начали устанавливать вознаграждения за скальпы, сами снимать скальпы с убитых индейцев, поощряя тем самым распространение этого обычая. В результате, сначала распространившись у восточных индейцев (ирокезов, мускогов), скальпирование позднее перешло и в прерии. Но до такого варварства, чтобы отрезать головы, высушивать черепа, делать муляжи из убитых индейских вождей, а затем устраивать

доходные аттракционы, - до этого индейцы в отличие от белых американцев никогда не опускались! Обычно индейцы и не убивали пленных; они принимали их в племя. Можно себе представить, какие ужас, отчаяние и гнев внушали коренным американцам жестокость и варварство двигавшихся неудержимой волной на Запад колонистов.

Употребление здесь слова «варварство» вполне уместно, хотя именно индейцы были в глазах американцев «варварами» и «дикарями». Вся политика геноцида в отношении индейцев основывалась на расистской идеологии, согласно которой американские индейцы объявлялись «самым глупым народом», неспособным приобщиться к «настоящей цивилизации». Но вдумайтесь в суть некоторых описываемых в книге событий. В одной из первых глав рассказывается о печально знаменитой «тропе слез» - тысячекилометровом зимнем походе 13 тыс. индейцев чироков из родных мест в Джорджии к местам изгнания в Оклахому. После этого марша на дорогах Арканзаса, Теннесси, Миссисипи и Джорджии остались 4 тыс. могил. Кто были эти обездоленные и истязаемые? Представители одного из самых высокоразвитых индейских племен, грамотные, говорившие на нескольких языках, в том числе английском, красивые и достойные люди! Кто гнал их в пустыни Оклахомы на верную гибель? Грубые, в большинстве своем не умевшие читать и писать, жаждавшие чужих земель и собственности представители «передовой цивилизации».

Конечно, стадия общественного развития коренных жителей Нового Света, характеризовавшаяся переходом от родового общества к классовому, была исторически ниже, чем стадия развития европейского общества, где в ряде ведущих государств уже утвердился буржуазный строй. В самих Соединенных Штатах Америки также шел процесс бурного развития капитализма. Но это совсем не означает, что американские индейцы в своем развитии представляли какой-то «тупиковый», бесперспективный путь развития и должны были волей истории уйти в небытие. Трагедия в том, что представители этой уникальной и по-своему совершенной культуры столкнулись, а вернее, оказались на пути самой безжалостной и агрессивной по своей природе общественной системы - капитализма. Стимул свободного предпринимательства, неотделимый от духа наживы, культ частной собственности, неотделимый от культа силы, облеченные в демагогическую доктрину «предначертания судьбы» (для Америки) нести миру самые высокие ценности и самый совершенный порядок, - все это вместе определило отношение официальных Соединенных Штатов и части американского общества к коренному населению, которое было выражено в знаменитой фразе генерала-палача Шеридана: «Хороший индеец - только мертвый индеец».

С самого начала основания колоний в Северной Америке европейцы повели истребительную войну против хозяев страны, чтобы отобрать их земли. За двенадцать лет после появления колонии в устье реки Джеймс в 1607 г. англичане покрыли своими плантациями долину реки на сто километров вверх по течению и за эти же годы почти полностью истребили индейские племена Вирджинии. Затем войну с индейцами повели колонисты Массачусетса, Плимута, Коннектикута, Нью-Гемпшира. В 1676 г. так называемой «войной короля Филиппа» завершился разгром индейских племен Северо-Востока. В первой половине XVIII в. уже все прибрежные племена были разгромлены, физически истреблены или отброшены в глубь страны. Свободу удавалось некоторое время сохранять только сильному союзу ирокезских племен, который был также разгромлен американскими войсками под командой генерала Кларка в 1783 г. После этого вся территория к северо-востоку от реки Огайо была «очищена» для колонизации.

В начале XIX в. на территории Среднего Запада генерал Эндрю Джексон (будущий президент США) с бесчеловечной жестокостью подавил восстание чироковских племен во главе с вождом Текумзе. Теперь уже были разбиты и сломлены все индейские племена, жившие до Миссисипи. С 1825 г. федеральное правительство установило порядок заключения договоров с индейцами о переселении их на запад от Великой реки. С непокорными расправлялись, и после окончания в 1842 г. войны с семинолами во Флориде

вся территория США к востоку от Миссисипи была «свободной» от индейцев, за исключением крошечных поселений.

После Гражданской войны 1861-1865 гг., в которую как на стороне Севера, так и Юга была втянута часть племен, истребление индейцев продолжалось. Одной из непосредственных причин индейских восстаний в 60-70-е годы явилось бурное железнодорожное строительство, проходившее на индейских землях. В 1867 г. конгресс США принял закон о выделении для индейцев специальной Индейской территории или резерваций. Это была так называемая «мирная» политика президента Гранта. Но попытки загнать индейские племена в резервации вызвали упорное сопротивление, в том числе многолетнюю войну с апачами в ущельях Скалистых гор. И наконец, в 80-е годы разразилась последняя война с племенами сиу в Дакоте, закончившаяся в декабре 1890 г. трагедией у Вундед-Ни.

За счет захвата земель коренного населения территория США увеличилась с XVIII и до конца XIX в. в восемь раз. Индейские земли, отобранные обманом или силой, превращались в средство наживы и спекуляции. В 1836 г. сенат США утвердил пакт, по которому племя чироков уступило государству 8 млн. акров земли по цене 50 центов за акр. Вскоре участки этой же земли продавались спекулянтами под золотодобычу по цене 30 тыс. долларов за акр!

Самое отвратительное, что даже сами карательные походы для истребления индейцев превратились в источник доходов. В книге Ди Брауна приводятся потрясающие факты организации регулярными войсками облав и расправ только для того, чтобы оправдать дополнительные финансовые ассигнования на создание воинских подразделений для борьбы с индейцами, обеспечить местным дельцам доходы от поставок оружия, продовольствия и от прочих услуг карателям.

В современной американской литературе довольно часто можно встретить упоминания о десятках миллионов долларов, в которые обошлись правительству США и налогоплательщикам кампании по замирению восставших индейцев. Но разве могут эти суммы идти в какое-либо сравнение с теми, которые были получены США, если бы можно было измерить все те преимущества и возможности, которые получила американская республика, ограбив и в значительной мере уничтожив подлинных хозяев огромной и богатой территории? Мы не склонны к огульному обвинению всех белых американцев в геноциде по отношению к индейцам. Так можно невольно скатиться на точку зрения, которую высказывают отдельные националистически настроенные представители современного индейского движения, отвергая «власть белых» в пользу «власти краснокожих». В оценке этого явления необходим классовый подход. Среди белых колонистов, в том числе и тех, кто осваивал американский Запад, было много простых тружеников, которых также жестоко эксплуатировал господствующий класс. Среди граждан США было много честных людей разных сословий, которые осуждали политику геноцида, боролись против нее и искренне стремились помочь индейцам преодолеть обрушившиеся на них беды. Точно так же, кстати, в XIX в. уже не было столь социально однородным и индейское общество. Среди племенной верхушки были богатые индейцы - владельцы многочисленных табунов, десятков просторных типи и гаремов, а были и отчаянные бедняки, не имевшие даже лошади.

Книга Ди Брауна не специальное научное исследование, и этот вопрос в ней автором фактически не затрагивается, но хотелось бы сделать один, на наш взгляд, принципиально важный вывод. Трагедия американских индейцев не в том, что пути истории столкнули вместе представителей двух рас, две цивилизации и культуры и одной, менее развитой во всех отношениях стороне пришлось отступить. Такого рода построение антиисторично, а значит - неверно. Человечество знает много примеров, когда в пределах одной территории, государства оказывались народы, стоящие на самых разных стадиях общественного развития, имеющие самый разный физический и культурный облик. В XIX в. и в начале XX в., когда в бывшей царской России произошла социалистическая революция, на территории

нашей страны, особенно в районах Средней Азии, Казахстана, Сибири, проживали народы, находившиеся примерно на тех же стадиях родоплеменного или раннеклассового общества, что и американские индейцы XIX в. Благоприятные социальные условия, созданные социализмом, в исторически короткие сроки подняли эти народы до вершин современной цивилизации, сохранив и развив их уникальную культуру и национальное достоинство. Значит, некогда отставшие в своем развитии народы нельзя называть «неисторическими», «тупиковой» ветвью в истории человеческого общества. Значит, в самой капиталистической системе, в дегуманизированных ценностях буржуазного общества лежит главный источник трагедии коренных жителей Америки. С самого начала утверждения капитализма в стране «предначертания судьбы» аборигенам не оказалось места и не было дано права на жизнь, а те, кто все же выжил, составляют сегодня в самой развитой и богатой стране капиталистического мира самую угнетаемую и обездоленную часть населения.

Когда на берега Северной Америки ступила нога европейца, численность аборигенного населения на территории будущих Соединенных Штатов составляла от одного до трех миллионов человек. Болезни, жестокая эксплуатация и физическое истребление привели к тому, что к началу XX в. индейцев в США оставалось около двухсот тысяч. Десятки некогда могущественных и известных племен целиком вымерли. После трагедии у Вундед-Ни 29 декабря 1890 г., когда солдаты американской армии уничтожили около трехсот безоружных индейцев, коренное население было загнано в резервации. Эти резервации занимали лишь два процента от всей территории государства. Причем два процента самых непригодных земель в юго-западных штатах - Оклахома, Аризона, Калифорния, Южная Дакота, Нью-Мексико.

Этим историческим рубежом и заканчивается повествование Ди Брауна. Но после трагедии Вундед-Ни прошло уже почти сто лет, и многое изменилось в судьбах коренных американцев. Во-первых, благодаря довольно быстрому росту индейского населения в последние десятилетия процесс вымирания индейцев прекратился. Сейчас в США, согласно официальным данным, проживает 850 тыс. индейцев. Примерно столько же, а может быть, и больше американцев-метисов, то есть смешанного происхождения, от браков индейцев с белыми. Значительная часть индейцев продолжает жить на территории резерваций. Около половины всех индейцев проживает в городах, особенно много их в Чикаго, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Сиэтле. Среди современных индейцев встречаются образованные люди - ученые, писатели, юристы, учителя, артисты и художники, - есть бизнесмены и государственные деятели. Индейцы имеют свои массовые организации, культурные центры, издают газеты и журналы.

Но многое осталось и неизменным, как неизменна социальная природа капиталистического общества. Коренные жители в своей массе остаются по всем показателям (продолжительность жизни, уровень доходов, жилищные условия, образование, квалификация) на нижних ступенях социальной лестницы. Это люди, занимающиеся главным образом физическим трудом, подсобными работами и обслуживанием, а значительная их часть вообще не имеет никакой работы. Безработица среди некоторых индейских общин колеблется от 30 до 70 процентов. Урожайность индейских земель едва достигает половины обычной урожайности в стране. Каждые два из трех домов не соответствуют элементарным жилищным стандартам. Свыше 75 процентов индейцев недоедают и нищенствуют. Каждый третий индейский ребенок умирает, не прожив и полугодя. Средняя продолжительность жизни коренных американцев - чуть более 40 лет. Приходят в упадок или бессовестно эксплуатируются в целях рекламы и наживы традиции, обычаи и культура индейцев.

Но самая большая беда современных индейцев - это то, что жалкие остатки резервационных земель не дают покоя американскому капиталу. В условиях энергетического кризиса и огромной потребности империалистической экономики в природных ресурсах индейские земли США представляют предмет вожделения монополий. Здесь сейчас находится около 30

процентов запасов угля, 90 процентов запасов урана, 50 процентов энергетических ресурсов страны. Хищническая эксплуатация этих земель уже осуществляется монополиями в широких масштабах. Это еще больше разоряет индейцев, лишая их охотничьих угодий, мест рыболовства, ведет к загрязнению окружающей среды.

Так, например, район Блэк-Хилс на границе штатов Аризона и Нью-Мексико, где сейчас живут племена навахо и хоупи, стал вотчиной угольных и урановых монополий. Хотя предки современных индейцев подписали с властями договор, по которому их же земли отдавались им «до тех пор, пока будет расти трава и будут течь реки», только за последние годы с родной земли было согнано более 8 тыс. индейцев. Многие индейцы вынуждены за мизерную плату работать на урановых рудниках. В 1977 г. компания «Пибоди коул» обманным путем отторгла у навахов еще 65 тыс. акров земли. Как и сто лет назад, был составлен фиктивный договор, который подписали несколько сговорчивых вождей, но многие жители, в том числе района Блэк-Хилс, о договоре ничего и не слыхали. Не было ничего сказано об отторжении больших районов вдоль реки Колорадо и о возможном заражении смертоносными отходами окружающих рек и озер.

Крупнейшие корпорации совместно с властями пытаются осуществить планы так называемой политики «терминации», то есть окончательного уничтожения индейских резерваций и ликвидации каких-либо особых прав индейцев, которые фиксировались в многочисленных договорах и законодательных актах в прошлом и, как мы знаем, никогда честно не соблюдались.

После прихода к власти администрации президента Рейгана Белый дом продолжил политику циничного попрания элементарных человеческих прав коренных жителей. Установки так называемого «нового федерализма» предусматривают сокращение всех социальных программ, закрытие 44 индейских школ и 35 больниц, аннулирование всех договорных прав индейцев.

Администрация объявила о поддержке законопроекта, запрещающего индейцам обращаться в суды с требованием возврата своих земель. «Правление Р. Рейгана - это тень генерала Кастера, когда-то безжалостно уничтожавшего мирные индейские поселения», - заявил один из руководителей индейцев в резервации недалеко от Санта-Фе, Роберт Молино.

Терпение и смирение имеют свои пределы. В последние пятнадцать лет в США началось возрождение активной борьбы индейцев за свои права, против расизма и дискриминации. Всему миру стали известны мужественные акции американских индейцев за возврат своих земель, за национальное самоопределение. В 1969 г. это было занятие индейцами пустующей тюрьмы на острове Алькатрас в заливе Сан-Франциско как символическая компенсация за отнятые у них территории. В 1972 г. это был поход «тропой нарушенных договоров в поисках справедливости», который закончился в Вашингтоне. Весной 1973 г. вся Америка снова услышала о Вундед-Ни. В этом маленьком поселке на территории все той же резервации Пайн-Ридж доведенные до отчаяния индейцы оглала-сиу взяли за оружие в целях самообороны. Восстание было подавлено, а его руководители - деятели прогрессивной организации «Движение американских индейцев» - преданы суду, подвергнуты пыткам и истязаниям, а многие предательски убиты.

Однако сломить индейское сопротивление не удастся. Вот только некоторые из самых последних сообщений из США. Летом 1982 г. индейцы навахо объявили занимаемые ими земли в границах Блэк-Хилс «независимым индейским государством», но буржуазные средства массовой информации замолчали это событие, а власти отнеслись надменно-равнодушно. 20-25 сентября 1982 г. в Дэвисе (Калифорния) состоялось заседание Первого международного трибунала американских индейцев, в котором приняли участие представители ста пятидесяти американских племен и индейских организаций не только США и Канады, но и Гватемалы, Никарагуа, Сальвадора, Чили, Перу. Этот трибунал, опираясь на нормы международного права, заложенные еще в ходе Нюрнбергского

судебного процесса над фашистскими преступниками, судил от имени аборигенных народов всего мира Соединенные Штаты Америки. В обвинительном заключении говорится: «Политика геноцида со стороны Соединенных Штатов по отношению к индейским народам Северной Америки продолжается и по сегодняшний день. Масштабы этой политики настолько расширились, что США уже участвуют и оказывают содействие в угнетении и уничтожении коренных народов по всему миру... США регулярно поставляют самое современное оружие в страны Центральной и Южной Америки, Африки, Среднего и Дальнего Востока, где у власти стоят диктаторские режимы... Военная политика США при Рейгане - это политика гонки вооружений и создания все более смертоносных видов оружия, которое продается по всему свету, особенно в страны «третьего мира», где у власти стоят военные диктатуры и где коренные народы живут в нищете, голодают, нуждаются в жилье, медицинской помощи и образовании. Трибунал осуждает эту политику геноцида».

В своей борьбе американские индейцы все чаще обращаются к мировому общественному мнению, шлют петиции и выступают в международных организациях, в том числе с трибуны ООН. Они хотят, чтобы народы мира знали об их страданиях, долгой и упорной борьбе против угнетения и дискриминации и об их решимости бороться за право жить по собственным законам, бороться за это, «пока растет трава и текут реки». Предлагаемая советскому читателю книга Ди Брауна «Схороните мое сердце у Вундед-Ни» поможет лучше понять трагическую судьбу американских индейцев, исторические истоки их борьбы в современной Америке.

В. А. Тишков

Из любой другой могилы я, восстав, уйду.
Схороните мое сердце здесь, у Вундед-Ни.

С. В. Бене

Со времени исследовательского путешествия Льюиса и Кларка к побережью Тихого океана в начале XIX в. число опубликованных работ, описывающих «открытие» американского Запада, возросло до нескольких тысяч. Записанные факты и наблюдения главным образом относятся к тридцатилетию между 1860 и 1890 гг. - периоду, который рассматривается в этой книге. То была удивительная эпоха, отмеченная насилием и алчностью, отвагой и сентиментальностью, беспечностью в использовании природных богатств и почти благоговейным отношением к идеалам личной свободы тех, кто уже обладал ею.

В течение этого времени культура и цивилизация американских индейцев были уничтожены, и от этого времени ведут свое начало, в сущности, все великие мифы об американском Западе - истории о торговцах мехами, обитателях гор, лоцманах речных пароходов, золотоискателях, игроках, бандитах, кавалеристах, ковбоях, проститутках, миссионерах, сельских учительницах и первых фермерах. Лишь изредка среди голосов рассказчиков слышен голос индейца, и к тому же он чаще всего записан пером белого человека. Индеец был воплощением мрачной опасности в этих мифах, и, даже умей он писать, какой издатель стал бы его печатать?

И все же не все они утрачены, эти голоса индейцев минувшего. Несколько подлинных рассказов из истории американского Запада записано самими индейцами либо в виде пиктограмм, либо в переводе на английский язык, а некоторые из них даже опубликованы в малоизвестных журналах, брошюрах и книгах, изданных небольшими тиражами. В конце XIX в., когда белые люди стали проявлять крайнее любопытство к жизни индейцев, уцелевших во время войн, предприимчивые газетные репортеры часто интервьюировали воинов и вождей, давая им возможность выразить свое мнение о том, что произошло на Западе. Эти интервью были весьма различны по своим достоинствам, что зависело от способностей переводчика или от склонности индейцев к откровенным высказываниям. Одни боялись наказания за высказанную правду, другим доставляло удовольствие морочить голову репортерам невероятными и бессмысленно длинными историями, забавлявшими главным образом рассказчика. Так что к высказываниям индейцев, опубликованным в газетах того времени, следует относиться скептически, хотя иные из них являют собой шедевры иронии, а другие обжигают вспышками поэтической ярости.

Одним из богатейших источников прямых высказываний индейцев являются протоколы, которые велись при обсуждении договоров и во время других официальных встреч с гражданскими и военными представителями правительства Соединенных Штатов. Во второй половине XIX в. стала популярной новая система стенографии Исаака Питмана, и, когда индейцы говорили на советах, рядом с официальным переводчиком сидел стенографист.

Даже когда такие встречи происходили в глухих районах Запада, обычно находился кто-нибудь, кто мог записать речи, а благодаря медленной процедуре перевода большую часть сказанного удавалось записать даже обычным письмом. Переводчиками довольно часто были метисы, они знали разговорный язык, но редко умели читать и писать. Как большинство людей, не имеющих письменности, они должны были полагаться на образные представления в выражении своих мыслей, потому и в английских переводах так много живописных сравнений и метафор из мира природы. Если у красноречивого индейца был

плохой переводчик, его слова могли превратиться в вялую прозу, однако у хорошего переводчика и бедная речь звучала поэтически.

На советах с белыми чиновниками представители индейцев в большинстве своем высказывались свободно и искренне, а в 70-х и 80-х годах, став более искусственными в таких делах, они потребовали права самим выбирать себе переводчиков и протоколистов. В этот более поздний период все члены племени были вольны высказываться, и многие из тех, кто был старше годами, воспользовались возможностью рассказать о том, чему они были свидетелями, или сделать выводы из истории своего народа. Хотя индейцы, жившие в этот роковой период своей цивилизации, давно исчезли с лица земли, официальные отчеты сохранили тысячи сказанных ими слов. Много протоколов наиболее важных совещаний опубликовано в правительственных документах и отчетах.

Используя все эти источники почти забытой устной истории, я попытался рассказать о завоевании американского Запада, исходя из опыта его жертв и по возможности их собственными словами. Американцам, которые, читая об этом периоде, привыкли смотреть на запад, придется прочесть эту книгу, обратившись лицом к востоку.

Это невеселая книга, но истории присуще вторгаться в настоящее, и, возможно, читатели этой книги лучше поймут, что ныне представляет собой американский индеец, узнав о его прошлом. Возможно, они удивятся, услышав спокойные, рассудительные речи из уст индейцев, стереотипом которых в американском мифе был жестокий дикарь. Возможно, они узнают кое-что и о своем родстве с землей от народа, который был ее подлинным хранителем. Индейцы знали, что жизнь прямо зависит от земли и ее ресурсов, что Америка - рай, и они не могли уразуметь, почему вторгшиеся с востока люди полны решимости уничтожить не только все индейское в Америке, но и саму Америку.

И если читателям этой книги доведется когда-нибудь увидеть безысходную нищету и убожество современной индейской резервации, возможно, они смогут понять их подлинные причины.

Урбана, Иллинойс
Апрель 1970
Ди Браун

I. «ИХ ПРАВЫ ПРИСТОЙНЫ И ЗАСЛУЖИВАЮТ ПОХВАЛЫ»

Где ныне пекоты? Где наррагансеты, могикане, поканокеты и множество других могучих племен нашего народа? Их поглотили алчность и гнет белого человека, как поглощают снег лучи летнего солнца. Дадим ли мы в свой черед уничтожить себя без борьбы, покинув наши дома, страну, завещанную нам Великим Духом, могилы наших предков и все, что нам дорого и священо? Знаю, вы воскликните вместе со мной: «Нет, никогда!»

Текумзе, из шауни

Так повелось с Христофора Колумба, назвавшего этот народ индейцами. Европейцы, белые люди, говорили на разных наречиях и по-разному произносили это слово (Indien, Indianer, Indian). Кличка краснокожие появилась позже. По обычаям гостеприимства, принятым у этого народа, индейцы племени таино с острова Сан-Сальвадор щедро одарили Колумба и его людей, встретив их с почетом.

«Эти люди столь послушны, столь миролюбивы, - писал Колумб королю и королеве Испании, - я мог бы поклясться Вашим Величествам, что нет на свете лучше народа. Каждый из них любит ближнего, как себя самого. Их речь всегда приятна и спокойна, с приветливой улыбкой, и, хотя это верно, что они наги, их нравы пристойны и заслуживают похвалы».

Все это, конечно, воспринималось, как признак слабости, если не язычества, и Колумб, будучи добродетельным европейцем, был убежден, что этот народ следует «заставить работать, сеять хлеб, делать все, что положено, а также перенять наши обычаи». В течение следующих четырех столетий (1492-1890) несколько миллионов европейцев и их потомков пытались навязать свои обычаи народу Нового Света.

Колумб похитил десять человек из числа своих гостеприимных хозяев таинов и доставил их в Испанию, где они могли познакомиться с обычаями белого человека. Один из них умер вскоре после прибытия, однако его успели до этого обратить в христианство. Испанцы были так довольны, предоставив возможность первому индейцу попасть на небеса, что поспешили распространить эту добрую весть среди всех индейцев западного полушария.

Таины и араваки не противились обращению в религию европейцев, но оказали решительное сопротивление, когда орды бородатых чужеземцев стали обшаривать их острова в поисках золота и драгоценных камней. Испанцы грабили и жгли селенья, они похитили сотни мужчин, женщин и детей, чтобы отправить их на кораблях в Европу и продать в рабство. Сопротивление араваков привело к тому, что пошли в дело ружья и сабли, и менее чем за десятилетие с того момента, как Колумб ступил на побережье Сан-Сальвадора 12 октября 1492 г., целые племена были истреблены - сотни тысяч людей.

Связь между племенами Нового Света осуществлялась медленно, и вести о варварствах европейцев редко опережали быстрое продвижение завоевателей и основание новых поселений. Однако задолго до того, как говорившие на английском языке белые люди достигли в 1607 г. Вирджинии, до поухатанов дошли слухи о тех методах, которыми испанцы приобщают индейцев к цивилизации. Англичане использовали более искусные приемы. Стремясь обеспечить достаточно длительный мир, чтобы основать поселение вблизи Джемстауна, они увенчали золотой короной Ухонсонокока, даровав ему титул короля поухатанов, и убедили его заставить свой народ кормить белых поселенцев. Ухонсонокок колебался, не зная, кому остаться верным - своим непокорным подданным или англичанам, но, после того как Джон Рольф женился на его дочери Покахонтас, очевидно, решил, что он в большей мере англичанин, нежели индеец. После смерти Ухонсонокока поухатаны восстали, чтобы отомстить англичанам и загнать их обратно в море, откуда те

пришли, но индейцы недооценили силы английского оружия. За короткое время из восьми тысяч поухатанов осталось в живых менее тысячи.

В Массачусетсе история началась несколько иначе, однако окончилась фактически так же. После того как англичане высадились в Плимуте в 1620 г., большинство их умерло бы голодной смертью, если бы им не помогли дружелюбные обитатели Нового Света. Индеец из племени пимов по имени Самосет и трое индейцев вампаноа по имени Массасойт, Скуанто и Хобомах стали добровольными миссионерами среди колонистов. Все четверо немного говорили по-английски, научившись у путешественников, достигавших побережья в прежние годы. Скуанто был похищен английским моряком и продан им в рабство в Испании, однако бежал с помощью другого англичанина и в конце концов сумел вернуться домой. Он и другие индейцы относились к плимутским колонистам, как к беспомощным детям. Они поделились с ними зерном из запасов племени, показали им, где и как ловить рыбу, благодаря чему англичане выжили в первую зиму. Когда пришла весна, индейцы дали белым людям немного зерна маиса и показали им, как его сеять и выращивать.

В течение нескольких лет англичане и их индейские соседи жили в мире, но все больше кораблей с белыми людьми подходило к берегу. Стук топоров и треск падающих деревьев отдавались эхом то тут, то там на берегах земли, которую белые теперь называли Новой Англией. Поселения теснили одно другое. В 1625 г. несколько колонистов попросили Самосета дать им еще 12 тыс. акров земли пимов. Самосет знал, что земля создана Великим Духом, что она бесконечна, как небо, и не принадлежит никому из людей. Однако, потакая иноземцам в их странных обычаях, он принял участие в церемонии передачи земли и поставил свой знак на бумаге. Это был первый акт передачи индейской земли английским колонистам.

Большинство прочих поселенцев, прибывавших теперь тысячами, не затрудняли себя подобными формальностями. Ко времени смерти Массасойта, великого вождя племени вампаноа, в 1662 г. его народ уже был оттеснен на необжитые земли. Его сын Метаком предвидел, что ждет всех индейцев, если они не объединятся для сопротивления захватчикам. Хотя поселенцы Новой Англии старались польстить Метакому, провозгласив его королем Филиппом Поканокетом, он посвятил почти всю свою жизнь созданию союза с наррагансетами и другими племенами этого края

В 1675 г., после нескольких дерзких акций, предпринятых колонистами, король Филипп поднял против них созданный им союз индейских племен, чтобы спасти последних от вымирания. Индейцы атаковали пятьдесят два поселения, полностью уничтожив двенадцать из них, но после нескольких месяцев борьбы, вампаноа и наррагансеты были практически истреблены огнестрельной мощью колонистов. Король Филипп был убит, а голова его на двадцать лет была выставлена для публичного обозрения. Вместе с другими взятыми в плен индейскими женщинами и детьми его жена и малолетний сын были проданы в рабство на острова Вест-Индии.

Когда голландцы прибыли на остров Манхэттен, Питер Минюи приобрел его за 60 гульденов - стоимость рыболовных крючков и стеклянных бус, но убедил индейцев остаться на острове и продолжать поставлять ценные меха в обмен на подобного рода безделушки. В 1641 г. Виллем Кифт обложил данью могикан и послал солдат на остров Статен, наказать раританов за поступки, совершенные не ими, а белыми поселенцами. Индейцы оказали сопротивление, и солдаты убили четырех из них. Когда же индейцы в отместку убили четырех голландцев, Кифт приказал вырезать целиком два индейских поселка, в то время как их обитатели спали. Голландские солдаты пронзали штыками мужчин, женщин и детей, разрубали их тела на части, а затем подожгли селенья, сровняв их с землей.

Эти инциденты повторялись снова и снова в течение более двух веков, по мере того как колонисты продвигались в глубь материка по ущельям Аллеганов - вниз по течению

стремящихся на запад рек - к Великим Водам (Миссисипи) и затем вверх по Великой Грязи (Миссури).

Пять ирокезских племен, наиболее могущественных и развитых среди восточных племен, напрасно искали мира. После многолетней кровопролитной борьбы за свою политическую независимость они в конце концов потерпели поражение. Часть их ушла в Канаду, часть бежала на Запад, а часть доживала свой век в резервациях.

В 60-х годах XVIII в. Понтиак из индейцев оттава объединил племена, обитавшие в стране Великих озер, надеясь отбросить англичан за Аллеганы, но потерпел неудачу. Его главной ошибкой был союз с франкоязычными белыми, которые отказали краснокожим в содействии во время решающей осады Детройта.

Позднее Текумзе, вождь племени шауни, создал великий союз средне западных и южных племен, чтобы предохранить их земли от вторжения. Этой мечте пришел конец с гибелью Текумзе в одной из битв во время войны 1812 г.

С 1795 по 1840 г. индейцы майами давали сражение за сражением и подписывали договор за договором, уступая плодородные земли долины Огайо до тех пор, пока стало нечего уступать.

Когда после войны 1812 г белые поселенцы устремились на земли Иллинойса, племя саук и фокс бежало на другой берег Миссисипи. Один из младших вождей, Черный Сокол, отказался отступить. Он заключил союз с племенами виннебаго, потаватоми и кикапу и объявил войну белым поселенцам. Виннебаги, получив от вождя белых солдат в качестве взятки двадцать лошадей и сто долларов, предали Черного Сокола, и в 1832 г. его удалось захватить. Его отправили на восток, где заключили в тюрьму и показывали любопытным. После его смерти в 1838 г. губернатор недавно созданной территории Айова приобрел скелет Черного Сокола и держал его в своей канцелярии.

В 1829 г Эндрю Джексон, прозванный индейцами Острый Нож, занял пост президента Соединенных Штатов. За время своей службы на границе Острый Нож со своими солдатами умертвил тысячи чироков, чикасапов, чоктавов, кри и семинолов, но эти южные индейцы были все еще многочисленны и упрямо держались за свои племенные земли, навечно закрепленные за ними в договорах с белыми людьми. В первом послании к конгрессу Острый Нож рекомендовал переместить всех этих индейцев на запад, за Миссисипи. «Я нахожу уместным выделить обширную область к западу от Миссисипи... гарантированную индейским племенам, пока они находятся на ней».

Хотя принятие этого закона было бы лишь новой строкой в длинном списке нарушенных обещаний, данных восточным индейцам, Острый Нож был убежден, что индейцы и белые не могут сосуществовать мирно и что его план открывает возможность для заключения окончательного договора, который никогда больше не будет нарушен. 28 мая 1830 г. рекомендации Острога Ножа стали законом.

Два года спустя он назначил специального уполномоченного по делам индейцев, который должен был состоять при военном министерстве и следить за тем, чтобы новые законы, касающиеся индейцев, должным образом соблюдались. Затем 30 июня 1834 г. конгресс принял закон о регулировании торговли и отношений с индейскими племенами и о сохранении мира на границах. Все земли Соединенных Штатов к западу от Миссисипи, «не входящие в пределы штатов Миссури, Луизиана и территории Арканзас», отныне должны были считаться индейскими землями. Ни один белый не мог торговать на индейской земле без лицензии. Никому из белых торговцев с дурной репутацией не позволялось находиться на индейской земле. Никому из белых не позволялось селиться на Индейской территории. Сила оружия Соединенных Штатов должна была применяться против любого белого, который будет замечен в нарушении положений этого закона.

Прежде чем эти постановления были проведены в жизнь, новая волна белых поселенцев хлынула на Запад, где были образованы территории Висконсин и Айова. Вследствие чего политикам из Вашингтона пришлось перенести «постоянную индейскую границу» с Миссисипи на 95-й меридиан. (Линия меридиана проходит от Лесного озера по теперешней границе Миннесоты с Канадой, далее на юг, пересекая нынешние штаты Миннесота и Айова, затем по западной границе штатов Миссури, Арканзас и Луизиана до залива Галвестон в Техасе.) Для удержания индейцев за 95-м меридианом и для предупреждения несанкционированного перехода через этот рубеж белых гарнизоны солдат были размещены в ряде военных постов - от форта Снеллинг на реке Миссисипи и до фортов Аткинсон и Ливенворт на реке Миссури, фортов Гибсон и Смит на реке Арканзас, форта Таусон на реке Ред-Ривер и форта Джизап в Луизиане.

Более трех веков минуло с тех пор, как Колумб высадился на Сан-Сальвадоре, и более двух веков - с тех пор, как английские колонисты появились в Вирджинии и Новой Англии. За это время дружелюбные тайны, приветствовавшие высадившегося Колумба, были полностью истреблены. Задолго до того как умер последний индеец тайно, местная культура примитивного земледелия и кустарного промысла была уничтожена в результате распространения хлопковых плантаций, обрабатываемых рабами. Белые колонисты вырубали тропические леса, чтобы увеличить свои участки; хлопок истощал почву; поля, не защищенные лесами, заносило песком. Впервые увидев остров, Колумб писал, что он «очень большой и очень плоский, его деревья очень зелены... и в целом остров такой зеленый, что любо глядеть». Следовавшие за ним европейцы уничтожили растительность острова и его обитателей - людей, животных, птиц и рыб - и, обратив остров в пустыню, покинули его.

На материке вампаноа Массасойта и короля Филиппа вместе с чезапиками, чикахомини и потомаками из великого поухатанского союза исчезли без следа. (Только о покахонтах еще помнят.) Были рассеяны по стране или остались в ничтожном числе пекоты, монтаны, нантикоки, махапунги, катавба, черавы, майами, гуроны, эри, могавки, сенеки и могикане. (Сохранились воспоминания лишь об унках.) Их благозвучные имена навсегда слились с американской землей, но останки их погребены под пеплом тысяч сожженных селений или затеряны в лесах, быстро исчезающих под топорами двадцати миллионов захватчиков. Когда-то чистые ручьи, у большинства которых были индейские названия, уже замутились илом и отходами; сама земля была опустошена и истощена. Индейцам казалось, что европейцы ненавидят саму природу - живые леса с их птицами и зверями, покрытые травой долины, воду, почву, сам воздух.

Десятилетие, последовавшее за учреждением «постоянной индейской границы», было тяжким временем для восточных племен. Великое племя чироков, уцелевшее после более чем ста лет непрерывных войн с белыми, несмотря на болезни и распространение виски, теперь тоже должно было исчезнуть. Поскольку чироков насчитывалось несколько тысяч, их перемещение на Запад предполагалось осуществить постепенно, однако после того, как в Аппалачах на территории чироков было обнаружено золото, стали раздаваться громкие требования их немедленного и поголовного изгнания. Осенью 1838 г. солдаты генерала Уинфилда Скотта окружили их и сосредоточили в лагерях. (Несколько сот человек спаслись бегством в горы Смоки, и через много лет им была выделена небольшая резервация в Северной Каролине.) Из лагерей, где чироки содержались под стражей, их отправили на Запад, на Индейскую территорию. Во время долгого зимнего перехода каждый четвертый индеец погиб от холода, голода или болезней. Чироки назвали этот переход «тропую слез». Чоктавы, чикасавы, кри и семинолы тоже покинули свои родные земли на юге. Сохранившиеся на севере остатки шауни, майами, оттавов, гуронов, делаваров и многих других когда-то могучих племен шли, ехали верхом или в фургонах на западный берег Миссисипи, захватив с собой свои жалкие пожитки, заржавленный сельскохозяйственный инвентарь и мешки семенного зерна. В стране гордых и свободных степных индейцев все они превратились в беженцев.

Едва беженцы обосновались в безопасности за линией «постоянной индейской границы», как солдаты начали двигаться на запад по индейской земле. Белые люди Соединенных Штатов - которые так много говорили о мире и так редко осуществляли его на практике - шли воевать с белыми людьми, одержавшими победу над индейцами Мексики. Когда в 1847 г. война с Мексикой закончилась, Соединенные Штаты завладели огромным пространством от Техаса до Калифорнии. Вся эта территория была расположена западнее «постоянной индейской границы».

В 1848 г. в Калифорнии нашли золото. В течение нескольких месяцев через Индейскую территорию прошли тысячи искателей счастья с востока. Индейцы, жившие и охотившиеся вблизи Санта-Фе и на территории Орегона, прежде лишь изредка видели вереницы фургонов с проезжавшими по лицензии торговцами, трапперами и миссионерами. Теперь внезапно тропы были забиты фургонами, а фургоны - белыми людьми. Большинство из них направлялось за калифорнийским золотом, но некоторые сворачивали на юг, в сторону Нью-Мексико, или на северо-запад, к землям Орегона.

Чтобы оправдать все эти нарушения закона о «постоянной индейской границе», политики из Вашингтона изобрели теорию «предначертания судьбы» для придания возвышенности рассуждениям о захвате земель. Европейцам и их потомкам предначертано якобы самой судьбой господствовать во всей Америке. Они - господствующая раса и потому несут ответственность не только за индейцев, но и за их земли, леса и минеральные ресурсы. Только жители Новой Англии, которые истребили или изгнали всех своих индейцев, высказались против теории «предначертания судьбы».

В 1850 г. без ведома модоков, могавков, пайютов, шаста, юма и многих других менее известных племен Тихоокеанского побережья Калифорния была объявлена 31-м штатом Союза. В горах Колорадо было найдено золото, и толпы старателей ринулись туда через Великие равнины. Были образованы две новые огромные территории, Канзас и Небраска, охватившие практически все земли степных племен. В 1858 г. Миннесота стала штатом; его границы протянулись на сотни миль западнее 95-го меридиана, этой «постоянной индейской границы».

Итак, всего лишь четверть века спустя после принятия закона Острого Ножа - Эндрю Джексона о торговле и отношениях с индейцами белые поселенцы перешли 95-й меридиан на юге и на севере, а передовые группы рудокопов и торговцев проникли в центральные районы Индейской территории.

Затем, в начале 60-х годов XIX в., белые люди Соединенных Штатов пошли войной друг на друга - «синие мундиры» против «серых».

Началась великая Гражданская война В 1860 г. в Соединенных Штатах и на территориях насчитывалось примерно 300 тыс. индейцев, большинство которых обитало к западу от Миссисипи. Согласно различным оценкам, со времени прибытия первых поселенцев в Вирджинию и Новую Англию число индейцев уменьшилось наполовину или на две трети. Оставшиеся в живых индейцы были теперь зажаты между двумя группами быстро растущего белого населения на востоке и вдоль побережья Тихого океана - в целом более 30 млн. бывших европейцев и их потомков. Если оставшиеся свободными племена полагали, что Гражданская война между белыми несколько ослабит их натиск на индейские земли, то им пришлось вскоре разочароваться.

Самым многочисленным и сильным из западных племен было племя сиу, или дакота, которое объединяло несколько более мелких кланов. Санти-сиу жили в лесах Миннесоты и в течение нескольких лет отступали перед надвигавшимися поселениями белых. Вороненок, вождь мдевкантон-сиу, объехав города восточных штатов, убедился в том, что мощи Соединенных Штатов невозможно противостоять. Он неохотно пытался вести свое племя тропой белого человека. Вабаша, другой вождь санти, также смирился с неизбежным,

однако оба - и он и Вороненок - решительно противились любым дальнейшим уступкам индейской земли.

Западнее, на Великих равнинах, обитали тетон-сиу, эти индейцы-кочевники были совершенно свободны. Они немного презирали своих родичей, лесных санти, капитулировавших перед поселенцами. Наиболее многочисленным и способным защищать свою территорию было племя оглала-тетон. К началу Гражданской войны между белыми это племя возглавлял знаменитый тридцатитрехлетний воин и вождь по имени Красное Облако. Бешеный Конь, умный и бесстрашный подросток, из оглалов, был еще слишком молод, чтобы стать воином.

Среди хункпапов, небольшого клана тетон-сиу, один юноша двадцати с лишним лет уже завоевал славу охотника и воина. На советах племени он выступал за непреклонное сопротивление любому вторжению белых. Это был Татанка Йотанка, Сидящий Бык. Он воспитывал осиротевшего мальчика по имени Ссадина. Через шестнадцать лет, в 1876 г., вместе с Бешеным Конем из оглалов они войдут в историю.

Хотя ему еще не исполнилось сорока лет, Пятнистый Хвост был уже выдающимся вождем клана брюль-тетонов, обитавших на самой западной окраине Равнин. Пятнистый Хвост был красивым улыбчивым индейцем, охотником до пышных празднеств и женщин. Он любил свой образ жизни и свою землю, однако был склонен к компромиссам во избежание войны.

С племенем тетон-сиу были тесно связаны шайены. В старину шайены жили в Миннесоте, на землях санти-сиу, но постепенно они стали продвигаться на запад и завели лошадей. Теперь северные шайены делили земли вдоль рек Паудер и Биг-Хорн с племенем сиу и часто устраивали свои стоянки неподалеку от них. Сорокалетний Тупой Нож был знаменитым вождем северной ветви этого племени.

(Среди своего народа Тупой Нож был известен под именем Утренняя Звезда, но индейцы сиу называли его Тупой Нож, и в новейших публикациях используется это имя).

Южные шайены медленно перемещались по землям к югу от реки Платт, устраивая свои селенья на равнинах Колорадо и Канзаса.

Черный Котел из южной ветви этого племени в молодости был великим воином. В преклонном возрасте он был признан вождем, однако молодые люди и Хотамитанеос (Собаки) из южных шайенов были более склонны следовать за такими вождями, как Высокий Бизон и Римский Нос, которые были в расцвете сил.

Индейцы арапахо издавна были союзниками шайенов и жили в тех же краях. Часть из них осталась с северной группой шайенов, часть последовала за южной. Сорокалетний Черный Ворон был в это время наиболее известным их вождем.

На южных пастбищах бизонов в долинах Канзаса и Небраски обитали индейцы племени кайова. Некоторые старики среди кайовов еще помнили горы Блэк-Хилс, откуда племя было вытеснено на юг объединенными силами сиу, шайенов и арапахов. К 1860 г. индейцы кайова заключили мир с племенами северных степей и стали союзниками команчей, в южные степи которых они вступили. У индейцев кайова было несколько великих вождей: престарелый вождь Сатанк, два энергичных тридцатилетних воина Сатанта и Одинокый Волк, а также умный политик Птица, Бьющая Ногой.

У команчей, постоянно передвигавшихся и разбитых на множество мелких групп, не было таких руководителей, как у их союзников. Десять Медведей был очень стар и был скорее поэтом, чем военным вождем. В 1860 г. метису Гуанаху Паркеру, возглавившему далее команчей в их последней великой борьбе за сохранение пастбищ бизонов, не было еще и двадцати лет.

На безводном юго-западе жили апачи, ветераны двухсотпятидесятилетней партизанской войны с испанцами. Последние научили их утонченным методам пыток и

членовредительства, но так и не сумели покорить. Хотя их было мало - пожалуй, не более шести тысяч человек, разбитых на несколько групп, - они пользовались репутацией упорных защитников своей суровой и безжалостной земли. Мангас Колорадо, которому было далеко за шестьдесят, подписал с Соединенными Штатами дружественное соглашение, но уже разочаровался из-за притока старателей и солдат на его земли. Его зять Кочиз все еще верил, что сможет поладить с белыми американцами. Викторιο и Делшай не доверяли белым захватчикам и обходили их стороной. Нана, пятидесятилетний, но крепкий, как сыромятный ремень, считал, что говорящие на английском языке белые ничем не отличаются от говорящих на испанском мексиканцев, с которыми он сражался всю свою жизнь. Двадцатилетний Джеронимо еще ничем не проявил себя.

Навахи были связаны родством с апачами, но большинство навахов пошли тропой белых испанцев - стали разводить овец и коз, сеять маис и выращивать плоды. Некоторые группы племени, занимавшиеся скотоводством и ткачеством, разбогатели. Остальные навахи продолжали кочевать, совершая набеги на своих старых врагов - пуэбло, на белых поселенцев и на своих состоятельных соплеменников. Мануэлито, рослый, усатый скотовод, был избран верховным вождем на выборах, проведенных навахами в 1855 г. В 1859 г., когда несколько буйных навахов напали на граждан Соединенных Штатов на земле последних, армия США, вместо того чтобы покарать виновных, уничтожила в отместку хоганы (Хоганы - крытые землей жилища индейцев навахо - Прим перев.) и перестреляла весь скот, принадлежавший Мануэлито и членам его группы. К 1860 г. Мануэлито и несколько его сторонников-навахов начали необъявленную войну с Соединенными Штатами на севере Нью-Мексико и Аризоны.

В северных районах Скалистых гор, на земле апачей и навахов, жили юты - воинственное горное племя, имевшее обыкновение совершать набеги на своих более мирных южных соседей. Урай, их наиболее известный вождь, так стремился к миру с белыми людьми, что поставлял им наемников для борьбы с индейцами других племен.

Далеко на Западе большинство племен были слишком малочисленны, раздроблены или слабы, чтобы оказывать какое-либо серьезное сопротивление. Модокки из северной Калифорнии и южного Орегона, числом менее тысячи человек, защищали свои земли партизанскими методами. Кинтпуаш, которого жители Калифорнии называли Капитаном Джеком, в 1860 г. был еще юношей; испытания, через которые ему предстояло пройти, став вождем, ожидали его через двенадцать лет.

Индейцы неперсе (к северу от модоков) жили с белыми в мире с тех самых пор, как в 1805 г. Льюис и Кларк прошли через их земли. В 1855 г. индейцы одного из кланов племени уступили свои земли Соединенным Штатам под поселения и согласились жить в пределах большой резервации. Другие группы племени продолжали скитаться между горами Блу-Маунтинс в Орегоне и горами Биттеррут в Айдахо. Поскольку земли на северо-западе было много, индейцы неперсе полагали, что ее всегда будет вдоволь и для белых людей, и для индейцев. Хейнмоту Туялакету, позже известному как Вождь Джозеф, в 1877 г. предстояло сделать роковой выбор между миром и войной. В 1860 г. ему было двадцать лет, он был сыном вождя. В Неваде, стране пайютов, будущему мессии по имени Вовока, оказавшему впоследствии недолгое, но сильное влияние на индейцев Запада, в 1860 г. было всего четыре года.

В течение последующих тридцати лет этим и многим другим вождям предстояло войти в историю, стать легендой. Их имена должны были стать не менее известными, чем имена тех, кто пытался их уничтожить. Большинству из них - и старым и молодым - предстояло погибнуть задолго до того знаменитого дня, когда в декабре 1890 г. под Вундед-Ни пришел конец свободе индейцев. Теперь, спустя сто лет, в век, не знающий героев, они, возможно, превосходят своим героизмом всех американцев.

II. ДЛИННАЯ ТРОПА НАВАХОВ

Когда были живы наши отцы, до них дошел слух о том, что американцы переходят Великую реку и идут на Запад... Мы слышали о ружьях, о порохе и свинце: сначала о кремневых ружьях, потом о капсюльных, а теперь - о карабинах. Первый раз мы увидели американцев около Коттон-Уоша. Мы воевали с мексиканцами и с индейцами пуэбло. Мы угоняли у мексиканцев мулов, и у нас было много мулов. Американцы приходили торговать с нами. Когда американцы пришли в первый раз, мы устроили большую пляску, и они плясали с нашими женщинами. Еще мы торговали.

Мануэлито, из навахов

Мануэлито и другие вожди навахов заключали с американцами договоры. «Потом солдаты построили здесь форт, - вспоминает Мануэлито, - и прислали к нам человека для переговоров, он советовал нам хорошо себя вести. Он говорил, что мы должны жить в мире с белыми и выполнять свои обещания. Они записали эти обещания, чтобы мы всегда о них помнили».

Мануэлито старался выполнять обещанное в договорах, но, когда пришли солдаты, сожгли его хоганы и перебили его скот только потому, что несколько буйных молодых навахов что-то там натворили, он рассердился на американцев. Мануэлито и его люди прежде были богаты, а солдаты сделали их нищими. Чтобы снова стать богатыми (ricos), они вынуждены были совершать набеги на живших к югу мексиканцев, за что мексиканцы звали их ladrones - ворами. Дело в том, что сами мексиканцы издавна совершали набеги на навахов и похищали у них детей, чтобы сделать из них рабов, а навахи издавна в отместку совершали набеги на мексиканцев.

После того как американцы пришли в Санта-Фе и назвали эту землю Новой Мексикой, они стали защищать мексиканцев, поскольку те сделались американскими гражданами. У навахов не было гражданства, потому что они были индейцами, и, если теперь они совершали набег на мексиканцев, солдаты тотчас устремлялись в страну навахов, чтобы покарать их как грабителей. Все это приводило в ярость и замешательство Мануэлито и его народ, ведь они знали, что во многих мексиканцах течет индейская кровь, и тем не менее солдаты никогда не спешили наказывать мексиканцев за кражу детей навахов.

Первый форт, построенный американцами на земле навахов, был расположен в зеленой долине у входа в каньон Бонито. Они назвали его форт Дифайенс и пустили своих коней на пастбище, издавна облюбованное людьми Мануэлито. Вождь солдат сказал навахам, что эти выгоны принадлежат форту, и приказал им держать свой скот подальше. Но запретные луга не были огорожены, и навахи не могли помешать своим животным забредать на них. Однажды утром из форта выехала рота солдат верхом и перестреляла всех животных, принадлежащих навахам.

Чтоб возместить потерю лошадей и мулов, навахи стали совершать набеги на табуны, принадлежавшие солдатам, и на обозы с провиантом. Солдаты в свою очередь стали нападать на навахов. В феврале 1860 г. Мануэлито повел пятьсот воинов, чтобы угнать табун армейских лошадей, который пасся в нескольких милях к северу от форта Дифайенс. Но навахам с их копьями и стрелами трудно было тягаться с хорошо вооруженными солдатами охраны. Они потеряли убитыми более тридцати человек, захватив всего несколько лошадей. В ближайшие недели Мануэлито и его союзник Барбончито собрали более тысячи воинов и под покровом темноты в ночь на 30 апреля окружили форт Дифайенс. За два часа до рассвета навахи атаковали форт с трех сторон. Они хотели стереть форт с лица своей земли.

Им это едва не удалось. Треском стрельбы из немногих старинных испанских ружей они загнали часовых внутрь форта и заняли несколько служб. Когда испуганные солдаты высыпали из казарм, их встретил дождь стрел, но после нескольких минут замешательства солдаты выстроились в шеренгу и вскоре открыли беглый мушкетный огонь. Когда рассвело, навахи отступили к холмам, довольные уже тем, что проучили солдат.

Однако армия Соединенных Штатов восприняла это нападение как вызов американскому флагу, развевавшемуся над фортом Дифайенс, как объявление войны. Через несколько недель полковник Эдвард Ричард Сприг Кэнби во главе шести рот кавалерии и девяти рот пехоты начал прочесывать горы Чуска-Маунтинс в поисках противника - индейцев Мануэлито. Солдаты продвигались по каменистой местности, пока не изнурили своих лошадей и сами чуть не умерли от жажды. Хотя им редко доводилось видеть индейцев, навахи все время были рядом, они беспокоили колонну с флангов, но прямо не атаковали. К концу года и тех и других утомила эта бессмысленная игра. Солдатам не удавалось покарать навахов, а навахи были лишены возможности присмотреть за своими посевами и скотом.

В январе 1861 г. Мануэлито, Барбончито, Херреро Гранде, Армихо, Дельгадито и другие богатые вожди (ricos) согласились встретиться с полковником Кэнби у нового форта, строившегося солдатами в 35 милях к юго-западу от форта Дифайенс. Новый форт был назван фортом Фаунтлерой в честь одного из вождей солдат. Перед завершением переговоров с Кэнби навахи избрали Херреро Гранде верховным вождем (21 февраля 1861 г.). Вожди согласились, что лучше жить в мире, и Херреро Гранде пообещал изгнать из племени всех ладронес. Мануэлито не был уверен, возможно ли выполнить это обещание, однако поставил свое имя на бумаге, составленной полковником. Снова став состоятельным скотоводом, он склонен был верить в благо мира и честность.

В течение нескольких месяцев после зимней встречи у форта Фаунтлерой отношения между навахами и солдатами были дружескими. До индейцев доходили слухи о большой войне где-то далеко на востоке, войне между белыми американцами Севера и Юга. Они узнали, что некоторые солдаты Кэнби сменили свои синие мундиры на серые и ушли на восток сражаться против солдат в синих мундирах. Одним из них был и сам Орлиный Вождь, полковник Томас Фаунтлерой - его имя было предано забвению, а гарнизонный пост теперь назывался форт Уингейт.

В пору дружеских отношений навахи часто приезжали в форт Фаунтлерой (Уингейт) торговать и получать продовольствие от своего агента. Большинство солдат относились к ним доброжелательно, вошло даже в обычай устраивать конные состязания между навахами и солдатами. Все навахи с нетерпением ожидали этих состязаний, и в назначенный день сотни мужчин, женщин и детей, надев свои самые яркие одежды, на лучших лошадях отправлялись к форту Уингейт. Как-то свежим сентябрьским утром было устроено несколько заездов, но главное состязание дня было приурочено к полудню. Состязались Пистолетная Пуля (так солдаты называли Мануэлито) на местной лошади и лейтенант на чистокровной лошади, специально тренированной для скачек. Было сделано много ставок: деньги, скот, одеяла, бусы - все, что только можно было поставить. Лошади стартовали одновременно, но через несколько секунд все увидели, что у Мануэлито что-то случилось. Он потерял управление лошадью, и она сошла с дистанции. Вскоре все узнали, что ремень узды у лошади Пистолетной Пули был надрезан ножом. Навахи бросились к судьям, которые все были из солдат, и потребовали повторения заезда. Судьи отказали они объявили, что чистокровная лошадь лейтенанта победила. Солдаты тотчас же построились, чтобы торжественным маршем победителей двинуться в форт, забрав свой выигрыш. В ярости от такого обмана навахи устремились вслед за ними, но ворота форта захлопнулись перед ними. Когда же один из навахов попытался прорваться силой, часовой выстрелил и убил его.

Что произошло потом, описано вождем белых солдат капитаном Николасом Ходтом.

«Навахи, их скво и дети бросились врассыпную, в них стреляли, кололи их штыками. Мне удалось построить около двадцати человек... затем я направился за пределы форта к восточной его стороне; там я увидел солдата, собиравшегося убить двух маленьких детей и женщину. Я тотчас крикнул этому солдату, чтобы он остановился. Он поднял глаза, но приказа не выполнил. Я кинулся к нему, но хоть и бежал что есть мочи, все же не успел помешать ему убить двух невинных детей и тяжело ранить скво. Я приказал отобрать у него ремень и отправить под арест в гарнизон... Тем временем полковник отдал приказ дежурному офицеру выкатить пушки (горные гаубицы) и открыть огонь по индейцам. Сержант, в чьем ведении были горные гаубицы, сделал вид, что не понял приказа, так как счел это распоряжение незаконным. Однако после брани и угроз дежурного офицера вынужден был подчиниться, иначе его самого ожидали неприятности. Индейцы рассеялись по всей долине перед фортом, напали на гарнизонное стадо, ранили мексиканца-пастуха, но захватить скот не сумели, кроме того, в десяти милях от форта они напали на посыльного, отняли у него лошадь и мешок с почтой, а самого ранили в руку. После этого избиения ни один индеец не показывался больше вблизи форта, если не считать нескольких скво, которым покровительствовали офицеры. Начальник гарнизона старался вновь помириться с навахами, посылая этих скво на переговоры с вождями, однако единственным результатом их миссии была хорошая порка».

С того дня, 22 сентября 1861 г., прошло немало времени, прежде чем между белыми людьми и индейцами навахо вновь установились дружеские отношения.

Между тем армия конфедератов вошла в Нью-Мексико, и между «серыми» и «синими мундирами» стали происходить большие сражения вдоль реки Рио-Гранде. Кит Карсон, Метатель Лассо, был вождем «синих мундиров». Большинство навахов доверяли Метателю Лассо Карсону, потому что он не разговаривал с индейцами всякий раз по-другому. Они надеялись заключить с ним мир, когда он разделается с «серыми мундирами».

Однако весной 1862 г. в Нью-Мексико с запада пришло много новых «синих мундиров». Они называли себя Калифорнийской колонной. Их генерал Джеймс Карлтон носил звезды на плечах и был сильнее Орлиного Вождя Карсона. Эти калифорнийцы расположились лагерем в долине Рио-Гранде, однако им нечем было заняться, поскольку все «серые мундиры» бежали в Техас.

Вскоре навахи узнали, что у Звездного Вождя Карлтона большие виды на их землю и на ценные металлы, возможно скрытые в ней. Он называл их край «по-царски богатыми владениями», «роскошной страной пастбищ и минералов». Имея много солдат, которым нечего было делать, разве что, бряцая ружьями, маршировать на плацу, Карлтон начал искать противников среди индейцев. Навахи, говорил генерал, это «волки, рыщущие в горах», их следует подчинить.

Первым делом Карлтон обратил внимание на апачей мескалери - их насчитывалось менее тысячи, и жили они отдельными группами между Рио-Гранде и рекой Пекос. Он намеревался перебить или захватить в плен всех мескалери, а затем заключить уцелевших в резервацию где-нибудь на бесплодных берегах реки Пекос. Таким образом земли богатой долины Рио-Гранде перейдут во владение американских граждан и будут заселены ими. В сентябре 1862 г. он распространил следующий приказ:

«Никаких советов с индейцами не держать и переговоров не вести. Мужчин следует умерщвлять независимо от того, где и когда они будут обнаружены. Женщин и детей можно брать в плен, но, разумеется, их не следует убивать».

Это совсем не походило на то, как обходился с индейцами Кит Карсон, многих из них он считал своими друзьями еще с той поры, когда занимался торговлей. Он тоже посылал своих солдат в горы, но он же и наладил связи с вождями мескалери. Поздней осенью он условился с пятью вождями мескалери о том, что они посетят Санта-Фе и вступят в переговоры с

генералом Карлтоном. На пути в Санта-Фе два вождя и их эскорт встретили отряд солдат под командованием бывшего содержателя салуна капитана Джеймса (Педди) Грейдона. Грейдон прикинулся большим другом индейцев мескалеро, дав им муки и мяса на дорогу. Вскоре возле Гэллине-Спрингс дозорный отряд Грейдона вновь наехал на мескалеро. Невозможно выяснить, что там произошло, поскольку после этой встречи ни одного мескалеро не осталось в живых. Вождь белых солдат, майор Артур Моррисон, кратко сообщает: «Капитан Грейдон вел себя в этом деле довольно странно... насколько мне известно, он обманул этих индейцев - приехал к ним на стоянку и напоил их, а потом всех перестрелял. Они, разумеется, считали, что он приехал с добрыми намерениями, так как он дал им муку, мясо и прочие продукты».

Другие три вождя - Кадетт, Чато и Эстрелла - достигли Санта-Фе и заверили генерала Карлтона в том, что индейцы мескалеро живут в мире с белыми людьми и желают только, чтобы их оставили в покое в их горах. «Вы сильнее нас, - сказал Кадетт, - мы сражались с вами, пока у нас были ружья и порох; но ваше оружие лучше нашего. Дайте нам такое же оружие, дайте нам волю, и мы опять сразимся с вами; но мы истощены; у нас нет больше отваги, у нас нет съестных припасов, нет средств к существованию; ваши отряды повсюду; наши родники, ключи, из которых мы пьем, либо захвачены вами, либо находятся под присмотром ваших юношей; вы лишили нас последнего, самого надежного убежища; и у нас нет больше отваги. Поступайте с нами по своему усмотрению, но все же не забывайте, что мы - мужчины и воины».

Карлтон надменно заявил им, что они могут рассчитывать на мир только в том случае, если покинут свою страну и отправятся в Боск-Редондо, в резервацию, которую он приготовил им на реке Пекос. Там они будут находиться под охраной солдат нового гарнизонного поста, именуемого форт Самнер.

Ввиду численного превосходства солдат, не имея сил защитить своих женщин и детей, а также веря в добрые намерения Метателя Лассо Карсона, вожди мескалеро подчинились требованиям Карлтона и повели свой народ в заключение в Боск-Редондо.

Не без тревоги наблюдали навахи за тем, как быстро и безжалостно расправился Карлтон с их родичами, апачами мескалеро. В декабре восемнадцать богатых вождей (ricos), включая Дельгадито и Барбончито, но без Мануэлито, отправились в Санта-Фе для встречи с генералом. Они сказали ему, что пришли от мирных пастухов и земледельцев, которые не хотят войны. Тут они в первый раз увидели Звездного Вождя Карлтона. У него было волосатое лицо, свирепые глаза и рот, какой бывает у людей, не умеющих смеяться. Он не улыбнулся, говоря Дельгадито и всем прочим: «Вы не можете рассчитывать на мир, пока не предоставите гарантий более надежных, чем ваши миролюбивые слова. Ступайте домой и скажите это вашему народу. Я не верю вашим обещаниям».

К весне 1863 г. почти все индейцы мескалеро либо бежали в Мексику, либо были загнаны в резервацию Боск-Редондо. В апреле Карлтон отправился в форт Уингейт, с тем чтобы «собрать сведения для похода против навахов, который начнется, как только будет достаточно травы для прокорма лошадей». Он встретился с Дельгадито и Барбончито неподалеку от Куберо и резко заявил вождям, что единственная возможность для них доказать свои мирные намерения - это вывести своих людей из страны навахов и присоединиться к «довольным» мескалеро, находящимся в Боск-Редондо. На что Барбончито ответил: «Я не пойду в Боск. Я никогда не покину своей страны, даже если это будет стоить мне жизни».

23 июня Карлтон объявил крайний срок перемещения навахов в Боск-Редондо. «Вновь пошлите за Дельгадито и Барбончито, - приказал он командиру форта Уингейт, - повторите им уже сказанное мной прежде, а также сообщите им, что мне будет очень жаль, если они откажутся отправиться в резервацию... Скажите им, что до 20 июля сего года они должны явиться - они и все те, кто, по их словам, желают мира; по истечении этого срока всякий

навах, который попадет на глаза, будет рассматриваться как неприятель, и с ним будут обращаться соответствующим образом; по истечении этого срока ныне открытая дверь закроется». Срок наступил и минул, но ни один навах не сдался добровольно.

Тем временем Карлтон приказал Киту Карсону перебросить свой отряд из страны мескалеро к форту Уингейт и готовиться к войне с навахами. Карсон противился; сетуя на то, что пошел сражаться с солдатами конфедератов, а не с индейцами, он послал Карлтону просьбу об отставке.

Кит Карсон симпатизировал индейцам. В былые дни он жил среди них месяцами, не видя ни одного белого. Он имел ребенка от женщины из племени арапахо и некоторое время жил с женщиной из племени шайенов. Но после своей женитьбы на Хосефе, дочери Франсиско Харамильо из Таоса, Карсон встал на новую тропу, разбогател и заявил права на землю под ранчо. Он обнаружил, что в высших кругах Нью-Мексико найдется место и для грубого, суеверного, неграмотного обитателя гор. Он научился читать, мог написать несколько слов, и, хотя был чуть больше полутора метров роста, слава его достигала небес. Но как бы он ни был знаменит, Метатель Лассо никогда не мог преодолеть благоговейного трепета перед хорошо одетыми и красноречивыми людьми с положением. В 1863 г. самым известным из них в Нью-Мексико был Звездный Вождь Карлтон. Поэтому летом этого года Кит Карсон забрал назад свое прошение об отставке и отправился в форт Уингейт, чтобы начать военные действия против навахов. Еще до окончания операции в его отчетах Карлтону появились отзвуки высокомерных суждений последнего о «предназначении судьбы».

Навахи уважали Карсона как воина, но презирали его солдат - добровольцев из штата Нью-Мексико. Многие добровольцы были мексиканцами, а навахи, с тех пор как помнили себя, только и делали, что прогоняли их со своей земли. Навахов было в десять раз больше, чем индейцев мескалеро, кроме того, им давала преимущества сама их огромная суровая страна, пересеченная глубокими каньонами, с крутыми берегами высохших рек и обрывистыми плоскогорьями. Их оплотом был каньон Челли, тянувшийся на тридцать миль к западу от гор Чуска-Маунтинс. Каменистые стены каньона, сужавшегося местами до пятидесяти ярдов, возвышались до тысячи футов и более, их выступы нависали над каньоном и обеспечивали превосходные оборонительные позиции на случай вторжения. Там, где каньон расширялся на несколько сот ярдов, навахи пасли на выгонах овец и коз или выращивали кукурузу, пшеницу, фрукты и дыни. Особой их гордостью были персиковые сады, за которыми они тщательно ухаживали еще со времен испанцев. Воды в каньоне хватало почти круглый год, не было недостатка и в топливе - вокруг в изобилии росли тополь и американский клен.

Даже узнав о том, что Карсон ведет тысячу солдат к Пуэбло-Колорадо, взяв в проводники своих старых приятелей из племени юта, навахи только посмеивались. Вожди напоминали своему народу, как в былые времена навахи изгнали испанцев со своей земли. «Если американцы придут, чтобы покорить нас, мы их убьем», - заверяли вожди, однако принимали меры предосторожности, чтобы обезопасить женщин и детей. Они знали, что наемники-юты попытаются захватить их в плен и продать богатым мексиканцам.

В конце июля Карсон прибыл в форт Дифайенс, переименовал его в честь старого врага индейцев Кэнби и стал рассылать отряды для рекогносцировки. Вряд ли его удивило, что почти никого из навахов не удалось обнаружить. Он знал, что единственный способ покорить их - это уничтожить урожай и перебить скот, выжечь дотла их землю, и 25 июля послал майора Каммингса согнать к форту весь скот, какой удастся найти, а также убрать или сжечь всю кукурузу и пшеницу вдоль реки Бонито. Как только навахи обнаружили, что делает Каммингс с их запасенным на зиму продовольствием, он был обречен. Вскоре один из стрелков-навахов метким выстрелом выбил его из седла, уложив на месте. Кроме того, навахи напали на кораль Карсона возле форта Кэнби, вернули часть захваченных у них овец и коз и украли любимую лошадь Метателя Лассо.

Случившееся куда больше разозлило генерала Карлтона, чем Карсона, который достаточно долго жил с индейцами, чтобы оценить дерзость их ответных действий. 18 августа генерал решил «поощрить усердие» своих войск, объявив денежную награду за захваченный у навахов скот. Он предложил выплачивать по двадцать долларов за «каждую здоровую, пригодную для работы лошадь или мула» и по доллару за каждую овцу, доставленные интенданту в форт Кэнби.

Поскольку солдатское жалование составляло менее двадцати долларов в месяц, щедрое предложение действительно воодушевило солдат, и кое-кто даже решил, что оно распространяется также на индейцев, которых удастся убить. Чтобы показать, на что они способны, солдаты стали срезать пучки волос, которые индейцы навахо стягивали на голове красной бечевкой. Навахи не могли поверить, что Кит Карсон одобряет скальпирование, которое они считали варварским обычаем, введенным испанцами. (Был ли обычай скальпирования введен в Новом Свете европейцами или существовал до них - неизвестно, во всяком случае, испанские, французские, голландские и английские колонисты распространили этот обычай, предлагая награду за скальпы своих врагов.)

Хотя Карсон продолжал методически уничтожать урожай зерновых, тыквы и бобов, его продвижение было очень медленным, чтобы удовлетворить генерала Карлтона. В сентябре Карлтон издал приказ, согласно которому отныне каждый встреченный индеец мужского пола должен был быть убит или взят в плен. Он написал Карсону, какие в точности слова должен тот употреблять в разговоре с пленными навахами: «Говорите им так: отправляйтесь в Боск-Редондо, или мы будем вас преследовать и уничтожать. Мы не заключим с вами мира ни на каких иных условиях... Война против вас, даже если на нее уйдут годы, раз начавшись, будет продолжаться до тех пор, пока вы не перестанете существовать или не уйдете с этой земли. Не может быть никаких иных мнений по этому вопросу».

Примерно тогда же генерал обратился с письмом в военное министерство, требуя дополнительный кавалерийский полк. Надо подкрепление, писал он, так как чуть западнее земли навахов открыто новое месторождение золота и нужно достаточно войск, чтобы «разгромить индейцев и защитить людей, направляющихся на рудники или уже находящихся там... Провидение и впрямь к нам благосклонно... золото лежит у нас под ногами, нужно лишь подобрать его!»

Под упорным нажимом Карлтона Кит Карсон ускорил осуществление своей тактики выжженной земли и к осени уничтожил большую часть скота и зерновых запасов индейцев на территории между фортом Кэнби и каньоном Челли. 17 октября два индейца навахо с белым флагом появились у форта Уингейт. Один из них - Эль Сордо - представлял вождей Дельгадито и Барбончито и пятьсот их сторонников. По словам Эль Сордо, их съестные запасы иссякли, они дошли до того, что питаются кедровыми орехами. У них почти не осталось одежды и одеял, но, опасаясь солдатских разъездов, они не разжигают костров, чтоб обогреться. Они не хотят идти так далеко, в Боск, они построят свои хоганы возле форта Уингейт и будут всегда на глазах у солдат, и те увидят, что они мирные индейцы. Через девять дней придут Дельгадито и Барбончито и с ними пятьсот человек. Вожди охотно поедут в Санта-Фе, чтобы увидеть Звездного Вождя и просить мира. Капитан Рафаэль Чакон, командовавший фортом Уингейт, депешей сообщил генералу Карлтону о компромиссном предложении, но тот ответил: «У индейцев навахо нет выбора: они должны или явиться для отправки в Боск-Редондо, или, оставшись на своей земле, продолжать войну».

Лишенный выбора, обремененный женщинами и детьми, страдающими от холода и голода, Дельгадито сдался. Барбончито, Эль Сордо и много других воинов выжидали в горах, желая знать, что станет с их народом.

Сдавшихся отправили в Боск-Редондо, однако Карлтон приказал особо обойтись с первыми пленниками - самая лучшая пища, самый лучший кров - по дороге и по прибытии в Боск.

Сколь ни был отталкивающим вид бесплодной равнины вдоль реки Пекос, все же Дельгадито был поражен добротой тех, кто взял его в плен. Когда

Звездный Вождь предложил Дельгадито вернуть его вместе с семьей в форт Уингейт, если он сумеет убедить прочих вождей навахов в том, что жизнь в Боск-Редондо лучше, чем смерть от холода и голода, Дельгадито согласился на этот шаг. Одновременно генерал приказал Киту Карсону овладеть каньоном Челли, уничтожить съестные припасы и скот и истребить или взять в плен индейцев навахо в этой их последней цитадели.

Готовясь к походу в каньон Челли, Карсон собрал множество вьючных мулов для перевозки припасов, однако 13 декабря Барбончито со своими воинами совершил налет на табун и угнал мулов к каньону, где их мясо можно было запасти на зиму. Карсон послал в погоню два отряда солдат, но, разбившись на несколько мелких групп, индейцы ушли под покровом сильной вьюги. Кавалеристы лейтенанта Доначиано Монтойа наткнулись на небольшой лагерь, атаковали его, оттеснили индейцев в чащу кедровника и взяли в плен тринадцать женщин и детей. Лейтенант сообщает: «Один индеец, раненный пулей навывлет в правый бок, сумел, однако, уйти через густой подлесок. Его сын, мальчик лет десяти, весьма смысленный для индейца, был пойман чуть позже и рассказал, что его отец умер в скалах возле протекавшего неподалеку ручья».

Не имея больше вьючных мулов, Кит Карсон сообщил генералу Карлтону, что поход в каньон Челли придется отложить. На что генерал тотчас ответил: «Не откладывайте поход из-за отсутствия транспортных средств. Прикажите своим людям захватить одеяла и, если это необходимо, сухой паек на три-четыре дня в ранцах».

6 января 1864 г. солдаты вышли из форта Кэнби. Капитан Альберт Пфейфер вел небольшой отряд к восточному входу в каньон Челли. Кит Карсон вел более крупные силы к западному входу. Земля на шесть дюймов была покрыта снегом, температура была ниже нуля, и продвижение шло медленно.

Через неделю Пфейфер вошел в каньон. Сотни полуголодных индейцев осыпали солдат скалистых уступов каньона камнями, обломками деревьев и испанскими ругательствами. Но остановить солдат они не смогли. Люди Пфейфера уничтожили хоганы, тайники со съестными припасами и скот; они убили трех индейцев, приблизившихся на расстояние мушкетного выстрела, обнаружили трупы двух замерзших пожилых индейцев и взяли в плен 19 женщин и детей.

Тем временем Карсон разбил лагерь у западного входа и выставил дозоры по краю каньона. 12 января один из патрулей столкнулся с группой навахов. Одиннадцать индейцев было убито. Через два дня оба отряда соединились. Каньон был пройден насквозь без серьезных столкновений.

В этот вечер три индейца с белым флагом приблизились к солдатскому лагерю. Они сказали Карсону, что их народ голодает и мерзнет. Они решили, что лучше сдаться, чем умирать. «Вы должны это сделать до завтрашнего утра, - ответил Карсон, - после этого мои солдаты сами выловят вас». На следующее утро шестьдесят оборванных и изнуренных навахов пришли сдаваться.

Прежде чем возвратиться в форт Кэнби, Карсон приказал полностью уничтожить все, чем владели навахи в каньоне, включая их прекрасные персиковые сады, более пяти тысяч деревьев. Навахи могли простить Метателю Лассо то, что он сражался с ними как солдат, брал их в плен, даже уничтожение съестных припасов, но они никогда не простили ему своих любимых персиковых деревьев.

Когда в последующие несколько недель весть о вступлении солдат в каньон Челли распространилась по тайным стоянкам навахов, мужество покинуло индейцев. «Мы сражались за эту страну, потому что не хотели потерять ее, - говорил впоследствии

Мануэлито. - Мы потеряли почти все... Американский народ слишком могуществен, мы не можем сражаться с ним. По несколько дней мы сражались, сохраняя бодрость, но вскоре уставали, а из-за солдат мы умирали с голоду».

К 31 января Дельгадито своими заверениями об условиях жизни в Боск-Редондо убедил еще 680 навахов явиться в форт Уингейт и сдать. Суровая зима и голод принудили и остальных явиться в форт Кэнби. К середине февраля там уже находилось 1200 голодных и обездоленных индейцев. Им выдавали скудные пайки из армейских запасов; самые старые и самые молодые начали умирать. 21 февраля явился Херреро Гранде со своей группой, и число индейцев возросло до 1500. К началу марта в эти два форта пришли и сдались три тысячи человек, а по снежным тропам, ведущим на север, все еще шло множество напуганных индейцев. Однако богатые вожди (ricos) - Мануэлито, Барбончито и Армихо - отказались покориться. Они остались со своими людьми в горах, все еще исполненные решимости не сдаваться.

В марте индейцы навахо вступили на длинную тропу, ведущую в форт Самнер и Боск. Первая группа, в 1430 человек, достигла форта Самнер 13 марта; десять человек умерло в дороге, трое детей было украдено - возможно, мексиканцами из солдат конвоя.

Еще до того, как вторая группа, в 2400 индейцев, вышла из форта Кэнби, 126 человек умерли. Длинный караван включал в себя 30 фургонов, 3 тыс. овец и 473 лошади. Навахи обладали достаточной силой духа, чтобы на протяжении трудного трехсотмильного пути сносить холод, голод, дизентерию и презрительные насмешки солдат, но они не в силах были вынести тоски по родине, мысли о потере своей земли. Они плакали, и 197 человек умерло, прежде чем навахи достигли постылой цели своего путешествия.

20 марта еще 800 навахов покинули форт Кэнби, в большинстве своем женщины, дети и старики. Армия предоставила им лишь 23 фургона. «На второй день пути, - сообщает офицер, командовавший конвоем, - началась сильная пурга, она свирепствовала в течение четырех дней, причиняя невыносимые страдания индейцам, многие из которых почти не имели одежды и, разумеется, были не в состоянии снести такой буря». Когда они достигли Лос-Пиноса, что ниже Альбукерке, армейское начальство реквизирировало фургоны для других нужд, и навахи вынуждены были разбить лагерь под открытым небом. К тому времени, когда можно было вновь пуститься в путь, несколько детей исчезло. «В этих местах, - объяснял некий лейтенант, - офицерам, отвечающим за индейцев, следует проявлять предельную бдительность, в противном случае индейские дети будут похищены и проданы». Эта группа достигла Боска 11 мая 1864 г. «Я вышел из форта Кэнби, имея 800 человек, и 146 человек принял по дороге к форту Самнер - всего 946 человек. 110 из них умерло».

В конце апреля один из упорствовавших вождей, Армихо, появился в форте Кэнби и сообщил командиру гарнизона (капитану Эйсе Кэри), что через несколько дней прибудет Мануэлито с навахами, зимовавшими далеко на севере, на берегах рек Литл-Колорадо и Сан-Хуан. Люди Армихо, более 400 человек, пришли двумя днями позже. Однако Мануэлито остановился со своей группой в нескольких милях от форта, неподалеку от места, называемого Квелитас, и послал гонца сообщить вождю солдат, что он хочет говорить с ним. Во время последовавших переговоров Мануэлито заявил, что его люди хотят остаться возле форта, сеять зерно и пасти овец, как они это делали искони. «Для вас нет иного места, - ответил капитан Кэри, - кроме Боска, вы можете идти только туда». «Почему мы должны идти в Боск? - спросил Мануэлито. - Мы не крали, не убивали, мы всегда вели себя мирно, как и обещали генералу Кэнби». К тому же, добавил он, его народ опасается, что их собирают в Боск, чтобы солдаты могли их там перестрелять, как это сделали в 1861 г. у форта Фаунтлерой. Кэри уверял его, что это не так, однако Мануэлито сказал, что он не позволит своим людям сдать, пока не переговорит со своим старым другом Херреро Гранде или с кем-нибудь еще из вождей навахов, побывавших в Боске.

Когда генерал Карлтон узнал, что появился шанс принудить Мануэлито к сдаче, он послал четырех тщательно отобранных в Боске навахов (но не Херреро Гранде), чтобы повлиять на непокорного военного вождя. Они не убедили Мануэлито. В одну из июньских ночей после этого разговора Мануэлито и его группа исчезли из Квелитас и вернулись в свои убежища вдоль Литл-Колорадо.

В сентябре Мануэлито узнал, что его давний союзник Барбончито взят в плен в каньоне Челли. Теперь он, Мануэлито, был последним богатым (гисо), продолжавшим борьбу, и он понимал, что солдаты будут искать его повсюду.

Этой осенью индейцы навахо, бежавшие из Боск-Редондо, стали возвращаться в родные места, рассказывая ужасы о жизни их народа в резервации. Это гиблая земля, говорили они. Солдаты загоняли их штыками на обнесенные валом участки, где вожди солдат всякий раз их пересчитывали, а число записывали в книжечку. Вожди солдат обещали им одежду, одеяла и хорошую пищу, но обещаний своих так и не выполнили. Все тополя и мескитовые деревья уже вырублены, так что для топлива остались одни их корни. Чтобы укрыться от дождя и солнца, индейцам приходится рыть ямы в песчаной земле, покрывая их сверху и выстилая изнутри циновками из травы. Они живут в норах, подобно степным собакам. С помощью немногих орудий, которые им дали солдаты, они вскопали землю в пойме реки Пекос и посеяли зерно, но разливы, засуха и насекомые сгубили урожай, и теперь все недоедают. Из-за скученности, в которой жили индейцы, болезни вскоре начали поражать слабых. Это - гиблое место, и, хотя под бдительным присмотром солдат бежать трудно и опасно, многие рискуют жизнью, лишь бы вырваться.

Тем временем Звездный Вождь Карлтон уговорил викария Санта-Фе исполнить «Те деум» в честь успешно осуществленного армией перемещения навахов в Боск. В отчетах своему начальству в Вашингтоне генерал изображал Боск «превосходной резервацией... ничто не препятствует им, [навахам], стать самым счастливым, самым преуспевающим и обеспеченным народом среди индейцев Соединенных Штатов... Во всяком случае... нам дешевле кормить их, чем сражаться с ними». Звездный Вождь видел в своих пленниках лишь рты и тела. «Эти шесть тысяч ртов нужно накормить, эти шесть тысяч тел нужно прикрыть. Но если Принять в расчет великолепную страну с ее пастбищами и полезными ископаемыми, которую они уступают нам - землю, богатства которой трудно оценить, - то не покажется ли ничтожная сумма, единовременно затраченная на поддержание жизни индейцев, сущими грошами в сравнении с их наследственными природными богатствами?"

Ни один сторонник теории «предначертания судьбы» не поддерживал ее более велеглаголиво: «В данном случае исход целого народа из земли предков является не только впечатляющим, но и трогательным зрелищем. На протяжении многих лет они храбро сражались с нами, они защищали свои горы и огромные каньоны, проявляя героизм, состязаться в котором любой народ почел бы за честь; но когда они наконец поняли, что им тоже не миновать судьбы своих братьев, которые племя за племенем отступали от восточных пределов перед неумолимым прогрессом нашей расы, они сложили оружие и как храбрецы, достойные нашего восхищения и уважения, пришли к нам, веря в наше великодушие, в то, что им, принесшим нам в жертву свою прекрасную страну, свои дома, уклад жизни и освященные веками традиции, - им не будет отказано в скудном вспомоществовании, плате за по-царски богатые владения, цену которым они знают не хуже нас».

Мануэлито, однако, не сложил оружия, и генерал Карлтон слишком высоко ценил его, как вождя, чтобы не реагировать на подобное упорство. В феврале 1865 г. гонцы-навахи из форта Уингейт доставили Мануэлито послание от Звездного Вождя, в котором генерал предупреждал Мануэлито, что он и его группа будут изловлены и истреблены, если сами не явятся с миром до наступления весны. «Я никому не делал зла, - ответил гонцу-навахо Мануэлито. - Я не покину своей страны. Я хочу умереть здесь». Но в конце концов он согласился еще раз переговорить с кем-нибудь из вождей, находившихся в Боск-Редондо.

В конце февраля Херреро Гранде и еще пять вождей из Боска договорились о встрече с Мануэлитом возле торговой фактории Зуни. Было холодно, и земля была покрыта глубоким снегом. Обняв своих старых друзей, Мануэлит повел их назад в холмы, где прятались его люди. Всего лишь около сотни мужчин, женщин и детей уцелело от группы Мануэлиты; у них еще оставалось несколько лошадей и немного овец. «Вот все, чем я владею в этом мире», - сказал Мануэлит. - Поглядите, какая жалкая горстка. Вы видите, как они бедны. Мои дети едят корни палмиллы». Помолчав, он прибавил, что его лошади не в состоянии добраться до Боска. Херреро Гранде отвечал, что не в его власти отложить срок сдачи. Он по-дружески предупредил Мануэлит, что тот рискует жизнью своих людей, если не придет и не сдастся. Мануэлит заколебался. Он сказал, что, пожалуй, согласится ради женщин и детей, но тут же прибавил, что ему потребуется месяца три, чтобы привести в порядок скот. В конце концов он прямо заявил, что не может покинуть свою страну.

«Мой бог и моя мать живут на Западе, и я не покину их. Обычай моего народа запрещает нам переходить три реки - Гранде, Сан-Хуан и Колорадо. Не могу я покинуть и горы Чуска. Здесь я родился. Я остаюсь. Мне нечего терять, кроме жизни, ее они могут прийти и взять, когда захотят, сам же я не двинусь с места. Я никогда не делал ничего дурного американцам или мексиканцам. Я никогда не грабил. Если меня убьют, прольется невинная кровь». Херреро сказал ему: «Я сделал для тебя все, что мог; я дал тебе самый добрый совет. И теперь я расстаюсь будто и не с тобой, а с твоим прахом».

Через несколько дней в Санта-Фе Херреро Гранде сообщил генералу Карлтону об упорстве Мануэлиты. Ответом Карлтону был резкий приказ начальнику форта Уингейт: «Полагаю, что, если Мануэлит... удастся схватить, его группа, несомненно, пойдет на соглашение; если же вы сумеете договориться с индейцами в поселке Зуни, где он часто бывает и торгует, они помогут вам его захватить... Во что бы то ни стало схватите Мануэлиты. Содержите его в кандалах и тщательно охраняйте. Взять его в плен или убить на месте было бы благом для тех, кого он возглавляет. Я бы предпочел, чтобы его взяли в плен. Если он попытается бежать... его следует застрелить».

Однако Мануэлит был слишком ловок, чтобы попасться в западню, расставленную для него Карлтоном в Зуни, и ухитрялся избегать ее в течение весны и лета 1865 г. В конце лета Барбончито и несколько его воинов бежали из Боск-Редондо; говорили, что они находятся у апачей, на земле Сьерра-дель-Эскаделло. Так много навахов ускользнуло из резервации, что Карлтон выставил постоянные сторожевые посты в радиусе сорока миль вокруг форта Самнер. В августе генерал приказал начальнику гарнизона убивать всякого индейца, застигнутого без пропуска вне резервации.

Когда осенью 1865 г. в Боске вновь не удалось собрать урожай, армия стала снабжать навахов мукой, крупой и свининой, которые были признаны непригодными для солдат. Смертность вновь возросла, равно как и число попыток бегства.

Несмотря на то что жители Нью-Мексико уже открыто осуждали генерала Карлтону за положение дел в Боск-Редондо, он продолжал охоту на навахов. Наконец 1 сентября 1866 г. Мануэлит, вождь, которого он так разыскивал, приковывлял в форт Уингейт вместе с двадцатью тремя измученными воинами и сдался. Они были в лохмотьях, тела их были истощены. Они все еще носили кожаные ремни на запястьях, предохраняющие руку от удара тетивы, но у них уже не было ни боевых луков, ни стрел. Одна рука Мануэлиты беспомощно висела - он был ранен. Вскоре явился Барбончито с 21 воином и сдался во второй раз. Военных вождей больше не было.

Есть доля иронии в том, что всего лишь через восемнадцать дней после сдачи Мануэлиты генерала Карлтону отстранили от командования военным округом штата Нью-Мексико. Гражданская война, которая дала власть Звездному Вождю Карлтону, уже больше года как кончилась, и гражданам Нью-Мексико порядком надоели и сам генерал, и его высокомерие.

Когда Мануэлито попал в Боск, новым суперинтендантом резервации был А. Б. Нортон. Этот суперинтендант исследовал почву в резервации и пришел к заключению, что она непригодна для выращивания зерновых из-за имеющихся в ней примесей щелочи. «Вода здесь грязная и солоноватая, едва терпимая на вкус и нездоровая, по утверждению индейцев, так как четвертая часть их погибла от болезней». Резервация, прибавляет Нортон, стоила правительству миллионы долларов. «Чем скорее ее оставят, удалив с нее индейцев, тем лучше. Я слышал, что за всем этим крылись какие-то соображения... Не думаете ли вы удовлетворить индейцев, лишив их элементарных жизненных удобств, без которых существование белого невысказано нигде? Мог ли здравомыслящий человек выбрать под резервацию для восьми тысяч индейцев такое место, где вода почти не пригодна для питья, почва бедна и бесплодна, а единственным топливом служат корни мескитового дерева, которые к тому же нужно везти за 12 миль?.. Если они и останутся в такой резервации, то не по доброй воле, их придется всегда удерживать здесь силой. Так верните их домой! Или отправьте в такое место, где у них будет свежая вода для питья, достаточно топлива, чтобы не погибнуть от холода, и где почва сможет хоть как-то прокормить их...»

В течение двух лет инспектора и чиновники нескончаемой вереницей шествовали через резервацию. Некоторые выказывали искреннее сострадание, других главным образом интересовало сокращение расходов.

«Мы пробыли там несколько лет, - вспоминает Мануэлито. - Много наших людей сгубил тамошний климат. Большой человек из Вашингтона держал совет с нами. Он объяснял, как белые наказывают тех, кто не подчиняется закону. Мы обещали подчиняться законам, если нам разрешат вернуться в свою страну. Мы обещали соблюдать этот договор... Четыре раза мы давали это обещание. Мы все сказали договору «да», и большой человек дал нам хороший совет. Это был генерал Шерман».

Когда вожди навахов впервые увидели Великого Воина Шермана, они очень испугались: у него было такое же лицо, как у Звездного Вождя Карлтона, - суровое, волосатое, с жестким ртом, но глаза были иные, глаза человека, который сам страдал и понимает боль чужих страданий. «Мы сказали ему, что постараемся запомнить все, что он нам говорил, - вспоминает Мануэлито. - Шерман сказал: «Пусть все ваши люди посмотрят на меня». Он встал, чтобы мы все могли его видеть. И сказал, что, если мы будем поступать как должно, мы сможем глядеть людям в глаза. Потом он сказал:

«Дети мои, я отправлю вас домой».

Прежде чем покинуть резервацию, вожди должны были подписать новый договор (1 июня 1868 г.), начинавшийся словами: «Отныне и впредь все войны между сторонами, подписавшими это соглашение, прекращаются навеки». Первым подписал Барбончито, затем Армихо, Дельгадито, Мануэлито, Херреро Гранде и семь других вождей.

«Долгими были дни и ночи, прежде чем пришло время идти домой, - говорит Мануэлито. - За день до отправления мы отошли от резервации на небольшое расстояние в направлении дома, так нам не терпелось двинуться в путь. Потом мы вернулись, и американцы дали нам немного скота, и мы поблагодарили их за это. Мы велели возничим стегать мулов, потому что мы спешили. Когда из Альбукерке мы увидели вершину нашей горы, нам не верилось, что это наша гора, и нам хотелось сказать что-нибудь нашей земле, так мы ее любили, а некоторые старики и женщины плакали от радости, добравшись до родных мест».

Вот так навахи вернулись домой. Когда определялись границы новой резервации, значительная часть их лучших пастбищ досталась белым поселенцам. Жизнь не обещала быть легкой. Нужно было прилагать усилия, чтобы выжить. Но как бы плохо ни обстояли дела, навахи вскоре узнали, что они еще не самые несчастные среди индейцев Запада. Для остальных тяжелые испытания еще только начинались.

По священным законам я жил

По священным законам

Я жил.

В небеса я

Глядел.

По священным законам

Я жил.

И конями

Богат я.

III. ВОЙНА ВОРОНЕНКА

Белые всегда старались заставить индейцев отказаться от своей жизни и жить подобно белым людям: обрабатывать землю, тяжело трудиться - словом, делать все, как они; а индейцы не знали, как это делать, да и не хотели знать... Если бы индейцы попытались заставить белых людей жить подобно индейцам, белые воспротивились бы; воспротивились и многие индейцы.

Вамдитанка (Большой Орел), из племени сиу

Почти за тысячу миль от страны навахов, во время той же великой Гражданской войны между белыми людьми, навсегда лишились своей родины и индейцы санти-сиу. Санти подразделялись на четыре клана - мдевкантон, вахпетон, вахпекуто и сиссетон. Они были лесными индейцами, но поддерживали тесные связи со своими братьями по крови, жившими в степях, - индейцами янктон и тетон и, так же как они, гордились своим племенем. Санти были «народом окраины», на их попечении была граница владений племени сиу.

За десять лет, предшествовавших Гражданской войне, более 150 тыс. белых поселенцев проникли в страну санти, нарушив тем самым когда-то «постоянную индейскую границу» на левом ее фланге. Подписав два мошеннических договора, лесные сиу лишились девяти десятых своей земли и были стеснены на узкой полосе территории вдоль реки Миннесота. С самого начала торговцы и агенты кружили вокруг них, как стервятники над скелетами убитых бизонов, постоянно обманывая их, не доплачивая большую часть обещанной ежегодной компенсации, ради которой индейцы согласились уступить свои земли.

«Многие белые люди часто оскорбляли индейцев и обходились с ними жестоко, - говорит Большой Орел. - Возможно, они находили тому оправдания, но индейцы не согласны с этим. Многие белые, завидев индейца, всегда вели себя так, будто хотели сказать:

«Я лучше тебя», - а индейцам это не нравилось. Возможно, у белых были причины так думать о себе, и все же дакоты (сиу) не могли поверить, что на свете бывают люди лучше их. Кроме того, белые люди оскорбляли определенным образом индейских женщин и бесчестили их, чему, уж конечно, нет оправдания. Все это привело к тому, что многие индейцы невзлюбили белых».

Летом 1862 г. отношения между санти и белыми людьми резко ухудшились. Почти вся крупная дичь ушла с территории резервации, и, когда индейцы пробирались на свои прежние охотничьи угодья, на которые теперь претендовали белые поселенцы, часто случались неприятности. Уже на второй год земля давала скудный урожай, и многие индейцы вынуждены были идти к торговым агентам и брать у них продукты в кредит. Индейцы санти уже научились ненавидеть систему кредита, потому что не могли проверить счета. Когда индейцам присылали из Вашингтона их ежегодную компенсацию, торговцы первыми требовали возмещения, и государственные чиновники выплачивали им ту сумму, на которую они претендовали по своим счетам. Некоторые санти научились вести счета, и, хотя по их записям они должны были намного меньше, чем по счетам торговцев, государственные чиновники не признавали их записей.

Та-ойа-те-дута (Вороненок) очень рассердился на торговцев летом 1862 г. Вороненок был вождем мдевкантонов, как были до него его отец и дед. Ему было шестьдесят лет, и он всегда носил одежду с длинными рукавами, целиком скрывавшими его руки, усохшие вследствие плохо залеченных ран, которые он получил в битве еще юношей.

Вороненок подписал оба договора, лишившие его народ обманом земель и денег, обещанных за них. Он был в Вашингтоне и виделся с Великим Отцом, президентом Бьюкененом; он сменил набедренную повязку и одеяла на брюки и куртку с медными

пуговицами; он стал прихожанином епископальной церкви, построил дом и начал заниматься земледелием. Но летом 1862 г. разочарование Вороненка обернулось гневом.

В июле несколько тысяч санти собрались в Верхнем агентстве на реке Йеллоу-Медисин, чтобы получить ежегодную компенсацию, гарантированную им договорами, и на эти деньги закупить продовольствие. Деньги не прибыли, и распространился слух, что Великий совет (конгресс) в Вашингтоне истратил все свое золото на Гражданскую войну и не сможет больше высылать деньги индейцам. Поскольку их народ голодал, Вороненок и еще несколько вождей отправились к своему агенту Томасу Гэлбрайту и спросили, почему им не могут выдать продовольствие со складов агентства, который набит съестными припасами. Гэлбрайт ответил, что не может этого сделать до прибытия денег, и вызвал около сотни солдат для охраны склада. 4 августа пятьсот индейцев санти окружили солдат, а в это время остальные вломилась в склад и стали выносить мешки с мукой. Вождь белых солдат Тимоти Шихен сочувствовал индейцам. Вместо того чтобы стрелять в них, он стал убеждать Гэлбрайта выдать им свинину и муку в долг до прибытия денег. Гэлбрайт так и поступил, после чего санти ушли с миром. Однако Вороненок не хотел уходить, пока агент не пообещает ему выдать такое же количество продуктов индейцам Нижнего агентства в тридцати милях вниз по течению реки, возле Редвуда.

Хотя поселок, в котором жил Вороненок, был рядом с Нижним агентством, Гэлбрайт заставил его ждать несколько дней, пока 15 августа в Редвуде не состоялся совет. Ранним утром этого дня Вороненок и несколько сот голодных индейцев мдевкантон собрались на совет, однако с самого начала было ясно, что Гэлбрайт и четыре торговца из Нижнего агентства не намерены выдавать продукты из своих запасов до прибытия денег в счет ежегодной компенсации.

Разгневанный новым нарушением обещания, Вороненок, обращаясь к Гэлбрайту, сказал от имени своего народа: «Мы ждали долго. Деньги наши, но мы не можем получить их. Нам нечего есть, а склады полны еды. Мы просим тебя, агент, назначь нам условия, на которых мы сможем взять продукты со склада, иначе мы сами придумаем, как спасти себя от голодной смерти. Когда люди голодают, они предприимчивы».

Вместо ответа Гэлбрайт повернулся к торговцам и спросил их, как они поступят. Торговец по имени Эндрю Мирик презрительно заметил: «По мне, коль они голодны, пусть жрут траву или собственное дерьмо».

С минуту сидевшие вокруг индейцы молчали. Затем последовал взрыв гневных восклицаний, и, поднявшись, санти все, как один, покинули совет.

Слова Эндрю Мирика привели в ярость всех индейцев, на Вороненка же они подействовали, как порыв жаркого ветра на свежие ожоги. В течение многих лет он старался соблюдать условия договоров, следовать советам белых людей и вести свой народ по их тропе. Теперь, казалось, он потерял все. Его народ изверился в нем, считая его виновником своих несчастий, а теперь торговцы и агенты тоже были против него. А еще раньше, этим же летом, индейцы мдевкантон Нижнего агентства обвинили его в том, что он предал их, лишил их земли, подписав договоры. Вместо Вороненка они выбрали своим верховным вождем индейца по имени Скитающийся Град. Если бы Вороненку удалось убедить Гэлбрайта и торговцев выдать продукты его людям, ему бы удалось вернуть их уважение, но он потерпел неудачу.

В былые дни он мог бы восстановить свое главенство, начав войну, но договоры обязывали его воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий как против белых, так и против других племен. Отчего это, удивлялся он, американцы так много говорят о мире между белыми и индейцами, между индейцами и индейцами, а сами ведут такую жестокую войну с «серыми мундирами», что у них даже не остается денег на уплату мелких долгов индейцам санти. Он знал, что некоторые молодые люди его клана открыто говорили о войне

с белыми и об изгнании их из долины Миннесоты. Теперь самое время сражаться с белыми, говорили они, потому что много «синих мундиров» ушло сражаться с «серыми мундирами». Вороненок считал эти разговоры глупыми: он бывал на востоке и видел мощь американцев. Они повсюду, они подобны саранче, они убивают своих врагов из огромной грохочущей пушки. Война против белых людей немислима.

В воскресенье 17 августа Вороненок посетил епископальную церковь возле Нижнего агентства и прослушал проповедь преподобного Семюэля Хинмана. По окончании службы он пожал на прощание руки прихожанам и вернулся в свой дом, расположенный в двух милях от агентства вверх по реке.

Поздней ночью Вороненка разбудили голоса и шум: несколько индейцев вошли в его спальню. Он узнал голос Шакопи. Случилось что-то очень важное, какая-то беда. Шакопи, Манкато, Целебная Бутылка и Большой Орел - все были здесь, и Вабаша, по их словам, вскоре прибудет для совета.

В тот солнечный день четверо голодных юношей из группы Шакопи переправились через реку, чтобы поохотиться в Больших лесах, и там случилась беда. Вот что рассказал об этом Большой Орел: «Они подошли к ограде дома белого поселенца и нашли там куриное гнездо, в котором было несколько яиц. Один из них взял яйца, но другой сказал: «Не бери их: они принадлежат белому человеку, мы попадем в беду». Первый рассердился, так как был очень голоден и хотел съесть яйца. Он швырнул их на землю и ответил: «Ты - трус. Ты боишься белого человека. Ты боишься взять у него какое-то яйцо, хотя умираешь от голода. Да, ты - трус, и я всем расскажу об этом». Другой сказал: «Я не трус. Я не боюсь белого человека и, чтобы доказать тебе это, войду в этот дом и застрелю его. Хватит ли у тебя смелости пойти со мной?» Тот, кто назвал его трусом, сказал: «Хорошо, я пойду с тобой, и мы посмотрим, кто из нас храбрее». Тогда два их спутника заявили: «Мы пойдем с вами и тоже будем отважны». Они все двинулись к дому белого человека, но тот, встревожившись, ушел в другой дом, где было еще несколько белых мужчин и женщин. Четверо индейцев последовали за ним и убили трех мужчин и двух женщин. Потом они запрягли лошадей, принадлежавших второму поселенцу и, примчавшись на стоянку Шакопи... рассказали о том, что они сделали».

Выслушав рассказ об убийстве белых людей, Вороненок обругал четырех юношей, а затем не без сарказма осведомился у Шакопи и прочих индейцев, почему они пришли за советом к нему, если теперь их верховным вождем избран Скитающийся Град. Вожди заверили Вороненка, что он по-прежнему их военный вождь. Теперь никому из санти не избежать смерти, сказали они. Таков обычай белого человека: карать всех индейцев за преступление, совершенное одним или немногими из них. Пожалуй, санти следует нанести удар первыми, а не дожидаться, пока придут солдаты и убьют их. Лучше напасть на белых людей сейчас, когда они сражаются между собой далеко на юге.

Вороненок отверг эти доводы. Белые люди слишком сильны, сказал он. Однако он допускал, что поселенцы будут жестоко мстить, так как убиты женщины. Сын Вороненка, присутствовавший на совете, рассказал впоследствии, что лицо у отца осунулось от волнения, на лбу выступили крупные капли пота.

Наконец один из молодых воинов крикнул: «Та-ойа-те-дута (Вороненок) - трус!»

Из-за слова «трус» произошло убийство; оно было вызовом даже для голодного мальчишки, боявшегося взять яйцо у белого человека. От такого слова не мог отмахнуться и вождь индейцев сиу, даже если он почти вступил на тропу белого человека.

Вороненок ответил (так запомнил его сын): «Та-ойа-те-дута - не трус, но и не глупец! Бежал ли он когда-нибудь от своего врага? Бросал ли он своих воинов на военной тропе, чтобы вернуться в свой вигвам? Если он отступал от ваших врагов, он шел последним по вашему следу, повернувшись лицом к оджибвеям и защищая ваши спины, как медведица защищает

своих детенышей! Или у Та-ойа-те-дута нет скальпов? Взгляните на его боевое оперенье! Вот связки скальпов ваших врагов на шесте его вигвама! Вы называете его трусом? Та-ойа-те-дута - не трус, но и не глупец. Воины, вы подобны малым детям; вы не ведаете, что творите.

Вы полны дьявольской воды белого человека. Вы подобны собакам во время Полной Луны, когда они, взбесившись, кусают собственные тени. Мы лишь малые, рассеянные стада бизонов; великие стада, покрывавшие некогда степи, перевелись. Поймите! Белые люди, как тучи летящей саранчи, когда она застилает небо, подобно снежной буре. Вы можете убить одного, двух, десятков, столько, сколько листьев в том лесу, но их братьев не станет меньше. Убейте одного, двух, десятков, и десять десятков придут убивать вас. Считайте свои пальцы целый день, и белый человек с ружьем в руках будет появляться быстрее, чем вы успеете загнуть палец.

Да, они сражаются друг с другом далеко отсюда. Слышите ли вы гром их пушек? Нет. Вам пришлось бы бежать два месяца до того места, где они воюют, и на всем пути ваша тропа проходила бы среди белых солдат, стоящих так же часто, как лиственницы в низинах оджибвеев. Да, они сражаются друг с другом, но, если вы нападете на них, они повернут против вас и истребят вас, и ваших женщин, и ваших младенцев, как налетевшая на деревья саранча пожирает в единый день все их листья.

Вы - безумцы. Вы не видите лица своего вождя: ваши глаза полны дыма. Вы не слышите его голоса: ваши уши полны шумом вод. Воины, вы - младенцы, разум покинул вас. Вы умрете, как кролики, когда голодные волки охотятся на них во время Твердой Луны января.

Та-ойа-те-дута - не трус. Он умрет вместе с вами». Затем Большой Орел стал призывать к миру, но его криками заставили замолчать. Десять лет белые люди оскорбляли их: нарушенные договоры, утраченные охотничьи угодья, невыполненные обещания, невыплаченные компенсации, голод, в то время как склады полны продуктов, оскорбительные слова Эндрю Мирика - все это всколыхнулось и отодвинуло на задний план убийц белых поселенцев.

Вороненок послал гонцов вверх по течению реки, чтобы предложить вахпетонам и сиссетонам принять участие в войне. Разбуженные женщины стали лить пули, пока воины чистили свои ружья.

«Вороненок отдал приказ напасть на агентство на рассвете следующего дня и убить всех торговцев, - рассказывал впоследствии Большой Орел. - На следующее утро, когда вооруженный отряд начал атаку агентства, я пошел с ними. Я не повел свой отряд и не принимал участия в убийствах. Я пошел, чтобы попытаться спасти жизнь двум моим белым друзьям. Думаю, многие пошли по той же причине, так как у каждого индейца был белый друг, чьей смерти он не хотел, хотя, разумеется, ему дела не было до чужих друзей. К моему приходу почти все уже были убиты. Вороненок был в гуще боя, направляя действия... Мистер Эндрю Мирик, чья жена была индеанкой, отказавшийся выдать в кредит немного продуктов нескольким голодным индейцам и сказавший: «Пусть жрут траву», теперь мертвый лежал на земле, рот его был набит травой, а индейцы со злой усмешкой говорили: «Мирик сам жрет траву».

Санги убили двадцать мужчин, взяли в плен десять женщин и детей, опустошили продовольственные склады, а прочие постройки подожгли. Остальные сорок семь белых (некоторым из них помогли спастись их друзья из санги), переправившись через реку, бежали в форт Риджли в тринадцати милях вниз по течению.

На пути к форту Риджли оставшиеся в живых белые повстречали отряд из сорока пяти солдат, который шел на помощь агентству. Преподобный Хинман, читавший накануне последнюю проповедь из слышанных Вороненком, посоветовал солдатам вернуться. Вождь солдат Джон Марш не обратил внимания на это предупреждение и попал в засаду,

устроенную сани. Только двадцати четырем солдатам удалось уйти живыми и пробраться в форт.

Воодушевленный первыми успехами, Вороненок решил атаковать непосредственно Жилище солдат - форт Риджли. Прибыл Вабаша и его отряд, возросло и число воинов в отряде Манкато, доносили о новых союзниках, идущих от Верхнего агентства. Даже Большой Орел не мог дольше оставаться безучастным к войне, которую вел его народ

В течение ночи эти вожди и несколько сот их воинов продвинулись вниз по долине Миннесоты и ранним утром 19 августа стали собираться в прерии западнее форта. «Молодым людям не терпелось начать дело, - рассказывает Одеяло Молний, один из участников войны. - Мы были одеты, как подобает воинам - в боевой раскраске, набедренных повязках, в ноговицах, опоясанные широкими кушаками, в которых мы хранили пищу и боеприпасы».

Когда некоторые неопытные юноши увидели крепкие каменные постройки Жилища солдат и «синие мундиры», готовые к бою, они призадумались. Стоит ли атаковать столь укрепленное место? По дороге из Нижнего агентства они толковали о том, как легко было бы напасть на городок Нью-Ульм, что на реке Катнвуд. Городок на той стороне реки был полон складов с добычей, и в нем не было солдат. Почему бы им не попробовать свои силы в Нью-Ульме? Вороненок сказал им, что индейцы сани ведут войну, и, чтобы одержать победу, они должны разгромить солдат в синих мундирах. Если они смогут изгнать из долины солдат, тогда и все белые поселенцы покинут долину. Они ничего не достигнут, убив нескольких белых в Нью-Ульме.

Но несмотря на брань и просьбы Вороненка, молодые люди устремились к реке. Вороненок совещался с вождями, и они решили отложить штурм форта Риджли до следующего дня.

Вечером молодые люди вернулись из Нью-Ульма. «Мы напугали тамошних жителей, - сказали они, - но город слишком хорошо защищен, и, кроме того, страшная гроза с молниями явилась в небесах после полудня». Большой Орел обозвал их «мародерами», не имеющими вождя, и в ту ночь все согласились держаться вместе и атаковать форт Риджли на следующее утро.

«Мы двинулись на рассвете, - рассказывает Одеяло Молний, - перешли реку возле агентства, там, где переправа, и шли по дороге до вершины холма чуть дальше Фэриболтс-Крик, где остановились для короткого отдыха. Здесь Вороненок объявил нам свой план нападения на форт.

При приближении к форту будет дан сигнал - три залпа, их произведут люди Целебной Бутылки, чтобы отвлечь внимание и огонь солдат и дать возможность людям Большого Орла с востока, а Вороненку и Шакопи с запада и с юга броситься на форт и взять его

К полудню мы достигли ручья Три-Майл и приготовили себе поесть. Поев, мы разделились на группы. Я пошел с пешими воинами на север. Оставив Вороненка, мы больше не обращали внимания на вождей - каждый действовал, как ему заблагорассудится. Оба отряда достигли форта почти одновременно - нам было видно, как они двигались на запад с Вороненком на черном коне. Сигнал - три выстрела - был дан с нашей стороны людьми Целебной Бутылки. После сигнала люди на востоке, юге и западе не спешили подниматься. Стреляя, мы подбежали к строению рядом с другим, большим домом из камня. Вбегая туда, мы увидели возле больших пушек человека, которого все мы знали. Так как мы одни были на виду, он выстрелил в нас - слышав наши выстрелы, он успел подготовиться. Если бы люди Вороненка стали стрелять после нашего сигнального залпа, они бы убили солдат, встретивших нас. Двое наших людей были убиты и трое ранены, двое из них потом умерли. Мы побежали обратно к ручью, так и не узнав, пошли остальные вперед или нет, однако они пошли, но большие пушки вынудили их отступить на всех направлениях. Если бы мы знали, что они пошли вперед, мы бы стали стрелять одновременно с ними и всех бы убили, так как

солдаты находились на большом открытом пространстве между строениями. Мы сражаемся не так, как белые, у которых один командир; мы все стреляем, когда кому вздумается. План броска на здания форта был оставлен, и мы стреляли по окнам, в основном по окнам больших каменных строений - мы думали, что в них много белых.

Нам не было их видно, так что мы не знали наверно, убили мы кого-нибудь или нет. Продолжая стрелять, мы попытались поджечь здания горящими стрелами, но здания не загорались, и мы опять взяли за порох и пули. Прошло два часа после восхода солнца, когда мы обогнули форт с запада и решили вернуться в поселок Вороненка, а сражение продолжить на следующий день...

Около четырехсот индейцев участвовало в этой атаке, женщин поблизости не было. Все они остались в поселке Вороненка. Пищу готовили мальчики десяти - пятнадцати лет, слишком юные для того, чтоб сражаться».

В тот вечер в поселке и Вороненок и Большой Орел были в очень подавленном состоянии, потому что им не удалось захватить Жилище солдат. Большой Орел возражал против новой атаки. У санти не так много воинов, чтобы идти штурмом на пушки солдат, сказал он. Они потеряют слишком много людей, если вновь атакуют. Вороненок сказал, что он позже решит, что делать. А пока всем надо приниматься за работу, чтобы сделать как можно больше пуль; пороха со склада агентства было еще достаточно.

Позднее в тот же вечер обстановка изменилась. Четыреста воинов - вахпетонов и сиссетонов - пришли из Верхнего агентства, чтобы присоединиться к мдевкантонам, воюющим с белыми людьми. Вороненок ликовал. Индейцы санти-сиу вновь объединились; восемьсот сильных воинов - вполне достаточно для захвата форта Риджли. Вороненок созвал военный совет и дал точные распоряжения относительно завтрашнего сражения. На этот раз их не постигнет неудача.

«Ранним утром 22 августа мы тронулись в путь, - рассказывает Одеяло Молний, - но на траве было слишком много росы, больше, чем накануне. Так что солнце было уже довольно высоко, а мы прошли еще немного, и, когда мы достигли форта, был почти полдень... На этот раз мы не останавливались, чтобы поесть - каждый нес в своем кушаке что-нибудь съестное и мог поесть среди дня, во время боя».

Большой Орел говорил, что второе сражение у форта Риджли было великой схваткой. «Мы спускались к форту, полные решимости взять его, потому что мы знали, насколько это важно для нас. Если бы нам удалось захватить форт, мы вскоре захватили бы всю долину Миннесоты».

На этот раз, вместо того чтобы дерзко наступать на форт, воины санти, прикрепив в качестве маскировки степную траву и цветы к своим головным повязкам, стали красться по лощинам и ползти сквозь заросли, пока не оказались на расстоянии выстрела от защитников. Горящими стрелами удалось поджечь крыши; затем санти бросились к конюшням. «Во время этого боя, - рассказывает Вакондайаманне, - я с южной стороны подобрался к конюшням и пытался добыть лошадь. Когда я выводил ее, в конюшне возле меня взорвался снаряд, лошадь прыгнула через меня и умчалась прочь, сбив меня с ног. Когда я поднялся, то увидел бегущего мула, но был так взбешен, что застрелил его». В течение нескольких минут вокруг конюшни шла рукопашная схватка, однако санти вновь были вынуждены отступить перед сильным огнем солдатской артиллерии.

Вороненок был ранен, нетяжело, но потеря крови ослабила его. Когда он ушел с поля боя, чтобы восстановить силы, Манкато повел индейцев на новый приступ. Двойной заряд картечи скосил устремившихся вперед воинов, атака не удалась.

«Когда бы не пушки, мы бы взяли форт, - говорил Большой Орел. - Солдаты бились с нами очень храбро - нам даже показалось, что их больше, чем было на самом деле». (Около 150

солдат и 25 человек вооруженных штатских защищали форт Риджли 22 августа.) В этот день Большой Орел потерял в бою почти всех своих людей.

Поздним вечером вожди санти прекратили штурм. «Солнце уже почти село, - рассказывает Одеяло Молний. - Увидев, что большие пушки отогнали наших людей на юге и на западе и что Вороненок со своими людьми отходит на северо-запад, мы решили присоединиться к ним и решить, что делать. Мы думали, что, соединившись с ними, пойдем в поселок Вороненка за новыми воинами... Вороненок объявил нам, что больше воинов нет, и тут начался спор. Одни хотели наутро вновь атаковать форт, а потом идти на Нью-Ульм; другие хотели ранним утром следующего дня напасть на Нью-Ульм, а потом вернуться и взять форт. Мы боялись, что солдаты первыми придут в Нью-Ульм».

Солдаты, о которых упоминает Одеяло Молний, - 1400 человек - были из состава 6-го миннесотского полка, подходившего из Сент-Пола. Их вел солдатский вождь, хорошо известный индейцам санти-сиу. То был Длинный Торговец, полковник Генри Х. Сибли. Из 475 тыс. долларов, обещанных индейцам санти по первому договору, Длинный Торговец Сибли затребовал 145 тыс. для своей Американской пушной компании, объявив, что эта сумма переплачена санти. Индейцы догадывались, что пушная компания присвоила их деньги, однако их агент Александр Рэмзи признал законным требование Сибли, равно как и требования других торговцев, так что санти практически ничего не получили за свои земли. (Теперь Рэмзи был губернатором Миннесоты, это он назначил Длинного Торговца Звездным Вождем миннесотского полка.)

Перед полуднем 23 августа индейцы санти напали на Нью-Ульм. Среди бела дня они высыпали из леса и, образовав в степи дугу, помчались на город. Жители Нью-Ульма были готовы к встрече с ними. После неудавшейся атаки молодых воинов 19 августа жители города построили баррикады, запасли побольше оружия и позвали на помощь милицию городов, расположенных в долине. В полутора милях от передовой линии защитников приближавшаяся масса воинов стала разворачиваться, как веер. Одновременно индейцы прибавили скорость и стали выкрикивать боевой клич, чтобы напугать белых людей. В этот день военными действиями руководил Манкато (Вороненок лежал раненый в своем поселке); его план атаки заключался в окружении города.

Ружейный огонь с обеих сторон был сильным и частым, но жителям города, которые отстреливались из амбразур хорошо укрепленных строений, удалось сдержать натиск индейцев. Сразу после полудня санти подожгли несколько построек с подветренной стороны, надеясь продвинуться вперед под покровом дыма. Шестьдесят пеших и верховых воинов атаковали одну из баррикад, но были отброшены мощными залпами. Это была долгая и ожесточенная битва, продолжавшаяся на улицах, в жилищах, во дворах и в подсобных помещениях. Когда спустилась тьма, индейцы санти отступили, не одержав победы, но оставив за собой тлеющие руины 190 строений и более ста убитых из числа упорных защитников Нью-Ульма.

Через три дня передовая колонна полка, которым командовал Длинный Торговец Сибли, достигла форта Риджли, и индейцы начали отступление вверх по долине Миннесоты. У них было более двухсот пленников, в основном белых женщин и детей, и значительное число метисов, известных своей симпатией к белым. Основав временное поселение в сорока милях от Верхнего агентства, Вороненок вступил в переговоры с вождями индейцев сиу, обитавших в этом краю, надеясь получить у них поддержку. Но мало в этом преуспел. Одной из причин отсутствия энтузиазма у индейцев, была неудача Вороненка при попытке изгнать солдат из форта Риджли. Другой причиной было бессмысленное убийство белых поселенцев на северном берегу реки Миннесота - кровавая резня, учиненная группами мародеров из недисциплинированных молодых людей, в то время как Вороненок осаждал форт Риджли. Несколько сот поселенцев были застигнуты врасплох в своих домах. Многие

были зверски убиты. Иные спаслись бегством, причем некоторые бежали в селенья тех кланов сиу, от которых Вороненок ожидал поддержки.

Хотя Вороненок презирал тех, кто воюет с незащитными поселенцами, он знал, что его решение начать войну развяжет им руки. Но отступить было поздно. Война против солдат должна была продолжаться до тех пор, пока у него есть воины, чтоб вести ее.

Первого сентября он решил провести разведывательную вылазку вниз по реке, чтобы выяснить силу армии Длинного Торговца Сибли. Санти разделились на два отряда, Вороненок повел 110 человек по северному берегу реки Миннесота, в то время как Большой Орел и Манкато с более значительными силами обследовали южный берег.

План Вороненка заключался в том, чтобы, избегая лобового столкновения с солдатами, зайти в тыл Сибли и попытаться захватить армейский обоз с провиантом. Для этого он сделал большой крюк на север и оказался со своими воинами около нескольких поселений, выдержавших атаки мародеров в предыдущие две недели. Соблазн набега на мелкие поселения породил разногласия среди сторонников Вороненка. На второй день рекогносцировки один из младших вождей созвал военный совет и предложил напасть на поселения для захвата добычи. Вороненок воспротивился. Враги индейцев - солдаты, настаивал он, индейцы должны сражаться с солдатами. Под конец совета семьдесят пять воинов присоединились к вождю, затевавшему грабеж. Только тридцать пять верных сторонников остались с Вороненком.

На следующее утро небольшой отряд Вороненка неожиданно столкнулся со взводом солдат в семьдесят пять человек. Звуки мушкетных выстрелов этого отхода с боем услышали отколовшиеся накануне индейцы и бросились назад на выручку Вороненку. В кровавом рукопашном бою солдаты пустили в ход штыки, однако санти убили шесть и ранили пятнадцать своих врагов, прежде чем последние поспешно отступили к Хатчинсону.

Два следующих дня санти продолжали рекогносцировку вокруг Хатчинсона и Форест-Сити, однако солдаты оставались внутри укреплений. 5 сентября гонцы принесли весть о сражении в пяти милях к югу. Большой Орел и Манкато заманили в ловушку солдат Длинного Торговца возле Бёрч-Кули.

В ночь накануне боя при Бёрч-Кули Большой Орел и Манкато незаметно окружили солдатский лагерь, чтобы солдаты не могли уйти. «Сразу же с наступлением рассвета начался бой, - рассказывает Большой Орел. - Бой продолжался весь день и ночь вплоть до следующего дня. Обе стороны сражались хорошо. Белые, сражаясь по своему обычаю, потеряли много людей. Индейцы, сражаясь по своему обычаю, потеряли лишь несколько человек... К середине вечера наши люди стали проявлять сильное недовольство медлительностью боя и неподатливостью белых, тогда по рядам был передан приказ готовиться к атаке лагеря. Храбрый Манкато решил атаковать в час пополуночи... Как раз в тот момент, когда мы приготовились к бою, пришло известие о том, что большое число верховых солдат подходит с востока к форту Риджли. Это остановило атаку и вызвало волнение. Манкато тотчас взял с собой несколько человек из тех, кто находился в лощине, и вышел навстречу подходившему отряду. Манкато сумел таким образом выставить напоказ своих людей, пока индейцы в лощине производили шум, что в конце концов белые подались назад и, отступив приблизительно на две мили, стали строить бруствер. Манкато последовал за ними и, оставив около тридцати человек для наблюдения, вернулся в лощину продолжать бой вместе с остальными. Вернувшиеся индейцы смеялись над тем, как они обманули белых людей, и все мы были довольны тем, что белые не продвинулись вперед и не прогнали нас...

На следующее утро подошел генерал Сибли с очень большим отрядом и мы вынуждены были покинуть поле боя. У нас было время на отход. Несколько наших людей сказали, что они останутся ждать подхода Сибли, чтобы выстрелить по его солдатам, когда они станут пожимать руки тем, кто находится в лагере. Те из нас, кто находился в прерии, вернулись на

запад и вниз по долине... Никто нас не преследовал. Пока мы отходили с поля боя, белые стреляли в нас из пушек, но те причинили нам вреда не больше, чем удары в большой барабан. Они лишь производили шум. Мы вновь вернулись через реку к нашим стоянкам у старого поселка, а затем вверх по реке Йеллоу-Медисин до устья Чиппева, где к нам присоединился Вороненок... Наконец пришло известие, что Сибли со своим войском вновь идет на нас... Он оставил письмо для Вороненка в расщепленной палочке на поле боя при Бёрч-Кули, и наши люди нашли его и принесли...»

Послание, оставленное Длинным Торговцем, было кратким и ни к чему не обязывающим:

«Если у Вороненка есть какие-либо предложения, пусть пошлет ко мне кого-нибудь из метисов. Посланец будет под моей защитой, входя в лагерь и покидая его.

Полковник Сибли»

Вороненок, конечно, не поверил этому человеку, уж слишком ловко тот провернул дельце с такой большой суммой, причитавшейся индейцам. Но он решил ответить. Он подумал, что, возможно, Длинный Торговец, живя в Уайт-Рок (Сент-Пол), не знает, почему индейцы сани вступили в войну. Кроме того, Вороненок хотел, чтобы и губернатор Рэмзи узнал о причинах войны. Многие не участвовавшие в военных действиях сани были напуганы тем, что Рэмзи сказал белым жителям Миннесоты: «Этих индейцев сию нужно или истребить, или навсегда изгнать за пределы нашего штата».

Письмо Вороненка генералу Сибли от 7 сентября:

«Я скажу Вам, по какой причине мы начали эту войну. Все произошло из-за майора Гэлбрайта. Мы заключили договор с правительством и просили то, что нам действительно причиталось, но все никак не могли получить, пока наши дети не стали умирать от голода. Все начали торговцы. Мистер Э. Дж. Мирик сказал индейцам, что им следует жрать траву или нечистоты. Затем мистер Форбс сказал индейцам Нижнего агентства, что они не люди. Кроме того, Робертс со своими друзьями пытались отнять у нас наши деньги (Томас Дж. Гэлбрайт был агентом в резервации. Э. Дж. Мирик, Уильям Форбс, Льюис Робертс - торговцы из Нижнего агентства.). В том, что молодые воины напали на белых людей, виноват я. Так что я хочу, чтобы Вы известили об этом губернатора Рэмзи. У меня много пленников - женщин и детей... Мне хотелось бы, чтобы Вы передали ответ посланцу».

Ответ генерала Сибли:

«Вороненок! Ты убил много наших людей без достаточных на то оснований. Верни мне пленных под белым флагом, и я стану разговаривать с тобой, как с человеком».

Вороненок не намерен был возвращать пленных, пока Длинный Торговец не заявит определенно, собирается ли он осуществлять сказанное губернатором Рэмзи об истреблении или изгнании индейцев сани. Он хотел использовать их при переговорах. Однако на советах различных групп возникли серьезные разногласия из-за того, какой линии поведения должны держаться сани до тех пор, пока войска Сибли не достигнут реки Йеллоу-Медисин. Пол Мазакутемане из сиссетонов Верхнего агентства обвинил Вороненка в том, что тот начал войну. «Отдай мне всех этих пленников, - требовал он. - Я отправлю их к их друзьям... Прекрати борьбу. Никто из сражающихся с белым народом никогда не становится богатым и никогда не остается два дня кряду на одном месте, он вечно бежит и вечно голоден».

Вабаща, участвовавший в битвах при форте Риджли и Нью-Ульме, тоже был склонен открыть путь миру, освободив пленных, но его зять Рда-ин-йан-ка защищал позицию Вороненка и большинства воинов: «Я за продолжение войны и против освобождения пленных. Я не уверен, будут ли белые придерживаться каких-либо заключенных ими соглашений, если мы выдадим пленных. С тех пор как мы стали заключать с ними договоры, их агенты и торговцы грабят и обманывают нас. Некоторых наших людей они застрелили, некоторых повесили, других бросили на плавучий лед и утопили, а многие умерли от голода

в их тюрьмах. Наш народ и не думал убивать кого-либо из белых, пока эти четверо не вернулись из Актона и не рассказали о том, что они сделали. А когда они рассказали, все молодые люди возбудились и начали резню. Те, кто постарше, предотвратили бы резню, если бы могли, но со времени заключения договоров они утратили все свое влияние. Мы можем жалеть о случившемся, но дело зашло слишком далеко, и ничего уже не поправишь. Мы должны умереть. Давайте же уьем как можно больше белых, и пусть пленники умрут вместе с нами».

12 сентября Вороненок дал Длинному Торговцу последнюю возможность прекратить войну без дальнейшего кровопролития. В своем послании он заверил Сибли, что с пленными обращаются хорошо. «Я хотел бы узнать у Вас как у друга, - добавил он, - каким образом я мог бы добыть мир для моего народа».

Втайне от Вороненка в тот же день Вабаша отправил Сибли письмо, в котором называл Вороненка виновником войны, а также утверждал, что он (Вабаша) является другом «добрых белых людей». Однако Вабаша не упомянул о том, что несколькими неделями ранее он сражался с белыми у форта Риджли и Нью-Ульма. «До сих пор меня сдерживали, грозя убить за любую помощь белым, - заявлял Вабаша, - но теперь, если Вы назначите мне место встречи, я сам и несколько моих друзей возьмем столько пленных, сколько сможем, и с нашим кланом придем в любое место, которое Вы назначите».

Сибли немедленно ответил на оба послания. Он бранил Вороненка за отказ выдать пленных, говоря, что такие действия не могут способствовать заключению мира, но оставлял без внимания призыв вождя найти способ прекращения борьбы. Вместо этого Сибли написал длинное письмо предателю Вабаше, подробно проинструктировав его, как, используя белый флаг, передать пленных. «Я буду рад принять всех подлинных друзей белых, - обещал Сибли, - и, чем больше они приведут пленников, тем лучше. Однако я достаточно силен для того, чтобы подавить всех тех, кто встанет на моем пути, и покарать тех, кто обагрил свои руки невинной кровью».

Получив холодный ответ Длинного Торговца на свою просьбу, Вороненок понял, что нет никакой надежды заключить мир иным способом, кроме унижительной капитуляции. Если солдат не удастся разбить, индейцы санти-сиу обречены на смерть или изгнание.

22 сентября разведчики донесли, что солдаты Сибли прибыли в лагерь на Лесном озере. Вороненок решил дать им бой, прежде чем они достигнут Йеллоу-Медисин.

«Все наши военные вожди и все наши лучшие воины были тут, - рассказывает Большой Орел. - Мы чувствовали, что это будет решающее сражение в этой войне». Вновь, так же как при Бёрч-Кули, индейцам удалось бесшумно устроить засаду для солдат. «Нам было слышно, как они смеются и поют. Когда все приготовления были закончены, мы с Вороненком и еще несколько вождей поднялись на западный холм, чтобы лучше видеть бой, когда он начнется...

Настало утро, и одна случайность расстроила наши планы. По какой-то причине Сибли не выступил ранним утром, как мы ожидали. Наши воины лежали в своих укрытиях и терпеливо ждали. Некоторые были совсем близко от лагерных укреплений, в овраге, но белые не заметили ни одного из наших людей. Не думаю, чтобы им удалось обнаружить нашу засаду. Казалось, прошло уже довольно много времени с рассвета, когда четыре или пять фургонов с некоторым количеством солдат выехало из лагеря в направлении старого агентства возле Йеллоу-Медисин. Потом мы узнали, что солдаты сами, без приказа, поехали нарыть картошки неподалеку от агентства, в пяти милях от лагеря. Они ехали через степь прямо туда, где лежали наши цепи. Несколько фургонов двигалось не по дороге, и, если бы они продолжали движение, они бы переехали прямо через наших людей, лежавших в траве. Наконец они подъехали так близко, что нашим людям пришлось подняться и

открыть огонь. Конечно, тут же завязался бой, однако не так, как мы замыслили. Вороненок видел это и был очень огорчен...

Индейцы, завязавшие бой, действовали удачно, но сотни наших людей не вступили в сражение и не произвели ни одного выстрела. Они были слишком далеко. Люди, находившиеся в овраге, и та цепь, которая связывала их с теми, кто был на дороге, приняли на себя основную тяжесть боя. Мы, бывшие на холме, делали все, что в наших силах, но нас вскоре оттеснили. Здесь погиб Манкато - мы лишились очень искусного и отважного воина. Его убило ядром, которое было почти на излете, так что он не боялся, а оно поразило его, лежавшего в траве, в спину. Белые напали на нас и выбили наших людей из оврага, и на этом сражение кончилось. Мы довольно беспорядочно отступили, хотя белые не пытались нас преследовать. Мы уходили по широкой степи, но их кавалеристы не последовали за нами. Мы потеряли четырнадцать или пятнадцать человек убитыми, многие были ранены. Несколько раненых потом умерло, но я не знаю сколько. Мы не смогли унести трупы, но вынесли всех раненых. Белые скальпировали наших мертвых, так я слышал». (После того как солдаты изуродовали трупы индейцев санти, Сибли издал приказ, запрещающий подобные действия: «Тела убитых, пусть даже жестоких врагов не должны подвергаться оскорблениям со стороны цивилизованных христиан».)

Вечером этого дня санти разбили лагерь в двенадцати милях от Йеллоу-Медисин, и там вожди держали последний военный совет. Теперь почти все были убеждены в том, что Длинный Торговец слишком силен для них. Лесные сиу должны были сдать или бежать к своим родичам степным сиу, жившим в степях Дакоты. Те, кто не принимал участия в боях, решили остаться и сдать, уверенные в том, что выдача белых пленников навеки обеспечит им дружбу Длинного Торговца Сибли. К ним присоединился Вабаши, убедивший и своего зятя Рда-ин-йан-ку остаться. В последний момент решил остаться и Большой Орел. Кто-то из метисов уверил его в том, что, если он сдастся, он будет лишь на некоторое время задержан как военнопленный. Большому Орлу еще предстояло горько пожалеть об этом решении.

На следующее утро, огорченный поражением и ощущая тяжесть своих шестидесяти лет, Вороненок обратился с последней речью к своим сторонникам. «Мне стыдно называться индейцем сиу, - сказал он. - Семьсот наших лучших воинов были разбиты вчера белыми. Теперь нам остается только бежать и рассеяться по долине, подобно волкам и бизонам. Конечно, у белых есть пушки-повозки, конечно, их оружие лучше нашего, и их гораздо больше, чем нас. Но мы все равно должны были разбить их, ибо мы - отважные сиу, а белые - трусливые женщины. Я не отвечаю за это позорное поражение. Должно быть, это дело рук предателей, имеющих среди нас». Затем он, Шакопи и Целебная Бутылка приказали своим людям разбирать вигвамы. В несколько фургонов, принадлежавших агентству, они погрузили свое добро и провизию, своих женщин и детей и двинулись на запад. Месяц Дикого Риса (сентябрь) был на исходе, близилось время холодных лун.

26 сентября при содействии Вабаши и Мазакутемане, выкинувших белый флаг, Сибли вступил в лагерь санти и потребовал немедленной выдачи пленных. 107 человек белых и 162 метиса были освобождены и переданы солдатам. На состоявшемся затем совете Сибли объявил, что санти должны рассматривать себя как военнопленных до тех пор, пока он не выявит среди них и не повесит виновных. Вожди, ратовавшие за мир, выступили с подобострастными изъявлениями дружеских чувств, вроде следующего заявления Пола Мазакутемане: «Я вырос, как дитя в вашей семье. Я вскормлен вами, и теперь я беру вашу руку, как дитя берет руку своего отца... Я считаю всех белых людей своими друзьями с их же благословения».

Ответом Сибли было сооружение артиллерийского кордона вокруг лагеря. Он разослал вестников-метисов, требуя, чтобы все санти долины Миннесоты явились в лагерь Рилис («Освобождение»), так он назвал этот лагерь. Те, кто откажется явиться добровольно, будут

выловлены, взяты в плен или уничтожены. Индейцев окружили и стали разоружать, а солдаты тем временем строили огромное бревенчатое здание. Их цель скоро разъяснилась, когда большинство мужчин-индейцев, около 600 из 2000 индейцев, находившихся в лагере, были закованы попарно и заключены в этом бараке.

Между тем Сибли отобрал пять своих офицеров, составив из них военный трибунал, перед которым должны были предстать все санты, подозреваемые в подстрекательстве к восстанию. Поскольку индейцы не имели юридических прав, он не считал нужным обеспечить им защиту.

Первым подозреваемым, представшим перед судом, был некий мулат по имени Годфри, женатый на женщине из клана Вабаши и проживавший в течение четырех лет возле Нижнего агентства. Против него свидетельствовали три белые женщины из бывших в плену. Ни одна из них не обвиняла его в изнасиловании, ни одна из них не видела его совершающим убийство, но все они якобы слышали, как Годфри хвастался тем, что убил семь белых людей в Нью-Ульме. Основываясь на этом свидетельстве, военный трибунал считал Годфри виновным в убийстве и приговорил его к повешению.

Когда Годфри стало известно, что суд охотно смягчит ему приговор, если он опознает участников нападений, он стал добровольным осведомителем, и судебное разбирательство пошло гладко: каждый день не менее 40 индейцев приговаривалось к заключению или к смерти. 5 ноября судебное разбирательство закончилось; 303 индейца были приговорены к смерти, 16 - к длительным срокам заключения.

Ответственность за уничтожение стольких людей, будь они даже «дьяволами в человеческом обличье», была слишком велика, и Длинный Торговец Сибли не хотел брать ее целиком на себя. Он переложил это бремя на начальника Северо-западного военного округа генерала Джона Попа. Генерал Поп в свою очередь предоставил право окончательного решения президенту Соединенных Штатов, Аврааму Линкольну. «Индейцы сиу будут казнены, если только президент Линкольн не наложит на казнь запрета, - сообщал генерал Поп губернатору Рэмзи, - но я уверен, что он не станет этого делать».

Однако Авраам Линкольн, будучи совестливым человеком, затребовал «полный протокол судебного разбирательства; если протокол не свидетельствует в полной мере против наиболее виновных и влиятельных преступников, извольте составить тщательно подготовленный официальный отчет относительно этих случаев, направив его мне». По получении протоколов судебных заседаний, президент назначил двух юристов для изучения их, дабы установить различия между убийцами и теми, кто лишь участвовал в бою.

Отказ Линкольна санкционировать немедленное повешение 303 приговоренных санты привел в ярость генерала Попа и губернатора Рэмзи. Поп торжественно заявил, что «осужденных преступников следует, по общему мнению, немедленно казнить, не делая никаких исключений... Человеколюбие требует немедленно покончить с этим делом». Рэмзи потребовал от президента санкции на безотлагательную казнь 303 приговоренных и предупредил, что население Миннесоты может «само отомстить» заключенным, если Линкольн не будет действовать быстро.

Пока президент Линкольн просматривал протоколы судебных разбирательств, Сибли перевел заключенных индейцев в тюремный лагерь близ Саут-Бенда на реке Миннесота. Во время их конвоирования через Нью-Ульм толпа граждан, в которой было много женщин, пыталась «сама отомстить» заключенным, используя с этой целью вилы, кипятик и камни, пригодные для метания. Пятнадцать заключенных получили повреждения, у одного была сломана челюсть, прежде чем солдатам удалось провести их через город. В ночь на 4 декабря толпа граждан вновь штурмовала лагерь, где находились заключенные, намереваясь линчевать индейцев. Солдаты сдержали толпу, а на следующий день индейцев перевели в более надежное укрепление неподалеку от города Манкейто.

Тем временем Сибли решил содержать оставшихся 1700 индейцев - в основном женщин и детей - как заключенных, хотя их не обвиняли ни в каком преступлении, если не считать преступлением то, что они родились индейцами. Он приказал перегнать их в форт Снеллинг, и по дороге они тоже подверглись нападению разъяренных белых граждан. В них бросали камнями, били палками; один ребенок был вырван из рук матери и избит до смерти. В форте Снеллинг эту колонну длиной четыре мили загнали в огороженное пространство сырой поймы. Здесь под охраной солдат, под ветхим кровом и на скудном пайке остатки когда-то гордого племени лесных сиу ожидали своей участи.

6 декабря президент Линкольн уведомил Сибли, что у того «есть основание для казни» тридцати девяти индейцев из 303 осужденных санти. «Остальных осужденных индейцев Вы будете держать до дальнейших распоряжений, заботясь о том, чтобы они не могли бежать, но и не стали объектом незаконного насилия».

Казнь состоялась 26 декабря, в Месяце, Когда Олень Сбрасывает Рога. В это утро город Манкейто наполнился жаждущими мщения и исполненными нездорового любопытства гражданами. Полк солдат был введен в город для поддержания порядка. В последний момент исполнение приговора одному из индейцев было отсрочено. Около десяти часов тридцать восемь осужденных повели из тюрьмы к эшафоту. Индейцы пели Песню Смерти племени сиу до тех пор, пока солдаты не натянули им на головы белые капюшоны и не накинули на шею петли. По сигналу армейского офицера веревка, удерживавшая помост с казнимыми, была перерезана, и тридцать восемь индейцев санти-сиу безжизненно повисли в воздухе. Если бы не вмешательство Авраама Линкольна, их было бы три сотни; и все же один из очевидцев похвалялся тем, что это была крупнейшая массовая казнь в Америке.

Через несколько часов должностными лицами было обнаружено, что двое повешенных не значатся в списке Линкольна, но публично об этом было заявлено лишь через девять лет. «Остается только сожалеть о том, что были допущены некоторые ошибки, - заявил один из ответственных представителей. - Я уверен, что они не были допущены намеренно». Один из невинно повешенных спас жизнь белой женщине во время нападения индейцев.

Еще несколько человек, казненных в этот день, настаивало на своей невинности до самого конца. Одним из них был Рда-ин-йан-ка, пытавшийся предотвратить войну вначале, но затем присоединившийся к Вороненку. Когда Вороненок со своими сторонниками уходил в Дакоту, Вабаша убедил Рда-ин-йан-ка не ходить с ними.

Незадолго до казни Рда-ин-йан-ка продиктовал письмо своему вождю:

«Вабаша, ты обманул меня. Ты говорил мне, что, если мы последуем совету генерала Сибли и предадим себя в руки белых, все будет хорошо, ни один невинный не пострадает. Я не убил, не ранил и не обидел никого из белых мужчин, и вообще никого из белых. Я не был среди тех, кто грабил их имущество. И все же сегодня меня поместили вместе с теми, кого должны казнить, и через несколько дней я должен умереть, в то время как виновные останутся в тюрьме. Моя жена - твоя дочь, мои дети - твои внуки. Оставляю их на твоём попечении и под твоей защитой. Сделай так, чтобы они не страдали. А когда мои дети вырастут, пусть они узнают от тебя, что их отец умер, потому что последовал совету своего вождя, не имея на себе крови белого человека, за которую ему пришлось бы отвечать перед Великим Духом.

Жена и дети дороги мне. Пусть они не скорбят обо мне. Пусть помнят, что воин должен быть готов встретить смерть, что я и сделаю, как то подобает дакоту.

Твой зять Рда-ин-йан-ка».

Избежавшие казни были приговорены к тюремному заключению. Одним из них был Большой Орел, который охотно сознался в том, что участвовал в боях. «Если бы я знал, что меня пошлют в тюрьму, - говорил он, - я бы не сдался, но, когда я пробыл в тюрьме три года

и меня уже собирались выпустить, я сказал им, что они могут поддержать меня еще год, если хотят, и я говорил это всерьез. Мне не понравилось, как со мной обошлись. Я сдавался уверенный в себе, зная, что многие белые знакомы со мной, и что я не был убийцей, не присутствовал при совершении убийств, и что если я убил или ранил кого-нибудь, то лишь в честном, открытом бою». Многие теперь жалели, что не бежали из Миннесоты вместе с воинами.

К моменту казни Вороненок и его сторонники стояли лагерем возле Девилс-Лейк, обычном месте зимовки нескольких племен сиу. В течение зимы он пытался объединить вождей этих племен в военный союз, предупреждая их, что, если они не будут готовиться к борьбе, их всех покорят вторгшиеся белые. Он нашел у них сочувствие, но лишь немногие индейцы равнины верили в то, что им грозит какая-то опасность. Если белые люди войдут в Дакоту, индейцы попросту продвинутся дальше на запад. Земля достаточно велика для того, чтоб вместить всех.

Весной Вороненок, Шакопи и Целебная Бутылка перебрались со своими группами на север, в Канаду. В форте Гэрри (Виннипег) Вороненок пытался уговорить британские власти помочь индейцам сани. Для первой встречи с ними он одел свое лучшее платье: черный сюртук с бархатным воротом, набедренную повязку из синей ткани и замшевые ноговицы. Он напомнил англичанам, что его прадед был их союзником в прежних войнах с американцами и что во время войны 1812 г. сани захватили у американцев пушку и подарили ее англичанам. При этом, по словам Вороненка, англичане обещали индейцам сани, что, если те когда-нибудь попадут в беду и будут нуждаться в помощи, англичане вернут им пушку, придав к ней людей, умеющих с ней обращаться. Сейчас сани в беде и хотят, чтоб им вернули пушку.

Некоторое количество продовольствия - вот все, чего удалось добиться Вороненку от британских канадцев. У них не было пушки, чтобы дать ее сани, даже боеприпасов для оружия у них не оказалось.

В Месяце Земляники, в июне 1863 г., Вороненок решил, что ему следует делать. Раз он и его клан насильно превращены в степных индейцев, у них должны быть лошади. У белых людей, которые согнали его с земли, были лошади; он возьмет их лошадей в обмен на свою землю. Вороненок решил вернуться в Миннесоту с небольшим отрядом для захвата лошадей.

Его шестнадцатилетний сын Вовинапа впоследствии рассказывал об этом: «Отец говорил, что он не может сражаться с белыми людьми, но он пойдет на юг, украдет у них лошадей и отдаст их своим детям, чтобы тем было хорошо, и лишь тогда уйдет из жизни.

Кроме того, отец сказал, что стал стар и хочет, чтобы я шел вместе с ним, и нес его узлы. Своих жен и других детей он оставил в Канаде. В отряде, который пошел с нами на юг, было шестнадцать мужчин и одна скво. У нас не было лошадей, и весь путь мы прошли пешком до самых поселений».

В Месяце Цветения Красных Лилий они достигли Больших лесов, которые всего несколько лет назад принадлежали сани, а теперь там было полно ферм и поселений. В полдень 3 июля Вороненок и Вовинапа покинули свою тайную стоянку и отправились собирать малину близ селенья Хатчинсон. Перед заходом солнца они попались на глаза двум поселенцам, возвращавшимся с оленьей охоты. Поскольку с недавнего времени штат Миннесота начал выплачивать по 25 долларов за скальп индейца сиу, поселенцы немедленно открыли огонь.

Пуля попала Вороненку в бок, чуть выше бедра. «Его ружье и мое лежали на земле, - говорит Вовинапа. - Он взял мое ружье и сначала выстрелил из него, а потом выстрелил из своего ружья. Пуля, ударившись о ствол его ружья, попала ему в грудь. Этот выстрел убил его. Он сказал мне, что умирает, и попросил воды, которую я дал ему. Сразу после этого он

умер. Услышав первый выстрел, я лег, и эти люди не видели меня, пока не был убит мой отец».

Вовинапа поспешно обул мертвого отца в новые мокасины для путешествия в Страну Духов. Он прикрыл тело одеждой и побежал в лагерь. Предупредив остальных членов группы о необходимости расходиться по одиночке, он двинулся в обратный путь к Девилс-Лейк. «Я шел только по ночам; у меня не было патронов, чтобы подстрелить себе что-нибудь для еды, и потому у меня не было сил идти быстро». В брошенном поселке близ Биг-Стоун-Лейк он нашел один-единственный патрон и ухитрился подстрелить волка. «Я поел немного и снова мог идти, и шел на север к озеру до того дня, когда меня взяли в плен».

Вовинапа был захвачен в плен группой солдат Длинного Торговца Сибли, направлявшихся этим летом в страну дакотов убивать индейцев сиу. Солдаты вернули шестнадцатилетнего мальчика обратно в Миннесоту, где он предстал перед военным трибуналом и был приговорен к повешению. В это время он узнал, что скальп и череп его отца сохранены и выставлены на всеобщее обозрение в Сент-Поле. Штат Миннесота вознаградил поселенцев, убивших Вороненка, обычной платой за скальп, а также премией в 500 долларов.

Когда протокол судебного разбирательства по делу Вовинапы был рассмотрен в Вашингтоне, военные власти не утвердили решения суда и заменили мальчику смертный приговор на тюремное заключение. (Через несколько лет, после освобождения из тюрьмы, Вовинапа изменил свое имя на Томас Уэйкмен, стал священником и основал первую христианскую ассоциацию молодежи среди индейцев сиу.)

Тем временем Шакопи и Целебная Бутылка оставались в Канаде, полагая, что здесь они недосыгаемы для мстительных жителей Миннесоты. Однако в декабре 1863 г. один из младших вождей Длинного Торговца, майор Эдвин Хатч, привел кавалерийский батальон из Миннесоты к реке Пембина, как раз напротив канадской границы.

Оттуда Хатч послал одного лейтенанта через границу в форт Гэрри для тайной встречи с американским гражданином Джоном Маккензи. С помощью Маккензи и двух канадцев лейтенант организовал захват Шакопи и Целебной Бутылки. Во время дружеской встречи с двумя военными вождями санти заговорщики дали им вина, смешанного с настойкой опия, заставили спящих вдохнуть хлороформ, связали им руки и ноги и привязали ремнями к саням, которые везла собачья упряжка. В нарушение международного права лейтенант перетащил своих пленников через границу и сдал их майору Хатчу у реки Пембина. Через несколько месяцев Сибли разыграл еще одно театрализованное судебное разбирательство; и Шакопи и Целебная Бутылка были приговорены к повешению. По поводу этого приговора сент-полская газета «Пайение» писала: «Мы не считаем завтрашнюю казнь актом несправедливости, однако было бы куда достойнее представить хоть какие-нибудь реальные доказательства вины приговоренных... ни один белый, представший перед судом присяжных, равных ему по положению, не был бы казнен на основании такого рода доказательств». Законодательный орган штата Миннесота с благодарностью выделил Джону Маккензи тысячу долларов в качестве платы за его услуги в Канаде.

Дни индейцев санти-сиу в Миннесоте были сочтены. Хотя почти все военные вожди и воины были либо мертвы, либо в тюрьме, либо далеко за пределами штата, все же белые поселенцы нашли возможным использовать восстание в качестве повода для захвата оставшихся земель санти, не сделав даже вида, что они собираются заплатить за них. Прежние договоры были отменены, а уцелевшим индейцам сообщили, что они будут отправлены в резервацию на территории Дакота. Даже вожди, сотрудничавшие с белыми, должны были отправиться туда. «Уничтожить или изгнать!» - таков был клич рвавшихся к земле поселенцев. Первая партия в 770 индейцев санти покинула Сент-Пол на пароходе 4 мая 1863 г. Белые жители Миннесоты собрались на пристани, чтобы проводить индейцев насмешливыми криками и градом камней.

Местом для резервации санти был избран Кроу-Крик на реке Миссури. Почва была бесплодна, дожди редки, дичи мало, вода с примесью щелочи, непригодная для питья. Вскоре окрестные холмы стали покрываться могилами: из 1300 индейцев санти, привезенных сюда в 1863 г., менее тысячи смогло пережить эту первую зиму.

В числе побывавших в Кроу-Крик в этом году был молодой индеец из племени тетон-сиу. С состраданием глядел он на своих родичей санти и слушал рассказы о том, как американцы захватили их земли, изгнав их. Действительно, думал он, этот белый народ подобен весеннему паводку, заливающему берега и уничтожающему всякого, кто окажется на его тропе. Скоро они захватят и страну бизонов, если в сердцах индейцев не достанет отваги, чтобы сдержать их. И он решил, что будет сражаться, чтобы сдержать этот поток. Имя этого юноши было Татанка Йотанка, Сидящий Бык.

IV. ВОЙНА ПРИХОДИТ К ШАЙЕНАМ

Хотя мне причиняли зло, я живу надеждой. У меня - одно сердце... Вот мы вновь собрались, чтобы заключить мир. Мой позор велик, как земля, и все же я поступлю так, как советуют мне мои друзья. Когда-то я считал себя единственным человеком, верным дружбе с белыми, но после того, как они пришли и уничтожили наши вигвамы, наших коней и все остальное, мне трудно вновь поверить белым людям.

Мотагато (Черный Котел), из южных шайенов

В 1851 г. шайены, арапахи, сиу, кроу и другие племена встретились у форта Ларами с представителями Соединенных Штатов и согласились разрешить американцам проводить дороги через свою территорию и размещать на них военные гарнизоны. Обе стороны, заключившие договор, поклялись «сохранять верность и дружелюбие во всех взаимоотношениях, а также установить подлинный и продолжительный мир». К концу первого десятилетия после подписания этого соглашения белые люди прошли через всю индейскую землю вдоль долины реки Платт. Сначала потянулись обозы, потом возникла цепочка фортов, затем на смену обозам пришли дилижансы, а в цепи фортов прибавились новые звенья, затем поскакали всадники скорой почтовой связи, которых сменили говорящие провода телеграфа.

Согласно договору 1851 г., степные индейцы не отказывались от каких-либо прав или притязаний на свои земли, они также никому «не передавали привилегий на охоту, или отлов рыбы, или на прохождение через какие-либо участки земли, означенные ниже». В 1858 г. началась золотая лихорадка в Пайк-Пик, и тысячи белых старателей хлынули добывать желтый металл из индейской земли. Старатели повсюду строили небольшие деревянные поселки, а в 1859 г. они построили большой поселок, названный ими Денвер. Маленький Ворон, вождь арапахов, которого забавляла энергичная деятельность белых людей, посетил Денвер; он научился курить сигары и есть мясо с помощью ножа и вилки. Он также сказал старателям, что рад предоставить им возможность добывать золото, однако напомнил, что эта земля принадлежит индейцам, и выразил надежду на то, что они не останутся на ней после того, как найдут весь желтый металл, который им так необходим.

На индейской земле не только остались эти старатели, но и пришли тысячи новых. Долина реки Платт, когда-то изобиловавшая бизонами, стала наполняться поселенцами, которые огораживали свои фермы и те участки земли, на которые они сделали заявки, на территории, принадлежавшей южным шайенам и арапахам согласно договору, заключенному в Ларами. Всего через десять лет после подписания этого договора Великий совет в Вашингтоне создал территорию Колорадо; Великий Отец прислал губернатора, а политические деятели начали интриги с целью добиться земельных уступок от индейцев.

Пока все это происходило, шайены и арапахи не нарушали мира, и, когда правительственные чиновники Соединенных Штатов пригласили их вождей собраться в форте Уайз на реке Арканзас, чтобы обсудить новое соглашение, несколько вождей приняли приглашение. Согласно позднейшим высказываниям вождей обоих племен, то, что им было сказано о содержании этого договора, весьма отличалось от того, что в нем действительно было написано. Вожди поняли договор в том смысле, что за шайенами и арапахами сохранялось право на земли и на свободу передвижения во время охоты на бизонов, однако они согласились жить и впредь на участке территории, ограниченном реками Санд-Крик и Арканзас. Свобода передвижения была в особенности жизненно важным вопросом, так как на территории резервации, определенной для этих двух племен, почти не водилась крупная дичь, а почва была непригодна для земледелия без системы ирригации.

Заключение договора в форте Уайз происходило весьма торжественно. Ввиду важности соглашения полковник Э. Гринвуд, уполномоченный по делам индейцев, явился собственной персоной раздавать медали, одеяла, сахар и табак. Маленький Белый Человек Уильям Бент, женившийся на женщине из племени шайенов, присутствовал там, чтобы соблюдать интересы индейцев. Когда шайены указали на то, что всего лишь шесть из сорока четырех их вождей присутствуют при подписании договора, чиновники из Соединенных Штатов ответили, что остальные смогут подписать его позже. Никто из остальных вождей никогда не подписал его, и потому правомочность этого договора осталась под сомнением. Черный Котел, Белая Антилопа и Тощий Медведь были среди подписавших договор от племени шайенов. Маленький Ворон, Ураган и Большеротый расписались за арапахов. Подписи засвидетельствовали два кавалерийских офицера из Соединенных Штатов, Джон Седжуик и Дж. Стюарт. (Через несколько месяцев Седжуик и Стюарт, убеждавшие индейцев стремиться к миру, сами оказались противниками в Гражданской войне, и по иронии судьбы оба погибли, один за другим, за несколько часов в боях при Уилденесе.)

В течение первых лет Гражданской войны между белыми охотничьими партиями шайенов и арапахов становилось все труднее держаться в стороне от «синих мундиров», посылавших свои дозоры все дальше на юг в поисках «серых мундиров». Они слышали о бедах навахов и узнали от друзей из племени сиу об ужасной судьбе индейцев санти, осмелившихся бросить вызов солдатам в Миннесоте. Вожди шайенов и арапахов старались занять своих юношей охотой на бизонов и держать их, таким образом, вдали от маршрутов, проложенных белыми людьми. Однако с каждым годом вместе с численностью «синих мундиров» возрастала и их заносчивость. К весне 1864 г. солдаты проникли в отдаленные охотничьи угодья между реками Смоки-Хилл и Репабликан.

Когда трава в том году достаточно подросла, Римский Нос и значительное число Собак из племени шайенов пошли на север, чтобы как следует поохотиться на берегах реки Паудер вместе со своими родичами, северными шайенами. Однако Черный Котел, Белая Антилопа и Тощий Медведь держались со своими группами ниже по реке Платт; так же поступал и Маленький Ворон со своими арапахами. Они старательно избегали солдат и белых охотников на бизонов, оставаясь вдали от фортов, дорог и поселений.

Этой весной Черный Котел и Тощий Медведь спустились к форту Ларнед (штат Канзас) торговать. Всего лишь год назад оба вождя посетили Великого Отца Авраама Линкольна в Вашингтоне и были уверены, что солдаты Великого Отца в форте Ларнед отнесутся к ним хорошо. Президент Линкольн дал им медали, чтобы носить их на груди, а полковник Гринвуд подарил Черному Котлу американский флаг, огромный гарнизонный флаг с белыми звездами тридцати четырех штатов, которые были больше, чем звезды, сверкающие на небе в ясную ночь. Полковник Гринвуд сказал ему, что, пока этот флаг будет развеваться над ним, ни один солдат никогда не выстрелит в него. Черный Котел очень гордился своим флагом и на долгих стоянках всегда прикреплял его к шесту над своим вигвамом.

В середине мая Черный Котел и Тощий Медведь услышали о том, что солдаты напали на нескольких шайенов на реке Саут-Платт. Они решили свернуть лагерь и двинуться на север, чтобы соединиться с остальным племенем в случае, если понадобится сила для защиты. После однодневного перехода они пришли в лагерь неподалеку от Аш-Крик. На следующее утро, как водится, охотники спозаранку отправились за добычей, однако вскоре поспешно вернулись. Они видели солдат с пушками, приближавшихся к лагерю.

Тощий Медведь, любивший острые ощущения, сказал Черному Котлу, что он пойдет навстречу солдатам и узнает, чего те хотят. Он прикрепил медаль Великого Отца Линкольна к своей куртке, взял с собой бумаги, выданные ему в Вашингтоне и подтверждающие, что он добрый друг Соединенных Штатов, и выехал из лагеря в сопровождении эскорта воинов. Въехав на вершину холма, и поблизости от лагеря, Тощий Медведь увидел солдат, которые

приближались, разбившись на четыре кавалерийских отряда. В центре у них было две пушки, а позади тянулись несколько фургонов.

Волчий Вождь, один из молодых воинов, сопровождавших Тощего Медведя, рассказывал впоследствии, что, как только солдаты увидели шайенов, они построились в боевой порядок. «Тощий Медведь велел нам, воинам, оставаться на месте, - рассказывает Волчий Вождь, - чтобы не напугать солдат, сказав, что сам он поедет позвать руку офицеру и покажет ему свои бумаги... Когда вождь был всего в двадцати-тридцати ярдах от шеренги солдат, офицер очень громко выкрикнул команду, и солдаты все, как один, стали стрелять в Тощего Медведя и во всех нас. Тощий Медведь упал со своей лошади прямо перед строем, и другой шайен, по имени Звезда, тоже упал со своей лошади. Затем солдаты поскакали вперед и снова стреляли в Тощего Медведя и в Звезду, беспомощно лежавших на земле. Я и несколько юношей отъехали в сторону. Перед нами была рота солдат, но все они стреляли в Тощего Медведя и других шайенов, находившихся перед ними. Они не обращали на нас внимания, пока мы не начали стрелять в них из луков и ружей. Они были так близко, что мы поразили нескольких человек стрелами. Двое из них опрокинулись навзничь со своих лошадей. К этому времени началось большое замешательство. Шайены продолжали прибывать из лагеря небольшими группами, солдаты сгрудились в кучу и казались очень напуганными. Они стреляли в нас из пушки. Снаряды с крупной картечью рвались вокруг нас, но были плохо нацелены».

Затем в самый разгар сражения появился Черный Котел на своем коне и стал разезжать взад-вперед среди воинов. «Прекратите бой! - кричал он. - Не начинайте войну!» Но шайены долго не слышали его. «Мы были в ярости, - рассказывает Волчий Вождь, - однако ему в конце концов удалось прекратить бой. Солдаты бежали. Мы захватили пятнадцать лошадей с седлами, сбруей и седельными сумками. Несколько солдат было убито. Тощий Медведь, Звезда и еще один шайен были убиты, и многие были ранены».

Шайены были уверены, что они могли бы убить всех солдат и захватить их гаубицы, потому что в лагере было пятьсот воинов-шайенов против ста солдат. Но даже после прекращения боя многие юноши, приведенные в ярость хладнокровным убийством Тощего Медведя, преследовали убежавших солдат, стреляя в них на ходу, до самого форта Ларнед.

Черный Котел был озадачен этой внезапной атакой. Он горевал о Тощем Медведе. Они были друзьями почти полвека. Он помнил, как из-за своего любопытства Тощий Медведь то и дело попадал в переделки. Как-то раз во время дружеского посещения шайенами форта Аткинсон на реке Арканзас, Тощий Медведь заметил на одной из офицерских жен ярко сверкавшее кольцо. Он непроизвольно схватил руку женщины, чтобы рассмотреть кольцо. Муж женщины тотчас кинулся на Тощего Медведя и ударил его тяжелой плетью. Тощий Медведь повернулся, вскочил на коня и ускакал на стоянку шайенов. Он раскрасил свое лицо и ездил по лагерю, подбивая воинов вместе с ним напасть на форт. Он кричал, что оскорблен вождь шайенов. Черному Котлу и другим вождям стоило больших трудов унять его в тот день. Теперь Тощий Медведь был мертв, и его смерть возбуждала в воинах куда большую ярость, чем оскорбление, нанесенное ему в форте Аткинсон.

Черный Котел не мог понять, почему солдаты атаковали мирный лагерь шайенов без предупреждения. Он решил, что если кто и знает об этом - так это его старый друг Маленький Белый Человек Уильям Бент. Более тридцати лет прошло с тех пор, как Маленький Белый Человек вместе со своими братьями пришел к реке Арканзас и построил форт Бент. Уильям женился на Женщине Сове, а когда она умерла, взял в жены ее сестру - Желтую Женщину. Все эти годы братья Бент и шайены были близкими друзьями. У Маленького Белого Человека было три сына и две дочери, подолгу живших среди народа своей матери. Этим летом два его сына-метиса, Джордж и Чарли, вместе с шайенами охотились на бизонов на реке Смоки-Хилл

Поразмыслив некоторое время над происшедшим, Черный Котел отправил посланца на резвой лошади разыскивать Маленького Белою Человека «Расскажи ему о том, что мы сражались с солдатами и убили несколько человек, - сказал Черный Котел. - Скажи ему, что мы не знаем, из-за чего и для чего случился этот бой, и что мы хотели бы поговорить с ним об этом».

Посланец Черного Котла случайно встретил Уильяма Бента на дороге между фортом Ларнед и фортом Лайон. Бент отправил посланца обратно, назначив Черному Котлу встречу возле Кун-Крик Неделю спустя старые друзья встретились. Оба были обеспокоены будущим шайенов Бент особенно тревожился за своих сыновей Он успокоился, узнав, что они охотятся на Смоки-Хилл. Оттуда не было сообщения о каких-либо неприятностях, но ему было известно о двух стычках, случившихся в другом месте. У Фримонтс-Очед, к северу от Денвера, отряд Собак был атакован дозором колорадских добровольцев полковника Джона Чивингтона, разыскивавших украденных лошадей. Собаки подобрали двух лошадей и одного мула, сочтя их отбившимися от табуна, однако солдаты Чивингтона открыли огонь прежде, чем Собаки смогли объяснить, где они взяли этих животных. После этой стычки Чивингтон послал более крупный отряд, атаковавший лагерь шайенов неподалеку от Сидер-Блафс, убив при этом двух женщин и двух детей. Артиллеристы, атаковавшие лагерь Черного Котла 16 мая, также были людьми Чивингтона, шедшими из Денвера, но не имевшими никаких полномочий производить какие-либо операции в Канзасе. Однако командовавший отрядом лейтенант Джордж Йэри имел приказ полковника Чивингтона «убивать шайенов, когда бы и где бы их ни обнаружили».

Уильям Бент и Черный Котел согласились, что, если такие инциденты будут повторяться, не миновать большой войны в степях. «Я ничего не замышлял против белых и не хотел сражаться с ними, - сказал Черный Котел. - Я хотел поддерживать дружественные и мирные отношения и того же требовал от своего племени. Я не в силах сражаться с белыми. Я хочу жить мирно».

Бент сказал Черному Котлу, чтобы тот удерживал своих юношей от ответных набегов, и обещал вернуться в Колорадо и попытаться убедить военные власти сойти с опасной тропы, на которую те встали. Затем он отправился в форт Лайон.

«Прибыв туда, - свидетельствовал он позже под присягой, - я встретился с полковником Чивингтоном, пересказал ему разговор, имевший место между мной и упомянутыми индейцами, и сообщил ему, что вожди хотят поддерживать дружественные отношения. В ответ полковник сказал, что он не уполномочен заключать мир и что, следовательно, он стоит на тропе войны; помнится, он употребил именно это выражение. Затем я заявил ему, что было бы весьма рискованно продолжать эту войну, что множество правительственных обозов, а также много граждан направляются в Нью-Мексико и другие пункты и в случае войны здесь может не оказаться достаточно сил для обеспечения безопасности этого передвижения, кроме того, могут пострадать здешние граждане и поселенцы. Он ответил, что граждане должны сами защищать себя. Больше я ему ничего не говорил».

Позже, в июне, губернатор территории Колорадо Джон Ивэнс издал циркуляр, обращенный к «дружественным индейцам степей», уведомляя их о том, что некоторые члены их племен вступили в войну с белыми людьми. Губернатор Ивэнс объявил, что «в некоторых случаях индейцы нападали на солдат и убивали их». Он ни словом не обмолвился о солдатах, атаковавших индейцев, хотя именно вследствие этих атак произошли все три столкновения с шайенами. «Великий Отец рассержен, - продолжал Ивэнс, - и он, несомненно, накажет этих индейцев, но он не хочет причинять вреда тем, кто сохранил дружественные отношения с белыми; он желает защитить их и позаботиться о них. С этой целью я предписываю всем дружественным индейцам держаться подальше от тех, кто ведет войну, и идти в безопасные места». Ивэнс приказывал дружественным шайенам и арапахам явиться к форту Лайон в их резервацию, где их агент Сэмюэль Колли обеспечит их припасами и найдет для них

прибежище. «Это делается с целью предотвратить убийства дружественных индейцев по ошибке... Война против враждебных индейцев будет продолжаться до тех пор, пока все они на деле не покорятся».

Как только Уильям Бент узнал о предписании губернатора Ивэнса, он немедленно отправился предупредить шайенов и арапахов о необходимости идти в форт Лайон. Поскольку многие группы, отправившись на летнюю охоту, разбрелись по всему западному Канзасу, прошло несколько недель, прежде чем гонцам удалось до них добраться. За это время число стычек между солдатами и индейцами все возрастало. Воины племени сиу, восставшие в ответ на действия карательных экспедиций, предпринятых в 1863 и 1864 гг. генералом Альфредом Салли в Дакоте, собирались в отряды и нападали с севера на обозы, на станции почтовых дилижансов, а также на поселенцев, обитавших в долине реки Платт. Эти действия навлекли на южных шайенов и арапахов множество обвинений и привлекли к ним главное внимание солдат из Колорадо. Сын Уильяма Бента метис Джордж, который в июле находился с большим отрядом шайенов на реке Соломон, говорил, что войска вновь и вновь атаковали их без какой-либо на то причины до тех пор, пока они не стали отвечать единственным известным им способом - поджигая почтовые станции, преследуя дилижансы, угоняя скот, вынуждая фрахтовщиков выстраивать свои фургоны в круг и принимать бой.

Черный Котел и другие вожди пытались прекратить эти набеги, но их влияние ослабляла привлекательность более молодых предводителей вроде Римского Носа или членов военного общества (Хотамитанеос), так называемого Общества Собак. Когда Черный Котел обнаружил, что участники набегов доставили на стоянки возле реки Смоки-Хилл семерых белых пленников - двух женщин и пятерых детей, - он выкупил четырех из них, расплатившись собственными лошадьми, с тем чтобы вернуть их родным. Примерно тогда же он наконец получил сообщение Уильяма Бента, уведомлявшего его о приказе губернатора Ивэнса явиться в форт Лайон.

Был уже конец августа, и Ивэнс издал второе предписание, «дававшее право всем гражданам Колорадо, индивидуально или объединившись в группы, преследовать всех враждебных индейцев степей, тщательно избегая нападений на тех, кто ответил на мой призыв явиться на места сбора в означенных пунктах; а также убивать и уничтожать как врагов страны всех враждебных индейцев, где бы они ни были обнаружены». Охота на индейцев, не заключенных в одну из означенных резерваций, уже шла полным ходом.

Черный Котел немедленно собрал совет, и все вожди в лагере согласились подчиниться требованию губернатора ради сохранения мира. Джорджа Бента, получившего образование в Уэбстеровском колледже в Сент-Луисе, попросили написать письмо агенту Сэмюэлю Колли в форт Лайон, сообщив ему, что индейцы хотят мира. «Мы слышали, что у вас есть заключенные в Денвере. У нас есть семь белых пленников, которых мы готовы освободить в том случае, если вы освободите наших... Мы хотели получить от вас правдивые вести в ответ на наше письмо». Черный Котел надеялся, что Колли проинструктирует его, как ему провести своих шайенов через Колорадо, не подвергаясь нападению со стороны солдат и бродячих отрядов вооруженных граждан губернатора Ивэнса. Черный Котел не вполне доверял Колли; он подозревал агента в продаже ради собственной выгоды части предназначенных для индейцев припасов. (Черный Котел не знал, насколько тесно Колли был связан с губернатором Ивэнсом и полковником Чивингтоном в деле осуществления их плана изгнания индейцев степей из Колорадо.) 26 июля агент написал Ивэнсу, что они не могут положиться ни на кого из индейцев в деле поддержания мира. «Теперь мне кажется, что немного пороху и свинца - это лучшая пища для них», - заключил свое письмо Колли.

Не доверяя Колли, Черный Котел сделал копию со своего письма и отправил ее Уильяму Бенту. Он раздал другие копии Одноглазому и Орлиной Голове, приказав им скакать с ними в форт Лайон. Спустя шесть дней, приближаясь к форту, Одноглазый и Орлиная Голова внезапно наехали на трех солдат. Солдаты изготавились стрелять, но Одноглазый быстро

подал мирный знак и протянул письмо Черного Котла. Через несколько минут индейцы были доставлены в форт Лайон как пленники и переданы командиру форта майору Эдварду Уинкупу.

Высокий Вождь Уинкуп заподозрил индейцев в злом умысле. Узнав от Одноглазого, что Черный Котел хочет, чтобы он прибыл в лагерь на Смоки-Хилл и сопровождал индейцев обратно в резервацию, он спросил, сколько там индейцев. Две тысячи шайенов и арапахов, ответил Одноглазый, и около двухсот их друзей из племени сиу, пришедших с севера и утомленных преследованием солдат. Уинкуп не дал никакого ответа. В его распоряжении находилось едва ли более сотни солдат, и ему было известно, что индейцы знают численность его отряда. Подозревая ловушку, он приказал заключить гонцов шайенов в караульное помещение и созвал своих офицеров на совет. Высокий Вождь был молод, ему не было и двадцати пяти лет, и единственным его боевым опытом было участие в одной битве против конфедератов Техаса в Нью-Мексико. Впервые за время своей службы ему предстояло принять решение, которое могло означать гибель всего вверенного ему подразделения.

Помедлив день, Уинкуп наконец решил, что ему следует идти к Смоки-Хилл - не ради индейцев, а с тем чтобы освободить белых пленников. Несомненно, Черный Котел именно для этого и упомянул о пленниках в своем письме; он знал: для белых людей невыносима мысль о том, что их женщины и дети находятся среди индейцев.

6 сентября Уинкуп был готов выступить со 127 верховыми солдатами. Освободив Одноглазого и Орлиную Голову с гауптвахты, он сказал им, что они будут в этой экспедиции одновременно проводниками и заложниками. «При первом же признаке предательства со стороны вашего народа, - предупредил их Уинкуп, - я убью вас».

«Шайены не нарушают своего слова, - ответил Одноглазый. - Если бы они поступали так, мне бы не стоило дольше жить».

(Впоследствии Уинкуп говорил, что его беседы с двумя шайенами во время похода заставили его изменить мнение об индейцах, которого он издавна придерживался. «Я чувствовал, что передо мной высшие существа; и они были представителями той самой расы, на которую я до той поры смотрел весьма безнадежно, считая ее жестокой, вероломной и кровожадной, лишенной всяких чувств и привязанностей к друзьям и близким».)

Спустя пять дней у истоков реки Смоки-Хилл высланные вперед разведчики Уинкупа обнаружили отряд в несколько сотен воинов, выстроенных точно для битвы.

Джордж Бент, все еще находившийся при Черном Котле, говорил, что, когда появились солдаты Уинкупа, Собаки «приготовились сражаться и выехали навстречу войскам, наложив стрелы на тетивы, однако Черный Котел и несколько вождей помешали им, и, попросив майора Уинкупа отвести свой отряд на некоторое расстояние, предотвратили бой».

На утро следующего дня Черный Котел и другие вожди встретились с Уинкупом и его офицерами, чтобы держать совет. Черный Котел дал сначала высказаться другим. Бычий Медведь, предводитель Собак, сказал, что он и его брат Тоший Медведь пытались жить в мире с белыми людьми, но без всякого повода и причины пришли солдаты и убили Тощего Медведя. «Индейцы не виноваты в том, что началась война, - прибавил он. - Белые люди подобны лисам, с ними невозможно достичь мира, единственное, что остается индейцам, - это сражаться».

Маленький Ворон из племени арапахо согласился с Бычим Медведем. «Я был бы рад обменяться рукопожатием с белыми людьми, - сказал он, - но я боюсь, что они не хотят мира с нами».

Затем Одноглазый попросил слова и сказал, что ему стыдно слушать такие речи. Он рисковал своей жизнью, отправившись в форт Лайон, и дал слово Высокому Вождю Уинкупу, что шайены и арапахи мирно проследуют в отведенную им резервацию. «Я поручился Высокому Вождю своим словом и своей жизнью, - заявил Одноглазый. - Если мой народ не поступит по совести, я пойду с белыми и буду сражаться на их стороне, и у меня очень много друзей, которые последуют за мной».

Уинкуп пообещал сделать все, что в его силах, чтобы удержать солдат от войны с индейцами. Он сказал, что он не очень большой вождь и не может говорить за всех солдат, но, если индейцы передадут ему белых пленников, он отправится вместе с индейскими вождями в Денвер и поможет им заключить мир с более крупными солдатскими вождями.

Черный Котел, молча слушавший все эти прения («недвижно, с легкой улыбкой на лице», по словам Уинкупа), поднялся и сказал, что был рад услышать речь Уинкупа. «Есть дурные белые и дурные индейцы, - сказал он. - Эти дурные люди с той и с другой стороны были причиной наших бед. Некоторые из моих юношей присоединились к ним. Я против войны и делал все, что в моих силах, чтобы предотвратить ее. Мне кажется, что вина за нее по-прежнему лежит на белых. Они начали эту войну и вынудили индейцев сражаться». Затем он пообещал освободить четырех белых пленников, которых выкупил; остальные трое находятся в лагере, расположенном дальше к северу, и потребуется некоторое время на то, чтобы договориться об их выдаче.

Четверо пленников, все четверо - дети, оказались целыми и невредимыми; действительно, когда солдаты спросили восьмилетнего Эмброуза Арчера о том, как индейцы обходились с ним, мальчик ответил, что, «если бы его не освободили, он охотно остался бы с индейцами».

Переговоры продолжались еще некоторое время, и наконец было достигнуто соглашение о том, что индейцы останутся в своем лагере у Смоки-Хилл, в то время как семеро вождей отправится вместе с Уинкупом в Денвер заключать мир с губернатором Ивэнсом и полковником Чивингтоном. Черный Котел, Белая Антилопа, Бычий Медведь и Одноглазый представляли шайенов; Нева, Боссе, Уйма Бизонов и Нотани - арапахов. Маленький Ворон и Левая Рука, скептически относившиеся к любым обещаниям Ивэнса и Чивингтона, остались в лагере присматривать за тем, чтобы их молодые арапахи не натворили бед. Боевое Оперенье присматривал в лагере за шайенами.

Вереница верховых солдат Уинкупа, четверо белых детей и семь индейских вождей достигли Денвера 28 сентября. Индейцы ехали на запряженной мулом телеге, в которой были устроены деревянные сиденья. Перед путешествием Черный Котел укрепил над телегой свой большой гарнизонный флаг, и, когда они въезжали на пыльные улицы Денвера, государственный флаг США развевался над головами вождей, оберегая их. Весь Денвер собрался поглядеть на эту процессию.

До начала совета Уинкуп посетил губернатора Ивэнса для беседы. Губернатор не желал иметь никаких дел с индейцами. Он сказал, что шайенов и арапахов следует наказывать, прежде чем заключать с ними какой-либо мир. Того же мнения был начальник военного округа генерал Сэмюэль Картис, телеграфировавший полковнику Чивингтону из форта Ливенворт в тот же самый день: «Я не желаю никакого мира, пока индейцы не будут достаточно строго наказаны».

Наконец Уинкуп вынужден был просить губернатора встретиться с индейцами. «Но что мне делать с третьим колорадским полком, если я заключу мир? - спросил Ивэнс. - Их набрали для того, чтобы они убивали индейцев, и они должны убивать индейцев». Он объяснил Уинкупу, что правительственные чиновники из Вашингтона разрешили ему набрать этот новый полк, так как он клятвенно заверил их в том, что это необходимо для защиты от враждебных индейцев. И если теперь он заключит мир, вашингтонские чиновники обвинят его в намеренном обмане. На Ивэнса оказывали политическое давление жители Колорадо,

желавшие избежать военного набора 1864 г. и предпочитавшие, надев военную форму, воевать против малого числа плохо вооруженных индейцев, чем против конфедератов где-то на востоке. В конце концов Ивэнс уступил настояниям майора Уинкупа; все же индейцы проделали четыреста миль, чтобы увидеть его, выполняя его же предписание.

Совет состоялся в Камп-Уэлд, вблизи Денвера. На нем присутствовали индейские вожди, Ивэнс, Чивингтон, Уинкуп, несколько других армейских офицеров и Симьен Уайтли, который по приказу губернатора должен был записывать каждое слово, произнесенное участниками встречи. Губернатор Ивэнс открыл совещание, резко спросив у вождей, что те имеют сказать. Черный Котел отвечал на языке шайенов, а старый друг племени торговец Джон Смит переводил:

«Как только я прочел ваш циркуляр от 27 июня 1864 г., я сразу взялся за дело и вот пришел говорить с вами... Майор Уинкуп предложил нам увидеться с вами. Мы шли, зажмурив глаза, вслед за горсткой его людей, словно шли сквозь огонь. Все, что мы просим, - это мир с белыми. Мы хотим протянуть вам руку. Вы наш отец. Мы шли сквозь тьму. Небо стало черным с тех пор, как началась эта война. Воины, пришедшие со мной, охотно подчинятся моим словам. Мы хотим принести домой добрые вести нашим людям, чтобы они могли спать спокойно. Я хочу, чтобы вы объяснили всем этим вождям солдат, что мы за мир, что мы заключили мир и что им не следует принимать нас по ошибке за своих врагов. Я пришел сюда не для того, чтобы скулить, подобно шакалу, я пришел прямо говорить с вами. Мы должны жить рядом с бизонами, или мы умрем с голоду. Мы пришли сюда по доброй воле, ничего не страшась, чтобы увидеть вас, и, когда я вернусь домой и скажу моему народу, что жал вашу руку и руки всех вождей Денвера, моему народу станет хорошо, им и всем другим индейцам степей, с которыми нам случится разделить еду и питье».

Ивэнс ответил: «Я сожалею, что вы сразу же не откликнулись на мой призыв. Вы вступили в союз с индейцами сиу, которые воюют с нами».

Черный Котел удивился. «Я не знаю, кто вам сказал такое!» - воскликнул он.

«Неважно кто сказал, - парировал Ивэнс, - однако, к моему удовлетворению, вы сами своим поведением доказали, что дело обстояло именно так».

Тут сразу заговорило несколько вождей: «Это ошибка, мы не заключали никаких союзов ни с сиу, ни с другими племенами».

Ивэнс переменял тему разговора, объявив, что он не расположен заключать договор о мире. «Знаю, вы полагаете, что раз белые воюют между собой, - продолжал он, - то вы, как вам кажется, сможете теперь изгнать их из этой страны. Но это ложный расчет. У Великого Отца в Вашингтоне достаточно людей, чтобы изгнать всех индейцев из степей и в то же время покарать мятежников-конфедератов. Я советую вам взять сторону правительства и на деле доказать дружеское расположение, в котором вы на словах признаетесь мне. Не может быть и речи о мире между нами, пока вы живете под одним кровом с нашими врагами и водите с ними дружбу».

Тут взял слово Белая Антилопа, старейший из вождей: «Я понял каждое слово, сказанное вами, и я буду крепко держаться этих слов... Шайены, все шайены глядят в ту же сторону, и они поймут то, что вы сказали. Белая Антилопа горд тем, что видел вождя всех белых этого края. Он расскажет об этом своему народу. С той поры, как я побывал в Вашингтоне и получил эту медаль, я зову всех белых людей своими братьями. Но и другие индейцы побывали в Вашингтоне и получили медали, и вот теперь солдаты не протягивают мне руку, а ищут моей смерти. Я боюсь, что эти новые солдаты, которые вступили в войну, могут убить кого-нибудь из людей моего народа, пока я нахожусь здесь».

Ивэнс в ответ отрезал: «Такая опасность действительно существует».

«Мы послали наше письмо майору Уинкупу, - продолжал Беля Антилопа, - и майор со своими людьми пришел к нам, подобно человеку, идущему сквозь жаркий огонь или пересекающему бушующий поток. Мы прошли через такие же испытания, чтобы увидаться с вами».

Затем губернатор Ивэнс начал расспрашивать вождей о конкретных инцидентах, имевших место вдоль реки Платт, пытаясь окольным путем заставить кого-нибудь из них признать свое участие в набегах. «Кто угнал скот из Фримонтс-Очед? - спрашивал он. - Кто участвовал в первой стычке с солдатами этой весной севернее Фримонтс-Очед?»

«Прежде чем отвечать на этот вопрос, - смело откликнулся Беля Антилопа, - я хочу, чтобы вы знали, что это было началом войны, и мне хотелось бы знать, из-за чего она началась. Солдаты выстрелили первыми».

«Индейцы угнали около сорока лошадей, - продолжал обвинения Ивэнс. - Солдаты шли, чтобы вернуть их, а индейцы дали залп по их шеренге».

Беля Антилопа отрицал это. «Индейцы спускались вдоль Биджу, - сказал он, - и нашли одну лошадь и одного мула. Они вернули одну лошадь какому-то человеку еще до того, как прибыли в Джеррис. Затем они пошли в Джеррис, надеясь найти хозяина мула. Потом они услышали, что солдаты и индейцы сражаются ниже по течению реки Платт; тут они испугались и все, как один, бежали».

«Кто совершил ограбление в Катнвуд?» - требовал ответа Ивэнс.

«Сиу. Чей отряд, мы не знаем».

«Что сиу собираются делать дальше?»

На этот вопрос ответил Бычий Медведь. «Они собираются разграбить весь этот край, - заявил он. - Они очень разгневаны и будут вредить белым людям, как могут. Я на вашей стороне и готов вместе с солдатами сражаться против всех тех, у кого нет ушей, чтобы слышать то, что вы говорите... Я никогда не причинял вреда белому человеку. Мне очень хочется сделать что-нибудь хорошее. Я всегда старался дружить с белыми; они могут сделать мне добро... Мой брат Тоший Медведь умер, пытаясь сохранить мир с белыми. Я хотел бы умереть так же, и я надеюсь, что мне это удастся».

Поскольку обсуждать больше было нечего, губернатор спросил полковника Чивингтона, не хочет ли тот сказать что-нибудь вождям. Чивингтон поднялся. Это был очень высокий человек с широкой, как бочка, грудью и толстой шеей, бывший проповедник-методист, посвятивший много времени организации воскресных школ на приисках. Индейцы нашли в нем сходство с огромным бородатым самцом бизона, в глазах которого сверкало яростное безумие. «Я не великий военный вождь, - сказал Чивингтон, - но всеми солдатами в этом краю команду я. Мой обычай в бою с белыми людьми или с индейцами сражаться до тех пор, пока противник не сложит оружия и не подчинится военной власти. Вам, [индейцам], ближе всего идти к майору Уинкупу, и вы сможете пойти к нему и сдать, когда будете к этому готовы».

На этом совет закончился, оставив вождей в недоумении относительно того, заключили они мир или нет. В одном они были уверены: единственным настоящим их другом среди солдат, на которого они могут положиться, является Высокий Вождь Уинкуп. Сверкавший глазами, Орлиный Вождь Чивингтон сказал, что им следует идти к Уинкупу в форт Лайон, на этом они и порешили.

«Итак, мы оставили наш лагерь возле реки Смоки-Хилл и двинулись к Санд-Крик, в сорока милях к северо-востоку от форта Лайон, - рассказывает Джордж Бент. - Из этого нового лагеря индейцы ходили навещать майора Уинкупа, и люди в форте показались им настолько дружелюбными, что малое время спустя арапахи покинули нас и отправились прямо к форту, где расположились лагерем и регулярно получали продовольствие».

Уинкуп стал выдавать продовольствие после того, как Маленький Ворон и Левая Рука рассказали ему, что арапахи не находят больше бизонов или другой крупной дичи на территории резервации, а посылать охотников назад к стадам Канзаса они боятся. Они слышали о недавнем приказе Чивингтона своим солдатам: «Убивайте всех встретившихся вам индейцев».

Дружеское обращение с индейцами стоило Уинкупу осуждения военных властей Колорадо и Канзаса. Он получил выговор за то, что привел вождей в Денвер, не имея на то полномочий, обвиняли его и в том, что он позволил индейцам устроиться возле форта Лайон. 5 ноября майор Скотт Антони, офицер из числа колорадских Добровольцев Чивингтона, прибыл в форт Лайон сменить Уинкупа на посту командира гарнизона.

Одним из первых приказов Антони прекратил выдачу продовольствия арапахам и потребовал сдачи оружия. Индейцы отдали ему три ружья, один пистолет и шестьдесят луков со стрелами. Через несколько дней, когда группа безоружных арапахов приблизилась к форту, чтобы обменять шкуры бизонов на продовольствие, Антони приказал своим часовым открыть по ним огонь. Антони смеялся, когда индейцы повернулись и побежали, и заметил одному из солдат, «что индейцы ему порядком надоели и что это единственный способ избавиться от них».

Шайены, стоявшие лагерем возле Санд-Крик услышали от арапахов, что некий недружелюбный, низкорослый, красноглазый вождь солдат занял место их друга Уинкупа. В Месяце Гона Оленей, в середине ноября, Черный Котел и группа шайенов прибыли в форт, чтобы увидеть этого нового вождя солдат. Его глаза и впрямь были красны (следствие цинги), однако он прикинулся дружелюбным. Несколько офицеров, присутствовавших при встрече Черного Котла и Антони, свидетельствовали потом, что Антони уверял шайенов в том, что, если те вернутся в свой лагерь у Санд-Крик, они будут под защитой форта Лайон. Он также сказал им, что их юноши могут ходить на восток к реке Смоки-Хилл и охотиться там на бизонов, пока он не получит от армейского начальства разрешения на выдачу им зимних запасов продовольствия.

Удовлетворенный словами Антони, Черный Котел сказал, что он и другие вожди шайенов думали было уйти далеко на юг Арканзаса, чтобы чувствовать себя в безопасности вдали от солдат, но после слов майора Антони они чувствуют себя в безопасности и на Санд-Крик. Они останутся тут зимовать.

После ухода делегации шайенов, Антони приказал Маленькому Ворону и Лево́й Руке увести арапахов с их стоянки вблизи форта Лайон. «Ступайте охотиться на бизонов, чтобы прокормить себя», - сказал он им. Встревоженные резкостью Антони, арапахи собрали свои пожитки и двинулись из лагеря. Очутившись вне поля зрения солдат форта, две группы арапахов разделились. Левая Рука пошел со своими людьми к Санд-Крик, чтобы присоединиться к шайенам. Маленький Ворон повел свою группу через реку Арканзас, направляясь на юг; он не верил красноглазому вождю солдат.

Антони тотчас уведомил свое начальство о том, что «группа индейцев находится в сорока милях от гарнизона... Я попытаюсь поддерживать спокойствие среди индейцев до той поры, пока не получу подкрепления».

Когда 26 ноября гарнизонный торговец Серое Одеяло Джон Смит испросил разрешения выехать на Санд-Крик за шкурами бизонов, майор Антони выказал необычную готовность содействовать его предприятию. Он выделил Сми́ту армейскую санитарную повозку для перевозки товаров, а также кучера Дэвида Лодербека, рядового колорадской кавалерии. Ничто так не поддержит чувство безопасности у индейцев и не удержит их на стоянке, как присутствие гарнизонного торговца и мирного представителя армии.

Через 24 часа подкрепление, о необходимости которого для нападения на индейцев упоминал Антони, достигло форта Лайон. Это были шестьсот человек из состава

колорадских полков полковника Чивингтона, включая почти весь третий полк, сформированный губернатором Ивэнсом с единственной целью - сражаться против индейцев. Приблизившись к форту, солдаты авангарда окружили его. Всем обитателям форта было запрещено из него отлучаться под страхом смерти. Примерно в это же время отряд из двадцати кавалеристов достиг фермы Уильяма Бента в нескольких милях к востоку от форта, окружил дом Бента, запретив кому бы то ни было входить в него или выходить. Два сына Бента, метисы Джордж и Чарли, и его зять, метис Эдмон Журье, находились в лагере шайенов на Санд-Крик.

Когда полковник Чивингтон прискакал к офицерам форта Лайон, майор Антони тепло приветствовал его. Чивингтон повел речь о «добыче скальпов» и «потоплении в крови» индейцев. Антони в ответ сказал, что он «ждал лишь удобного момента, чтобы задать им жару», и что каждый солдат в форте Лайон жаждет участвовать в экспедиции Чивингтона против индейцев.

Однако многие офицеры Антони не только не жаждали, но даже вовсе не хотели принимать участие в этой заранее подготовленной резне, задуманной Чивингтоном. Капитан Сайлес Сол, лейтенант Джозеф Крамер, лейтенант Джеймс Коннор возражали против нападения на мирный лагерь Черного Котла, считая такую акцию нарушением обещаний относительно безопасности индейцев, данных им Уинкупом и Антони, а также считая, что эта акция «будет убийством в полном смысле этого слова», и потому всякий офицер, который примет в ней участие, тем самым запятнает честь своего мундира.

Чивингтон весьма разгневался на офицеров и поднес кулак к лицу лейтенанта Крамера. «Черт бы побрал всех сочувствующих индейцам! - кричал он. - Я прибыл убивать индейцев и считаю справедливым и честным использовать против них любые средства, существующие на этом свете».

Сол, Крамер и Коннор должны были или присоединиться к этой экспедиции, или предстать перед военным трибуналом, однако они тайно решили, что не будут приказывать своим людям открывать огонь, разве только это будет необходимо для самозащиты.

В девять часов вечера 28 ноября отряд Чивингтона, насчитывавший теперь вместе с солдатами Антони семьсот человек, выступил из форта, построившись в колонну по четыре. Четыре гаубицы сопровождали кавалерию. Звезды ярко сверкали на ясном небе, ночной воздух пробирал морозом.

В проводники Чивингтон мобилизовал шестидесятидевятилетнего Джеймса Бэкварта, мулата, жившего вместе с индейцами в течение полувека. Целебный Теленок Бэкварт пытался отговориться, но Чивингтон пригрозил повесить старика, если тот откажется провести солдат к стоянке шайенов и арапахов.

По мере продвижения колонны стало ясно, что плохие глаза и ревматизм мешают Бэкварту быть полезным проводником. У одного из домов фермы возле Спринг-Ботем Чивингтон остановился и приказал вытащить хозяина фермы из постели, чтобы заменить им Бэкварта. Хозяином фермы был Роберт Бент, старший сын Уильяма Бента. Всем трем сыновьям Бента, которые были наполовину шайенами, вскоре предстояло встретиться у Санд-Крик.

Лагерь шайенов был расположен в подковообразной излучине реки Санд-Крик, к северу от ее почти высохшего русла. Вигвам Черного Котла был в центре селения, а Белая Антилопа и Боевое Оперенье со своими людьми располагались западнее. Восточнее, на некотором удалении от шайенов, был лагерь арапаховлевой Руки. В общей сложности в излучине реки находилось около шестисот индейцев, две трети которых составляли женщины и дети. Большинство воинов по совету майора Антони охотились на бизонов для снабжения лагеря и находились в нескольких милях к востоку.

Индейцы были настолько уверены в своей полной безопасности, что даже не выставили ночных караулов, охраняя лишь табун лошадей, находившийся в загоне ниже по реке. Первым предвестником атаки послужил для них послышавшийся незадолго до рассвета топот копыт на песчаных отмелях. «Я спал в вигваме, - рассказывал Эдмон Журье. - Сначала я услышал, как скво говорили снаружи о том, что к лагерю приближается множество бизонов; другие говорили, что это множество солдат». Журье немедленно вышел из вигвама и направился к палатке Серого Одеяла Смита.

Джордж Бент, спавший неподалеку, рассказывает, что он еще был под своими одеялами, когда услышал крики и шум людской беготни в лагере. «Со стороны ручья множество кавалеристов рысью мчались на лагерь... Можно было разглядеть и других солдат, скакавших в направлении загона с табуном индейских лошадей, находившегося к югу от лагерных стоянок; в самих лагерях царил смятение и шум: мужчины, женщины и дети, полураздетые, выскакивали из вигвамов; женщины и дети пронзительно кричали при виде солдат; мужчины возвращались в вигвамы за оружием... Я посмотрел на вигвам вождя и увидел, что Черный Котел прикрепил большой американский флаг к концу высокого шеста и стоял перед своим вигвамом, держа шест с флагом, развевающимся в сером свете зимней зари. Я слышал, как он кричал людям, чтобы они не боялись, что солдаты не причинят им вреда. Потом солдаты с двух сторон открыли огонь по лагерю».

Тем временем юный Журье присоединился к Серому Одеяду Смигу и рядовому Лодербеку, находившимся в палатке торговца. «Лодербек предложил выйти навстречу солдатам. Мы пошли. Не успели мы выйти из палатки, как я заметил, что солдаты начали спешиваться. Я подумал, что это артиллеристы и что они собираются обстрелять лагерь из пушек. Не успел я и слова вымолвить, как солдаты начали стрелять из винтовок и пистолетов. Увидев, что мне не добраться до них, я бросился бежать, оставив Лодербека и Смита».

Лодербек на мгновение остановился, но Смит продолжал идти к кавалеристам. «Пристрели к чертям этого старого сукина сына! - выкрикнул какой-то солдат из шеренги. - Он ничем не лучше индейца». При звуке первых выстрелов Смит и Лодербек повернулись и побежали к своей палатке. Сын Смита, метис Джек, и Чарли Бент уже укрылись в ней.

К этому времени сотни женщин и детей шайенов собрались вокруг флага, который держал Черный Котел. Туда же сверху по сухому руслу реки бежали многие индейцы из лагеря Белой Антилопы. В конце концов, разве не говорил полковник Гринвуд Черному Котлу, что, пока флаг Соединенных Штатов развеивается над ним, ни один солдат не станет стрелять в него. Белая Антилопа, старик семидесяти пяти лет, безоружный, с темным лицом, казалось потрескавшимся от солнца и непогоды, широким шагом направлялся к солдатам. Он все еще был уверен в том, что солдаты прекратят стрелять, как только увидят американский флаг и белый флаг капитуляции, который только что выкинул Черный Котел.

Целебный Теленок Бэкварт, ехавший рядом с полковником Чивингтоном, видел, как приближался Белая Антилопа. «Он выбежал навстречу командирам, - свидетельствовал позже Бэкварт, - воздев руки и крича: «Остановитесь, остановитесь!» Он произносил это на таком же понятном английском языке, на каком говорю я. Затем он остановился и стоял, сложив руки, пока выстрел не свалил его». Уцелевшие шайены рассказывали, что Белая Антилопа пел песню смерти перед тем, как умереть:

Ничто долго не живет,
Лишь земля, лишь горы.

Из лагеря арапахов Левая Рука и его люди тоже пытались достичь флага, поднятого Черным Котлом. Когда Левая Рука увидел солдат, он остановился и сложил руки, сказав, что он не будет сражаться с белыми людьми, потому что они его друзья. В него выстрелили, и он упал.

Роберт Бент, которого полковник Чивингтон принудил ехать с собой, рассказывает: «Когда впереди показался лагерь, я увидел развевающийся американский флаг и услышал, как Черный Котел говорил индейцам, чтобы они собрались вокруг; и там они сгрудились - мужчины, женщины и дети. В это время мы были в пятидесяти ярдах от индейцев. Я также видел, как подняли белый флаг. Оба флага были на видном месте, они бросались в глаза, солдаты должны были их заметить. Когда войска открыли огонь, индейцы побежали - некоторые мужчины к вигвамам, возможно за оружием... Мне кажется, всего там было около шестисот индейцев. Кажется, там было тридцать пять воинов и несколько стариков - всего шестьдесят мужчин... остальных мужчин не было в лагере, они охотились... После того как солдаты открыли огонь, воины собрали скво и детей и окружили их, чтобы защитить. Я видел пять скво, укрывшихся под нависшим берегом. Когда солдаты подошли к ним, они выбежали, чтобы показать солдатам, что они скво. Они просили пощады, но солдаты застрелили их всех. Я видел одну скво, лежавшую на берегу с перебитой снарядами ногой; один из солдат с саблей наголо подошел к ней; она подняла руку, чтобы защититься, и тут он ударил и разрубил ей руку; она перекатилась на другой бок и подняла другую руку, но он снова ударил и разрубил ее, а затем он бросил скво, не прикончив. Убивали без разбору мужчин, женщин и детей. Тридцать или сорок скво, собравшись, укрылись в яме; они выслали девочку лет шести с белым флагом на палке, но она не сделала и нескольких шагов, как была застрелена. После этого все скво, находившиеся в яме, были убиты, лишь четверем или пяти из них удалось ускользнуть. Скво не сопротивлялись. Все мертвые, которых я видел, были скальпированы. Я видел одну скво, лежавшую на боку, с разрезанным чревом, в котором был, как мне показалось, не родившийся ребенок. Впоследствии капитан Сол говорил мне, что так оно и было. Я видел тело Белой Антилопы, у которого были отрезаны половые органы, и слышал, как один солдат говорил, что он сделает из них табачный кисет. Я видел одну скво, ее половые органы были вырезаны... Я видел одну девочку около пяти лет от роду, которая спряталась в песке; два солдата обнаружили ее, вынули свои пистолеты и застрелили ее, а потом вытащили ее из песка за руку. Я видел много младенцев в руках у убитых вместе с ними матерей».

(В речи, произнесенной в Денвере незадолго до этой бойни, полковник Чивингтон оправдывал убийство и скальпирование всех индейцев, даже младенцев. «Из гниды вырастает вошь», - заявил он.)

Описанные Робертом Бентом зверства солдат подтверждает лейтенант Джеймс Коннор: «Проходя на следующий день через место побоища, я не увидел ни одного не скальпированного тела, будь то мужчина, женщина или ребенок, и во многих случаях тела были изуродованы самым ужасным образом - половые органы мужчин, женщин и детей вырезаны и т. д. Я слышал, как один солдат говорил, что он вырезал у одной женщины половые органы и выставил их напоказ на палке; я слышал, как другой солдат говорил, что он отрубил пальцы у одного индейца, чтобы снять с них кольца. Мне доподлиннейшим образом известно, и я совершенно убежден в том, что эти зверства творились с ведома Чивингтона, и я не слышал о том, чтобы он принимал какие-либо меры для их предотвращения. Я слышал о случае, когда младенец нескольких месяцев от роду был брошен в продовольственный ящик фургона, и после того, как фургон проехал какое-то расстояние, брошен на землю погибать, я также слышал о многочисленных случаях, когда солдаты вырезали женские половые органы и натягивали их на лук седла или носили на шляпах, находясь в строю».

Обученная и дисциплинированная часть, несомненно, уничтожила бы почти всех безоружных индейцев при Санд-Крик. Отсутствие дисциплины, сильное опьянение от виски, выпитого во время ночного рейда, трусость и неумение метко стрелять колорадских солдат - все это дало возможность спастись многим индейцам. Несколько шайенов вырыли окопы под высоким берегом высохшего русла реки и продержались там до наступления ночи. Другие бежали поодиночке или небольшими группами через равнину. Когда стрельба

прекратилась, сто пять индейских женщин и детей и двадцать восемь мужчин были мертвы. В своем официальном отчете Чивингтон утверждал, что было убито от четырехсот до пятисот воинов. Он сам потерял девять человек убитыми, тридцать восемь человек было ранено, много несчастных случаев произошло из-за неточной стрельбы солдат, попадавших друг в друга. Среди мертвых вождей были Белая Антилопа, Одноглазый и Боевое Оперенье. Черный Котел чудом спасся, бежав вверх по оврагу, однако его жена была тяжело ранена. Левая Рука тоже был ранен, но тоже ухитрился уцелеть.

Общее число пленных к концу боя составило семь человек: жена Джона Смита - индеанка из шайенов, жена другого штатского из форта Лайон и трое ее детей, а также метисы Джек Смит и Чарли Бент. Солдаты хотели застрелить их за то, что они носили индейскую одежду. Старый Бэкварт спас Чарли Бента, спрятав его в фургоне с раненым офицером, а позже передав его Роберту, брату Чарли. Но Бэкварт не смог спасти Джона Смита; солдат застрелил сына торговца через отверстие в палатке, где тот содержался как пленный.

Третий сын Бента, Джордж, еще в начале боя был разлучен с Чарли. Он присоединился к тем шайенам, которые рыли окопы под высоким берегом реки. «Как только наша группа достигла этого места, - рассказывает Джордж, - пуля попала мне в бедро, и я упал; однако я сумел скатиться в одну из ям и лежал там между воинами, женщинами и детьми». С наступлением ночи уцелевшие выбрались из ям. Было очень холодно, кровь замерзала на ранах, но они не смели разжечь костры. Они думали только о том, как бы пробраться на восток, к Смоки-Хилл, и постараться соединиться со своими воинами. «Это был ужасный переход, - вспоминает Джордж Бент, - почти все мы шли пешком, у нас не было еды, мы были плохо одеты и обременены женщинами и детьми». Они прошли пятьдесят миль под порывами ледяного ветра, снося голод и боль от ран, но в конце концов достигли стоянки охотников. «Как только мы прибыли, разыгралась ужасная сцена. Все плакали, даже воины, а женщины и дети пронзительно кричали и стонали. Почти каждый из присутствовавших лишился родственников или друзей, и многие наносили себе глубокие ножевые раны, пока кровь не начинала течь ручьем».

Как только его рана зажила, Джордж пробрался назад на ферму своего отца. Там от своего брата Чарли он услышал новые подробности о зверствах солдат при Санд-Крик: об ужасных скальпированиях и увечьях, о зверском убийстве детей и младенцев. Через несколько дней братья решили, что они, будучи метисами, не желают иметь ничего общего с цивилизацией белого человека. Они отреклись от крови своего отца и тайно покинули его ферму. С ними ушла и мать Чарли, Желтая Женщина, поклявшаяся, что она никогда впредь не будет жить с белым человеком. Они отправились на север, чтобы присоединиться к шайенам.

Стоял январь, Месяц Сильной Стужи, когда по обычаю индейцы степей поддерживают яркий огонь в своих вигвамах, рассказывают долгими вечерами разные истории и допоздна спят по утрам. Но теперь были худые времена, и, по мере того как известия о резне при Санд-Крик распространялись по степям, шайены, арапахи и сиу посылали друг другу гонцов с призывом идти войной на белых убийц и отомстить им.

К тому времени, как Желтая Женщина и юные братья Бент добрались до своих родичей на реке Републикан, шайены уже заручились поддержкой тысяч сочувствующих им союзников - индейцев брюль-сиу во главе с Пятнистым Хвостом, оглаллов во главе с Убийцей Пауни и больших групп северных арапахов. Собаки из племени шайенов (предводительствуемые теперь Высоким Бизоном), отказавшиеся в свое время идти к Санд-Крик, теперь пришли к реке Републикан; пришел также Римский Нос и следовавшие за ним молодые воины. Пока шайены оплакивали своих мертвых, вожди этих племен курили трубки войны и обдумывали свою стратегию.

За несколько часов безумства при Санд-Крик Чивингтон и его солдаты либо убили, либо уничтожили авторитет всех тех вождей шайенов и арапахов, кто поддерживал мир с белыми

людьми. После бегства уцелевших индейцы отвергли Черного Котла и Левую Руку и обратились к своим военным вождям, чтобы те спасли их от истребления.

В это же время правительственные чиновники Соединенных Штатов потребовали расследования деятельности губернатора Ивэнса и полковника Чивингтона, и, хотя они должны были понимать, что отныне слишком поздно пытаться избежать войны со всеми индейцами степей, они все же послали Целебного Теленка Бэкварта эмиссаром к Черному Котлу, чтобы выяснить, существует ли возможность мира. Бэкварт разыскал шайенов, но вскоре узнал, что Черный Котел ушел куда-то с горсткой своих родичей и стариков. Главным вождем теперь был Нога В Воде.

«Я пришел к вигваму, где жил Нога В Воде, - рассказывает Бэкварт. - Когда я вошел внутрь, он поднялся и сказал: «Целебный Теленок, зачем ты пришел сюда? Или тебе удалось заморозить белых людей и они больше не будут убивать наши семьи?» Я сказал, что пришел говорить с ним и чтобы он созвал совет. Вскоре все собрались в вигваме и захотели узнать, зачем я пришел. Я сказал, что пришел для того, чтобы убедить их заключить мир с белыми, так как индейцев слишком мало, чтобы сражаться с белыми, которых так же много, как листьев на деревьях. «Мы знаем об этом, - таков был общий ответ совета. - Но для чего нам жить? Белые люди отняли у нас наш край, убили всю нашу дичь, но, не довольствуясь этим, убили наших жен и детей. Теперь - никакого мира. Мы хотим уйти к нашим семьям в Страну Духов. Мы любили белых, пока не узнали, что они лгали нам, пока не увидели, что они лишили нас того, что мы имели. Мы подняли боевой томагавк и не опустим его до самой смерти».

Потом они спросили меня, почему я пошел на Санд-Крик с солдатами и показал им путь в этот край. Я сказал, что, если бы я не пошел, белый вождь повесил бы меня. «Уходи и оставайся со своими белыми братьями, мы будем сражаться насмерть». Я подчинился и пошел обратно, желая поскорее унести ноги».

В январе 1865 г. союзники шайенов, арапахи и сиу, предприняли ряд набегов в долине реки Саут-Платт. Они нападали на обозы, на почтовые станции и небольшие военные аванпосты. Они сожгли городок Джульсберг, скальпировав его защитников в отместку за скальпирование индейцев при Санд-Крик. Они оборвали телеграфные провода на протяжении многих миль. Они делали набеги и совершали грабежи то тут, то там на транспортном маршруте вдоль реки Платт, прервав все коммуникации и линии снабжения. В Денвере началась паника, так как все острее ощущалась нехватка продовольствия.

Вернувшись на зимнюю стоянку в Биг-Тимберс на реке Републикан, воины устроили большую пляску в честь удачи первых актов мести. Снег покрыл степи, но вожди знали, что солдаты скоро придут со всех сторон со своими оглушительными пушками. Пока длились пляски, вожди держали совет, решая, куда им следует идти, чтобы избежать преследования солдат. Черный Котел, присутствовавший на совете, говорил, что нужно идти на юг, за реку Арканзас, где лето длится дольше и где вдоволь бизонов. Большинство прочих вождей говорили, что следует идти на север, за реку Платт, чтобы присоединиться к своим родичам на берегах реки Паудер. Никто из солдат не посмеет идти походом на этот великий оплот индейцев тетон-сиу и северных шайенов. Прежде чем окончился совет, союзники договорились послать гонцов на реку Паудер, чтобы сообщить тамошним племенам о своем приходе.

Черный Котел, однако, не собирался идти с ними, и около четырехсот шайенов - в большинстве старики, женщины и несколько тяжело раненных воинов - согласились следовать за ним на юг. В последний день, перед тем как они снялись со стоянки, Джордж Бент простился с остатками народа своей матери, южными шайенами. «Я прошел между вигвамами и пожал руку Черному Котлу и всем моим друзьям. Люди во главе с Черным Котлом уносили свои палатки на юг Арканзаса, чтобы присоединиться к южным арапахам, кайова и команчам».

Вместе с тремя тысячами сиу и арапахов шайены (с ними были Желтая Женщина и братья Бенты) двинулись на север, гонимые в страну, которую почти никто из них никогда не видел прежде. По пути у них случались стычки с солдатами, продвигавшимися из форта Ларами, но индейский союз был слишком мощным для солдат, индейцы сметали их, словно те были койотами, напавшими на могучее стадо бизонов.

Когда они достигли реки Паудер, их радушно встретили родичи, северные шайены. Южанам, носившим суконные одеяла и ноговицы, выменянные у белых людей, казалось, что северяне выглядят очень дико в своей одежде из шкур бизонов и в оленьих ноговицах. Северные шайены стягивали свои заплетенные волосы полосками оленьей кожи, окрашенной в красный цвет, носил вороньи перья на голове и употребляли так много слов из наречия сиу, что южные шайены с трудом понимали их. Утренняя Звезда, вождь и предводитель северных шайенов, так долго жил и охотился вместе с индейцами сиу, что почти все звали его по имени, которое дали ему сиу, - Тупой Нож.

Сначала южане разбили лагерь на реке Паудер в полумиле от северян, но индейцы так часто посещали друг друга, что вскоре они решили устроить общую стоянку, расположив свои вигвамы, как в старину, по племенному кругу, не разделяясь на кланы. С этих пор мало кто вспоминал о том, что они северяне и южане.

Весной 1865 г., когда индейцы переправили своих коней через реку Тонг на лучшие пастбища, они разбили лагерь неподалеку от оглалла-сиу во главе с Красным Облаком. Южные шайены никогда не видели так много индейцев в одном лагере, более девяти тысяч. Дни и ночи были заполнены охотой, церемониями, пирами и плясками. Джордж Бент впоследствии рассказывал о том, как индеец сиу по имени Юноша, Боящийся Своих Лошадей был принят в клан Кривых Копий, к которому принадлежал Джордж. Это показывает, насколько сиу и шайены были близки в те времена.

Хотя каждое племя держалось своих собственных законов и обычаев, индейцы этих племен стали считать себя одним народом, сознающим свою мощь и уверенным в своем праве жить так, как им хочется. Белые захватчики угрожали им с востока, из Дакоты, и с юга, от реки Платт, но они были готовы ответить на любой вызов. «Великий Дух создал и белого человека и индейцев, - говорил Красное Облако. - Мне кажется, что сначала он создал индейца. Он взрастил меня в этой стране, и она принадлежит мне. Белый человек вырос за великими водами, и его земля там. Раз уж белые пересекли моря, я потеснился и дал им место. Теперь я со всех сторон окружен белыми людьми. У меня остался лишь маленький клочок земли. Великий Дух говорит мне, чтоб я удержал его».

В течение весны индейцы высылали отряды разведчиков наблюдать за солдатами, охранявшими дороги и телеграфные линии вдоль р. Платт. Разведчики доносили, что солдат гораздо больше, чем обычно, и что некоторые из них проникают на север по тракту, ведущему в Бозмен через долину р. Паудер. Красное Облако и другие вожди решили, что настало время проучить солдат. Они нанесут им удар там, где они дальше всего продвинулись на север, возле места, называемого белыми людьми Платт-Бридж-Стейшн.

Поскольку шайены, пришедшие с юга, хотели отомстить за родственников, зверски убитых при Санд-Крик, большинство из них было приглашено принять участие в этой экспедиции. Римский Нос из клана Кривых Копий возглавил шайенов. Он скакал рядом с Красным Облаком, Тупым Ножом и Стариком, Боящимся Своих Лошадей. Почти три тысячи воинов составили боевой отряд. Среди них были братья Бент в боевой раскраске и боевом одеянии.

24 июля они достигли холмов, с которых был виден мост через реку Норт-Платт. На противоположной стороне моста был укрепленный военный пост, почтовая станция и контора телеграфа. Около ста солдат находились внутри этого укрепления. Осмотрев местность в свои полевые бинокли, вожди решили сжечь мост, переправиться через реку по

мелкому броду ниже по течению и затем осадить укрепление. Но сначала неплохо было бы попробовать выманить солдат наружу хитростью и убить их как можно больше.

Вечером того же дня десять воинов спустились к мосту, но солдаты не вышли из укрепления. На следующее утро другой группе воинов удалось выманить солдат на мост, но не дальше. На третье утро, к удивлению индейцев, взвод кавалеристов выехал из форта, пересек мост и, повернув на запад, поскакал рысью. Вмиг несколько сот шайенов и арапахов вскочили на коней и толпой хлынули с холмов вдогонку «синим мундирам». «Когда мы наехали на солдат, - говорит Джордж Бент, - я увидел одного офицера на гнедой лошади, промчавшегося мимо меня сквозь плотное облако пыли и дыма. Лошадь унеслась от него. Во лбу у лейтенанта торчала стрела, и по лицу его текла кровь». (Смертельно раненным офицером был лейтенант Каспар Коллинз.) Несколько кавалеристов спаслись, достигнув взвода пехоты на мосту. Пушка из форта остановила преследовавших индейцев.

Пока происходил этот бой, кто-то из индейцев, все еще находящихся на холмах, обнаружил, с какой целью кавалеристы выехали из форта. Они скакали навстречу обозу, приближавшемуся с запада. Через несколько минут индейцы окружили обоз, однако солдаты окопались под фургонами и вели упорный огонь. В первые же минуты боя брат Римского Носа был убит. Когда Римский Нос услышал об этом, он разгневался и возжаждал мести. Он призвал всех шайенов приготовиться к атаке. «Мы должны заставить солдат опустошить их магазины», - кричал он. У Римского Носа было магическое оперение и магический щит, и он знал, что ни одна пуля не может попасть в него. Он повел своих шайенов вокруг фургонов, они настегивали лошадей, чтобы скакать быстрее. Когда круг стал смыкаться у самых фургонов, солдаты сразу расстреляли свои заряды, и тогда шайены напали прямо на фургоны и убили всех солдат. Индейцы были разочарованы содержимым фургонов - там не было ничего, кроме солдатских матрацев и каких-то ящиков.

Этой ночью Красное Облако и другие вожди решили, что они уже научили солдат бояться мощи индейцев и потому могут вернуться в долину р. Паудер в надежде на то, что белые люди теперь будут подчиняться договору, заключенному в Ларамии, и перестанут без спросу проникать в страну индейцев к северу от р. Платт.

Тем временем Черный Котел и последние остатки южных шайенов двигались южнее реки Арканзас. Они присоединились к арапахам Маленького Ворона, которые к этому времени уже узнали о резне при Санд-Крик и оплакивали своих погибших друзей и родственников. В течение лета 1865 г. их охотники нашли всего несколько бизонов южнее реки Арканзас, но они боялись возвращаться на север, где между реками Смоки-Хилл и Републикан паслись большие стада.

К концу лета посыльные и гонцы стали прибывать со всех сторон, ища встречи с Черным Котлом и Маленьким Вороном. Внезапно вожди превратились в важных персон. Какие-то белые Чиновники прибыли из Вашингтона, чтобы найти шайенов и арапахов и сообщить им, что Великий Отец и его Совет полны сострадания к ним. Чиновники хотели заключить новый договор.

Хотя шайены и арапахи были изгнаны из Колорадо, а поселенцы претендовали на тамошние земли, оказывалось, что их права на землю не были отчетливо определены. Согласно закону, принятому при заключении прежних договоров, можно было доказать, что даже Денвер стоит на земле шайенов и арапахов. Правительство хотело, чтобы все притязания индейцев на землю Колорадо были аннулированы, дабы белые поселенцы были уверены в том, что они владеют землей, на которую заявили права.

Черный Котел и Маленький Ворон не соглашались встретиться с чиновниками, пока не получили известий от Маленького Белого Человека Уильяма Бента. Он сообщил им о том, что пытался убедить правительство Соединенных Штатов предоставить индейцам

постоянные права на страну бизонов между Смоки-Хилл и Републикан, но правительство отказало в этом, поскольку по этой территории пройдет почтовый тракт, а затем железная дорога, что привлечет туда еще больше белых поселенцев. Шайены и арапахи должны будут жить южнее реки Арканзас.

В Месяце Сухой Травы Черный Котел и Маленький Ворон встретились с членами комиссии возле устья реки Литл-Арканзас. Двух уполномоченных по заключению договора индейцы уже видели прежде - Санборна по прозвищу Черные Бакенбарды и Харни по прозвищу Белые Бакенбарды. Они считали Санборна другом, но помнили, что Харни в 1855 г. устроил резню индейцев брюль-сиу при Блу-Уотер в Небраске. Агенты Мэрфи и Левенворт тоже входили в состав комиссии, а также человек, говорящий напрямик, - Джеймс Стил. Метатель Лассо Карсон, лишивший навахов их племенных земель, тоже был здесь. Серое Одеяло Смит, переживший ужасы Санд-Крик вместе с индейцами, прибыл в качестве переводчика, прибыл и Маленький Белый Человек, чтобы сделать для индейцев все, что в его силах.

«Вот мы здесь все вместе, арапахи и шайены, - сказал Черный Котел, - нас немного, мы лишь один народ... Все мои друзья-индейцы, не присутствующие здесь, боятся прийти сюда, они боятся, что их предадут, так же как предали меня».

«Нам будет очень тяжело покинуть страну, данную нам богом, - сказал Маленький Ворон. - Здесь похоронены наши друзья, нам будет невыносимо покидать эту землю... Уж слишком сильно подействовало на нас то, что безумная банда солдат разорила наши вигвамы и убила наших женщин и детей. Нам тяжело. Белая Антилопа и много других наших вождей лежат там, при Санд-Крик, наши женщины и дети лежат там; там были уничтожены наши вигвамы, там у нас отняли наших коней, и я не хочу ни с того ни с сего отправляться в другую страну, покинув эту землю».

Джеймс Стил ответил: «Нам вполне понятно, как тяжело любому народу покидать свои дома и могилы своих предков, однако, к несчастью, в вашей стране обнаружено золото, и множество белых людей прибыло сюда жить, и подавляющее большинство этих людей - злейшие враги индейцев. Этих людей не занимают интересы индейцев, и они не остановятся ни перед каким преступлением ради своего обогащения. Эти люди сейчас находятся в вашей стране повсюду, и нет такого участка, где вы могли бы жить и обеспечивать себя, не соприкасаясь с ними. Следствием такого положения является то, что вам постоянно угрожает опасность быть обманутыми, и вы вынуждены прибегать к оружию для самозащиты. В этих условиях, по мнению комиссии, в вашей бывшей стране нет достаточно большого участка земли, где вы могли бы жить мирно».

Черный Котел сказал: «Когда были живы наши предки, они жили по всей этой стране. Они не знали о том, что можно поступать дурно; потом они умерли и ушли неведомо куда. Мы все сбились с пути... Наш Великий Отец прислал вас сюда со словами, обращенными к нам, и мы уразумели их. Хотя солдаты напали на нас, мы забудем обо всем и рады встретить вас мирно и дружелюбно. Я не возражаю против того, ради чего вы пришли сюда, ради чего вас прислал президент, но и согласиться с этим... Белые люди могут прийти, куда им угодно, и мы не будем беспокоить их. Я хочу, чтоб вы заверили их в этом... Мы принадлежим к разным племенам, но все же все мы люди - и белые, и все остальные... Я вновь пожимаю вам руку, и я счастлив. Наши люди будут довольны, что между нами вновь установился мир, что они могут спокойно спать и что нам позволено жить».

Вот так индейцы шайены согласились жить южнее реки Арканзас, на земле, принадлежавшей индейцам кайова. 14 октября 1865 г. вожди и предводители уцелевших южных шайенов и арапахов подписали новое соглашение, договорившись о «вечном мире». Второй параграф этого договора гласил: «В дальнейшем индейская сторона согласилась на то... что впредь она отказывается от всех притязаний и прав... на землю в следующих пределах: начиная от слияния северного и южного рукавов реки Платт; отсюда вверх по северному рукаву до вершины главного хребта Скалистых гор или же до Ред-Бутс; отсюда

на юг вдоль вершин Скалистых гор до истоков реки Арканзас; отсюда вниз по реке Арканзас до слияния последней с рекой Симаррон; отсюда до места, означенного вначале, - то есть на землю, которой они первоначально владели, и никогда впредь не заявят на нее прав».

Таким образом, шайены и арапахи отказались от всех притязаний на территорию Колорадо. И в этом отказе, разумеется, заключается истинный смысл бойни у Санд-Крик.

Они близко

Они

Скачут.

Ржут их

Кони.

Они близко -

Племя конных.

Они

Скачут.

Ржут их

Кони,

Они близко.

V. ВТОРЖЕНИЕ В ДОЛИНУ ПАУДЕР

Чей голос первым прозвучал на этой земле? Голос людей с красной кожей, у которых были только луки и стрелы... Того, что сделано в моей стране, я не хотел и не просил делать; белые люди прошли мою страну насквозь... Когда белый человек идет по моей стране, он оставляет за собой кровавый след... У меня два горных хребта в этом краю - Блэк-Хилс и Бигхорн. Я хочу, чтобы Великий Отец не проводил здесь своих дорог. Три раза я говорил об этом; ныне я пришел сказать об этом в четвертый раз.

Махпиуа Лута (Красное Облако), из оглалла-сиу

Вернувшись в долину реки Паудер после стычки у моста через реку Платт, индейцы степей стали готовиться к своим обычным летним ритуальным церемониям. Племена встали лагерем неподалеку друг от друга в устье притока реки Паудер, Крейзи-Вумен. Севернее по этой реке и по реке Литл-Миссури обитала часть племени тетон-сиу - в этом году они пришли сюда с востока, уходя из Северной Дакоты от солдат генерала Салли. Индейцы хункпапа во главе с Сидящим Быком тоже были там и эти родичи индейцев оглалла отправили своих посланцев на большую Пляску Солнца - ежегодный религиозный праздник обновления тетонов. Пока длилась Пляска Солнца, шайены совершали церемонию магических стрел, длившуюся четыре дня. Державший Стрелы извлекал четыре таинственные стрелы из мешка, сшитого из меха койота, и все мужчины племени проходили мимо них, принося стрелами жертвы и молясь им.

Черный Медведь, один из верховных вождей северных арапахов, решил повести своих людей на запад, к реке Тонг; он пригласил некоторых южных арапахов, пришедших на север после резни при Санд-Крик, пойти с ним. Он говорил, что они устроят селение на реке Тонг и смогут сколько угодно охотиться и плясать до наступления холодных лун.

Вот таким образом к концу августа 1865 г. племена на берегах реки Паудер были разбросаны от гор Бигхорн на западе до гор Блэк-Хилс на востоке. Они были настолько уверены в неприступности этой страны, что большинство из них скептически отнеслось к первым слухам о том, что солдаты идут на них с четырех сторон.

Тремя колоннами солдат командовал генерал Патрик Коннор, переведенный в мае из штата Юта для борьбы с индейцами в районе реки Платт. В 1863 г. Звездный Вождь Коннор окружил лагерь пайютов и вырезал 278 человек. За это он был провозглашен белыми людьми храбрым защитником границ от «краснокожего врага».

В июле 1865 г. Коннор заявил, что на индейцев к северу от реки Платт «следует охотиться, как на волков», и начал формировать три колонны солдат для вторжения в долину реки Паудер. Одна колонна, во главе с полковником Нельсоном Коулом, должна была идти из Небраски к горам Блэк-Хилс в Дакоте. Вторая колонна, под командованием полковника Сэмюэля Уокера, должна была двигаться прямо на север из форта Ларами на соединение с полковником Коулом в горах Блэк-Хилс. Третья колонна, которой командовал сам Коннор, направлялась на северо-запад по Бозменскому тракту, к штату Монтана. Таким образом генерал Коннор надеялся загнать индейцев в ловушку, зажав их между своей колонной и объединенными силами Коула и Уокера. Он предупредил своих офицеров не принимать в расчет никаких попыток примирения со стороны индейцев и прямо приказал: «Атакуйте и убивайте всех индейцев мужского пола, которым больше двенадцати лет».

В начале августа все три колонны выступили в поход. Если бы все происходило в соответствии с планом, около 1 сентября они должны были бы встретиться у реки Роузбад, в самом сердце страны враждебных индейцев.

Четвертая колонна, не имевшая никакого отношения к экспедиции Коннора, также подходила к долине реки Паудер с востока. Организованная гражданским лицом, Джеймсом Сойерсом, для открытия нового сухопутного маршрута, эта колонна не имела иной цели, кроме достижения золотых приисков в штате Монтана. Поскольку Сойерс знал, что ему предстоит нарушить определенную договором границу индейской земли, он ожидал сопротивления и потому добился, чтобы его группу из семидесяти трех старателей и восьмидесяти фургонов с припасами сопровождали две роты пехоты.

14 или 15 августа индейцы сиу и арапахо, стоявшие лагерем у реки Паудер, впервые услышали о приближении обоза Сойерса. «Наши охотники прискакали в лагерь очень возбужденные, - вспоминал впоследствии Джордж Бент, - и сказали, что выше по реке появились солдаты. Глашатай нашего селения, человек по имени Бычий Медведь, вскочил на коня и поскакал по лагерю, крича о том, что приближаются солдаты. Красное Облако побежал к своему тауну, вскочил на коня и поскакал по лагерю сиу, крича о том же индейцам сиу. Все бросились к лошадям. В такой момент каждый индеец может брать любую лошадь, какую захочет. Если лошадь будет убита в бою, всадник не должен платить за нее хозяину, но все, что всадник захватит во время боя, принадлежит хозяину той лошади, которой он воспользовался. Вскочив на лошадей, мы проскакали вверх вдоль реки Паудер около пятнадцати миль и там наехали на «дорожных строителей» Сойерса - на большой обоз переселенцев, двигавшийся между двумя шеренгами солдат».

Среди добычи, захваченной во время боя у моста через реку Платт и принесенной индейцами в лагерь, оказалось несколько комплектов армейской формы и сигнальные горны. Покидая лагерь, Джордж Бент поспешно надел на себя офицерский мундир, а его брат Чарли взял с собою горн. Они полагали, что эти предметы озадачат солдат и подействуют им на нервы. Около пятисот сиу и шайенов было в этом боевом отряде, Красное Облако и Тупой Нож оба сопровождали отряд. Вожди были очень раздражены тем, что солдаты пришли в их страну, не спросив позволения.

В тот момент, когда индейцы заметили обоз, он двигался между двумя холмами, и за ним тянулось стадо примерно в триста голов. Индейцы разделились и расположились на противоположных гребнях холмов и по сигналу стали стрелять в солдатский эскорт. Через несколько минут солдаты выстроили обоз в круговой заслон, загнав стадо внутрь и скрепив задние колеса фургонов.

В течение двух или трех часов войны забавлялись: прокравшись вниз по лощинам и подойдя очень близко, они внезапно открывали огонь. Несколько наиболее отважных наездников галопом проносились вблизи солдат, вокруг фургонов и затем уносились из простреливаемой зоны. После того как солдаты открыли огонь из двух гаубиц, войны стали держаться за буграми, выкрикивая боевой клич и оскорбления в адрес солдат. Чарли Бент несколько раз протрубил в свой сигнальный горн и прокричал все англосаксонские ругательства из тех, что он слышал и смог запомнить, живя на отцовской фактории. («Они насмехались над нами самым худшим образом, - рассказывал впоследствии один из попавших в осаду старателей. - Кое-кто из них достаточно хорошо знал английский, чтобы обозвать нас всеми скверными словами, какие только можно вообразить».)

Обоз не мог двинуться с места, но и индейцы не могли добраться до него. Около полудня, чтобы покончить с безвыходным положением, вожди приказали выкинуть белый флаг. Через несколько минут какой-то человек в одежде из оленьей кожи выехал из кораля, образованного фургонами. Поскольку братья Бент говорили по-английски, их отправили встречать посланца. Человек оказался добродушным мексиканцем Хуаном Сузе, он был так же удивлен английскому языку Бентов, как и синей форменной куртке Джорджа. Сузе, который почти не говорил по-английски, пользовался языком знаков, но все же сумел растолковать индейцам, что начальник обоза хочет вступить в переговоры с индейскими вождями.

Встреча была вскоре устроена. Братья Бент были теперь переводчиками у Красного Облака и Тупого Ножа. Полковник Соьерс и капитан Джордж Уиллифорд выехали из коралья с небольшим эскортом. Звание полковника Соьерса было всего лишь почетным, но он считал себя начальником обоза. Звание капитана Уиллифорда было вполне заслуженным; две роты его солдат состояли из новоявленных янки, бывших военнопленных конфедератов. Уиллифорд очень нервничал. Он не был уверен в своих людях, не был уверен и в своей власти над старателями. Он бросал свирепые взгляды на синий мундир, в который был одет метис-шайен переводчик Джордж Бент.

Когда Красное Облако потребовал объяснить присутствие солдат на Индейской территории, капитан Уиллифорд в свою очередь спросил, почему индейцы напали на мирных белых людей. Чарли Бент, все еще ожесточенный воспоминаниями о Санд-Крик, сказал Уиллифорду, что шайены будут сражаться против всех белых, пока правительство не повесит полковника Чивингтона. Соьерс уверял, что он пришел не за тем, чтобы сражаться с индейцами; он ищет короткий путь на золотые прииски Монтаны и хочет только пройти через эту страну.

«Я переводил то, что говорили вожди, - рассказывал впоследствии Джордж Бент. - Красное Облако ответил, что, если белые уберутся из его страны, не проводя никаких дорог, все будет в порядке. Тупой Нож сказал то же самое от имени шайенов. Затем оба вождя сказали офицеру [Уиллифорду], что тот должен вести обоз прямо на запад от этого места, затем свернуть на север и, перейдя горы Бигхорн, выйти из их страны».

Соьерс вновь возразил. Он сказал, что если пойдет этим путем, то слишком удалится от своей цели. Он сказал, что хочет идти на север по долине реки Паудер, пока не найдет форт, который строится там генералом Коннором.

Так Красное Облако и Тупой Нож впервые услышали о генерале Конноре и его вторжении. Они были удивлены и разгневаны тем, что солдаты строят форт в самом сердце их охотничьих угодий. Видя, что вожди становятся все более враждебными, Соьерс поспешно предложил им целый фургон товаров: муку, сахар, кофе и табак. Красное Облако предложил прибавить к этому списку порох, дробь и капсули, однако капитан Уиллифорд резко возразил; на самом деле боевой офицер совсем ничего не хотел выдавать индейцам.

Наконец вожди согласились принять фургон муки, сахару, кофе и табаку, а взамен разрешить обозу двигаться к реке Паудер. «Этот офицер велел мне, - рассказывал позже Джордж Бент, - отвести индейцев от обоза, чтобы он мог выгрузить товары на землю. Он хотел отойти к реке и встать там лагерем. Дело было в полдень. После того как он достиг реки и построил там свой обоз в кораль, еще одна группа индейцев сиу прибыла из селения. Товары из разгруженного фургона были уже поделены между индейцами первой группы, так что вновь прибывшие потребовали еще товаров, а когда офицер отказал им, открыли огонь по коралю».

Этот второй отряд сиу беспокоил Соьерса и Уиллифорда еще несколько дней, но Красное Облако и Тупой Нож со своими воинами не принимали в этом участия. Они двинулись по долине, чтобы выяснить, насколько соответствуют истине слухи о солдатах, строящих форт на реке Паудер.

Тем временем Звездный Вождь Коннор уже начал строительство укрепления в шестидесяти милях к югу от притока реки Паудер, Крейзи-Вумен, и назвал его в свою честь фортом Коннор. В составе колонны Коннора была рота разведчиков, индейцев пауни, под командой капитана Франка Норта. Индейцы пауни были старыми племенными врагами сиу, шайенов и арапахов; они добровольно участвовали в кампании, получая регулярное жалованье кавалеристов. Пока солдаты рубили лес для форта, пауни обследовали окружающую территорию в поисках своих врагов. 16 августа они увидели небольшую группу шайенов, приближавшуюся с юга. В этой группе была мать Чарли Бента, Желтая Женщина.

Она ехала верхом вместе с четырьмя мужчинами, несколько обогнав основную группу, и сначала, увидев индейцев пауни на вершине низкого холма, решила, что это шайены или сиу. Пауни, размахивая своими одеялами, дали знак, что они друзья, и шайены двинулись к ним, не подозревая никакой опасности. Когда шайены приблизились к холму, пауни внезапно напали на них. Вот так Желтая Женщина, оставившая Уильяма Бенга, потому что тот принадлежал к белой расе, умерла от руки наемников, принадлежавших к ее же собственной расе. В этот день ее сын Чарли был совсем рядом, всего в нескольких милях к востоку, вместе с воинами Тупого Ножа, возвращавшимися после осады обоза Сойерса.

22 августа генерал Коннор решил, что укрепление на реке Паудер достаточно надежно, чтобы его могла удерживать одна кавалерийская рота. Оставив в укреплении значительнейшую часть своих припасов, он двинулся со всей колонной форсированным маршем к долине реки Тонг на поиски больших скоплений индейских вигвамов их должны были обнаружить его разведчики. Если бы он пошел на север вдоль реки Паудер, он столкнулся бы с тысячами индейцев, жаждавших сражения, - с воинами Красного Облака и Тупого Ножа, искавшими солдат Коннора.

Примерно через неделю после того, как колонна Коннора ушла от реки Паудер, один воин из племени шайенов по имени Лошадка продвигался, по той же местности со своей женой и маленьким сыном. Жена Лошадки была из племени арапахов, и они ехали на реку Тонг проведать до наступления холодов ее родственников в лагере арапахов, возглавляемых Черным Медведем. В один из дней пути ремни вьюка на лошади жены ослабли. Когда она спешила, чтобы подтянуть ремни, она случайно оглянулась назад, на гребень холма. Колонна всадников двигалась по тропе вслед за ними.

«Посмотри-ка!» - крикнула она Лошадке.

«Это солдаты! - воскликнул Лошадка. - Скорей!»

Едва скрывшись от солдат за следующим холмом, они тотчас свернули на другую тропу. Лошадка обрезал постромки индейской повозки, в которой вез своего маленького сына, посадил его на лошадь, и они быстро поскакали по бездорожью прямо к лагерю Черного Медведя. Они примчались туда галопом, нарушив покой мирного селения, состоявшего примерно из двухсот пятидесяти вигвамов, разбитых на плоском холме над рекой. В этом году арапахи разжились лошадьми; около трех тысяч было в корале у реки.

Никто из арапахов не поверил в то, что солдаты могут быть ближе, чем за сотни миль, и, когда жена Лошадки пыталась заставить глашатая предупредить людей, тот сказал: «Лошадка ошибся: он попросту видел каких-нибудь индейцев, шедших по тропе, вот и все». Уверенные в том, что всадники, которых они видели, были солдаты, Лошадка и его жена поспешили разыскать своих родственников. Брат его жены, Барс, отдыхал перед своим вигвамом, и они сообщили ему, что идут солдаты и что ему лучше бы поскорее уходить. «Сложи все, что хочешь взять с собой, - сказал Лошадка. - Нынче вечером мы должны уйти».

Барс посмеялся над своим шурином. «Вечно ты всего пугаешься, и вечно тебе что-то мерещится, - сказал он. - Ты видел разве что бизонов».

«Хорошо, - ответил Лошадка, - не ходи, если не хочешь, но мы уйдем сегодня вечером». Его жене удалось убедить нескольких других своих родичей собраться, и перед наступлением ночи они покинули селение и ушли за несколько миль вниз по течению реки Тонгб.

Ранним утром следующего дня солдаты Звездного Вождя Коннора атаковали лагерь арапахов. Случайно какой-то воин вывел одну из своих скаковых лошадей для выездки и тут увидел солдат, собиравшихся за гребнем холма. Он изо всей мочи поскакал обратно в лагерь, дав возможность некоторым арапахам бежать вниз по реке.

Через несколько минут по сигналу горна и условному выстрелу гаубицы восемьдесят разведчиков пауни и двести пятьдесят кавалеристов Коннора атаковали селение с двух сторон. Пауни повернули туда, где было три тысячи лошадей, которых пастухи-арапахи отчаянно пытались разогнать по долине реки. Селение, которое за несколько минут до этого было мирным и спокойным, теперь являло собой зрелище страшного смятения: лошади металась и ржали, собаки лаяли, женщины пронзительно кричали, дети плакали, воины и солдаты ругались и вопили.

Арапахи пытались образовать линию обороны, чтобы прикрыть бегство тех, кто не мог сражаться, но после первого ружейного залпа несколько женщин и детей оказались между воинами и кавалеристами. «Солдаты, - рассказывал один из офицеров Коннора, - убили воина, и он, падая с лошади, уронил двух индейских детей, которых пытался увезти. Отступая, индейцы оставили детей между двумя боевыми линиями, достаточно далеко от каждой из сторон». Дети были убиты.

«Я был в селении в разгар рукопашной схватки с воинами и их скво, - рассказывал другой офицер, - ибо многие из женщин этой группы сражались столь же храбро, как и их дикари мужья. К несчастью для женщин и детей, у наших людей не было времени выбирать себе цель... Скво и дети, так же как и воины, падали убитыми и ранеными».

Поскорей поймав лошадей, арапахи вскочили на них и начали отступать к ручью Вульф-Крик, теснимые солдатами. Среди солдат был один разведчик в одежде из оленьей кожи, и некоторые из более пожилых арапахов узнали в нем старого знакомого, ставившего капканы вдоль рек Тонг и Паудер несколько лет назад и женившегося на одной из их женщин. Они считали его другом. Они называли его Одеяло - Одеяло Джим Бриджер. Теперь он стал таким же наемником, как и индейцы пауни.

Арапахи отступили в этот день на десять миль, и, когда солдатские лошади устали, воины повернули на солдат, пустив в ход против «синих мундиров» свои старые, выменянные у торговцев ружья и жаля их стрелами. Перед наступлением вечера Черный Медведь и его воины оттеснили кавалеристов Коннора назад к селению. Но артиллеристы установили там две гаубицы, и эти оглушительные пушки наполнили воздух свистящими кусками металла. Арапахи не могли продвинуться дальше.

На глазах у арапахов, наблюдавших с холмов, солдаты снесли все вигвамы в селении, свалили в кучу шесты, шкуры, покрывавшие вигвамы, одежду из шкур бизонов, одеяла, меха и тридцать тонн пеммикана и подожгли весь этот огромный ворох. Все, что имели арапахи: кров, одежду, запас пищи на зиму, - все обратилось в дым. Затем солдаты и пауни сели на коней и ускакали, угнав захваченных лошадей, тысячу голов - треть табуна племени.

Весь этот вечер Лошадка, шайен, который пытался предупредить арапахов о приходе солдат, слышал грохот пушек. Как только солдаты ушли, он со своей женой и с теми из ее родичей, кто внял его предостережениям, вернулся в сожженное селение. Они нашли там более пятидесяти мертвых индейцев. Барс, шурин Лошадки, лежал возле круга пожелтевшей травы, на том месте, где утром стоял его вигвам. Многие другие, включая сына Черного Медведя, были тяжело ранены и должны были вскоре умереть. У арапахов ничего не осталось, кроме лошадей, которых они спасли от угона, нескольких старых ружей, луков со стрелами и одежды, которая была на них, когда солдаты атаковали селение. Такой была битва у реки Тонг, происшедшая в Месяце, Когда Гуси Роняют Перья.

Наутро некоторые воины последовали за кавалеристами Коннора, направлявшимися на север, к Роузбад. В тот же день обоз Сойерса, который сиу и шайены осаждали две недели назад, въехал в страну арапахов. Приведенные в ярость столь многолюдным вторжением, индейцы напали из засады на солдатский дозор, ехавший впереди обоза, разогнали скот, гонимый за обозом, и убили одного возницу. Израсходовав почти все свои боеприпасы во время сражения с кавалеристами Коннора, арапахи не имели возможности окружить и

атаковать фургоны Сойерса. Однако они постоянно беспокоили старателей, пока те не миновали горы Бигхорн и не достигли Монтаны.

Звездный Вождь Коннор тем временем двигался к Роузбад в поисках других индейских селений, горя желанием уничтожить их. Достигнув условленного места встречи у Роузбад, он разослал разведчиков во всех направлениях, чтобы обнаружить две другие колонны своей экспедиции во главе с Орлиными Вождями Коулом и Уокером. Разведчикам не удалось обнаружить следов ни одной из колонн, хотя те опаздывали уже на неделю. 9 сентября Коннор приказал капитану Нортю поспешно вести своих пауни к реке Паудер в надежде перехватить колонны на марше. На второй день пути наемников пауни настиг ураган слепящего мокрого снега, а через два дня они наехали на место, где Коул и Уокер недавно стояли лагерем. Земля на стоянке была покрыта Трусами лошадей - их было около девяти сот. Пауни «были поражены этим зрелищем, так как не могли понять, каким образом животных настигла смерть. У многих лошадей были прострелены головы». Неподалеку в углях костра они нашли куски металлических пряжек, стремян и кольца - остатки сожженных седел и сбруи. Капитан не мог решить, что бы могли означать эти свидетельства какого-то бедствия. Он немедленно повернул обратно к Роузбад сообщить генералу Коннору о происшествии.

18 августа две колонны во главе с Коулом и Уокером соединились у Бель-Фарч-Ривер в горах Блэк-Хилс. Моральный дух этих двух тысяч солдат был низок; они пошли добровольцами на Гражданскую войну и полагали, что их следовало демобилизовать в апреле, когда война окончилась. Перед тем как покинуть форт Ларамии, солдаты одного из канзасских подразделений, которым командовал Уокер, подняли мятеж и отказывались выступить из форта, пока на них не навели пушки. К концу августа пайки для личного состава объединившихся колонн были настолько урезаны, что солдаты стали забивать мулов для пропитания. Среди солдат началась цинга. Из-за недостатка травы и воды солдатские лошади все более слабели. При таком состоянии людей и лошадей ни Коул, ни Уокер не имели никакого желания спешить с началом военных действий против индейцев. Единственной их целью было достичь Роузбад и встретиться с генералом Коннором.

Что до индейцев, то в священных местах гор Пана-Сапа и Блэк-Хилс их собралось несколько тысяч. Стояло лето, время общения с Великим Духом, когда индейцы молят его о милости и ожидают видений. Члены всех племен поодиночке или небольшими группами собрались в Блэк-Хилс, в этом центре мира, для участия в религиозных церемониях. Они наблюдали за пылящим потоком двух тысяч солдат с их лошадьми и фургонами и ненавидели их как осквернителей священных гор Пана-Сапа, места, откуда расходятся четыре обруча, скрепляющие землю. Однако индейцы не собирались в боевые отряды, а держались в стороне от этой шумной пылящей колонны.

28 августа Коул и Уокер достигли реки Паудер и послали разведчиков к рекам Тонг и Роузбад на поиски генерала Коннора, но тот находился еще далеко на юге и как раз в этот день готовился уничтожить селение арапахов, возглавляемых Черным Медведем. После того как разведчики вернулись в лагерь, не обнаружив никаких следов Коннора, Коул и Уокер сократили наполовину солдатский паек и решили идти на юг, пока голод не стал бедствием.

В течение этих нескольких дней, пока солдаты стояли лагерем на реке Паудер, там, где она поворачивает на север к реке Йеллоустоун, отряды индейцев хункпапа и миннеконью-сиу шли по их следам от гор Блэк-Хилс. К 1 сентября число преследователей достигло почти четырехсот воинов. С ними был вождь индейцев хункпапа Сидящий Бык, который два года назад в лагере изгнанных из Миннесоты индейцев сани при Кроу-Крик поклялся, что будет сражаться, если возникнет необходимость спасти страну бизонов от стремящихся к захвату земли белых людей.

Когда военный отряд сиу обнаружил солдат, разбивших стоянку в лесу возле реки Паудер, несколько юношей выразили желание поехать под белым флагом в лагерь и посмотреть, не удастся ли уговорить солдат дать индейцам табак и сахар в залог мира. Сидящий Бык не верил белым людям и был против такого рода попрошайничества, но он воздержался от вмешательства и дал возможность желающим послать своих мирных представителей в лагерь.

Солдаты выждали, пока мирная делегация не подошла на расстояние ружейного выстрела, и затем открыли огонь, убив и ранив несколько человек, прежде чем индейцам удалось бежать. Возвращаясь в свой стан, уцелевшие посланцы украли нескольких лошадей из армейского табуна.

Сидящий Бык не удивился тому, как солдаты обошлись с мирными индейскими гостями. Поглядев на тощих лошадей, уведенных из табуна, он решил, что четыреста сиу на быстроногих мустангах могут помериться силой с двумя тысячами солдат на полумертвых от голода армейских клячах. Черная Луна, Проворный Медведь, Красный Лист, Стоит-Оглядываясь и большинство других воинов согласились с ним. У Стоит-Оглядываясь была сабля, захваченная им у одного из людей генерала Салли в Дакоте, и он хотел испробовать ее на солдатах.

В пиктограмме, составленной позднее Сидящим Быком в качестве автобиографии, он изобразил себя в этот день одетым в расшитые бисером ноговицы и в меховой шапке с ушами. У него была винтовка, заряжающаяся с дула и стреляющая один раз, лук, колчан и щит, покрытый перьями птицы, вызывающей гром.

Гуськом спустившись к лагерю на лошадях, индейцы сиу окружили солдат, охранявших табун, и стали поражать их одного за другим, пока на берег реки Паудер не прибыла в спешном порядке рота кавалеристов. Сиу стали быстро отступать на своих резвых лошадях, держась вне досягаемости ружейного огня, и отходили до тех пор, пока костлявые лошади «синих мундиров» не начали спотыкаться. Тут индейцы повернули на своих преследователей. Стоит-Оглядываясь был во главе индейцев, он размахивал саблей и скакал прямо на солдат, пока не сбил одного из них с лошади. Затем Стоит-Оглядываясь резко развернул своего коня и помчался обратно, целый и невредимый, ликуя и крича о своем подвиге.

Через несколько минут солдаты перестроились и по сигналу горна вновь атаковали индейцев сиу. И опять быстрые мустанги сиу унесли их на безопасное расстояние, индейцы рассыпались во все стороны, пока смешавшиеся шеренги солдат не остановились. На этот раз сиу ударили со всех сторон, врезаясь между солдатами и сбивая их с лошадей. Сидящий Бык захватил черного жеребца и впоследствии изобразил это событие в пиктограмме своей биографии.

Встревоженные этой атакой индейцев, Орлиные Вожди Коул и Уокер построили свои колонны для форсированного марша на юг вдоль реки Паудер. Несколько дней сиу преследовали солдат, пугая их своим неожиданным появлением над кромками холмов или внезапно нападая на арьергард. Сидящий Бык и остальные вожди смеялись над тем, насколько пугливыми стали «синие мундиры» - они все время сбивались в кучу, все время оглядывались и постоянно спешили, стараясь уйти от индейцев.

Когда началась сильная метель, индейцы укрылись в убежище на два дня, и однажды утром до них донеслись звуки одиночных выстрелов с той стороны, куда ушли солдаты. На следующий день они обнаружили оставленный лагерь, где повсюду лежали трупы лошадей. Индейцы поняли, что тела лошадей покрылись ледяной коркой от дождя, и солдаты пристрелили их, потому что не могли заставить их двинуться с места.

Поскольку многие из напуганных «синих мундиров» шли теперь пешком, индейцы сиу решили и дальше преследовать их, чтобы те обезумели от страха и больше никогда не

возвращались в Блэк-Хилс. Во время этого преследования индейцы хункпапа и миннеконьюоу стали встречать небольшие группы разведчиков оглалла-сиу и шайенов, которые все еще разыскивали колонну Звездного Вождя Коннора. Эти встречи приводили индейцев в большое возбуждение. Всего в нескольких милях на юг было расположено большое селение шайенов, и, когда через гонцов была устроена встреча вождей этих групп, они стали подумывать об устройстве большой западни для солдат.

В течение этого лета Римский Нос много раз соблюдал магические посты, чтобы достичь особой неуязвимости для врагов. Так же как Красное Облако и Сидящий Бык, он твердо решил сражаться за свою страну и, кроме того, твердо решил победить в этом сражении. Один старый шаман из племени шайенов по имени Белый Бык советовал ему отправиться в одиночку к целебному озеру, расположенному неподалеку, и побыть там вместе с духами воды. Четыре дня Римский Нос лежал на плоту посреди озера без еды и питья, вынося солнечный жар днем и грозные дожди по ночам. Он молился Великому Шаману и духам воды. После того как Римский Нос вернулся в лагерь, Белый Бык сделал ему боевое оперенье, в котором было так много орлиных перьев, что, когда Римский Нос садился на коня, оперенье почти достигало земли.

В сентябре, когда в лагере шайенов впервые услышали о солдатах, бегущих на юг вверх по течению реки Паудер, Римский Нос попросил удостоить его чести возглавить нападение на «синие мундиры». Через день-другой солдаты разбили лагерь в излучине реки с высокими обрывами, покрытыми густым лесом. Решив, что это превосходное место для атаки, вожди расположили в боевом порядке несколько сот воинов вокруг всего лагеря и начали бой с того, что стали высылать небольшие группы, которые должны были выманить солдат из их оборонительного корала. Но солдаты не вышли за его пределы.

Римский Нос выехал вперед на своей белой лошади, его боевое оперенье развевалось за спиной, а лицо было покрыто боевой раскраской. Он призвал воинов не сражаться поодиночке, как они это делают всегда, но, подобно солдатам, биться сообща. Он велел им выстроиться в одну цепь на открытом пространстве между рекой и обрывами. Воины развернули своих лошадей, выстраиваясь в цепь лицом к пешим солдатам, которые строились перед своими фургонами. Римский Нос плясал на своей белой лошади перед воинами, говоря им, чтобы они не двигались с места, пока он не опустошит магазины солдатских ружей. Затем он ударил свою лошадь и, погнав ее вскачь, полетел как стрела к одному из флангов солдатского строя. Когда он был уже настолько близко, что мог ясно видеть лица солдат, он повернул и поскакал вдоль всей длины солдатской шеренги, и они разряжали свои ружья, стреляя в него на всем протяжении его пути. В конце шеренги он развернул свою лошадь и поскакал обратно вдоль солдатского фронта.

«Он проскакал три или четыре раза из конца в конец строя, - рассказывает Джордж Бент. - Затем в его лошадь попала пуля, и лошадь упала под ним. Увидев это, воины издали клич и пошли в атаку. Она напали на войска по всему фронту, но нигде не смогли прорвать его».

Римский Нос лишился своего коня, но защитная магия спасла ему жизнь. Кроме того, в этот день он кое-что уразумел в тактике боя с белыми людьми, поняли это и Красное Облако, Сидящий Бык, Тупой Нож и другие вожди. Отвага, численность, массовость атаки - все это ничего не стоит, если воины вооружены лишь луками, копьями, дубинами и старыми охотничьими ружьями времен трапперов. («Теперь нас атакуют со всех сторон: с фронта, с тыла и с флангов, - сообщал полковник Уокер, - но, кажется, индейцы слишком слабо вооружены».)

Солдаты же были вооружены современными винтовками, применявшимися в Гражданской войне, и их поддерживали гаубицы.

В течение нескольких дней после этого боя, который остался в памяти индейцев как битва Римского Носа, шайены и сиу продолжали беспокоить солдат, нанося им урон. Теперь «синие мундиры» были разуты и одеты в лохмотья, им нечего было есть, кроме своих костлявых лошадей, мясо которых они пожирали сырым, не раскладывая костров, поскольку индейцы были слишком близко. Наконец в Месяц Сухой Травы, к концу сентября, колонна Звездного Вождя Коннора пришла на выручку потрепанным солдатам Коула и Уокера. Солдаты всех трех колонн расположились вокруг укреплений форта Коннор на реке Паудер и оставались там до прибытия гонцов из форта Ларами с приказом, отзывавшим войска (кроме двух рот, которые остались в форте Коннор).

Эти две роты, которым было приказано остаться на всю зиму в форте Коннор (вскоре переименованном в форт Рено), состояли из новоявленных янки, сопровождавших обоз Сойерса на запад, к золотым приискам. Генерал Коннор оставил этим бывшим конфедератам шесть гаубиц для защиты укрепления. Красное Облако и другие вожди издали разглядывали форт. Они знали, что у них достаточно воинов для того, чтобы штурмом взять укрепление, но слишком много людей погибло бы при этом под градом снарядов, летящих из больших пушек. В конце концов они решили проводить жесткую стратегию, осуществляя постоянное наблюдение за фортом и дорогой, по которой к нему подвозились припасы из форта Ларами. Они всю зиму будут держать солдат как пленников в их же форте, перерезав линии снабжения из форта Ларами.

К исходу зимы около половины несчастных новоявленных янки умерло или умирало от цинги, недоедания и воспаления легких. Не вынеся скуки заточения, многие ускользали из укрепления и дезертировали, рискуя попасть в руки индейцев за пределами форта.

Что касается индейцев, то все они, кроме небольших отрядов воинов, необходимых для наблюдения за фортом, ушли в горы Блэк-Хилс, где было достаточно антилоп и бизонов, чтобы индейцы могли набираться сил в своих теплых вигвамах. Долгими зимними вечерами вожди пересказывали события конноровского вторжения. Поскольку арапахи были слишком самоуверенны и беззаботны, они лишились селения, части своего богатого табуна и потеряли несколько человек убитыми. Другие племена тоже потеряли несколько человек, но не лишились скота и крова. Они захватили много лошадей и мулов с тавром Соединенных Штатов. Они добыли много карабинов, седел и прочего снаряжения у солдат. Но прежде всего они обрели новую уверенность в своей способности изгнать «синие мундиры» из своей страны.

«Если белые люди вновь придут в мою страну, я вновь покараю их», - говорил Красное Облако, но он знал, что, если ему не удастся каким-либо способом раздобыть много новых ружей, подобных тем, что они захватили у солдат, и достаточного количества боеприпасов для этих ружей, индейцы не смогут без конца наказывать солдат.

VI. ВОЙНА КРАСНОГО ОБЛАКА

Эта война началась не здесь, не на нашей земле; эту войну принесли нам дети Великого Отца, пришедшие безвозмездно отнять у нас нашу землю и сотворившие много зла на нашей земле. Великий Отец и его дети повинны в этой беде... Мы хотели мирно жить в нашей стране и делать то, что возможно, для блага и пользы нашего народа, но Великий Отец наводнил нашу страну солдатами, помышлявшими только о том, как бы убить нас. Некоторые наши люди, ушедшие отсюда, чтобы попытаться счастья в иных местах, и те, кто ушел охотиться на север, были атакованы солдатами с юга, а когда они пришли на север, их атаковали с противоположной стороны, и теперь, когда они хотят вернуться, солдаты преграждают им путь назад. Мне кажется, следует поступать разумнее. Когда люди в беде, лучше всего и тем и другим встретиться без оружия, переговорить и решить, как избавиться от беды, не прибегая к оружию.

Синте-Галешка (Пятнистый Хвост), из брюль-сиу

В конце лета и осенью 1865 г., пока индейцы демонстрировали свою военную мощь в долине реки Паудер, посланная правительством США комиссия по заключению договора с индейцами продвигалась вдоль верховий реки Миссури. В каждом селении сиу, расположенном у реки, члены комиссии останавливались, чтобы переговорить с теми предводителями, которых им удавалось там обнаружить. Ньютон Эдмундс, недавно назначенный губернатором территории Дакота, был главным инициатором этой комиссии. Другим ее членом был Длинный Торговец Генри Сибли, три года назад изгнавший индейцев санти-сиу из штата Миннесота. Эдмундс и Сибли раздавали одеяла, паточку, печенье и другие подарки индейцам, которых они посещали, без труда убеждая гостеприимных хозяев подписывать новые договоры. Кроме того, они послали гонцов в Блэк-Хилс и в долину реки Паудер, приглашая военных вождей прийти и подписаться под договором, однако эти вожди были слишком заняты войной с вторгшимися солдатами генерала Коннора, и ни один из них не откликнулся на приглашение.

Весной этого года Гражданской войне белых пришел конец, и появились признаки того, что струйка белых эмигрантов, прибывающих на Запад, того и гляди превратится в наводнение. Комиссия хотела получить право проводить тракты и железные дороги через индейские земли.

До исхода осени члены комиссии заключили девять договоров с индейцами сиу, включая индейцев брюль, хункпапа, оглала и минне-коньюу; большинство вождей этих племен отсутствовали в селениях на реке Миссури. Правительственные власти в Вашингтоне приветствовали заключение этих договоров, считая, что они положат конец военным действиям индейцев. В Вашингтоне говорили, что наконец индейцы степей усмирены и что больше никогда не возникнет необходимости в дорогостоящих кампаниях вроде экспедиции Коннора на реке Паудер, организованной для истребления индейцев, «расходы на которую превысили единовременно миллион долларов, при этом сотни солдат лишились жизни, многие пограничные поселенцы были вырезаны, а также уничтожено много имущества».

Губернатору Эдмундсу и другим членам комиссии было хорошо известно, что эти договоры бессмысленны, так как их не подписал ни один военный вождь. Хотя члены комиссии отправили копии договоров для ратификации в конгресс, они продолжали предпринимать усилия, чтобы убедить Красное Облако и других вождей, находившихся в долине реки Паудер, встретиться с комиссией в любом удобном для них месте, чтобы продолжить подписание договоров. Поскольку Бозменский тракт был важнейшей линией сообщения между фортом Ларами и штатом Монтана, на военных чиновников форта оказывалось

сильное давление, с тем чтобы те уговорили Красное Облако прекратить блокаду этого тракта и как можно скорее явиться в Ларами.

Полковник Менадье, назначенный командиром одного из подразделений новоявленных янки в ф. Ларами, пытался использовать заслуживающих доверия жителей пограничной полосы вроде Одеяла Джима Бриджера или Целебного Теленка в качестве посредников между собой и Красным Облаком, но никто из них не желал идти в долину реки Паудер непосредственно после того, как Коннор разгневал племена своим вторжением. В конце концов Менадье решил использовать в качестве посланцев пятерых индейцев сиу, проводивших много времени рядом с фортом. То были Большеротый, Большие Ребра, Орлиная Лапа, Вихрь и Маленький Ворон. Эти индейские торговцы, которых презрительно называли «бездельниками из Ларами», на самом деле были умелыми предпринимателями. Если какой-нибудь белый человек хотел достать по дешевке первоклассную одежду из шкуры бизона или какой-нибудь индеец на реке Тонг хотел добыть припасы со складов форта, «бездельники из Ларами» устраивали такого рода обмены. Впоследствии они сыграли важную роль как поставщики военного снаряжения для индейцев во время войны Красного Облака.

Большеротый и его компания отсутствовали два месяца, распространяя слухи о том, что всех военных вождей ожидают превосходные подарки, если те явятся в форт Ларами и подпишут новые договоры. 16 января 1866 г. посланцы вернулись, ведя с собой две группы обнищавших индейцев брюль-сиу во главе со Стоящим Лосем и Проворным Медведем. Стоящий Лось сказал, что его народ потерял много лошадей во время урагана и что на реке Републикан стало мало дичи. Пятнистый Хвост, глава индейцев брюль, придет, как только его дочь сможет отправиться в путь. У нее сильный кашель. Стоящий Лось и Проворный Медведь с радостью подписали договор, получив одежду и съестные припасы для своих людей.

«А что же Красное Облако? - допытывался полковник Менадье. - Где Красное Облако, Боящийся Своих Лошадей, Тупой Нож? Где те вожди, которые сражались с солдатами Коннора?» Большеротый и другие «бездельники из Ларами» заверили его в том, что вожди вскоре прибудут. Их нельзя торопить, особенно в Месяц Сильной Стужи.

Прошли недели, и вот в марте прибыл вестник от Пятнистого Хвоста, сообщивший полковнику Менадье, что вождь индейцев брюль вскоре придет обсудить договор. Дочь Пятнистого Хвоста, Легкая Нога, очень больна, и он надеется, что солдатский доктор вылечит ее. Через несколько дней, узнав о том, что Легкая Нога умерла в пути, полковник с ротой солдат и санитарной повозкой выехал навстречу траурной процессии индейцев брюль. Был холодный слякотный день. Окрестности Вайоминга были почти лишены растительности, ручьи скованы льдом, бурые холмы местами покрыты снегом. Мертвая девушка была обернута в оленью кожу, крепко перевязана ремнем и пропитана дымом - это подобие гроба было подвешено между двумя ее любимыми лошадьми, двумя белыми мустангами.

Тело Легкой Ноги перенесли в санитарную повозку, ее белых лошадей привязали позади повозки, и процессия двинулась дальше к форту Ларами. Когда Пятнистый Хвост приблизился к форту, полковник Менадье вывел весь свой гарнизон встретить скорбящих индейцев.

Полковник пригласил Пятнистого Хвоста в свой штаб и выразил ему соболезнование по поводу потери дочери. Вождь сказал, что в те дни, когда между белыми людьми и индейцами был мир, он не раз привозил свою дочь в форт Ларами, что ей нравился форт и что ему хотелось бы установить ее погребальный помост на гарнизонном кладбище. Полковник Менадье немедленно дал на это разрешение. Он был удивлен, увидев, что глаза Пятнистого Хвоста наполнены слезами. Он не знал, что индейцы умеют плакать. Испытывая некоторую неловкость, полковник переменял тему разговора. Великий Отец в Вашингтоне

посылает новую мирную комиссию этой весной; полковник надеется, что Пятнистый Хвост сможет остаться поблизости от форта до прибытия комиссии; существует крайняя необходимость сделать Бозменский тракт безопасным для движения. «Мне известно, что этой весной на тракте будет очень большое движение, - сказал полковник, - в направлении приисков Айдахо и Монтаны».

«Мы считаем, что с нами поступили несправедливо, - отвечал Пятнистый Хвост, - и что мы имеем право на компенсацию за ущерб и страдания, причиненные нам строительством множества дорог через нашу страну, ибо строители разогнали или уничтожили бизонов и дичь. В моем сердце великая скорбь, и я не могу говорить о делах; но я дождусь советников, которых пришлет Великий Отец, и увижусь с ними».

На следующий день Менадье устроил военные похороны Легкой Ноги; перед самым закатом процессия двинулась к гарнизонному кладбищу вслед за гробом, обернутым в красные одеяла и установленным на лафете пушки. По обычаю индейцев брюль женщины подняли гроб на помост, покрыли его свежей бизоньей шкурой и привязали гроб к помосту ремнями. Небо было покрыто свинцовыми тучами, и с наступлением сумерек начал падать мокрый снег. По команде солдаты, отвернувшись от гроба, дали три залпа один за другим. Затем они вместе с индейцами двинулись обратно в гарнизон. Артиллерийский расчет оставался возле помоста всю ночь. Артиллеристы разложили большой костер из сосновых поленьев и стреляли из гаубицы каждые полчаса до наступления утра.

Через четыре дня Красное Облако с большим отрядом воинов внезапно появился около форта. Сначала он остановился в лагере Пятнистого Хвоста, и два вождя сиу радовались встрече, когда в сопровождении солдат явился Менадье, чтобы препроводить их обоих пышно и торжественно, под звуки барабанов и горнов в штаб гарнизона.

Когда Менадье сказал Красному Облаку, что члены новой мирной комиссии не придут в форт Ларамы раньше чем через несколько недель, вождь оглала рассердился. Большеротый и другие вестники говорили ему, что, если он придет и подпишет некий договор, ему дадут подарки. Ему необходимы ружья, порох и припасы. Менадье ответил, что он может выдать прибывшим индейцам оглала съестные припасы с армейских складов, но что он не уполномочен раздавать ружья и порох. Тогда Красное Облако захотел узнать, что этот договор дает его народу; они и прежде подписывали договоры, и всегда оказывалось, что в результате индейцы что-нибудь давали белым людям. На этот раз белые люди должны дать что-нибудь индейцам.

Вспомнив, что глава новой комиссии Э. Б. Тейлор находится в штате Омаха, Менадье предложил Красному Облаку отправить сообщение Тейлору по телеграфу. Красное Облако отнесся к предложению подозрительно - он не совсем доверял магии говорящих проводов. После некоторого промедления он согласился пройти с полковником в помещение гарнизонного телеграфа и через переводчика продиктовал послание о мире и дружбе советнику Великого Отца в Омахе.

Телеграф отстучал ответ председателя комиссии Тейлора: «Великий Отец в Вашингтоне... хочет, чтобы вы все были его друзьями и друзьями белого человека. Если вы заключите мирный договор, он сделает вам и вашему народу подарки в залог его дружбы. Обоз с припасами и подарками не сможет добраться до форта Ларамы от реки Миссури раньше первого июня, и он хотел бы, чтобы на этот день была назначена встреча с комиссией для заключения мирного договора».

Телеграф произвел впечатление на Красное Облако. Кроме того, ему понравилась прямота полковника Менадье. Он готов был подождать с подписанием договора до наступления Месяца, Когда Выходит Зеленая Трава. У него будет время вернуться в долину Паудер и разослать вестников ко всем рассеянным группам сиу, шайенов и арапахов. А у индейцев

будет время собрать побольше бизоньих шкур и бобрового меха для торговли по приходе в форт Ларами.

В качестве жеста доброй воли Менадье отпустил небольшое количество пороху и свинца отбывавшим оглалам, и они уехали в прекрасном настроении. Менадье ничего не сказал об открытии Бозменского тракта; ничего не было сказано и Красным Облаком о форте Рено, все еще осажденном на реке Паудер. Все эти вопросы можно было отложить до мирного совета.

Красное Облако не дождался всходов зеленой травы. Он вернулся в Ларами в мае, в Месяце, Когда Линяют Кони, и привел с собой своего помощника, Боящегося Своих Лошадей, а также более тысячи оглалов. Тупой Нож и его шайены привезли с собой несколько вигвамов, прибыл и Красный Лист со своей группой индейцев брюль. Вместе с Пятнистым Хвостом они разбили огромный лагерь вдоль реки Платт. В факториях и в лавках маркитантов бойко шла торговля. Никогда Большеротый и «бездельники из Ларами» не были так заняты, устраивая сделки.

Через несколько дней прибыла мирная комиссия, и 5 июня началась формальная процедура с обычными длинными речами членов комиссии и различных индейских вождей. Затем Красное Облако неожиданно попросил отложить подписание договора на несколько дней и подождать прибытия других индейцев тетон, желавших принять участие в обсуждении договора. Глава комиссии Тейлор согласился отсрочить совет до 13 июня.

По прихоти судьбы именно 13 июня полковник Генри Карингтон с семьями офицерами и солдатами из состава восемнадцатого пехотного полка достиг окрестностей форта Ларами. Эта часть прибыла из форта Керни, штат Небраска, и имела приказ создать цепь фортов вдоль Бозменского тракта, подготовив его тем самым к ожидавшемуся в течение лета большому движению в Монтану. Несмотря на то что планы этой экспедиции осуществлялись уже в течение нескольких недель, никто из индейцев, приглашенных на подписание договора, не был уведомлен о намечавшейся военной оккупации долины реки Паудер.

Чтобы избежать трений с двумя тысячами индейцев, стоявших лагерем вокруг форта Ларами, Карингтон остановил свой полк в четырех милях к востоку от гарнизонного поста. Стоящий Лось, один из вождей индейцев брюль, пришедший сюда еще зимой, наблюдал из своего отдаленного вигвама, как солдаты строят обоз в каре. Потом он вскочил на своего коня и поскакал к солдатскому лагерю, где часовые проводили его к полковнику Карингтону. Карингтон вызвал одного из своих переводчиков, и, после того как они выполнили формальность курения трубки, Стоящий Лось прямо спросил: «Куда вы идете?»

Карингтон откровенно отвечал, что ведет свои войска к реке Паудер охранять дорогу на Монтану.

«В Ларами заключается мир с индейцами сиу, живущими в том краю, в который ты направляешься, - сказал ему Стоящий Лось. - Вам придется сражаться с воинами-сиу, если вы пойдете туда».

Карингтон сказал, что он не намерен воевать с сиу, он будет лишь охранять дорогу.

«Оглалы не дадут своих охотничьих угодий белым людям под дорогу, - настаивал Стоящий Лось. - Оглалы не освободят для вас дорогу до тех пор, пока вы не разобьете их в бою». Он добавил поспешно, что он индеец брюль, что он и Пятнистый Хвост - друзья белых людей, но что индейцы оглала и миннеконью во главе с Красным Облаком будут сражаться с любыми белыми людьми, которые проникнут севернее реки Платт.

Еще до того, как на следующий день вновь началась формальная процедура заключения мира, каждый индеец в Ларами знал о присутствии и задачах полка «синих мундиров». Когда Карингтон на следующее утро въехал в форт, глава комиссии Тейлор решил

представить его вождям и спокойно сообщить им то, что они уже знали: что правительство Соединенных Штатов намерено открыть дорогу через долину реки Паудер независимо от мирного договора.

Первые слова Карингтона потонули в хоре голосов недовольных индейцев. Когда он возобновил свою речь, индейцы продолжали переговариваться между собой и беспокойно двигаться на сосновых лавках, расставленных для них на плацу. Переводчик Карингтона шепотом предложил, что, возможно, полковнику следует дать сначала высказаться вождям.

На помост вышел Боящийся Своих Лошадей. Из потока его слов явствовало, что, если солдаты двинутся в страну сиу, его народ будет сражаться с ними. «Через две луны от этого отряда не останется и копыта», - заявил он.

Теперь очередь была за Красным Облаком. Его гибкая фигура в легком одеяле и мокасинах возникла посреди помоста. Прямые черные волосы, расчесанные на пробор, ниспадали ему на плечи, достигая пояса. Широкий рот был решительно сжат и походил на узкую щель под его орлиным носом. Его глаза сверкали, когда он начал бранить членов мирной комиссии за то, что они обращаются с индейцами, как с детьми. Он обвинил их в том, что, проводя для виду переговоры о судьбе страны, они на деле готовятся силой захватить ее. «Белые люди из года в год теснили индейцев, - сказал он, - пока нас насильно не заставили жить в маленькой стране севернее реки Платт, и теперь наши последние охотничьи угодья, обиталище нашего народа, отнимают у нас. Наши женщины и дети будут умирать от голода, но что до меня, то я считаю, что лучше умереть в сражении, чем от голода... Великий Отец прислал нам подарки и хочет новую дорогу. Но Белый Вождь с солдатами идет отнять дорогу прежде, чем индейцы скажут да или нет!» В то время как переводчик все еще пытался перевести индейские слова на английский язык, среди слушавших индейцев начался такой беспорядок, что глава комиссии Тейлор внезапно прекратил дневное заседание. Красное Облако прошагал мимо Карингтона, не замечая его, и направился через плац прямо к лагерю оглалов. До наступления рассвета следующего дня индейцы оглала ушли от форта Ларами.

В течение следующих недель, пока обоз Карингтона двигался на север по Бозменскому тракту, у индейцев была возможность выяснить его численность и мощь. Двести фургонов были доверху набиты сенокосилками, кровельной дранкой, механизмами для изготовления кирпичей, деревянными дверями, оконными переплетами, замками, гвоздями, музыкальными инструментами для оркестра из двадцати пяти музыкантов, креслами-качалками, маслобойками, консервами, семенами овощей наряду с обычными боеприпасами - порохом и военным снаряжением. «Синие мундиры» явно собирались надолго остаться в долине реки Паудер; иные из них везли с собой жен и детей, домашних животных и слуг. Они были вооружены устаревшими ружьями, заряжающимися с дула, и несколькими карабинами системы Спенсер, заряжающимися с казенной части, кроме того у них было четыре пушки. В качестве проводников им предложили свои услуги Одеяло Джим Бриджер и Целебный Теленок Бэкварт, которым было известно, что индейцы наблюдают за ежедневным продвижением обоза вдоль дороги, ведущей в долину реки Паудер.

28 июня полк достиг форта Рено, сменив две роты новоявленных янки, которые в течение зимы и весны находились фактически на положении пленников внутри своего же укрепления. В качестве гарнизона форта Рено Карингтон оставил четвертую часть своего полка и затем двинулся на север в поисках местоположения для гарнизонного поста, где будет находиться его штаб. К этому времени сотни воинов из индейских лагерей начали собираться вдоль флангов военного обоза.

13 июля колонна остановилась у слияния рек Литл-Пайни и Биг-Пайни; здесь, в самом сердце пышных лугов и пастбищ, неподалеку от покрытых сосняком склонов гор Биг-Хорн, на лучших охотничьих угодьях индейцев степей, «синие мундиры» разбили свои армейские палатки и начали строить форт Фил-Керни.

Через три дня большая группа шайенов приблизилась к этой лагерной стоянке. Среди вождей были Две Луны, Черный Конь и Тупой Нож. Но Тупой Нож держался на втором плане, поскольку остальные вожди сурово упрекали его за то, что он остался в форте Ларами и подписал бумагу, разрешавшую солдатам строить форты и прокладывать дорогу через долину реки Паудер. Тупой Нож утверждал, что он взялся за перо в Ларами только для того, чтобы получить подарки - одеяла и снаряжение; он не знал, что было написано в этой бумаге. И все же его упрекали за то, что он сделал это после того, как Красное Облако повернулся спиной к белым людям и пренебрег их подарками, а теперь собирает своих воинов, чтобы бросить вызов белым.

Воспользовавшись белым флагом, шайены договорились о переговорах с Маленьким Белым Вождем Карингтоном. Сорок вождей и воинов получили разрешение посетить солдатский лагерь. Карингтон встретил их с военным оркестром, который он вез от самого форта Керни в Небраске. Он старался позабавить индейцев энергичной военной музыкой. Одеяло Джим Бриджер присутствовал при этом, и индейцы понимали, что им не удастся провести Джима, однако они провели Маленького Белого Вождя, уверив его, что они пришли говорить о мире. Пока курилась трубка и произносились вступительные речи, вожди прикидывали, насколько сильны солдаты.

Прежде чем они собрались уходить, Маленький Белый Вождь навел одну из своих гаубиц на один из холмов и выстрелил по нему разрывным снарядом. «Пушка выстрелила дважды, - сказал Черный Конь с нарочитой серьезностью. - Белый Вождь выстрелил один раз. Потом Великий Дух Белого Вождя выстрелил еще раз в честь своих белых детей».

Мощь большой пушки произвела впечатление на индейцев, на что и рассчитывал Карингтон, но он не подозревал, что Черный Конь насмеялся над ним, говоря о том, что Великий Дух «выстрелил еще раз в честь своих белых детей». Когда шайены собрались уходить. Маленький Белый вождь дал им какие-то бумаги, считая, что они договорились о «длительном мире с белыми и всеми проезжающими по тракту», после чего индейцы ушли. Через несколько часов в селениях по берегам рек Тонг и Паудер все знали о том, что новый форт слишком силен, для того чтобы захватить его без больших потерь. Индейцы решили выманить солдат на открытое пространство, где их будет легче атаковать.

На рассвете следующего утра отряд оглагов Красного Облака угнал сто семьдесят пять лошадей и мулов из табуна Карингтона. Когда солдаты стали преследовать их, индейцы вынудили их сильно растянуться во время пятнадцатимильного преследования и нанесли первый урон «синим мундирам», вторгшимся в долину реки Паудер.

С этого дня Маленький Вождь был втянут в жестокую партизанскую войну, длившуюся в течение всего лета 1866 г. Ни один из многочисленных обозов, гражданских или военных, продвигавшихся по Бозменскому тракту, не был гарантирован от внезапного нападения. Верховые эскорты несли все большие потери, и солдаты скоро научились каждый миг ожидать смертоносных ловушек. Солдаты, назначенные валить лес в нескольких милях от форта Фил-Керни, постоянно подвергались смертельной опасности.

К исходу лета индейцы устроили себе базу снабжения в верховьях реки Паудер, их общая стратегия вскоре стала очевидной: сделать движение по тракту трудным и опасным, отрезать войска Карингтона от баз снабжения, изолировать их и атаковать.

Красное Облако был повсюду, и с каждым днем число его союзников росло. Черный Медведь, вождь арапахов, чье селение было уничтожено прошлым летом войсками генерала Коннора, известил Красное Облако, что его воины с радостью присоединятся к сражающимся. Гнедая Лошадь, другой вождь арапахов, также примкнул со своими воинами к союзу. Пятнистый Хвост, все еще веривший в мир, ушел охотиться на бизонов вдоль реки Републикан, однако многие его воины из индейцев брюль пошли на север, чтобы присоединиться к Красному Облаку. Сидящий Бык также находился здесь в течение всего

лета; впоследствии он изобразил в пиктограмме, как он захватил лошадь с надрезанными ушами у белых, проезжавших по тракту через долину реки Паудер. Ссадина, молодой индеец из хункпапов, тоже был здесь. Вместе с индейцем из миннеконью по имени Горб и молодым оглалом по имени Бешеный Конь он придумывал всякого рода уловки, с тем чтобы вызвать насмешками ярость солдат или поселенцев и затем заманить их в хорошо расставленные западни.

В начале августа Карингтон решил, что Фил-Керни достаточно силен, чтобы рискнуть еще раз разделить свои силы. Поэтому, согласно инструкции военного министерства, он выделил сто пятьдесят человек и послал их на 90 миль на север строить третий форт на Бозменском тракте - форт Смит. Одновременно он послал разведчиков Бриджера и Бэкварта попытаться наладить связь с Красным Облаком. Это была трудная задача, однако эти два престарелых жителя пограничной полосы пошли искать дружественных посредников.

В селении индейцев кроу, расположенном в северной части гор Биг-Хорн, Бриджер неожиданно получил поразительные сведения. Хотя сиу были исконными врагами кроу и изгоняли их со своих богатых охотничьих угодий, Красное Облако недавно сам нанес миротворческий визит индейцам кроу в надежде убедить их примкнуть к его союзу. «Мы хотим, чтобы вы помогли нам уничтожить белых» - так якобы говорил Красное Облако. Затем вождь сиу стал похваляться тем, что лишит солдат снабжения, как только выпадет снег, голодом выгонит их из фортов и всех перебьет. Бриджер слышал, что кое-кто из индейцев кроу согласился примкнуть к воинам Красного Облака, но, когда он встретился с Бэквартом в другом селении кроу, тот утверждал, что сам нанимает на службу индейцев кроу, желающих примкнуть к солдатам Карингтона, чтобы сражаться с сиу. (Целебный Теленок Бэкварт не вернулся в форт Фил-Керни. Он неожиданно умер в одном из селений кроу, возможно отравленный каким-то ревнивым мужем, но скорее всего - естественным образом.)

К концу лета у Красного Облака было три тысячи воинов. Через своих друзей «бездельников из Ларами» индейцам удалось собрать небольшой арсенал винтовок и боеприпасов, однако у большинства воинов были только луки и стрелы. В начале осени Красное Облако и другие вожди решили, что они должны направить все свои силы против Маленького Белого Вождя и ненавистного форта у слияния двух рек Пайни. И вот до наступления холодных лун они продвинулись к горам Биг-Хорн и разбили свои стоянки у истоков реки Тонг. Здесь они были на достаточно близком расстоянии для нанесения удара по форту Фил-Керни.

За время летних набегов два индейца оглала - Высокий Позвоночник и Желтый Орел - прославились своими тщательно продуманными уловками, с помощью которых они обманывали солдат, а также искусной верховой ездой и дерзкими рукопашными схватками с солдатами, попадавшими в их ловушки. Высокий Позвоночник и Желтый Орел порой действовали вместе с молодым индейцем по имени Бешеный Конь, замышляя свои тщательно продуманные хитрости. В начале Месяца Трескающихся Деревьев они начали донимать лесорубов, работавших в сосняке, и солдат, охранявших повозки, на которых доставляли лес в форт Фил-Керни.

6 декабря, в день, когда холодный ветер дул со склонов гор Биг-Хорн, Высокий Позвоночник и Желтый Орел, взяв около сотни воинов, рассредоточили их в разных местах вдоль дороги, идущей через сосняк. Красное Облако был с другой группой воинов, занявших позицию вдоль кромки гор. Отблесками зеркал и взмахами флагов они передавали друг другу сигналы о продвижении войск в направлении засады, устроенной Высоким Позвоночником. До наступления вечера индейцам удалось выманить и рассеять «синие мундиры» в разных направлениях. Раз даже Маленький Белый Вождь выехал из форта и пытался преследовать индейцев. Выбрав самый подходящий момент, Бешеный Конь спешил и показался на тропе перед одним из горячих молодых кавалерийских офицеров

Карингтона, который тотчас повел отряд солдат галопом в погоню за индейцами. Как только солдаты растянулись вдоль узкой тропы, Желтый Орел и его воины выскочили из укрытия в тылу у кавалеристов. Через несколько секунд индейцы толпой бросились на солдат. (Это был тот бой, в котором лейтенант Горацио Бингем и сержант Дж. Боуэрс были убиты, а несколько солдат тяжело ранены.)

В эту ночь и в ближайшие несколько дней вожди и воины рассуждали на своих стоянках о том, как глупо действовали «синие мундиры». Красное Облако был убежден, что если бы им удалось выманить гораздо больше солдат из форта, то с тысячей индейцев, вооруженных лишь луками и стрелами, они смогли бы убить всех белых. В течение недели вожди сговаривались о том, как к наступлению следующего полнолуния приготовить большую западню для Маленького Белого Вождя и его солдат.

В третью неделю декабря все было готово, и около двух тысяч воинов начали двигаться на юг от своих вигвамов на реке Тонг. Было очень холодно, и они надели шкуры бизонов шерстью внутрь, ноговицы из темной шерстяной ткани, высокие мокасины из меха бизона, а также везли с собой одеяла, приторочив их к седлам. Большинство ехало на вьючных лошадях, ведя своих быстроногих боевых коней на арканах. У некоторых были винтовки, но большинство было вооружено луками и стрелами, ножами и копьями. Они везли с собой достаточно пеммикана, чтобы его хватило на несколько дней, а когда представлялся случай, небольшие группы сворачивали с тропы, чтобы убить оленя и прихватить с собой столько мяса, сколько можно увезти в седельных сумках.

В десяти милях к северу от форта Керни они устроили временную стоянку в три круга: круг сиу, круг шайенов и круг арапахов. Между этой стоянкой и фортом находилась местность, избранная для западни, - небольшая долина Пино-Крик.

На утро 21 декабря вожди и шаманы решили, что день благоприятствует победе. В сером рассвете группа воинов двинулась далеко в объезд к той дороге, по которой солдаты возили лес, - там они должны были устроить ложную атаку на повозки. Десять юношей были избраны для выполнения трудной задачи по заманиванию солдат: два шайена, два арапахы и по два человека от каждого из трех племен сиу - оглала, миннеконью и брюль. Бешеный Конь, Горб и Волчонок возглавляли эту группу. Пока группа заманивания садилась на лошадей и направлялась к Лодж-Трейл-Ридж, все остальные воины двинулись вперед по Бозменскому тракту. Теневая сторона горных кряжей местами была покрыта снегом и льдом, но день был ясным, а воздух сухим и холодным. В трех милях от форта, где дорога шла вдоль узкой горной кромки и спускалась к Пино-Крик, они приступили к устройству большой западни. Шайены и арапахы разместились с западной стороны. Часть индейцев сиу спрятались в травянистой низине на противоположной стороне; остальные, не спешиваясь, скрылись за двумя скалистыми горными кряжами. К утру почти две тысячи воинов ожидали здесь, когда группа заманивания приведет в западню «синие мундиры».

Пока боевая группа проводила ложную атаку на обоз лесорубов, Бешеный Конь и группа заманивания спешили и ожидали в укрытии на склоне перед фортом. При первых звуках ружейных выстрелов рота солдат верхами вынеслась из форта и галопом помчалась на выручку лесорубам. Как только «синие мундиры» скрылись из виду, индейцы группы заманивания показали на склоне и двинулись в направлении форта. Бешеный Конь, размахивая своим красным одеялом, то и дело стремительно выскакивал из кустарника, окаймлявшего покрытую льдом реку Пайни. Через несколько минут этого представления Маленький Солдатский Вождь в форте открыл огонь из своей большой, дважды стреляющей пушки. Заманивающие рассеялись по склону, подпрыгивая, делая зигзаги и крича, для того чтобы солдаты подумали, что индейцы испугались. К этому времени боевая группа отступила от обоза лесорубов и быстро устремилась назад к Лодж-Трейл-Ридж. Через несколько минут солдаты бросились за ними вслед - кто верхом, кто пешком. (Солдатами

командовал капитан Уильям Феттерман, которому было строго приказано не преследовать индейцев дальше Лодж-Трейл-Ридж.)

Бешеный Конь со своей группой вскочили на лошадей и стали разъезжать взад-вперед по склону Лодж-Трейл-Ридж, насмехаясь над солдатами, и до того их разозлили, что те непрерывно стреляли. Пули рикошетом отскакивали от скал, и группа заманивания медленно отходила. Когда солдаты замедляли движение или останавливались, Бешеный Конь спешил и делал вид, что подтягивает сбрую или рассматривает копыта коня. Вокруг него свистели пули. Затем солдаты поднялись на вершину кряжа и стали преследовать заманивающих индейцев, отступавших вниз к Пино-Крик. Перед ними было всего десять индейцев, и солдаты прищипорили своих коней, желая захватить их.

Когда заманивающие пересекли Пино-Крик, все солдаты - кавалеристы и пешие, всего 81 человек, - оказались в западне. Теперь заманивающие разделились на две группы и быстро поскакали одна наперерез другой. Это было сигналом к атаке.

Лошадка, шайен, год назад предупредивший арапахов о приближении генерала Коннора, удостоился чести подать сигнал своим людям, затаившимся в лощинах на западной стороне. Он поднял свое копьё, и все шайены и арапахи верхами пошли в атаку, нарушив тишину внезапным топотом копыт.

С противоположной стороны пошли индейцы сиу, и на несколько мгновений индейцы и пешие солдаты смешались в сумятице рукопашной схватки. Все пехотинцы вскоре были убиты, однако кавалеристы отступили к скалистой возвышенности около того места, где кончался горный кряж. Они отпустили своих лошадей и попытались найти укрытие среди покрытых ледяной коркой валунов.

Лошадка прославился в этот день: перескакивая через валуны, от лошины к ложине он подобрался к окруженным кавалеристам на расстояние сорока футов. Белый Бык из племени миннеконью тоже отличился в кровавой схватке на склоне холма. Вооруженный лишь луком и копьём, он напал на спешившегося кавалериста, который стрелял в него из карабина. В пиктограмме, сделанной впоследствии Белым Быком по поводу этого события, он изобразил себя в красной боевой накидке, поражающим стрелой солдата в сердце и разбивающим ему голову копьём, чтобы завершить достигнутое первым удачным ударом.

К концу боя шайены и арапахи с одной стороны и сиу - с другой сошлись настолько близко, что стали поражать друг друга дождем своих же стрел. На этом все кончилось. Ни одного солдата не осталось в живых. Какая-то собака оказалась возле мертвых, и один из сиу стал ловить ее, чтобы взять с собой домой, но шайен по имени Большой Плут сказал: «Не упустите собаку», и кто-то поразил ее стрелой. Это был бой, который белые люди впоследствии называли феттермановской резней; индейцы называли его Битвой Ста Убитых.

Индейцы понесли тяжелые потери - почти двести человек было убито и ранено. Был сильный мороз, и они решили перевезти раненых назад на временную стоянку, чтобы не дать им замерзнуть. На следующий день жестокая метель задержала воинов в наскоро устроенных укрытиях, а когда буря стихла, они вернулись в свои селения на реке Тонг.

Наступил Месяц Сильной Стужи, и на некоторое время боевые действия прекратились. Оставшиеся в живых солдаты форта должны были почувствовать горечь поражения. Если же этот урок не пойдет им впрок и они все еще будут здесь весной, когда зазеленеет трава, война будет продолжена.

Феттермановская резня произвела глубокое впечатление на полковника Карингтона. Его привели в ужас членовредительства: выпотрошенные внутренности, отрубленные конечности, «половые органы, недостойным образом помещенные на некоторых лицах». Он размышлял о причинах такой дикой жестокости и в конце концов написал очерк на эту тему,

предаваясь философским рассуждениям о том, что именно языческая вера заставила индейцев совершить такие ужасные поступки, которые никогда не изгладятся из его памяти. Если бы полковник Карингтон мог побывать на месте резни при Санд-Крик, случившейся всего за два года до феттермановской резни, он стал бы свидетелем такого же членовредительства, произведенного над индейцами солдатами полковника Чивингтона. Индейцы, заманившие в ловушку Феттермана, лишь подражали своим врагам, а такое подражание во время войны и в мирной жизни считается искреннейшей формой лести.

Феттермановская резня произвела также глубокое впечатление на правительство Соединенных Штатов. Это было самое тяжелое поражение, понесенное армией за все время военных действий против индейцев, и второй случай за всю американскую историю, когда из боя никто не вышел живым. Карингтон был отстранен от командования, в форты долины реки Паудер были посланы подкрепления, и новая мирная комиссия отправилась из Вашингтона в форт Ларами.

Новую комиссию возглавил Черные Бакенбарды Джон Санборн, который в 1865 г. заставил южных шайенов Черного Котла отказаться от своих охотничьих угодий в Канзасе и поселиться за рекой Арканзас. Санборн и генерал Альфред Салли прибыли в форт Ларами в апреле 1867 г., и на этот раз в их задачу входило убедить Красное Облако и индейцев сиу отказаться от своих охотничьих угодий в долине реки Паудер и поселиться в резервации. Так же как за год до этого, первыми на переговоры явились индейцы брюль: Пятнистый Хвост, Проворный Медведь, Стоящий Лось и Железный Снаряд.

Легкая Рана и Убийца Пауни, приведшие свои отряды оглалов к реке Платт в надежде найти бизонов, явились в форт, чтобы узнать, какие подарки раздадут члены этой комиссии. Юноша, Боящийся Своих Лошадей прибыл в качестве представителя Красного Облака. Когда члены комиссии спросили его, намерен ли Красное Облако прийти, чтобы говорить о мире, Юноша, Боящийся Своих Лошадей ответил, что предводитель оглалов не станет говорить о мире, пока все солдаты не будут выведены из долины реки Паудер.

Во время переговоров Санборн попросил Пятнистого Хвоста обратиться к собравшимся индейцам. Пятнистый Хвост посоветовал своим слушателям избегать войны с белыми людьми и жить мирно и счастливо. За это он и его индейцы брюль получили достаточно порошу и свинца, чтобы охотиться на бизонов у реки Репаббликан. Враждебные оглалы не получили ничего. Боящийся Своих Лошадей вернулся к Красному Облаку, который уже возобновил набеги вдоль Бозменского тракта. Легкая Рана и Убийца Пауни последовали за индейцами брюль на пастбища бизонов, соединившись со своим старым другом шайеном по имени Нога Индейки. Мирная комиссия Санборна ничего не достигла.

До исхода лета Убийца Пауни и Нога Индейки вступили в контакт с одним из вождей солдат, которого они называли Крепкий Зад, потому что он преследовал их на большое расстояние, в течение многих часов не слезая с седла. Впоследствии они стали называть его Длинноволосый Кастер. Когда генерал Кастер пригласил их в форт Макферсон для переговоров, индейцы явились в форт и приняли сахар и кофе. Они сказали Крепкому Зад, что они друзья белых людей, но что им не нравится Железный конь, который, бегая по железной колее, свистя и фыркая дымом, распугал всю дичь в долине реки Платт. (Тихоокеанская линия железной дороги была проложена через западную часть штата Небраска в 1867 г.)

Этим летом в поисках бизонов и антилоп оглалы и шайены несколько раз пересекали железнодорожные пути. Иногда они видели Железных коней, которые очень быстро тащили за собой по колее деревянные дома на колесах. Индейцы ломали голову над тем, что может быть внутри этих домов, и однажды один шайен решил заарканить одного из Железных коней и стащить его с колее. Вместо этого Железный конь сорвал его с лошади и нещадно волок за собой, пока тот не выпустил аркана.

Спящий Кролик был тем, кто предложил иной способ, которым можно поймать одного из Железных коней. «Если мы согнем колею и снова расстелем ее, Железный конь наверняка свалится, - говорил он. - Тогда мы сможем поглядеть, что там внутри деревянных домов на колесах». Так и сделав, индейцы стали ждать поезд. Вполне естественно, Железный конь перевернулся на бок, и из него вышло много дыма. Мужчины начали выскакивать из поезда, и индейцы убили их всех, кроме двух, которым удалось спастись бегством. Потом индейцы разбили дома на колесах и нашли мешки с мукой, сахаром и кофе, ящики с обувью и бочонки с виски. Они выпили часть виски и начали привязывать концы рулонов ткани к хвостам своих лошадей. Лошади помчались через степь с длинными лентами развевающейся материи, летящими вслед за ними. Через некоторое время индейцы набрали горящих углей из разбитой машины и подожгли товарные вагоны. Потом они ускакали, опасаясь как бы не пришли солдаты и не наказали их.

Такого рода инциденты в сочетании с продолжавшейся войной Красного Облака, прекратившей движение гражданских лиц через долину реки Паудер, возымели сильное действие на правительство Соединенных Штатов и его высшее военное командование. Правительство было полно решимости защищать трассу Тихоокеанской железной дороги, но даже такие старые вояки, как генерал Шерман, начинали подумывать, не благоразумнее ли оставить земли на реке Паудер индейцам в обмен на мир в долине реки Платт.

В конце июля, после того как закончились Пляска Солнца и церемония магических стрел, сиу и шайены решили стереть с лица земли один из фортов на Бозменском тракте. Красное Облако хотел атаковать форт Фил-Керни, однако Тупой Нож и Две Луны считали, что легче взять форт Смит, поскольку воины-шайены уже убили или захватили почти всех лошадей у тамошних солдат. Наконец, после того как вожди не смогли прийти к соглашению, сиу сказали, что они атакуют форт Фил-Керни, а шайены пошли на север к форту Смит.

Первого августа пятьсот или шестьсот воинов шайенов застигли тридцать солдат и штатских лиц на покосе в двух милях от форта Смит. Индейцы не знали, что оборонявшиеся были вооружены новыми магазинными винтовками, и, когда они атаковали солдатский кораль, сложенный из бревен, их встретил такой губительный огонь, что только одному воину удалось проникнуть в укрепление, да и тот был убит. Тогда шайены зажгли высокую сухую траву вокруг коралья. («Огонь надвигался следовавшими одна за другой волнами, подобно волнам океана, - рассказывал впоследствии один из солдат. - Когда огонь был в двадцати футах от баррикады, он остановился, словно по велению сверхъестественной силы. Пламя поднялось вертикально вверх по крайней мере на сорок футов, сделало несколько волнообразных движений и погасло, как будто от сильного хлопка, напоминающего хлопающий звук намокшей парусины при штормовом ветре; и в следующий момент ветер понес дым... в лицо атаковавшим индейцам, которые воспользовались возможностью под его покровом вынести своих убитых и раненых».)

Этого было вполне довольно для шайенов на этот день. Многие воины страдали от тяжелых ранений, нанесенных из скорострельных винтовок, и около двадцати человек было убито. Шайены двинулись обратно на юг, поглядеть, не оказались ли индейцы сиу более удачливыми у форта Фил-Керни.

Индейцам сиу тоже не посчастливилось. После нескольких ложных атак, разыгранных вокруг форта, Красное Облако решил использовать хитрость, которая так хорошо удалась с капитаном Феттерманом. Бешеный Конь атакует лагерь лесорубов, и, когда солдаты выйдут из форта, Высокий Позвоночник бросится на них с восьмьюстами воинами. Бешеный Конь и его группа превосходно выполнили свою задачу, но по какой-то причине несколько сот воинов преждевременно бросились из укрытия в сторону табуна лошадей вблизи форта, тем самым открыв солдатам свое присутствие.

Чтобы хоть как-нибудь завершить бой, Красное Облако направил атаку на лесорубов, укрывшихся за коралем из четырнадцати телег, укрепленных бревнами. Несколько сот

воинов на конях двинулись вперед, стараясь окружить укрепление, однако, так же как у форта Смит, оборонявшиеся были вооружены магазинными винтовками системы Спрингфилдс. Столкнувшись с частым и непрерывным огнем из нового оружия, сиу быстро отвели своих лошадей из простреливаемой зоны. «Потом мы оставили наших лошадей в ущелье и пошли в атаку пешим строем, - рассказывал впоследствии воин по имени Огненный Гром, - но мы были подобны траве, которая корчится в пламени. Так что мы подобрали своих раненых и ушли. Я не знаю, сколько наших людей было убито, но убитых было очень много. Это плохо».

(Эти две стычки, названные белыми стычкой на покосе и стычкой у телег, породили среди них много легенд. Один наделенный воображением историк пишет, что телеги были завалены телами мертвых индейцев; другой сообщает, что индейцы потеряли 1137 человек, хотя в стычке принимало участие менее тысячи индейцев.)

Индейцы не считали ни ту, ни другую стычку поражением, и, хотя некоторые солдаты могли рассматривать их как победу, правительство Соединенных Штатов не разделяло их точки зрения. Всего через несколько недель сам генерал Шерман отправился на Запад с новым планом заключения мира. На этот раз военные власти были полны решимости прекратить войну с Красным Облаком любым путем, исключая лишь капитуляцию.

В конце лета 1867 г. Пятнистый Хвост получил послание от члена новой индейской комиссии Натаниэля Тейлора. Индейцы брьюль мирно кочевали в низовьях реки Платт, и член комиссии просил Пятнистого Хвоста уведомить как можно больше вождей индейцев о том, что в течение Месяца Сухой Травы всем дружественным индейцам будет выдаваться снаряжение. Вождям следует собраться в том месте, где кончается Тихоокеанская железная дорога, то есть по тогдашним временам в западной части штата Небраска. Великий Воин Шерман и шестеро новых членов мирной комиссии придут туда на Железном коне для переговоров с индейцами относительно прекращения войны с Красным Облаком. Пятнистый Хвост послал за Красным Облаком, но тот вновь отказался явиться, послав Юношу Боящегося Своих Лошадей в качестве своего представителя. убийца Пауни и Нога Индейки тоже пришли, а также Большеротый и «бездельники из Ларами». Проворный Медведь, Стоящий Лось и несколько других вождей брьюль также откликнулись на приглашение

19 сентября сверкающий вагон прибыл на станцию Платт-Сити. Великий Воин Шерман, член комиссии Тейлор, Белые Бакенбарды Харни Черные Бакенбарды Санборн, Джон Хендерсон, Семюель Таппен и генерал Альфред Терри вышли из него. Индейцы знали всех этих людей, кроме одного человека - длинноногого и с грустными глазами - генерала Терри. Некоторым из них предстояло столкнуться с мощью Однозвездного Терри при иных обстоятельствах через девять лет возле Литл-Биг-Хорн.

Член комиссии Тейлор выступил в начале заседания: «Нас прислали сюда выяснить, что послужило источником неприятностей. Мы хотим услышать из ваших уст ваши обиды и жалобы. Друзья мои, говорите всё, говорите свободно, говорите всю правду... Война - зло, а мир - добро. Мы должны избрать добро, а не зло... Я жду, что вы теперь скажете».

Пятнистый Хвост отвечал: «Великий Отец проложил дороги, протянувшиеся на запад и на восток. Эти дороги - причина всех наших бед... Страна, в которой мы живем, переполнена белыми. Вся наша дичь ушла. В этом причина великих бед. Я был другом белых и остаюсь им по сей день... Если вы остановите дороги, у нас снова будет дичь. Земля на реке Паудер принадлежит индейцам сиу... Друзья мои, помогите нам, пожалейте нас».

В первый день в течение всего совещания остальные вожди вторили словам Пятнистого Хвоста. Хотя мало кто из присутствовавших индейцев считал земли на реке Паудер своим домом (они предпочитали долины Небраски и Канзаса), все поддерживали решимость

Красного Облака сохранить последние большие охотничьи угодья неприкосновенными. «Эти дороги распугали всю нашу дичь, - сказал один. - Я хочу, чтобы вы оставили дорогу на реке Паудер». «Оставьте нашу дичь в покое, - сказал другой, - не тревожьте дичь, и вы будете жить». «А кто он, наш Великий Отец? - с искренним удивлением спросил Убийца Пауни. - Что он такое? Правда ли, что он прислал вас сюда, чтобы уладить наши беды? Причина наших бед - тракт в долине реки Паудер... Если Великий Отец остановит этот тракт, я уверен, что люди смогут спокойно ездить по железной дороге».

На следующий день Великий Воин Шерман обратился к вождям, прямо заверив их, что он обдумывал их слова всю ночь и готов дать ответ. «Тракт в долине реки Паудер построен для обеспечения наших людей съестными припасами, - сказал он. - Великий Отец полагал, что вы согласились дать разрешение на пользование трактом прошлой весной в Ларами. Но, очевидно, некоторые индейцы не присутствовали там и потому начали войну». Сдержанный смех некоторых вождей, возможно, удивил Шермана, однако он продолжал более резким тоном: «Пока индейцы будут вести войну на тракте, мы от него не откажемся. Но если при обследовании, которое будет проводиться в ноябре из форта Ларами, мы обнаружим, что эта дорога причиняет вам ущерб, мы откажемся от нее или заплатим за нее. Если у вас есть какие-нибудь требования, представьте их нам в Ларами».

Шерман пустился в рассуждения относительно того, что индейцам необходимо иметь свою собственную землю, советовал им перестать зависеть от наличия крупной дичи, а затем поразил как молнией: «Посему мы предлагаем дать возможность всему народу сиу выбрать себе землю в верховьях реки Миссури, включая земли на реке Уайт-Эрс и на реках, принадлежащих шайенам, чтобы народ сиу навечно получил себе земли, подобно белым людям. И мы намерены удерживать всех белых людей от проникновения на эти земли, кроме тех агентов и торговцев, которых вы сможете выбрать сами».

Когда эти слова были переведены, индейцы выразили удивление и зашептались между собой. Так вот что они должны делать, по мнению этой комиссии! Собирать свои пожитки и уходить в такую даль - на реку Миссури? Многие годы индейцы тетон-сиу шли оттуда вслед за дичью на запад; почему они должны возвращаться на восток и умирать с голоду на реке Миссури? Почему они не могут мирно существовать там, где еще можно отыскать дичь? Или алчные глаза белых людей уже избрали эти щедрые земли для своих нужд?

В дальнейшем до конца переговоров индейцы чувствовали себя стесненно. Проворный Медведь и Убийца Пауни произнесли дружелюбные речи, прося порох и свинец, но встреча закончилась шумом, после того как Великий Воин Шерман заявил, что только индейцам брюль следует выдать охотничье снаряжение. Когда член комиссии Тейлор и Белые Бакенбарды Харни указали на то, что всем индейским вождям, приглашенным на совет, было обещано выдать охотничье снаряжение, Великий Воин Шерман взял обратно свои возражения, и небольшое количество свинца и пороха было выдано всем индейцам.

Боящийся Своих Лошадей, не теряя времени, вернулся в лагерь Красного Облака на реке Паудер. Если у Красного Облака и были намерения встретиться с новой мирной комиссией в Ларами в Месяце Падающих Листьев, то он передумал, услышав рассказ Боящегося Своих Лошадей о заносчивости Шермана и о его замечаниях относительно перемещения народа сиу на реку Миссури.

Девятого ноября, когда члены комиссии прибыли в форт Ларами, они обнаружили там лишь нескольких вождей племени кроу, ожидавших с ними встречи. Кроу были дружелюбны, но один из них - Медвежий Зуб - произнес удивительную речь, в которой обвинял всех белых людей в безжалостном уничтожении живой природы и ее окружения: «Отцы, отцы, отцы, выслушайте меня как следует. Верните ваших юношей с гор, где пасутся горные козлы. Ваши юноши переполнили нашу страну; они уничтожают еще не выросший лес и зеленую траву; они выжигают наши земли. Отцы, ваши юноши опустошили эту землю и убили моих животных: лося, оленя, антилопу, бизона. Они убивают их не для того, чтобы съесть, они

оставляют их гнить там, где те упали. Отцы, если бы я пришел в вашу страну убивать ваших животных, что бы вы сказали? Разве я не поступил бы дурно и разве вы не стали бы воевать со мной?»

Через несколько дней после этой встречи комиссии с индейцами кроу прибыли вестники от Красного Облака. Они сообщили членам комиссии, что Красное Облако придет говорить о мире, как только солдаты будут выведены из фортов на тракте в долине реки Паудер. Он повторял, что война ведется с одной целью - спасти долину реки Паудер, единственное охотничье угодье, оставшееся у его народа, от посягательств белых людей. «Великий Отец прислал сюда своих солдат, чтобы проливать кровь. Я не начинал кровопролития... Если Великий Отец будет держать белых людей за пределами моей страны, мир продлится вечно. Но если белые будут вторгаться в мои пределы, никакого мира не будет... Великий Дух взрастил меня в этой стране, а вас он взрастил в иной стране. То, что я сказал, я и впрямь имею в виду. Я имею в виду удержать эту страну».

В третий раз за два года мирная комиссия потерпела неудачу. Однако перед тем, как возвращаться в Вашингтон, комиссия отправила Красному Облаку большой груз табаку с очередной просьбой прибыть в Ларамии весной, как только сойдут зимние снега. Красное Облако вежливо ответил, что он получил табак мира и выкурил его и что он придет в Ларамии, как только солдаты покинут его страну.

Весной 1868 г. Великий Воин Шерман и та же самая мирная комиссия вернулись в форт Ларамии. На этот раз у них был твердый приказ от выказывавшего нетерпение правительства оставить форты вдоль тракта на реке Паудер и достичь мира с Красным Облаком. На этот раз они послали специального агента из Бюро по делам индейцев лично пригласить предводителя оглалов для подписания мира. Красное Облако сказал агенту, что ему необходимо десять дней для совета со своими союзниками и что он, возможно, придет в Ларамии в течение мая, Месяца, Когда Линяют Кони.

Однако через несколько дней после того, как агент вернулся в Ларамии, от Красного Облака пришло сообщение: «Мы находимся в горах и глядим вниз на солдат, находящихся в фортах. Когда мы увидим, что солдаты уходят и оставляют форты, я тотчас приду говорить».

Все это весьма унижало и смущало Великого Воина Шермана и членов комиссии. Им удалось получить подписи нескольких незначительных вождей, пришедших за подарками, однако, по мере того как время шло, незадачливые члены комиссии стали потихоньку один за другим уезжать на восток. К исходу весны из уполномоченных вести переговоры остались только Черные Бакенбарды Санборн и Белые Бакенбарды Харни, однако Красное Облако и его союзники оставались на реке Паудер все лето, внимательно наблюдая за фортами и дорогой на Монтану.

Наконец упорствовавшее военное министерство отдало приказ об оставлении долины реки Паудер. 29 июля войска форта Смит сложили свое движимое имущество и двинулись маршем на юг. Ранним утром следующего дня Красное Облако привел отряд торжествующих воинов на гарнизонный пост, и они подожгли все до единого строения. Через месяц был оставлен форт Керни, и чести поджечь его удостоились шайены во главе с Волчонком. Через несколько дней последний солдат ушел из форта Рено, и дорога через долину реки Паудер была официально закрыта.

После двух лет сопротивления Красное Облако одержал победу. Он заставил миротворцев подождать его еще несколько недель и затем 6 ноября, окруженный ликующими сподвижниками, прискакал в форт Ларамии. Теперь, как герой-победитель, он подписал этот договор: «Отныне все войны между сторонами, подписавшими это соглашение, прекращаются навечно. Правительство Соединенных Штатов желает мира, и отныне его честь является залогом сохранения мира. Индейцы желают мира, и отныне их честь является залогом его поддержания».

Однако в течение следующих двенадцати лет содержание остальных шестнадцати статей договора 1868 г. оставалось предметом спора между индейцами и правительством Соединенных Штатов. То, что многие считали содержанием договора, и то, что в действительности было написано в нем после его ратификации конгрессом, было подобно двум лошадям разной масти.

Пятнистый Хвост сказал девять лет спустя: «Эти обещания не были выполнены... все слова оказались ложными... Был договор, заключенный генералом Шерманом, генералом Санборном и генералом Харни. В тот раз генерал говорил нам, что мы будем получать ежегодные компенсации и товары в течение тридцати пяти лет после подписания договора. Он это говорил, но он не говорил правды».

Песнь Пляски Солнца

Погляди на юношу.

Ему хорошо,

Раз с него избранница

Не спускает глаз.

VII. «ХОРОШИЙ ИНДЕЕЦ - ТОЛЬКО МЕРТВЫЙ ИНДЕЕЦ»

Мы никогда не делали белому человеку ничего дурного и теперь не собираемся делать... Мы хотим быть друзьями белого человека... С каждым днем бизонов все меньше. Несколько лет назад было еще довольно антилоп, но теперь и они в редкость. Когда бизоны и антилопы вымрут, мы станем голодать; захотев есть, мы пойдем в форт. Ваши юноши не должны стрелять в нас; едва завидев нас, они стреляют, и мы стреляем в них.

Тонкахаска (Высокий Бизон) - генералу Уинфилду Скотту Хэнкоку

Или женщинам и детям не свойственна робость в отличие от мужчин? Воины-шайены бесстрашны, но разве вы никогда не слышали про Санд-Крик? Ваши солдаты подобны тем, кто резал женщин и детей при Санд-Крик.

Вокуини (Римский Нос) - генералу Уинфилду Скотту Хэнкоку

Когда-то мы были дружны с белыми, но вы сбили нас с толку своими кознями, и теперь, когда мы пришли на совет, вы сбиваете с толку друг друга. Почему вы не говорите и не ходите прямо ко всеобщему благу?

Мотавато (Черный Котел) - индейцам селения Медисин-Крик-Лодж

Весной 1866 г., в то время как Красное Облако готовился сражаться за долину реки Паудер, большое число бывших с ним и стосковавшихся по родине южных шайенов решили пойти летом на юг. Они хотели вновь охотиться на бизонов возле родной реки Смоки-Хилл, надеясь повидать своих старых друзей и родственников, ушедших с Черным Котлом за реку Арканзас. Среди них были Высокий Бизон, Белый Конь, Седая Борода, Бычий Медведь и другие предводители Собак. Великий военный предводитель Римский Нос тоже пошел с ними, а также оба брата-метисы Бент.

В долине Смоки-Хилл они обнаружили несколько групп молодых шайенов и арапахов, ускользнувших из лагерей Черного Котла и Маленького Ворона за рекой Арканзас. Они пришли в Канзас охотиться против воли своих вождей, которые, подписав договор 1865 г., отказались от племенных прав на свои прежние охотничьи угодья. Римский Нос и вожди Собак насмеялись над этим договором; ни один из них не подписал его, и никто не признавал. Окрыленные свободой и независимостью в долине реки Паудер, они презирали вождей, своей подписью лишивших племя его земель.

Мало кто из возвратившихся изгнанников пошел на юг навестить людей Черного Котла. Среди этих немногих был Джордж Бент. Ему особенно хотелось повидать племянницу Черного Котла, Мэгпи. Вскоре после этой их встречи он сделал ее своей женой. Примкнув к Черному Котлу, Бент обнаружил, что старый друг южных шайенов Эдвард Уинкуп был теперь агентом их племени. «Это были счастливые дни для нас, - рассказывал впоследствии Джордж Бент. - Черный Котел был прекрасным человеком, и его очень уважали все, кто его знал».

Когда агент Уинкуп узнал о том, что Собаки вновь охотятся вдоль реки Смоки-Хилл, он поехал повидаться с их вождями и пытался убедить их подписать договор и присоединиться к Черному Котлу. Вожди наотрез отказались, сказав, что они никогда больше не покинут свою страну. Уинкуп предупредил их о том, что солдаты могут атаковать их, если они останутся в Канзасе, но вожди ответили, что они «будут жить или умрут в этих местах». Единственное, что они пообещали агенту, - это держать в руках своих юношей.

В конце лета до Собак дошли слухи об успехах Красного Облака в борьбе против солдат на реке Паудер. Если сиу и северные шайены могут вести войну и удерживать свою страну, отчего южные шайены и арапахи не могут сражаться и удерживать свою страну между Смоки-Хилл и Репабликан?

Много групп объединилось под общим предводительством Римского Носа, и вожди стали подумывать о том, как остановить движение на дороге вдоль реки Смоки-Хилл. Пока шайены были на севере, только что открытая почтовая линия прошла через центральную часть их лучших пастбищ. Цепочка почтовых станций внезапно возникла на всем протяжении реки Смоки-Хилл, и индейцы согласились, что станции нужно разрушить, если они хотят остановить движение дилижансов и обозов.

Как раз в это время разошлись жизненные пути Джорджа и Чарли Бентов. Джордж решил идти за Черным Котлом, а Чарли был пылким последователем Римского Носа. В октябре во время встречи со своим белым отцом в форте Зара Чарли, разъярившись, обвинил брата и отца в том, что те предали шайенов. После того как он пригрозил убить их обоих, его силой разоружили. (Чарли вновь примкнул к Собакам и возглавил несколько набегов на почтовые станции; в 1868 г. он был ранен, затем заразился малярией и умер на одной из стоянок шайенов.)

Поздней осенью 1866 г. Римский Нос с группой воинов посетил форт Уоллес и известил агента трансконтинентальной почтовой компании о том, что, если тот не прекратит движения дилижансов через их земли в течение пятнадцати дней, индейцы начнут нападать на них. Ранние снежные бури, однако, приостановили движение еще до того, как Римский Нос смог начать свои атаки; Собаки удовлетворились несколькими набегами на загоны скота при станциях. Готовясь к долгой зиме, Собаки решили устроить постоянный лагерь в Биг-Тимберс на реке Репабликан и там ожидать весны 1867 г.

Для того чтобы заработать немного денег этой зимой, Джордж Бент провел несколько недель с индейцами кайова, скупая у них одежду из шкур бизонов. Вернувшись в селение Черного Котла весной, он обнаружил, что все в лагере возбуждено слухами о большом соединении «синих мундиров», направляющемся на запад через степи Канзаса к форту Ларнед. Черный Котел созвал совет и сказал своему народу, что появление солдат не может сулить ничего, кроме бедствий; затем он приказал им укладываться и отправляться на юг, к реке Канейдиан. Вот почему вестники, посланные агентом Уинкупом, не могли найти Черного Котла до той поры, пока бедствия, безошибочно предсказанные вождем, уже не начались.

Гонцы Уинкупа разыскали большинство предводителей Собак, и четырнадцать из них согласились явиться в форт Ларнед и выслушать то, что генерал Хэнкок сочтет нужным им сказать. Высокий Бизон, Белый Конь, Седая Борода и Бычий Медведь принесли с собой на Пони-Крик около пятисот вигвамов, разбив большой лагерь в 35 милях от форта Ларнед, и затем после некоторого промедления из-за снежной бури поскакали в форт. На нескольких индейцах были длинные синие армейские мундиры, захваченные ими на севере, и они могли заметить, что генералу Хэнкоку это не по душе. На нем был такой же мундир с золотым шитьем на плечах и с блестящими медалями. Он принял их высокомерно и помпезно, продемонстрировав им мощь своего войска, которое насчитывало 1400 солдат, включая новый седьмой кавалерийский полк под командой Крепкого Зада Кастера. После того как генерал Хэнкок приказал своим артиллеристам выстрелить в их честь из нескольких пушек, индейцы решили называть его Громовым Старцем.

Хотя их друг Высокий Вождь Уинкуп присутствовал в форте, индейцы с самого начала отнеслись подозрительно к Громовому Старцу. Вместо того чтобы дождаться следующего дня и тогда уж начать разговор, он вызвал их на ночной совет. Индейцы сочли ночной совет дурным знаком.

«Я не вижу здесь многих вождей, - жаловался Хэнкок. - В чем дело? Мне многое нужно сказать индейцам, но я хочу говорить сразу со всеми... Завтра я приеду к вам в лагерь». Шайенам не понравились эти слова. В их лагере были женщины и дети, многие из них пережили ужасы при Санд-Крик три года назад. Не поведет ли вновь на них Громовой Старец 1400 солдат с их грохочущими пушками? Вожди сидели молча, и ответ от костров играл на их угрюмых лицах. Они ждали, когда Хэнкок продолжит свою речь. «Я слышал, что очень многие индейцы хотят сражаться. Отлично, мы - здесь, и мы готовы к войне. Если вы за мир - вы знаете его условия. Если вы за войну - имейте в виду ее последствия». Он рассказал им о железной дороге. Индейцы слышали толки о ней, о железной колее, проходившей мимо форта Райли в направлении долины реки Смоки-Хилл.

«Белый человек идет сюда так быстро, что ничто не в состоянии остановить его, - похвалялся Хэнкок. - Он идет с востока, он идет с запада, подобно тому как огонь бежит по прерии при сильном ветре. Ничто не остановит его. Ибо белые - многочисленный народ, и он расширяет свои владения. Белым необходимо пространство, и с этим ничего не поделаешь. Те, кто находится на западном море, хотят поддерживать связь с теми, кто живет у восточного моря, потому они и строят дороги, тракты, железные дороги и телеграфные линии... Вы не должны позволять вашим юношам останавливать белых; вы должны держать ваших людей подальше от дорог... Мне больше нечего сказать. Я дождусь окончания вашего совета и посмотрю, хотите вы мира или войны».

Хэнкок сидел с выражением ожидания на лице, пока переводчик Договаривал его последние слова, но шайены продолжали молчать, глядя сквозь огонь костра на генерала и его офицеров. Наконец Высокий Бизон раскурил трубку, выдохнул дым и пустил трубку по кругу. Он поднялся, высвободил из-под черно-красного одеяла свою правую руку и протянул ее Громовому Старцу.

«Ты посылал за нами, - сказал Высокий Бизон, - и мы пришли... Мы никогда не делали белому человеку ничего дурного и теперь не хотим делать. Наш агент полковник Уинкуп сказал, чтобы мы встретились здесь с тобой. Если ты захочешь идти к Смоки-Хилл, ты можешь идти, можешь идти любой дорогой. Но когда мы выйдем на эту дорогу, твои юноши не должны стрелять в нас. Мы хотим быть друзьями с белым человеком... Ты сказал, что собираешься завтра в наше селение. Если ты придешь туда, мне нечего будет завтра добавить к сказанному сегодня. Я сказал все, что хотел сказать».

Громовой Старец поднялся, вновь приняв высокомерный вид. «Почему здесь нет Римского Носа?» - спросил он. Вожди пытались объяснить ему, что, хотя Римский Нос и могучий воин, он не является вождем, а лишь вожди были приглашены на совет.

«Если Римский Нос не придет ко мне, я пойду к нему, - заявил Хэнкок. - Завтра я приведу свои войска в ваше селение».

Как только встреча закончилась, Высокий Бизон пошел к Уинкупу и просил его убедить Громового Старца не приводить своих солдат в лагерь шайенов. Высокий Бизон боялся, что если «синие мундиры» подойдут близко к лагерю, могут возникнуть неприятности между ними и вспыльчивыми юношами из числа Собак.

Уинкуп согласился. «До того, как генерал вышел из форта, - рассказывал впоследствии Уинкуп, - я высказал ему свои опасения относительно возможных последствий его немедленного выступления с войсками в индейское селение; но тем не менее он стоял на своем». В составе колонны Хэнкока были кавалерия, пехота и артиллерия, колонна «имела столь угрожающий и воинственный вид, словно шла навстречу врагу на поле битвы».

До начала этого марша к Пони-Форк некоторые вожди отправились вперед, чтобы предупредить шайенов о том, что идут солдаты. Другие поскакали вместе с Уинкупом, который впоследствии говорил, что они всячески выражали «свой страх относительно последствий этой экспедиции, не столько страшась за свою жизнь и свободу, сколько боясь

паники, которая, как они ожидали, могла возникнуть среди женщин и детей при появлении войск».

Тем временем в лагере шайенов узнали о приближении колонны солдат. Вестники сообщили, что Громовой Старец рассердился на то, что Римский Нос не пришел повидаться с ним в форт Ларнед. Римский Нос был польщен, однако ни он, ни Убийца Пауни (чьи индейцы сиу стояли лагерем поблизости) не намерены были позволить Громовому Старцу подвести своих солдат к незащищенным селениям. Собрав около трехсот воинов, Римский Нос и Убийца Пауни выслали их вперед для наблюдения за приближающейся колонной. Повсюду вокруг своих селений они подожгли траву в прерии, чтобы солдаты не нашли поблизости удобной стоянки.

Днем Убийца Пауни выехал навстречу колонне, чтобы переговорить с Хэнкоком. Он сказал генералу, что, если солдаты не подойдут слишком близко к селениям, он и Римский Нос встретятся с ним на совете утром следующего дня. Перед заходом солнца солдаты остановились, чтобы разбить лагерь; они находились еще в нескольких милях от вигвамов, на Пони-Форк. Это было в тринадцатый день апреля, Месяца Появления Красной Травы.

Этой ночью Убийца Пауни и несколько вождей шайенов покинули солдатский лагерь и отправились в свои селения, чтобы держать совет и решить, что им теперь делать. Однако на совете мнения вождей настолько разошлись, что ничего не было предпринято. Римский Нос хотел свернуть палатки и двинуться на север, рассеявшись таким образом, чтобы солдаты не могли их схватить, однако вожди, видевшие мощь солдат Хэнкока, не хотели провоцировать их на беспощадное преследование.

На следующее утро вожди пытались убедить Римского Носа пойти с ними на совет к Хэнкоку, но предводитель воинов заподозрил ловушку. И вправду, разве действия Громового Старца, когда он ведет целую армию солдат через прерию на поиски Римского Носа, не говорят ему об опасности? Поскольку утро было на исходе, Бычий Медведь решил, что ему лучше поехать в солдатский лагерь. Он застал Хэнкока в дурном расположении духа, и тот немедленно пожелал узнать, где Римский Нос. Бычий Медведь старался быть дипломатичным; он сказал, что Римский Нос и остальные вожди задержались, охотясь на бизонов. Это только разозлило Хэнкока. Он сказал Бычьему Медведю, что поведет свои войска в селение и будет стоять там лагерем до тех пор, пока не явится Римский Нос. Бычий Медведь ничего не ответил; он небрежно сел на лошадь и, проехав несколько минут шагом, галопом помчался к селению, не щадя своей лошади.

Известие о приближении солдат мгновенно привело индейский лагерь в движение. «Я поеду один и убью этого Хэнкока», - кричал Римский Нос. Разбирать палатки и укладываться не было времени. Индейцы посадили женщин и детей на лошадей и погнали их рысью на север. Потом все воины вооружились луками, копьями, ружьями, ножами и дубинками. Вожди считали Римского Носа своим военным предводителем, однако они поручили Бычьему Медведю ехать рядом с ним и смотреть за тем, чтобы тот в гневе не наделал глупостей.

Римский Нос одел офицерский мундир с золотыми эполетами, такими же блестящими, как у Хэнкока. Он сунул карабин в чехол и два пистолета за пояс и, поскольку у него было мало боеприпасов, прихватил лук и колчан. В последний момент он захватил с собой белый флаг. Он построил свое войско из трехсот бойцов в одну линию, растянувшуюся на милю по степи. С поднятыми копьями, на которых были вымпелы, с луками, винтовками и пистолетами наготове он повел их навстречу 1400 солдатам с их большими грохочущими пушками.

«Этот офицер, которого они называют Хэнкок, - говорил Римский Нос Бычьему Медведю, - ищет повода для боя. Я убью его на виду у его людей, и им будет из-за чего драться».

Бычий Медведь отвечал осторожно, указав на то, что солдаты численно превосходят их почти в пять раз; они вооружены скорострельными винтовками и большими пушками;

солдатские кони лоснятся, они откормлены зерном, в то время как все лошади, на которых бегут их женщины и дети, ослабели после зимней бескормицы. Если будет бой, солдаты смогут захватить и убить их всех.

Через несколько минут они увидели приближающуюся колонну и поняли, что солдаты тоже заметили их, потому что войска выстроились в цепь. Крепкий Зад Кастер развернул свою кавалерию для боя, и она приближалась к шеренге индейцев с саблями наголо.

Римский Нос невозмутимо дал сигнал своим воинам остановиться. Он поднял белый флаг. При этом солдаты замедлили шаг; они приблизились на расстояние примерно полтораста ярдов и тоже остановились. Флаги и вымпелы вдоль обеих линий хлопали на сильном ветру. Через миг индейцы увидели, что Высокий Вождь Уинкуп скачет вперед один. «Они окружили мою лошадь, - говорил впоследствии Уинкуп, - радуясь тому, что видят меня здесь, говоря, что теперь все будет хорошо и им не причинят зла... Я сопровождал предводителей, и мы встретили генерала Хэнкока с офицерами и эскортом между двумя противостоящими шеренгами».

Римский Нос остановился рядом с офицерами; он поставил своего коня напротив Громого Старца и смотрел тому прямо в глаза.

«Хотите вы мира или войны?» - резко спросил Хэнкок.

«Мы не хотим войны, - ответил Римский Нос. - Если бы мы хотели войны, мы не подъехали бы так близко к твоим большим пушкам».

«Почему ты не пришел на совет в форт Ларнед?» - продолжал спрашивать Хэнкок.

«Мои лошади истощены, - отвечал Римский Нос, - а каждый приезжавший от тебя поразному рассказывал мне о твоих намерениях».

Высокий Бизон, Седая Борода, Бычий Медведь собрались поблизости. Их беспокоило то, что Римский Нос ведет себя так невозмутимо. Бычий Медведь взял слово и просил генерала не подводить солдат еще ближе к лагерю. «Мы не могли удержать наших женщин и детей, - сказал он. - Они испугались и бежали, и они не вернутся. Они боятся солдат».

«Вы должны вернуть их, - грубо приказал Хэнкок, - и я надеюсь, что вы это сделаете».

Когда Бычий Медведь повернулся, жестом выразив разочарование, Римский Нос спокойно обратился к нему, сказав, чтобы он отвел вождей обратно к индейской шеренге. «Я убью Хэнкока», - сказал он. Бычий Медведь схватил за узду лошадь Римского Носа и отвел ее в сторону, предупредив его, что это будет означать гибель всего племени.

Ветер усилился, он нес с собой песок, затрудняя разговор. Приказав вождям немедленно отправляться за женщинами и детьми, чтобы вернуть их, Хэнкок объявил, что совет окончен⁷.

Хотя вожди и воины послушно поехали в том направлении, куда удалились женщины и дети, они не вернули их назад. И сами не вернулись. Хэнкок ждал, все более приходя в ярость, день или два. Затем, приказав Кастеру преследовать индейцев со своей кавалерией, он сам двинул пехоту в оставленный индейцами лагерь. Была составлена систематическая опись вигвамов и их содержимого, а затем все было сожжено: 251 вигвам, 962 накидки из бизоньих шкур, 436 седел, сотни обработанных шкур, арканов, циновок и предметов кухонной и домашней утвари. Солдаты уничтожили все, чем владели индейцы, кроме лошадей, на которых те уехали, и бывших на них одеял и одежды.

Отчаянная ярость охватила Собак и их союзников по всей степи, когда они узнали о сожженных селениях. Индейцы совершали набеги на почтовые станции, обрывали телеграфные провода, нападали на лагеря железнодорожных рабочих, остановили движение на дороге вдоль Смоки-Хилл. Трансконтинентальная транспортная компания распространила среди своих агентов приказ: «Если индейцы приблизятся к вам на

расстояние выстрела, стреляйте в них. Не щадите их, ибо они не щадят вас. Генерал Хэнкок защитит вас и вашу собственность». Войну, которую Хэнкок прибыл предупредить, он глупейшим образом развязал. Кастер со своим седьмым полком галопом скакал от форта к форту, но не обнаружил никаких индейцев.

«Экспедиция генерала Хэнкока, как это ни печально, не имела положительных последствий, наоборот, она стала причиной многих несчастий», - писал суперинтендант комиссии по делам индейцев Томас Мэрфи члену комиссии Тейлору в Вашингтон.

«Действия генерала Хэнкока, - сообщал Черные Бакенбарды Санборн министерству внутренних дел, - имели столь губительные последствия для интересов общества и в то же время, как мне кажется, были столь бесчеловечны, что я счел своим долгом сообщить вам свою точку зрения по этому вопросу... Такой могущественной нации, как мы, вести войну с горсткой борющихся кочевников в данных обстоятельствах - значит принимать участие в крайне унижительном спектакле, совершать беспримерную несправедливость, совершать отвратительное национальное преступление, которое рано или поздно навлечет на нас или на наше потомство гнев небес».

Великий Воин Шерман выразил иную точку зрения в своем отчете военному министру Стентону: «По моему мнению, если мы разрешим хотя бы пятидесяти индейцам остаться между реками Арканзас и Платт, нам придется охранять каждую почтовую станцию, каждый обоз и каждую партию железнодорожных рабочих. Другими словами, пятьдесят враждебных индейцев парализуют три тысячи солдат. Лучше выдворить их как можно скорее, и нет большой разницы, уговорят ли их члены комиссий или убьют солдаты».

Высшие правительственные чиновники убедили Шермана попытаться уговорить индейцев с помощью мирной комиссии, и вот летом 1867 г. он создал комиссию, в состав которой вошли Тейлор, Хендерсон, Таппен, Санборн, Харни и Терри - те же самые люди, которые пытались заключить мир с Красным Облаком осенью того же года (см. предыдущую главу). Хэнкок был отозван из степей, а его солдаты были разбросаны по фортам вдоль дорог.

Новый план заключения мира имел в виду не только шайенов и арапахов, но также индейцев кайова, команчей и степных апачей. Все пять племен предполагалось разместить в одной огромной резервации южнее реки Арканзас, где правительство будет обеспечивать их скотом и обучать земледелию.

Медисин-Лодж-Крик в шестидесяти милях к югу от форта Ларнед был избран местом проведения мирного совета, а встреча была назначена на начало октября. Для того чтобы все влиятельные вожди наверняка явились на совет, Бюро по делам индейцев отправило подарки в форт Ларнед и разослало несколько тщательно отобранных вестников. Джордж Бент, который был нанят в качестве переводчика Высоким Вождем Уинкупом, стал одним из посланцев. Он легко убедил Черного Котла прийти на совет. Маленький Ворон, из арапахов, и Десять Медведей, из команчей, тоже пожелали отправиться на Медисин-Лодж-Крик. Но когда Бент прибыл на стоянки Собак, он обнаружил, что их предводители слушают его неохотно. Громовой Старец научил их опасаться встреч с солдатскими вождями. Римский Нос прямо заявил, что не пойдет на Медисин-Лодж-Крик, если там будет присутствовать Великий Воин Шерман.

Бент знал, что члены комиссии считают мирный договор с Римским Носом ключевым вопросом любого мирного соглашения с шайенами. Этому военному предводителю подчинялось несколько сот воинов из всех военных обществ Собак племени шайенов. Если Римский Нос не подпишет договора, последний потеряет смысл, ибо не обеспечит мира в Канзасе. Возможно, по совету Бента Эдмону Журье было поручено посетить Римского Носа и убедить его в том, что ему следует прийти на Медисин-Лодж-Крик по крайней мере для предварительной беседы. Журье, переживший Санд-Крик, был женат на сестре Бента;

Римский Нос был женат на двоюродной сестре Журье. Эти семейные узы должны были облегчить его дипломатическую задачу.

27 сентября Журье прибыл на Медисин-Лодж-Крик с Римским Носом и Седой Бородой. Римский Нос настоял на том, чтобы Седая Борода сопровождал его в качестве оратора. Седая Борода понимал несколько слов по-английски, и переводчикам было бы нелегко его обмануть. Суперинтендант Томас Мэрфи, готовившийся к прибытию комиссии, тепло приветствовал предводителей шайенов. Он сказал им, что предстоящий совет будет крайне важным для них, и обещал, что члены комиссии гарантируют им съестные припасы и протянут им «руку, проложив надежную тропу к миру».

«Только собака бросается на съестные припасы, - сказал в ответ Седая Борода. - Нас тошнит от принесенных вами съестных припасов. Мы проживем охотой на бизонов, но главных припасов, необходимых нам, мы не видим: пороху, свинца, капсулей. Когда вы их нам принесете, мы поверим в вашу искренность».

Мэрфи ответил, что Соединенные Штаты дарят охотничье снаряжение лишь дружественным индейцам, и захотел узнать, почему некоторые шайены настолько недружелюбны, что продолжают совершать набеги. «Потому что Хэнкок сжег наши селения, - разом ответили Римский Нос и Седая Борода, - только за это мы и мстим».

Мэрфи заверил их, что Великий Отец не разрешал сжигать селения; Великий Отец уже удалил Хэнкока из степей за этот дурной поступок. Что касается генерала Шермана, присутствие которого вызывало возражения Римского Носа, то Великий Отец тоже отозвал его в Вашингтон. Наконец Римский Нос согласился на компромисс. Он и его сторонники разобьют лагерь в шестидесяти милях, на реке Симаррон; они будут издали наблюдать за советом, и, если он им понравится, они придут принять в нем участие.

Стоял Месяц Смены Времен Года, когда 16 октября в живописной роще, в тени высоких деревьев возле ручья Медисин-Лодж-Крик начался совет. Арапахи, команчи, кайова и степные арапахи разбили стоянки вдоль лесистых берегов неподалеку от места, где проходил совет. Черный Котел выбрал противоположную сторону ручья. В случае неприятностей между ним и двумястами кавалеристами, охранявшими комиссию, будет хотя бы ручей. Римский Нос и вожди Собак держали своих гонцов в лагере Черного Котла, чтобы те информировали их о мирных переговорах. Эти гонцы так же внимательно наблюдали за Черным Котлом, как и за членами комиссии; Собаки не намерены были позволить Черному Котлу подписать плохой договор от имени всего народа шайенов.

Хотя на Медисин-Лодж-Крик собралось более четырех тысяч индейцев, шайенов среди них было так мало, что совет становился почти исключительно делом кайова, команчей и арапахов. Это беспокоило членов комиссии, основной целью которых было обеспечение мира с враждебными Собаками, которых нужно было убедить в том, что это они более всего заинтересованы в предлагаемой им резервации за рекой Арканзас. Черный Котел, Короткая Рубаха и Джордж Бент уговорили нескольких противившихся вождей, но остальные были настроены так враждебно, что грозили убить всех лошадей Черного Котла, если тот не уйдет с совета.

21 октября индейцы кайова и команчи подписали договор, обещая разделить земли резервации с шайенами и арапахами и среди прочего ограничить свою охоту на бизонов областью ниже реки Арканзас, а также отказаться от всякого сопротивления строительству железной дороги, прокладываемой вдоль реки Смоки-Хилл. Черный Котел, однако, не соглашался ставить свою подпись до тех пор, пока кто-либо еще из вождей шайенов не придет на Медисин-Лодж-Крик; Маленький Ворон и арапахи не хотели подписывать договор, пока его не подпишут шайены. Отчаявшиеся члены комиссии согласились подождать еще неделю, пока Черный Котел и Короткая Рубаха сходят в лагерь Собак, чтобы

продолжить свои дипломатические усилия. Прошло пять дней, но ни один шайен не явился. Затем, поздним вечером 26 октября, Короткая Рубаха вернулся из лагеря Собак.

Короткая Рубаха объявил, что вожди шайенов с пятьюстами воинами идут к Медисин-Лодж. Они будут вооружены и, возможно, будут стрелять из ружей в знак того, что им необходимо снаряжение для осенней охоты на бизонов. Они никому не причинят вреда, и, если им дадут в подарок охотничье снаряжение, они подпишут договор.

В теплый солнечный полдень следующего дня шайены галопом прискакали к месту совета на Медисин-Лодж. Достигнув вершины холма к югу от места совета, они выстроились в колонну по четыре, подобно кавалеристам Крепкого Зада. Несколько индейцев были одеты в захваченные армейские мундиры; на остальных были красные одеяла. Их копья и серебряные украшения сверкали на солнце. Когда колонна была напротив места совета, воины развернулись во фронт, повернувшись лицом к членам комиссии, находившимся на другом берегу ручья. Один из шайенов сыграл на горне сигнал, кони рванулись вперед, и пятьсот глоток закричало: «Йа-йа! Йаа-айа!» Угрожающе размахивая копьями, поднимая луки и стреляя в воздух из винтовок и пистолетов, они пронеслись через ручей, разбрызгивая воду. Передние шеренги, нахлестывая своих лошадей, вылетели на берег почти вплотную к Белым Бакенбардам Харни, вышедшему им навстречу и стоявшему неподвижно. Остальные члены комиссии разбежались в поисках укрытия. Натянув поводья и резко остановив коней, вожди и воины соскользнули с лошадей, окружили напуганных членов комиссии и стали смеяться и пожимать им руки. Они были удовлетворены демонстрацией напористости и отваги боевых шайенов.

Когда с предварительными церемониями было покончено, начались речи. Высокий Бизон, Белый Конь, Бычий Медведь, Вождь Бизонов - все говорили. Они говорили, что не хотят войны, но пойдут на нее, если не смогут добиться почетного мира.

Вождь Бизонов обратился с последней просьбой о разрешении использовать охотничьи угодья возле реки Смоки-Хилл. Шайены оставят в покое железную дорогу, сказал он и прибавил убедительным тоном: «Давайте владеть этой землей совместно, тогда шайены смогут охотиться на ней». Однако белые люди не возлагали надежд на совместное владение какими-либо землями севернее реки Арканзас. На следующее утро, после того как был подан кофе, вожди шайенов и арапахов слушали чтение договора, который переводил Джордж Бент. Сначала Бычий Медведь и Белый Конь отказались подписаться, но Джордж Бент отвел их в сторону и убедил в том, что это единственный способ сохранить свою мощь и жить вместе с племенем. После подписания договора члены комиссии раздавали подарки, включая охотничье снаряжение. Совет на Медисин-Лодж окончился. Теперь большинство шайенов и арапахов должны были двинуться на юг, согласно своему обещанию. Но были и такие, которые не собирались идти на юг. Триста или четыреста человек уже направились на север от реки Симаррон, они связали свои судьбы с воином, который не собирался сдаваться. Имя Римского Носа не значилось под текстом договора».

В течение зимы 1867/68 г. большинство шайенов и арапахов стояли лагерем южнее реки Арканзас у форта Ларнед. После осенней охоты у них было достаточно мяса, чтобы пережить холодные луны, но с наступлением весны нехватка пищи стала серьезной. Высокий Вождь Уинкуп время от времени приезжал из форта и распределял те скудные съестные припасы, которые ему удавалось добывать через индейское бюро. Он говорил вождям, что в Великом совете в Вашингтоне все еще спорят о заключенном договоре и до сих пор не предоставили денег на покупку продовольствия и одежды, обещанных индейцам. Вожди отвечали, что, будь у них оружие и снаряжение, они смогли бы пойти на реку Ред-Ривер и убить достаточно бизонов, для того чтобы обеспечить своих людей. Однако у Уинкупа не было для них ни оружия, ни охотничьего снаряжения.

По мере того как теплые весенние дни удлинялись, беспокойство молодых индейцев росло. Они роптали на то, что не хватает еды, и проклинали белых людей, нарушивших обещания, данные ими при Медисин-Лодж. Маленькими группами они начали перемещаться на север, в сторону своих прежних охотничьих угодий возле Смоки-Хилл. Высокий Бизон, Белый Конь и Бычий Медведь, уступив требованиям гордых Собак, тоже перешли реку Арканзас. По пути кое-кто из необузданных юношей напал на изолированные поселения в надежде найти там еду и оружие.

Агент Уинкуп поспешил в селение Черного Котла и просил вождей потерпеть и сдерживать юношей, стремящихся на тропу войны, хотя Великий Отец и нарушил слово, данное им.

«Наши белые братья хотят разъять рукопожатие, заключенное при Медисин-Лодж, - сказал Черный Котел, - но мы постараемся удержать их руку. Мы надеемся, что Великий Отец пожалеет нас и даст обещанные нам ружья и снаряжение, чтобы мы могли охотиться на бизонов и кормить наши семьи».

Уинкуп надеялся, что оружие и снаряжение удастся добыть теперь, когда Великий Отец прислал нового Звездного Вождя, генерала Филиппа Шеридана, командовать солдатами, размещенными в фортах Канзаса. Уинкуп устроил для нескольких вождей, включая Черного Котла и Каменного Телка, встречу с Шериданом в форте Ларнед.

Когда индейцы увидели Шеридана, коротконового, с толстой шеей и длинными болтающимися руками, им показалось, что он похож на раздраженного медведя. Во время совета Уинкуп спросил генерала, сможет ли тот дать индейцам оружие. «Хорошо, дайте им оружие, - прорычал Шеридан, - тогда, если они начнут войну, мои солдаты смогут убивать их, как мужчин».

Каменный Телок резко ответил: «Пусть твои солдаты отрастят длинные волосы, чтобы и для нас была хоть какая-то честь в их убийстве».

Совет прошел недружелюбно, и, хотя Уинкупу удалось получить несколько устаревших винтовок для индейцев, шайены и арапахи, оставшиеся охотиться южнее реки Арканзас, чувствовали себя неловко. Слишком много их юношей и большинство Собак все еще находилось за рекой, на севере, и некоторые из них совершали набеги и убивали белых людей всюду, где бы те им ни попадались.

К концу августа большинство шайенов, находившихся на севере, собралось у слияния рек Арикэри и Републикан. Высокий Бизон, Белый Конь и Римский Нос были там, и с ними около трехсот воинов со своими семьями. Небольшое число арапахов и Убийца Пауни со своими сиу стояли лагерем поблизости. От Бычьего Медведя, стоявшего лагерем со своей группой на реке Соломон, индейцы узнали, что генерал Шеридан организовал роту разведчиков для выслеживания индейских стоянок. Однако индейцы были слишком заняты, запасая мясо на зиму, чтобы беспокоиться о том, что разведчики или солдаты обнаружат их.

И вот в один из дней Месяца, Когда Олень Бьет Копытом Землю, 16 сентября, партия охотников сиу из лагеря Убийцы Пауни заметила около пятидесяти белых людей, направлявшихся к лагерю на реке Арикэри, в десяти милях ниже индейских лагерей. Лишь трое или четверо белых были в синей военной форме, остальные были одеты в грубую одежду жителей границы. Это была та самая специальная рота, организованная Шериданом для розыска индейских лагерей; они стали известны как разведчики Форсайта.

Как только охотники сиу предупредили об опасности свой народ, Убийца Пауни послал гонцов в лагерь шайенов с просьбой присоединиться к нему в нападении на белых разведчиков, вторгшихся в их охотничьи угодья. Высокий Бизон и Белый Конь немедленно разослали глашатаев по своим стоянкам, побуждая воинов готовить свое боевое оперенье и наносить боевую раскраску. Они отправились к Римскому Носу, который находился в своем вигваме, совершая очистительные церемонии. За несколько дней до этого, когда шайены

ходили на совместное празднество с индейцами сиу, одна из женщин сиу, выпекая хлеб, воспользовалась железной вилкой, и Римский Нос обнаружил это уже после того, как съел хлеб. Всякое прикосновение металла к его пище разрушало его магию; магическая сила, предохранявшая Римского Носа от пуль белых людей, ничего не стоила до тех пор, пока он не завершит очистительных церемоний.

Для вождей шайенов такое верование было в порядке вещей, однако Высокий Бизон сказал Римскому Носу, чтобы тот поторопился с церемониями восстановления магической силы. Высокий Бизон был уверен, что шайены и сиу смогут совместно уничтожить пятьдесят белых разведчиков, но поблизости могут находиться роты «синих мундиров», и если это так, то индейцам скоро понадобится Римский Нос, чтобы вести их в бой. Римский Нос сказал, чтобы они выступали. Когда он будет готов, он последует за ними.

Из-за большого расстояния, отделявшего их от лагеря солдатских разведчиков, вожди решили дождаться рассвета следующего дня и тогда уж атаковать. Пятьсот или шестьсот воинов на лучших боевых лошадях, вооруженные лучшими копьями, луками и винтовками, двинулись к долине реки Арикэри. На индейцах сиу было орлиное оперенье, на шайенах - оперенье из вороньих перьев. Неподалеку от лагеря разведчиков индейцы остановились, и вожди отдали строгий приказ о том, чтобы ни одна группа не атаковала самостоятельно врага. Все атакуют вместе, как их учил Римский Нос; они поскачут на разведчиков и сметут их с лица земли.

Несмотря на предупреждение, шестеро сиу и двое шайенов - все очень молодые - ускользнули перед восходом солнца из лагеря и попытались захватить табун лошадей у белых людей. Они напали на табун с рассветом, громко крича и размахивая одеялами, чтобы разогнать лошадей. Несколько животных было захвачено, но юные воины раскрыли разведчикам Форсайта присутствие индейцев. Прежде чем основные силы сиу и шайенов смогли атаковать незащищенный лагерь, разведчики успели перебраться на небольшой остров посреди сухого русла реки Арикэри и укрыться там среди ивняка и высокой травы.

По покрытой туманом долине раздался грохот копыт лошадей: индейцы атаковали широким фронтом. Когда они были достаточно близко, чтобы рассмотреть разведчиков, спешащих к заросшему кустами островку, один из воинов шайенов затрубил в горн. Они собирались с ходу влететь в лагерь. Теперь им предстояло сворачивать в сухое русло. Беглый огонь разведчиков из скорострельных винтовок системы Спенсера обрушился на первые ряды, и нападавшие воины, разделившись, стали слева и справа окружать остров.

Почти все утро индейцы кружили вокруг этого островка. Единственной видимой целью были лошади разведчиков, возвышавшиеся над травой, и, как только воины отстреливали их, разведчики использовали их трупы в качестве бруствера. Несколько воинов в одиночку атаковали остров, спешившись и пытаясь подобраться к разведчикам через заросли. Но частый огонь из скорострельных винтовок был слишком силен. Один шайен по имени Волчье Брюхо дважды бросался верхом прямо на круговую оборону разведчиков. На нем была магическая шкура пантеры, и ее магия была настолько сильна, что ни одна пуля не коснулась его.

Сразу после полудня на поле сражения прибыл Римский Нос и занял позицию на холме, возвышавшемся над островком. Почти все воины прекратили бой и ждали, желая узнать, что станет делать Римский Нос. Высокий Бизон и Белый Конь отправились переговорить с ним, однако они не просили его возглавить их в битве. Потом один старик по имени Белый Упрямец подошел к Римскому Носу и сказал: «Вот Римский Нос, человек, на которого мы полагались, сидит за холмом».

Римский Нос рассмеялся. Он уже решил про себя, что станет делать в этот день, и знал, что ему предстоит умереть, но он рассмеялся на слова старика.

«Все люди, сражающиеся там, преданы тебе, - продолжал старик, - они сделают все, что ты им скажешь, а ты сидишь здесь, за холмом».

Римский Нос сошел с холма и стал готовиться к битве, раскрасив себе лоб желтой краской, нос - красной, а подбородок - черной. Он надел боевой головной убор с торчащим из него рогом и оперенный сорока перьями. Приготовившись, он вскочил на коня и поскакал к сухому руслу реки, где воины в боевом строю ожидали, когда он поведет их в победоносную атаку.

Они тронулись рысцей, потом перешли в галоп, а затем стали нещадно нахлестывать своих лошадей так, чтобы ничто не могло остановить их на пути к острову. Но вновь беглый огонь разведчиков Форсайта сразил первые ряды, убавив силу отчаянной атаки. Римский Нос достиг окаймлявшего остров ивняка, и тут, попав под перекрестный огонь, был поражен выше бедра, а одна пуля прошла насквозь через позвоночник. Римский Нос упал в заросли и пролежал там до сумерек, а в сумерках ухитрился доползти до берега сухого русла. Там были молодые воины, искавшие его. Они отнесли его на холм, где женщины из племени шайенов и сиу позаботились о раненом. Ночью Римский Нос умер.

Для молодых воинов-шайенов смерть Римского Носа была подобна закату великого светила на небесах. Он верил и заставлял верить их, что, если они будут сражаться за свою страну, как сражался Красное Облако, они когда-нибудь победят.

И шайены и сиу потеряли всякий вкус к дальнейшей борьбе, однако они продолжали держать разведчиков Форсайта в осаде среди ивняка и песка в течение восьми дней. Разведчики должны были есть своих убитых лошадей и рыть песок в поисках воды. На восьмой день, когда подошла колонна солдат подкрепления, индейцы и сами были готовы уйти от этого зловонного острова.

Белые очень гордились этой битвой, они назвали ее битвой у острова Бичера в честь юного лейтенанта Фредерика Бичера, который был убит во время этого боя. Уцелевшие белые похвалялись тем, что убили «сотни краснокожих», и, хотя индейцы смогли насчитать не более тридцати убитых, потеря Римского Носа была невозполнимой. Они навсегда запомнили этот бой, как Бой, В Котором Был Убит Римский Нос.

Отдохнув после осады, большинство шайенов стали двигаться на юг. Поскольку солдаты теперь повсюду охотились за ними, единственная надежда выжить для них была в соединении со своими соплеменниками за рекой Арканзас. Они смотрели на Черного Котла как на побитого старика, но все же он был жив и был вождем южных шайенов.

Откуда они могли знать, что солдатский вождь Шеридан, похожий на раздраженного медведя, планировал зимнюю кампанию за рекой Арканзас. Когда выпадет снег холодных лун, он пошлет Кастера и его конных солдат уничтожить селение «диких индейцев», большинство из которых придерживалось обязательств договора. Для Шеридана всякий индеец, который оказывал сопротивление, когда в него стреляли, был «диким».

Еще осенью Черный Котел основал селение на реке Уошито в сорока милях от Антилоп-Хилс, и, когда юноши вернулись из Канзаса, он выбрал их за легкомыслие, но затем, как снисходительный отец, принял их обратно в свою группу. В ноябре, когда до него стали доходить слухи о том, что идут солдаты, он сам, Короткая Рубаха и двое вождей арапахов поехали почти за сто миль вниз по долине реки Уошито к форту Кобб, где находилась штаб-квартира нового агентства южного Арканзаса. Генерал Уильям Хейзен командовал этим фортом, и во время летнего посещения шайенов и арапахов он отнесся к ним дружелюбно и с сочувствием.

Однако в этом срочном деле Хейзен не выказал сердечности. Когда Черный Котел попросил разрешения поставить 180 вигвамов поблизости от форта Кобб, чтобы находиться под его

защитой, Хейзен отказал. Он также отказался разрешить шайенам и арапахам разместиться рядом с селениями кайова и команчей. Он заверил Черного Котла, что, если его делегация вернется в свои селения и будет удерживать своих юношей, солдаты их не тронут. Выдав посетителям немного сахара, кофе и табаку, Хейзен отослал их, зная, что он навряд ли увидит вновь кого-либо из них. Он был осведомлен о военных замыслах Шеридана.

Обжигающий северный ветер, превратившийся в снежную бурю, бил в лицо огорченным вождям, ехавшим обратно в свои селения и прибывшим туда 26 ноября. Несмотря на усталость после долгого путешествия, Черный Котел немедленно собрал совет племенных вождей. (Джордж Бент не присутствовал на нем; он отправился со своей женой, племянницей Черного Котла, посетить ферму Уильяма Бента в Колорадо.)

Черный Котел сказал своим людям, что на сей раз их не должны захватить врасплох, как при Санд-Крик. Вместо того чтобы ждать, пока солдаты придут в лагерь, он вместе с делегацией индейцев пойдет навстречу солдатам и убедит их в том, что это - селение мирных шайенов. Снег глубокий и продолжает идти, но как только тучи рассеются, они тотчас отправятся навстречу солдатам.

Хотя Черный Котел лег поздно в эту ночь, он по своему обыкновению проснулся перед самым рассветом. Выйдя из вигвама, он с радостью увидел, что небо прояснилось. Плотный туман застилал долину реки Уошито, но Черный Котел мог разглядеть глубокий снег, покрывавший вершины холмов на той стороне реки.

Внезапно он услышал женский крик, голос приближался, становился отчетливее. «Солдаты! Солдаты!» - громко кричала женщина. Действуя машинально, Черный Котел бросился внутрь вигвама за винтовкой. В те несколько мгновений, пока он был в вигваме, он решил, что ему следует делать - поднять лагерь и заставить всех спасаться бегством. Санд-Крик не должен повториться. Ему следует одному встретить солдат у брода через реку Уошито и вступить с ними в переговоры. Направив винтовку в небо, он нажал на курок. Звук выстрела тотчас пробудил селение. Пока Черный Котел выкрикивал распоряжения, торопя людей садиться на коней и уезжать, жена взнуздала его лошадь и подвела к нему.

Он уже собирался поспешить к броду, когда в тумане раздался звук горна и вслед за ним выкрики команд и дикий вопль солдат, ринувшихся в атаку. Снег заглушал топот копыт, и лишь брнчало снаряжение, позвякивала металлом упряжь и отовсюду неслись хриплые крики и звуки горна. (Кастер привел с собой через снега военный оркестр, приказав ему играть во время атаки.)

Черный Котел ожидал, что солдаты придут через брод на реке Уошито, но вместо этого они ударили из тумана с четырех сторон. Как мог он пойти навстречу сразу четырем колоннам, чтобы говорить с ними о мире? Снова точь-в-точь повторялся Санд-Крик. Подхватив за руку жену, он посадил ее позади себя, и, нахлестывая лошадь, погнал ее вперед. Его жена пережила вместе с ним Санд-Крик; и теперь, словно в кошмарном сне, возвращающемся снова и снова, они опять бежали от свистевших пуль.

Они были почти у брода, когда Черный Котел увидел наступающих кавалеристов в тяжелых синих шинелях и меховых шапках. Черный Котел придержал коня и поднял руку, жестом выказывая свои мирные намерения. Пуля словно обожгла ему внутренности, лошадь его метнулась в сторону. Другая пуля ударила в спину, и он соскользнул в снег у самого берега реки. Несколько пуль поразило его жену, и она упала рядом с мужем; конь убежал. Кавалеристы переехали реку вброд, расплескивая воду, и проскакали через трупы Черного Котла и его жены, забрызгав их грязью.

Приказ, полученный Кастером от Шеридана, был ясен: «Продвинуться на юг в направлении Антилоп-Хилс, оттуда к реке Уошито - предполагаемому зимнему местопребыванию враждебных племен; уничтожить их селения и лошадей, расстрелять или повесить всех воинов и привести с собой обратно всех женщин и детей».

В течение нескольких минут солдаты Кастера уничтожили селение Черного Котла. Еще через несколько минут кровавой бойни они перестреляли несколько сот лошадей, находившихся в корале. Чтобы расстрелять или повесить всех воинов, надо было отделить их от стариков, женщин и детей. Этот труд представлялся кавалеристам слишком долгим и опасным; они находили, что гораздо эффективнее и безопаснее убивать без разбору. Они убили 103 шайенов, однако только 11 из них были воинами. И захватили 53 женщин и детей.

К этому времени эхо пушечных выстрелов в долине привлекло толпу арапахов из близлежащего селения, и они присоединились к шайенам, отступавшим с боем. Группа арапахов окружила преследовавший индейцев взвод из девятнадцати человек под командой майора Джоэла Элиота, убив всех до единого. Около полудня с дальних низовий реки прибыли кайова и команчи. Увидев, что число воинов на ближних холмах все возрастает, Кастер согнал пленных в одну группу и, не разыскивая пропавшего майора Элиота, двинул свои войска форсированным маршем на север, к своему временному опорному пункту возле Камп-Саплай на реке Канейдиан.

В Камп-Саплай генерал Шеридан с нетерпением ожидал вестей о победе Кастера. Узнав, что кавалерийский полк возвращается, он приказал всему гарнизону выйти навстречу для торжественного смотра. Под ликующие звуки оркестра победители прошли маршем в гарнизонный пост, размахивая скальпами Черного Котла и других мертвых «дикарей», а Шеридан публично поздравил их с «эффективным и доблестным выполнением служебного долга».

В официальном отчете о победе над «свирепыми убийцами», над «свирепыми бандами жестоких мародеров» генерал Шеридан радостно сообщал о том, что он «уничтожил старого Черного Котла... дряхлое и бесполезное старое ничтожество». Затем он утверждал, что обещал Черному Котлу убежище, если тот явится в какой-нибудь форт до начала военных операций. «Он отказался, - лжесвидетельствует Шеридан, - и был убит в бою».

Высокий Вождь Уинкуп, который уже ранее отказался от своей должности в знак протеста против политики Шеридана, был далеко в Филадельфии, когда до него дошла весть о смерти Черного Котла. Уинкуп выступил с обвинением, в котором заявил, что его старинный друг Черный Котел был предан и «принял смерть от рук белых людей, которым он слишком часто роковым образом доверял и которые торжествующе сообщили о том, что завладели его скальпом». Другие белые люди, знавшие и любившие Черного Котла, также критиковали политику Шеридана, однако Шеридан игнорировал их как «добрых и благочестивых проповедников... помощников и пособников дикарей, беспощадно убивающих мужчин, женщин и детей».

Однако Великий Воин Шерман поддержал Шеридана и приказал ему продолжать убивать враждебных индейцев и их лошадей, но в то же время советовал ему основывать лагеря дружественных индейцев там, где их можно будет прокормить и приобщить к культуре цивилизованных белых людей.

В соответствии с этим приказом Шеридан и Кастер двинулись к форту Кобб и оттуда разослали вестников к четырем племенам, обитавшим в этой области, предупреждая их, что, если они не явятся заключать мир, их будут преследовать и убивать. Кастер сам отправился на поиски дружественных индейцев. В этот поход он счел необходимым взять с собой одну из наиболее привлекательных женщин из числа захваченных в плен шайенов. Она значилась переводчицей, хотя вовсе не владела английским языком.

В конце декабря уцелевшие индейцы из группы Черного Котла начали прибывать в форт Кобб. Им пришлось идти пешком, так как Кастер перебил всех их лошадей. Короткая Рубаха был теперь номинальным вождем племени, и, когда его привели к Шеридану, он сказал этому похожему на медведя солдатскому вождю, что его народ умирает от голода: Кастер

сжег их зимние запасы еды; они не могут отыскать бизонов вдоль реки Уошито; они уже съели всех своих собак.

Шеридан ответил, что шайены получают пищу, если все явятся в форт Кобб и безоговорочно сдадутся. «Вам не удастся сейчас заключить мир, а весной вновь начать убивать белых, - прибавил Шеридан. - Если вы не желаете заключить окончательный мир, вы можете вернуться назад, и мы добьемся своего в бою».

Короткая Рубаха понимал, что у него есть всего один ответ. «Вам решать, что нам делать», - сказал он.

Желтый Медведь, из арапахов, тоже согласился привести свой народ к форту Кобб. Через несколько дней Тосави привел сдаваться первый отряд команчей. Когда Тосави был представлен Шеридану, глаза индейца загорелись. Он назвал свое имя и добавил два слова на ломаном английском языке. «Тосави - хороший индеец», - сказал он.

И тут генерал Шеридан произнес бессмертные слова: «Хорошими индейцами из тех, кого я видел, были только мертвые индейцы». Лейтенант Чарльз Нордсторм, присутствовавший при разговоре, запомнил эти слова, их стали передавать из уст в уста, пока они не были отшлифованы в некий американский афоризм: хороший индеец - только мертвый индеец.

В течение этой зимы шайены и арапахи, а также часть команчей и кайова жили на подаяния белого человека возле форта Кобб. Весной 1869 г. правительство Соединенных Штатов решило сконцентрировать команчей и кайова вокруг форта Силл, в то время как шайенам и арапахам была отведена резервация вокруг Камп-Саплай. Несколько отрядов Собак оставалось далеко на севере, в своих лагерях на реке Републикан; другие под предводительством Высокого Бизона пришли на юг за продовольствием и защитой.

Во время перехода шайенов вверх по реке Уошито из форта Кобб в Камп-Саплай Короткая Рубаха поссорится с Высоким Бизоном, обвинив его и его юношей в том, что они были причиной многих неприятностей между индейцами и солдатами. Предводитель Собак в свою очередь обвинил Короткую Рубаху в том, что тот был слаб, как Черный Котел, и покорился белым людям. Высокий Бизон заявил, что он не намерен селиться в границах скудной резервации, отведенной шайенам за рекой Арканзас. Шайены, по его словам, всегда были свободным народом. По какому праву белые люди говорят им, где им следует жить? Они останутся свободными или умрут.

Короткая Рубаха в гневе приказал Высокому Бизону с его Собаками навсегда покинуть резервацию шайенов. Если они не сделают этого, то он вместе с белыми выгонит их. Высокий Бизон гордо отвечал, что он поведет свой народ на север и примкнет к северным шайенам, которые вместе с Красным Облаком изгнали белых людей из долины реки Паудер.

И вот, так же как при Санд-Крик, южные шайены вновь разделились. Почти двести воинов Собак со своими семьями, отправились на север вместе с Высоким Бизоном. В мае, Месяце, Когда Линяют Кони, они соединились с отрядами, зимовавшими на реке Републикан. Пока они готовились к долгому и опасному походу в долину реки Паудер, Шеридан послал кавалерийскую часть под командованием генерала Юджина Карра разыскать их и уничтожить. Солдаты Карра нашли лагерь Собак и атаковали его так же мощно, как Кастер - селение Черного Котла. Однако на этот раз воины пожертвовали своей жизнью, задержав солдат и дав таким образом возможность своим женщинам и детям избежать плена.

Разбившись на небольшие группы, индейцы ушли от преследования отрядов Карра. Через несколько дней Высокий Бизон вновь собрал воинов и повел их в набег на Смоки-Хилл, чтобы отомстить белым. Они сорвали около двух миль полотна ненавистной железной дороги и атаковали небольшие поселения, убивая белых так же немилосердно, как солдаты убивали их людей. Помня о том, что Кастер держит в плену их женщин и детей, Высокий

Бизон тоже взял в плен двух уцелевших белых женщин на одной из ферм. Они были эмигрантками из Германии (Мария Вайхель и Сусанна Аллердайс), и никто из шайенов не мог понять ни слова из того, что они говорили. Эти белые женщины причиняли много хлопот, однако Высокий Бизон настоял на том, чтобы их взяли с собой в качестве пленниц и обращались с ними так же, как «синие мундиры» обращаются с женщинами шайенов.

Чтобы избежать встречи с солдатами, которые теперь рыскали повсюду, Высокий Бизон и его люди вынуждены были менять стоянки и переходить с места на место. Постепенно они пробились на запад через Небраску в Колорадо. Только в июле Высокому Бизону удалось собрать свою группу у Саммит-Спрингс, где он надеялся переправиться через реку Платт. Поскольку река разлилась, они были вынуждены разбить временный лагерь. Высокий Бизон послал несколько юношей промерить место переправы через поток с помощью жердей. Это было в Месяце, Когда Спеет Вишня, и день был очень жарким. Почти все индейцы отдыхали в тени своих вигвамов.

Случайно в этот день разведчики-пауни майора Франка Норта напали на след бегущих шайенов. (Это были те самые наемники из племени пауни, которые за четыре года до этого ходили в долину реки Паудер с генералом Коннором и которых изгнали воины Красного Облака.) Без всякого предупреждения пауни и «синие мундиры» генерала Карра напали на лагерь Высокого Бизона. Они подошли с востока и с запада, так что шайены могли отступить только на юг. Лошади разбежались; мужчины пытались поймать их, а женщины и дети бежали пешком.

Многим не удалось уйти. Высокий Бизон и с ним около двадцати человек укрылись в лощине. Среди них были его жена и ребенок и две немки-пленницы. Когда наемники-пауни и солдаты ворвались в лагерь, десяток воинов погиб, защищая вход в эту лощину.

Высокий Бизон взял томагавк и сделал углубление в одном из склонов оврага, с тем чтобы выбраться наверх и стрелять в нападавших. Он выстрелил один раз, пригнулся, а когда приподнялся, чтобы выстрелить вновь, пуля раздробила ему череп.

Через несколько минут пауни и солдаты ворвались в лощину. Все шайены, за исключением жены Высокого Бизона и его ребенка, были мертвы. Обе немки были застрелены, но одна из них была еще жива. Белые люди говорили, что Высокий Бизон застрелил своих пленниц. Но индейцы полагали, что он не стал бы так глупо расходовать патроны.

Римский Нос был мертв. Черный Котел был мертв. Высокий Бизон был мертв. Теперь все они стали хорошими индейцами. Как антилоп и бизонов, гордых шайенов становилось все меньше - они вымирали.

VIII. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОНЕХОГАВЫ

Несмотря на то что эта страна была когда-то целиком заселена индейцами, племена, многие из которых были когда-то могущественными и жили на землях, составляющих ныне штаты к востоку от Миссисипи, одно за другим были уничтожены при неудавшихся попытках противостоять наступлению западной цивилизации... Если какое-либо племя протестовало против нарушения своих естественных и договорных прав, членов этого племени бесчеловечно убивали, и в целом с индейцами обращались попросту как с собаками... Предполагалось, что первоначальная политика перемещения индейцев на Запад и концентрация их там продиктованы человеколюбием и осуществляются, чтобы спасти их от грядущего им вымирания. Однако сегодня по причине огромного роста населения Америки и по причине распространения поселений по всей территории Запада по обе стороны Скалистых гор индейским народам грозит скорое уничтожение, и эта угроза сегодня серьезней, чем когда-либо в истории этой страны.

Донехогава (Эли Паркер, первый индеец - член комиссии по делам индейцев)

Когда шайены, уцелевшие после боя при Саммит-Спрингс, достигли наконец долины реки Паудер, они обнаружили, что многое изменилось там за те три зимы, которые они провели на юге. Красное Облако выиграл войну, форты были покинуты, и «синие мундиры» не появлялись более севернее реки Платт. Но в лагерях сиу и северных шайенов все шире распространялись слухи о том, что Великий Отец в Вашингтоне желает, чтобы они ушли далеко на восток, к реке Миссури, где крупной дичи было очень мало. Некоторые из их белых друзей торговцев говорили индейцам, дескать, в договоре 1868 г. сказано о том, что агентство индейцев тетон-сиу должно быть расположено на реке Миссури. Красное Облако пренебрегал этой молвой. Когда он пришел в Ларами подписывать договор, он сказал офицерам «синих мундиров», которые были свидетелями при подписании соглашения, что он желает, чтобы форт Ларами был факторией тетон-сиу. В противном случае он не подпишет договор. Они согласились с его требованием.

Весной 1869 г. Красное Облако привел тысячу индейцев оглала к Ларами торговать и получать припасы, обещанные по договору. Командир гарнизона сообщил ему, что фактория индейцев сиу находится в форте Рандел на реке Миссури и что индейцам следует идти туда торговать и получать припасы. Поскольку форт Рандел находился в трехстах милях от Ларами, Красное Облако посмеялся над командиром и потребовал разрешения торговать в Ларами. Ввиду присутствия вооруженных воинов, угрожавших незащищенному гарнизону, командир неохотно дал разрешение, однако посоветовал Красному Облаку отвести своих людей поближе к форту Рандел до наступления следующего торгового сезона.

Вскоре стало ясно, что военные власти форта Ларами знали, что говорили. Пятнистому Хвосту с его мирными индейцами брюль даже не разрешили разбить стоянку около Ларами. Когда Пятнистому Хвосту сказали, что, если он хочет получать припасы, ему следует идти в форт Рандел, он повел своих людей через равнины и поселился вблизи от этого форта. Кончилась легкая жизнь и для «бездельников из Ларами» - им было приказано отправляться в форт Рандел, где в незнакомом окружении им пришлось создавать совершенно новое предприятие.

Однако Красное Облако по-прежнему был тверд. Он завоевал земли на реке Паудер в трудной войне. Форт Ларами был ближайшей факторией, и Красное Облако не намерен был перебираться на Миссури или ездить туда за припасами.

Осенью 1869 г. все индейцы степей жили мирно, но слухи о больших переменах передавались из лагеря в лагерь. Говорили, что в Вашингтоне избран новый Великий Отец -

президент Грант. Также говорили, что новый Великий Отец назначил некоего индейца Малым Отцом индейцев. В это было нелегко поверить. Всегда главой комиссии по делам индейцев был белый, умеющий читать и писать. Или Великому Отцу удалось наконец научить человека с красной кожей читать и писать, да так, что его можно было сделать Малым Отцом индейцев?

В Месяце, Когда Снег Задувает В Вигвамы (январь 1870 г.) грозный слух пришел из страны черноногих. Где-то на реке Мариас в Монтане солдаты окружили один из лагерей пиеганов-черноногих и перебили их, как кроликов, попавших в ловушку. Эти горные индейцы были старинными врагами степных племен, но теперь все изменилось, и, где бы солдаты ни убивали индейцев, это возмущало все племена. Армия пыталась сохранить это избиение в тайне, объявив только о том, что майор Юджин Бейкер вывел отряд кавалерии из форта Эллис, штат Монтана, с тем чтобы наказать группу конокрадов из племени черноногих. Индейцы степей, однако, знали, как все произошло на самом деле, задолго до того, как известия об этом событии достигли Бюро по делам индейцев в Вашингтоне.

В течение нескольких недель после того, как распространился слух об этом избиении, нечто необычное стало происходить в районе северных степей. В нескольких агентствах индейцы продемонстрировали свой гнев, собирая сходки, на которых они обвиняли «синие мундиры» и называли Великого Отца «глупцом и собакой без слуха и разума». В двух агентствах возбуждение дошло до того, что были подожжены строения. Агентов временно взяли под стражу, и несколько белых государственных служащих были изгнаны из резервации.

Благодаря тайне, окружавшей избиение, происшедшее 23 января, глава комиссии по делам индейцев узнал о нем лишь через три месяца. Молодой армейский офицер лейтенант Уильям Пиз, действуя как агент черноногих, рискнул своей карьерой и представил следующие факты на рассмотрение главы комиссии. Используя в качестве предлога кражу нескольких мулов у фрахтового агента, майор Бейкер организовал зимнюю экспедицию и атаковал первый же лагерь, попавшийся ему на пути. Лагерь был незащищен, в нем были в основном старики, женщины и дети, часть которых были больны оспой. Из 219 пиеганов, находившихся в лагере, лишь 46 спаслись и смогли рассказать о случившемся; 33 мужчины, 90 женщин и 50 детей были убиты, когда они выбегали из своих вигвамов.

Сразу же по получении этого отчета глава комиссии потребовал от правительственных властей немедленного расследования.

Хотя англоязычное имя главы комиссии было Эли Семюэль Паркер, настоящее его имя было Донехогава, Хранитель Западных Дверей Длинного Дома, из ирокезов. Юношей, будучи в резервации Тонаванда в штате Нью-Йорк, он прозывался Хасаноанда из клана сенека племени ирокезов. Но вскоре он понял, что индейское имя никто не принимает всерьез в мире белых людей. Хасаноанда стал называть себя Паркером, ибо был честолюбив и хотел, чтобы его принимали всерьез.

Почти полвека Паркер боролся с расовыми предрассудками, порой одерживая победы, порой терпя поражение. Ему еще не исполнилось десяти лет, когда он пошел работать на конюшню армейского гарнизона; его гордость была уязвлена, когда офицеры стали дразнить его из-за того, что он плохо владел английским языком. Гордый юный сенека тотчас сумел определиться в миссионерскую школу. Он был полон решимости научиться читать, говорить и писать по-английски так хорошо, чтобы ни один белый человек не имел повода смеяться над ним. По окончании школы он решил, что лучше всего поможет своему народу, если станет юристом. В те дни молодой человек, если он служил в адвокатской конторе и сдал государственные экзамены в коллегии адвокатов, становился адвокатом. Эли Паркер три года работал в одной фирме в Элликотвилле, штат Нью-Йорк, но, когда он обратился с просьбой о приеме в коллегия адвокатов, ему сказали, что только белые граждане мужского пола могут быть допущены к юридической практике в штате Нью-Йорк. Индейцы не нужны. Приняв английское имя, он не смог изменить бронзового цвета своей кожи.

Но Паркер не хотел сдаваться. Тщательно разузнав, к каким профессиям и занятиям белых людей может быть допущен индеец, он поступил в Ренслерский политехнический институт и прошел весь курс обучения по гражданскому проектированию. Вскоре он нашел работу на канале Эри. Ему еще не было тридцати, когда правительство Соединенных Штатов направило его наблюдать за строительством дамб и зданий. В 1860 г. он попал по службе в город Галина, штат Иллинойс, и там встретился и подружился с одним клерком из лавки, торговавшей сброей. Этот клерк был бывшим армейским капитаном по имени Улисс Грант.

Когда началась Гражданская война, Паркер вернулся в штат Нью-Йорк, намереваясь сформировать полк из ирокезов, чтобы сражаться за Союз. Его запрос о разрешении на это предприятие был отвергнут губернатором, заявившим ему прямо, что индейцам нет места среди добровольцев штата Нью-Йорк. Пожав плечами на столь резкий отпор, Паркер отправился в Вашингтон и предложил свои услуги в качестве инженера-строителя военному министерству. Армия Союза испытывала острую нужду в подготовленных инженерах, но не в индейских инженерах. «Гражданская война - это война белых людей, - сказали Паркеру. - Ступайте домой и трудитесь на своей ферме, а мы уладим наши беды без всякой индейской помощи».

Паркер вернулся в резервацию Тонаванда, однако он дал знать своему другу Улиссу Гранту о том, что у него были трудности со вступлением в армию Союза. Грант нуждался в инженерах, и после нескольких месяцев борьбы с армейской канцелярской волокитой он в конце концов добился того, чтобы его индейскому другу был отправлен приказ, согласно которому Паркер прибыл к нему в Висксберг. Они вместе участвовали в походе от Висксберга к Ричмонду. Когда генерал Ли сдался при Аппоматтоксе, подполковник Эли Паркер присутствовал при этом, и, памятуя о его прекрасном почерке, Грант попросил его записать условия сдачи.

В течение четырех лет по окончании войны бригадный генерал Паркер служил в различных миссиях по улаживанию разногласий с индейскими племенами. В 1867 г., после схватки у форта Фил-Керни, он отправился на реку Миссури расследовать причины волнений среди индейцев северных степей. Он вернулся в Вашингтон со множеством идей относительно изменений национальной индейской политики, но ему пришлось ждать целый год, прежде чем удалось приступить к их осуществлению. Когда Грант был избран президентом, он назначил Паркера новым главой комиссии по делам индейцев, считая, что тот сможет вести дела с индейцами более разумно, чем любой белый человек.

Паркер приступил к своим новым обязанностям с воодушевлением, однако обнаружил, что канцелярия комиссии по делам индейцев еще более продажна, чем он ожидал. Была необходима хорошая чистка среди давно окопавшихся здесь бюрократов, и при поддержке Гранта Паркер учредил систему назначений агентов, рекомендованных различными религиозными ассоциациями страны. Из-за большого числа квакеров, добровольно пошедших служить индейскими агентами, этот новый план стали называть «квакерской политикой» Гранта или «политикой мира» с индейцами.

Кроме того, был сформирован совет уполномоченных по делам индейцев, составленный из патриотически настроенных граждан для наблюдения за действиями Бюро по делам индейцев. Паркер предложил, чтобы этот совет был смешанной комиссией из белых людей и индейцев, но помехой тому стали политические соображения. Поскольку не нашлось ни одного индейца, обладавшего политическим влиянием, ни один индеец не был назначен в совет.

В течение зимы 1869/70 г. глава комиссии Паркер (или Донехогава, из ирокезов, как он все чаще в мыслях называл себя) радовался установлению мира на западных границах. Однако весной 1870 г. он был встревожен поступившими из индейских агентств в степях сообщениями о бунтах. Первым намеком на истинные причины беспорядков послужил для него потрясающий отчет лейтенанта Пиза об избиении пиеганов. Паркер знал, что, если

ничего не предпринять для того, чтобы вновь уверить индейцев в благих намерениях правительства, всеобщая война может вспыхнуть в течение лета.

Глава комиссии хорошо сознавал неудовлетворенность Красного Облака, решимость предводителя сиу удержать за собой страну, обладания которой он добился по договору, и его желание иметь факторию поблизости от своих земель. Хотя Пятнистый Хвост ушел к форту Рандел, на реке Миссури, индейцы брюль стали там одними из самых мятежных индейцев резервации. Красное Облако и Пятнистый Хвост ввиду огромного числа их сторонников среди индейцев степей казались главе комиссии ключевыми фигурами в деле установления мира. Сможет ли вождь ирокезов завоевать доверие вождей сиу? Донехогава не был в этом уверен, но он решил попробовать.

Паркер послал вежливое приглашение Пятнистому Хвосту, но, будучи индейцем, Паркер был слишком проникновен, чтобы прямо обратиться с посланием к Красному Облаку и пригласить его приехать. Такое приглашение, скорее всего, было бы воспринято Красным Облаком, как вызов, и он ответил бы гордым пренебрежением. Через посредника Красное Облако был уведомлен о том, что его с радостью примут в доме Великого Отца в Вашингтоне, если он пожелает туда прийти.

Идея этого путешествия увлекла Красное Облако; оно давало ему возможность поговорить с Великим Отцом и сказать ему, что индейцы сиу не хотят жить в резервации на реке Миссури. Кроме того, он смог бы сам посмотреть, действительно ли Малый Отец индейцев, глава комиссии по имени Паркер, является настоящим индейцем и при этом может писать, как белый человек.

Как только до Паркера дошло, что Красное Облако желает поехать в Вашингтон, он послал полковника Джона Смита в форт Ларами для обеспечения эскорта. Красное Облако отобрал пятнадцать индейцев оглала для своего сопровождения, и 26 мая вся эта группа села в специальный пассажирский вагон и по Тихоокеанской железной дороге отправилась в долгое путешествие на восток.

Индейцы приобрели огромный опыт, проехавшись на своем старом враге - Железном коне. В Омахе (городе, названном в честь индейцев) белые люди жили, как в улье, а Чикаго (другое индейское название) привел их в ужас своим шумом, сумятицей и зданиями, которые, казалось, достигают небес. Скученность, многочисленность и неприкаянность белых людей делали их похожими на кузнечиков, всегда спешащих, но никогда, по видимости, не достигающих того места, куда они спешат.

Через пять дней грохота и движения Железный конь привез их в Вашингтон. За исключением Красного Облака, все члены делегации были изумлены, и им было не по себе. Глава комиссии Паркер, который и впрямь оказался индейцем, тепло приветствовал их:

«Я очень рад видеть вас сегодня здесь. Я знаю, что вам пришлось преодолеть огромное расстояние, чтобы увидеть Великого Отца, президента Соединенных Штатов Америки. Я рад, что с вами ничего не случилось и что вы все добрались благополучно. Мне хочется узнать, что скажет Красное Облако от своего имени и от имени своего народа».

«У меня всего несколько слов, - отвечал Красное Облако. - Когда я услышал, что Великий Отец позволяет мне прийти повидать его, я обрадовался и тотчас отправился. Телеграфируйте моему народу и сообщите ему, что я в безопасности. Вот все, что я хотел сегодня сказать».

Когда Красное Облако и оглалы прибыли в отель «Вашингтон-хаус» на Пенсильвания-авеню, где для них были приготовлены апартаменты, они были удивлены, обнаружив там Пятнистого Хвоста и делегацию индейцев брюль, ожидавших приезда оглалов. Поскольку Пятнистый Хвост подчинился правительству и отвел свой народ к агентству на реке Миссури, глава комиссии Паркер опасался возможных трений между соперничающими

группами индейцев тетон. Однако вожди пожали друг другу руки, и, после того как Пятнистый Хвост сказал Красному Облаку, что ему и его индейцам ненавистна резервация в Дакоте и что они хотят вернуться в Небраску на свои охотничьи угодья восточнее форта Ларами, оглалы вновь признали индейцев брьюль своими союзниками.

На следующий день Донехогава, из ирокезов, и его гости сиу отправились на прогулку по столице, посетили заседавший сенат, военный судостроительный завод и арсенал. Для этой прогулки сиу были облачены в одежду белого человека, и было очевидно, что большинству из них неловко в тесных черных сюртуках и ботинках на пуговицах. Когда Донехогава сказал им, что Мэтью Брейди пригласил их в свою студию, чтобы сделать их фотографии, Красное Облако сказал, что ему не подходит сниматься в таком виде. «Я не белый человек, я - индеец сиу, - объяснил он. - Я не одет должным образом для такого случая». Донехогава моментально понял и объяснил своим гостям, что, если им так хочется, они могут надеть ноговицы из оленьей кожи, одеяла и мокасины, отправляясь на обед к президенту Гранту в Белый дом.

На приеме в Белом доме индейцы были более поражены сотнями сиявших свеч в блестящих канделябрах, нежели Великим Отцом и членами его кабинета, иностранными дипломатами и конгрессменами, пришедшими поглазеть на дикарей, очутившихся в Вашингтоне. Пятнистому Хвосту, любившему вкусно поесть, особенно понравились клубника и мороженое. «Несомненно, у белых гораздо больше вкусной еды, чем они присылают индейцам», - заметил он.

В следующие несколько дней Донехогава начал переговоры с Красным Облаком и Пятнистым Хвостом. Для достижения постоянного мира ему необходимо было точно знать, чего они хотят, с тем чтобы он мог противопоставить их требования давлению политиков, представляющих интересы тех белых людей, которые желают получить индейскую землю. Это была незавидная позиция для сочувствующего индейца. Он устроил прием в министерстве внутренних дел, пригласив представителей всех правительственных органов на переговоры с гостями сиу.

Министр внутренних дел Джакоб Кокс открыл заседание такой же торжественной речью, каких индейцам доводилось слышать множество. Кокс говорил, что правительство с удовольствием предоставит индейцам оружие и охотничье снаряжение, но оно не может этого сделать до тех пор, пока не будет уверено в прочном мире со всеми индейцами. «Поддерживайте мир, - заключил он, - и тогда мы будем поступать с вами по справедливости». Он ничего не сказал о резервации сиу на Миссури.

Красное Облако ответил, пожав руки министру Коксу и другим чиновникам. «Поглядите на меня, - сказал он. - Я вырос в той стране, где всходит солнце, ныне я прибыл из тех краев, где оно садится. Чей голос первым прозвучал на этой земле? Голос людей с красной кожей, у которых были только луки и стрелы. Великий Отец говорит, что он хорош и добр по отношению к нам. Я с этим не согласен. Я хорошо отношусь к его белым людям. По слову, присланному мне, я прошел весь путь до его дома. У меня красное лицо, ваши лица белы. Великий Дух научил читать и писать вас, но не меня. Я неграмотен. Я пришел сюда рассказать Великому Отцу о том, что мне не по нраву в моей стране. Вы все близки к Великому Отцу, и вас очень много, белых вождей. У людей, которых Великий Отец присылает к нам, нет разума и вовсе нет сердца.

Я не хочу, чтобы моя резервация была на реке Миссури. Уже в четвертый раз я говорю об этом. - Он приостановился на миг и жестом указал на Пятнистого Хвоста и делегацию индейцев брьюль. - Вот здесь сейчас находится несколько человек оттуда. Их дети мрут как овцы; эта земля им не по душе. Я родился у притока реки Платт, и мне говорили, что эта земля принадлежит мне - к северу и к югу, к западу и к востоку... Когда вы посылаете мне товары, их разворовывают на всем пути и до меня доходят лишь жалкие крохи. Белые дали мне подписать какую-то бумагу - вот и все, что я получил за свою землю. Мне известно, что

присланные вами люди лгут. Посмотрите на меня. Я нищ и наг. Я не хочу воевать с моим правительством... Я хочу, чтобы вы сказали обо всем этом моему Великому Отцу».

Донехогава, из ирокезов, глава комиссии, отвечал: «Мы сообщим президенту о том, что Красное Облако сказал сегодня. Президент говорил мне, что он очень скоро будет беседовать с Красным Облаком».

Красное Облако посмотрел на человека с красной кожей, который умел читать и писать и который был теперь Малым Отцом индейцев. «Вы можете дать моему народу порох, который мы просим, - сказал он. - Нас - всего горсть, а вы - великий и могучий народ. Вы сами делаете все боеприпасы. Я прошу у вас всего лишь столько, сколько нужно моим людям для того, чтобы убивать дичь. Все то, что принадлежит мне в моей стране, Великий Дух сотворил диким. Я должен охотиться на то, что мне принадлежит. Это не то что у вас: вы идете и находите то, что вам нужно. У меня есть глаза, я вижу всех белых, вижу, чего вы добиваетесь, выращивая скот и все прочее. Я знаю, что мне придется заняться тем же через несколько лет, и это хорошо. Больше мне нечего сказать».

Остальные индейцы оглала и брюль столпились вокруг главы комиссии и все желали говорить с ним, с человеком, имеющим красную кожу, который стал их Малым Отцом.

Встреча с президентом Грантом состоялась 9 июня в правительственной канцелярии Белого дома. Красное Облако повторил многое из того, что он говорил в министерстве внутренних дел, подчеркнув, что его народ не хочет жить на реке Миссури. Кроме того, он сказал, что договор 1868 г. дал им право торговать в форте Ларами и иметь свое агентство на реке Платт. Грант избегал прямого ответа, однако обещал смотреть за тем, чтобы с индейцами сиу поступали справедливо. Президент знал, что в договоре, ратифицированном конгрессом, вовсе не упоминались ни форт Ларами, ни река Платт; в договоре специально констатировалось, что агентство сиу должно быть в «каком-либо месте на реке Миссури». Оставшись с министром Коксом и главой комиссии Паркером, Грант предложил им собрать индейцев на следующий день и разъяснить им условия этого договора.

Донехогава провел беспокойную ночь. Он знал, что индейцев сиу обманули. Когда им прочтут и разъяснят напечатанный договор, им не понравится то, что они услышат. На следующее утро министр внутренних дел разбирал договор пункт за пунктом, а Красное Облако терпеливо слушал медлительный перевод английских слов. Когда чтение закончилось, он твердо заявил: «Я впервые слышу о таком договоре. Я никогда не слышал о нем и не собираюсь следовать ему».

В ответ министр Кокс выразил сомнение в возможности того, чтобы кто-нибудь из членов комиссии в Ларами мог ложно изложить содержание договора.

«Я не говорю, что члены комиссии лгали, - резко возразил Красное Облако, - это толкователи-переводчики ошибались. Когда солдаты ушли из фортов, я подписал мирный договор, но не этот договор. Мы хотим, чтобы все разъяснилось». Он поднялся и пошел прочь из комнаты. Кокс предложил ему копию договора, чтобы собственный переводчик разъяснил Красному Облаку текст, и тогда они обсудят его при следующей встрече. «Я не возьму этой бумаги, - отвечал Красное Облако. - Это все ложь».

В ту ночь в своем отеле индейцы сиу говорили о том, что завтра надо отправляться домой. Кто-то сказал, что стыдно будет ехать домой и рассказывать своему народу о том, как им солгали и обманом заставили подписать договор 1868 г. Лучше умереть здесь, в Вашингтоне. Только посредничество Донехогавы, Малого Отца, заставило их согласиться еще на одну встречу. Донехогава обещал им помочь добиться лучшей интерпретации договора. Донехогава виделся с президентом Грантом и убедил его в том, что трудности можно преодолеть.

На следующее утро в министерстве внутренних дел Донехогава приветствовал индейцев сиу, сказав им прямо, что министр Кокс объяснит им новую интерпретацию договора. Кокс был краток. Он сожалел, что Красное Облако и его люди неправильно его поняли. Хотя долина реки Паудер находится вне постоянной резервации, она находится внутри той территории, которая отведена под охотничьи угодья. Если индейцы сиу предпочитают жить на территории своих охотничьих угодий, вместо того чтобы жить в резервации, они могут там жить. Также нет необходимости в том, чтобы они ходили на территорию резервации торговать и получать товары.

Так во второй раз в течение двух лет Красное Облако одержал победу над правительством Соединенных Штатов, но на этот раз ему помогал ирокез. Красное Облако признал это, выступив вперед и пожав руку главе комиссии по делам индейцев. «Вчера, когда я увидел договор и все, что было в нем лживо, - сказал он, - я рассердился и, наверное, рассердил вас... Теперь я доволен... У нас тридцать два клана, и у нас есть дом для совета, такой же как у вас. Мы держали совет перед тем, как идти сюда, и все, что я требовал от вас, требовали вожди, оставшиеся дома. Мы похожи во всем».

Встреча закончилась дружелюбно, и Красное Облако просил Донехогаву сказать Великому Отцу, что у Красного Облака больше нет дел к нему; он готов вновь сесть на Железного коня и ехать домой.

Министр Кокс, теперь - весь улыбка, сообщил Красному Облаку, что правительство планировало посещение индейцами сиу по дороге домой Нью-Йорка.

«Я не хочу идти этим путем, - ответил Красное Облако. - Я хочу идти прямо домой. Я видел достаточно городов... У меня нет никакого дела в Нью-Йорке. Я хочу идти обратно тем же путем, которым шел сюда. Белые всюду одинаковы. Я вижу их каждый день».

Но затем, когда ему сказали, что его приглашают выступить с речью перед народом Нью-Йорка, Красное Облако передумал. Он отправился в Нью-Йорк и был удивлен шумной овацией, которую ему устроила аудитория Института Купера. Впервые он имел возможность говорить с народом, а не с правительственными чиновниками.

«Мы хотим сохранить мир, - сказал им Красное Облако. - Поможете ли вы нам? В 1868 г. к нам пришли люди и принесли бумаги. Мы не могли прочесть их, и они не сказали нам о том, что в них действительно написано. Мы думали, что этот договор отодвинет форты, и мы перестанем сражаться. Но ваши люди захотели отправить нас торговать на Миссури. Мы не желали идти на Миссури, но хотели, чтоб торговцы были там, где находимся мы. Когда я добрался до Вашингтона, Великий Отец объяснил мне договор и показал, как толкователи обманывали меня. Все, что я хочу, - законно и справедливо. Я пытался добиться у Великого Отца того, что мне принадлежит по закону и справедливости. Это мне не вполне удалось».

Красному Облаку действительно не вполне удалось добиться того, что он считал законным и справедливым. Хотя он вернулся в форт Ларами с приятным ощущением, что у него много белых друзей на востоке, он обнаружил много белых врагов, ожидавших его на западе. Жаждавшие земли фермеры, фрахтовщики, поселенцы и прочие белые противились устройству агентства для сиу где бы то ни было вблизи богатой долины реки Платт, и их влияние давало себя знать в Вашингтоне.

В течение всего лета и всей осени 1870 г. Красное Облако со своим помощником Боящимся Своих Лошадей много потрудился для мира. По просьбе Донехогавы, главы комиссии, они собрали несколько десятков влиятельных вождей и привели их в форт Ларами для совета, на котором предполагалось решить вопрос о том, где будет расположено агентство сиу. Они убедили присоединиться к ним Тупого Ножа и Волчонка, из северных шайенов. Вдоволь Медведей, из северных арапахов, Верховную Траву из черноногих сиу, а также Большую Ногу, из миннеконью, который всегда подозрительно относился к белым. Сидящий Бык, из хункпапов, не хотел иметь никакого отношения к какому бы то ни было договору или к

резервации. «Белые люди наложили дурное снабдьё на глаза Красного Облака, - говорил он, - чтобы он видел все вокруг так, как им хочется».

Сидящий Бык недооценил пронизательности и упорства Красного Облака. Когда предводитель оглагов обнаружил на этом совете, что государственные чиновники хотят расположить агентство в сорока милях севернее реки Платт, у Роу-Хайд-Батс, он категорически отказался. «Когда вы вернетесь к Великому Отцу, - заявил он чиновникам, - скажите ему, что Красное Облако не хочет идти в Роу-Хайд-Батс». Уходя зимовать в долину реки Паудер, он был уверен, что ирокез Донехогава в Вашингтоне уладит это дело.

Однако влияние главы комиссии Паркера слабело. В Вашингтоне враги теснили его.

Хотя упрямая решимость Красного Облака обеспечила индейцам сиу временное агентство в 32 милях к востоку от Ларами на реке Платт, им разрешали пользоваться этим агентством менее двух лет. К этому времени Донехогава покинул Вашингтон. В 1873 г. агентство сиу оказалось на пути потока новой волны белых эмигрантов, стремившихся к истокам реки Уайт-Ривер, и было перемещено на северо-запад Небраски. Пятнистый Хвост и его индейцы брюль получили разрешение перейти из Дакоты в ту же область. В течение года поблизости был основан форт Камп-Робинсон, откуда военные власти могли оказывать свое влияние на агентства Красного Облака и Пятнистого Хвоста в ближайшие беспокойные годы.

Через несколько недель после посещения Красным Облаком Вашингтона в 1870 г. у Донехогавы начались серьезные неприятности. Своими реформами он нажил себе врагов среди политических боссов (из так называемого «индейского ринга»), которые долгое время использовали индейское бюро как одно из приносящих доход ответвлений государственной системы распределения должностей. Его попытки помешать действиям геологической экспедиции в горах Биг-Хорн, а также группе белых переселенцев, желавших получить доступ к землям, принадлежавшим индейцам сиу по договору, навлекли на него вражду белых на Западе.

(Биг-Хорнская ассоциация была сформирована в городе Шайен, и ее члены верили в идею «предначертания судьбы: «Богатыми и живописными долинами Вайоминга по воле судьбы должна владеть и получать от них средства к существованию англосаксонская раса. Богатство, которое в течение многих веков лежало сокрытым в наших горах с их убеленными снегом вершинами, было заложено там самим Провидением, чтобы вознаградить тех отважных духом людей, кому суждено было составить авангард цивилизации. Индейцы должны посторониться, или они будут сметены непрестанно продвигающимся вперед и непрестанно растущим потоком эмиграции. Относительно судьбы аборигенов, достаточно ясной, не следует заблуждаться. Тот же непостижимый Вершитель судеб, который предопределил падение Рима, обрек на вымирание краснокожих Америки».)

Летом 1870 г. небольшая группа врагов Донехогавы в конгрессе попыталась затруднить его деятельность, задерживая выплаты фондов на приобретение продовольствия для индейцев резерваций. С середины лета в его канцелярию стали каждый день поступать телеграммы от агентов с просьбами выслать продовольствие, иначе голодные индейцы вырвутся из резерваций на поиски дичи. Некоторые агенты предсказывали вероятность применения насилия, если продовольствие не будет доставлено в ближайшее время.

Отвечая на эти запросы, глава индейской комиссии приобрел продовольствие в кредит, избежав промедления, связанного с утверждением закупочных цен. Затем он организовал спешную перевозку, несколько превысив расходы на нее в сравнении с предусмотренными контрактом. Только так индейцы резерваций смогли вовремя получить съестные припасы, и голод был предотвращен. Однако Донехогава нарушил несколько мелких инструкций, дав своим врагам тот Удобный случай, которого они ждали.

Первая атака была неожиданно предпринята Уильямом Уэлшем, оптовым торговцем, который некоторое время был миссионером среди индейцев. Уэлш был одним из первых членов наблюдательного совета комиссии по делам индейцев, однако вышел из него вскоре после назначения. Он разъяснил причины своего ухода в декабре 1870 г., опубликовав письмо в нескольких газетах Вашингтона. Уэлш обвинял главу комиссии в «мошеничестве и расточительстве при ведении дел с индейцами». Он также обвинил президента Гранта в назначении на пост человека, «едва вышедшего из состояния варварства». Очевидно, Уэлш полагал, что индейцы выходили на тропу войны только потому, что они не были христианами, и потому его решение индейской проблемы сводилось к обращению всех индейцев в христианство. Когда он обнаружил, что Эли Паркер (Донехогава) терпимо относится к примитивным верованиям индейцев, он стал неистовым врагом этого «язычника» и подал в отставку.

Как только письмо Уэлша появилось в печати, политические враги Донехогавы ухватились за него как за идеальную возможность сместить главу комиссии с поста. Через неделю комитет по ассигнованиям при палате представителей принял решение расследовать обвинение против главы комиссии по делам индейцев и вызвал последнего для дачи показаний - эта процедура длилась несколько дней. Уэлш представил на рассмотрение список из тринадцати обвинений в должностных преступлениях, несостоятельность которых Донехогава должен был доказать. Однако к концу следствия глава комиссии был оправдан по всем пунктам обвинения и был удостоен похвалы за то, что сумел убедить индейские племена в том, «что правительство говорит совершенно серьезно и ему можно верить», и тем самым сберег для казначейства миллионы долларов, предотвратив новую войну в степях.

Только ближайшие друзья Донехогавы знали, каких мучений стоило ему это разбирательство. Он считал нападки Уэлша предательством, особенно намек на то, что он как индеец, «едва вышедший из состояния варварства», не годен для службы в комиссии по делам индейцев.

Несколько месяцев он размышлял над тем, как ему следует действовать дальше. Прежде всего, он хотел содействовать прогрессу своей расы, но, если он останется на посту, а его политические враги будут продолжать придирается к нему из-за того, что он сам индеец, он скорее причинит вред своему народу, нежели принесет ему пользу. Кроме того, он задавался вопросом, не будет ли его дальнейшее пребывание на посту причиной политических затруднений для его давнего друга президента Гранта.

В конце лета 1871 г. он подал рапорт об отставке. Частным образом он сообщил своим друзьями, что покидает свой пост потому, что стал камнем преткновения для определенных лиц. Публично он объявил, что хочет заняться коммерческой деятельностью для того, чтобы улучшить материальное положение своей семьи. Как он и предвидел, пресса обрушилась на него с нападками, намекая на то, что он, должно быть, сам был членом «индейского ринга», то есть был иудой по отношению к своему народу.

Донехогава махнул рукой на все эти обвинения. За полвека он привык к предубеждению белых людей. Он переехал в Нью-Йорк, нажил себе состояние в этот золотой век финансовых предприятий и стал жить как Донехогава Хранитель Западных Дверей Длинного Дома, из ирокезов.

IX. КОЧИЗ И ПАРТИЗАНЫ-АПАЧИ

В юности я обошел весь этот край, был на западе, был на востоке и не видел нигде никого, кроме апачей. Через много лет я обошел его вновь и обнаружил, что люди другой расы пришли и захватили этот край. Как это случилось? Как случилось, что апачи ждут смерти, что они влачат свои дни на грани смерти? Они скитаются по холмам и равнинам и хотят, чтобы небесный свод обрушился на них. Некогда апачи были великим народом; теперь их совсем мало, и, желая умереть, они влачат свои дни на грани смерти.

Кочиз, из чирикахауа-апачей

Я не хочу более скитаться в горах. Я хочу заключить великий договор... Я буду верен своему слову, пока эти камни не растают... Бог сотворил белого человека, бог сотворил апача, и у апачей не меньше прав на эту страну, чем у белых людей. Я хочу заключить договор надолго, чтобы и те и другие могли ездить по всей стране и не попадать в беду.

Дельшай, из тонто-апачей

Если бы не эта резня, сейчас здесь было бы гораздо больше людей, но кто в силах пережить такую резню? Когда я заключал мир с лейтенантом Уитменом, мое сердце было большим и счастливым. Должно быть, люди из Таксона и Сан-Ксавье - безумцы. Они поступают так, словно у них нет ни головы, ни сердца... Должно быть, они жаждут нашей крови... Эти люди из Таксона пишут в газетах и рассказывают все по-своему. У апачей некому рассказать свою повесть.

Эскиминзин, из араваипа-апачей

После визита Красного Облака глава комиссии по делам индейцев Эли Паркер и другие государственные чиновники летом 1871 г. обсуждали целесообразность приглашения великого вождя апачей Кочиза в Вашингтон. Хотя со времени отъезда Звездного Вождя Карлтона по окончании Гражданской войны в стране апачей не проводилось более военных кампаний, однако часто происходили столкновения между блуждающими отрядами этих индейцев и белыми поселенцами, старателями, фрахтовщиками, продолжавшими проникать на родину апачей. Правительство выделило в Нью-Мексико и Аризоне четыре резервации для различных индейских кланов, но мало кто из апачей поселился на какой-либо из этих территорий. Глава индейской комиссии Паркер надеялся, что Кочиз поможет в деле установления постоянного мира в стране апачей, и просил представителей своего Бюро в этом районе пригласить вождя приехать в Вашингтон.

До весны 1871 г. никому из белых не удалось разыскать Кочиза, и, когда наконец связь с ним была установлена, вождь отказался принять приглашение правительства. Он ответил буквально, что не может довериться ни военным, ни гражданским представителям Соединенных Штатов.

Кочиз был из чирикахауа-апачей. Он был выше ростом, чем большинство его людей, широкоплечий, широкогрудый, у него было умное лицо с черными глазами, большим прямым носом, очень высоким лбом и густые черные волосы. Белые люди, встречавшиеся с ним, говорили, что он мягок в обращении и внешне очень аккуратен и опрятен.

Когда американцы впервые прибыли в Аризону, Кочиз принял их радушно. Во время встречи с майором Енохом Стином из первого драгунского полка Кочиз обещал пропустить американцев через земли чирикахауа к южной дороге, ведущей в Калифорнию. Он не возражал, когда Баттерфилдская трансконтинентальная почтовая компания основала свою

станцию в Ущелье Апачей; мало того, индейцы чирикахауа, жившие неподалеку, рубили лес для строительства станции, обменивая его на припасы.

Затем как-то в феврале 1861 г. Кочиз получил послание из Ущелья Апачей, в котором его просили прийти на станцию для беседы с неким офицером. Считая такой вызов в порядке вещей, Кочиз взял с собой пятерых членов своей семьи: брата, двух племянников, одну женщину и ребенка. Офицер, желавший его видеть, был лейтенант Джордж Баском из седьмого пехотного полка, посланный с ротой солдат вернуть угнанный скот и мальчика-метиса, похищенного с фермы Джона Уорда. Уорд обвинял индейцев чирикахауа во главе с Кочизом в похищении скота и мальчика.

Как только Кочиз со своими родственниками вошел в палатку Баскома, двенадцать солдат окружили ее, и лейтенант властно потребовал, чтобы чирикахауа вернули скот и мальчика.

Кочиз слышал о захваченном мальчике. Он сказал, что группа койотеро с Джиле совершила набег на ферму Уорда и, возможно, сейчас находится возле гор Блэк-Маунтинс. Кочиз полагал, что он сможет договориться о выкупе. В ответ Баском обвинил индейцев чирикахауа в том, что скот и мальчик находятся у них. Сначала Кочиз решил, что молодой офицер шутит. Однако офицер был вспыльчив, и, когда Кочиз не придал значения его обвинению, лейтенант приказал арестовать Кочиза и его родственников, объявив, что станет держать их в качестве заложников до тех пор, пока не будут возвращены скот и мальчик.

В тот момент, когда солдаты входили в палатку, чтобы произвести арест, Кочиз прорезал отверстие в брезенте и бежал под пулями солдат, давших по нему залп. Хотя он был ранен, он ушел от преследования Баскома, но его родственники остались под арестом. Чтобы освободить их, Кочиз и его воины захватили трех белых на баттерфилдской дороге и попытались обменять их, договорившись с лейтенантом. Баском отказался обмениваться пленными, если индейцы не отдадут также скот и мальчика.

Взбешенный тем, что Баском не верит в невиновность его людей, Кочиз блокировал Ущелье Апачей и осадил роту пехоты на почтовой станции. Предприняв еще одну попытку обменяться пленными, Кочиз казнил своих пленников, изуродовав их копьями по жестокому обычаю, который апачи переняли у испанцев. Через несколько дней Баском отплатил ему, повесив трех мужчин-пленников.

Это событие стало поворотным моментом в истории отношений чирикахауа и белых, после которого чирикахауа перенесли свою ненависть к испанцам на американцев. В течение четверти века они и другие апачи вели лишь изредка прекращавшуюся партизанскую войну, которая стоила большего числа жизней, больших затрат, чем какая-либо другая война с индейцами.

В это время (1861 г.) великим военным вождем апачей был Мангас Колорадо, или Красные Рукава, семидесятилетний индеец мимбреньо, который был еще выше ростом, чем высокий Кочиз. У него были сторонники во многих группах индейцев на юго-востоке Аризоны и юго-западе Нью-Мексико. Кочиз был женат на дочери Мангаса, и после инцидента с Баскомом они объединили свои силы, чтобы изгнать американцев с родной земли. Они нападали на обозы, остановили движение дилижансов и почты, изгнали несколько сот белых старателей со своей территории - с гор Чирикахауа-Маунтинс в горы Моголлонс. После того как «синие мундиры» и «серые мундиры» начали Гражданскую войну, Мангас и Кочиз нападали на «серые мундиры» до той поры, пока те не отступили на восток.

А затем, в 1862 г., из Калифорнии прибыл Звездный Вождь Карлтон и с ним несколько тысяч «синих мундиров», они пришли по старой тропе, проходившей через страну чирикахауа. Сначала они двигались небольшими отрядами и всегда останавливались возле источников на покинутой почтовой станции в Ущелье Апачей. В Месяц Лошади, 15 июля, Мангас и Кочиз поставили пятьсот своих воинов вдоль скалистых высот, господствовавших над ущельем и ручьем. Три пехотные роты «синих мундиров» в сопровождении отряда

верховых солдат, а также две повозки приближались с запада. Когда колонна из трехсот солдат растянулась вдоль ущелья, апачи внезапно атаковали их, используя в качестве оружия луки и ружья. Солдаты отстреливались в течение нескольких минут, а затем поспешно отступили из ущелья.

Апачи не преследовали их. Они знали, что «синие мундиры» вернутся. Перестроившись, пехотинцы вновь вошли в ущелье, на этот раз с двумя крытыми фургонами, ехавшими вслед за ними. Солдаты были в нескольких сотнях ярдов от источников, добраться до которых по открытому пространству было опасно, а у апачей был запас дождевой воды. В течение нескольких минут «синие мундиры» удерживали свою позицию. Затем фургоны выдвинулись вперед. Внезапно яркие вспышки огня вырвались из этих фургонов. Поднялись облака черного дыма, сильный грохот повторился эхом в высоких скалах, и куски летящего металла засвистели в воздухе. Апачи слышали маленькие пушки испанцев, но эти большие пушки-повозки сеяли ужас и смерть. Тут воины отступили, а «синие мундиры» продвинулись вперед и овладели пресной водой источников.

Мангас и Кочиз пока не собирались прекращать борьбы. Если им удастся отогнать небольшие группы солдат от пушек-повозок, они еще смогут одолеть их. На следующее утро они увидели взвод верховых солдат, скачущих обратно на запад, возможно, для того, чтобы предупредить об опасности других солдат, идущих с той стороны. Мангас, взяв с собой пятьдесят всадников, бросился вниз, чтобы отрезать их от оставшихся в ущелье войск. В последовавшем бою Мангас был ранен в грудь и упал без сознания с лошади. Приведенные в смятение потерей своего предводителя, воины прервали бой и унесли истекавшее кровью тело Мангаса обратно на высоты.

Кочиз был полон решимости спасти жизнь Мангаса. Вместо того чтобы довериться шаманам с их песнопениями и погремушками, он положил своего тестя на ременные носилки и с эскортом воинов проскакал несколько сот миль прямо на юг, в Мексику, в поселок Джанос. Там проживал один очень известный мексиканец-хирург, и вместе с беспомощным телом Мангаса ему был передан краткий ультиматум: «Вылечи его. Если он умрет, умрет и этот город».

Через несколько месяцев Мангас вернулся к себе в горы Мимбрес-Маунтинс. На нем была широкополая соломенная шляпа, мексиканское пончо, кожаные ноговицы и китайские сандалии, приобретенные, в Мексике. Он похудел, и на его лице стало больше морщин, но он по-прежнему ездил верхом быстрее и стрелял лучше, чем воины, которые были на полвека моложе его. Когда он отдыхал у себя в горах, до него дошли слухи о том, что Звездный Вождь Карлтон согнал и заключил в Боск-Редондо индейцев мескалеро. Он узнал, что «синие мундиры» повсюду разыскивают апачей и убивают их из своих пушек-повозок так же, как они убили шестьдесят трех воинов из его и Кочиза отрядов в Ущелье Апачей.

В Пору Летучих Муравьев (январь 1863 г.) Мангас стоял лагерем на реке Мимбрес. В течение некоторого времени он размышлял о том, как ему добиться мира для всех апачей, прежде чем он умрет. Он помнил мирный договор, который подписал в Санта-Фе в 1852 г. В этот год апачи и народ Соединенных Штатов договорились о вечном мире и дружбе. Несколько лет царили мир и дружба, а теперь воцарились вражда и смерть. Ему хотелось вновь увидеть свой народ живущим мирно. Он знал, что даже самые храбрые и самые ловкие из его молодых воинов вроде Виктории и Джеронимо не смогут одолеть великой силы Соединенных Штатов. Возможно, пришло время заключить новый договор с американцами и их «синими мундирами», которых теперь стало так же много, как летучих муравьев.

Однажды к лагерю Мангаса приблизился некий мексиканец под белым флагом. Он сообщил, что несколько солдат находятся неподалеку и что они хотят говорить о мире. Мангасу показалось, что их приход ниспослан провидением. Хотя он предпочел бы совещаться со Звездным Вождем, он согласился увидеться с маленьким начальником Эдмондом

Ширлендом из калифорнийских добровольцев. Воины мимбреньо убеждали его не ходить. Разве он не помнит, что случилось с Кочизом, когда тот пошел на встречу с солдатами в Ущелье Апачей? Мангас махнул рукой на их опасения. В конце концов, он всего лишь старик, что могут сделать солдаты старику, желающему всего лишь говорить о мире? Воины настояли на том, чтобы его сопровождала охрана. Он отобрал пятнадцать человек, и они двинулись по тропе, ведущей к солдатскому лагерю.

Когда они оказались в виду лагеря, Мангас и его отряд стали ожидать появления начальника. Один рудокоп, говоривший по-испански, выехал к ним, чтобы сопровождать Мангаса в лагерь, но апачи без охраны не пускали своего вождя, пока капитан Ширленд не выкинул белый флаг. Увидев белый флаг, Мангас приказал своим воинам отступить. Он въедет в лагерь один. Он находится в полной безопасности под защитой белого флага. Мангас поскакал к солдатскому лагерю, но едва его воины скрылись из виду, как дюжина солдат выскочила из подлеска позади него с ружьями наперевес. Он был в плену.

«Мы поспешили доставить Мангаса в наш лагерь в старом форте Мак-Лин, - рассказывает Дэниель Коннер, рудокоп, ехавший вместе с калифорнийскими добровольцами, - и прибыли как раз вовремя, застав там генерала Уэста, прибывшего со своим соединением. Генерал пришел туда, где Мангас находился под стражей, чтобы взглянуть на него. Сам генерал казался пигмеем рядом со старым вождем, который был ростом выше всех окружающих. Мангас выглядел изможденным, отказывался вступать в разговор и, очевидно, чувствовал, что совершил большую ошибку, поверив бледнолицым и на этот раз».

Два солдата были назначены стеречь Мангаса, и, когда наступила ночь и стало очень холодно, они разложили большой костер, чтобы им и их пленнику не замерзнуть. Один из калифорнийских добровольцев, рядовой Кларк Стокинг, впоследствии сообщил, что слышал, как генерал Джозеф Уэст приказывал часовым: «Он мне нужен завтра живым или мертвым, вы поняли, он мне нужен мертвым».

Поскольку поблизости были апачи Мангаса, дополнительные часовые патрулировали лагерь с наступлением темноты. Дэниеля Коннера силком заставили нести эту службу, и, расхаживая на своем посту около полуночи, он заметил, что солдаты, охранявшие Мангаса, все время как-то досаждают старому вождю и тот беспокойно старается подтянуть ноги под одеяло. Пытаясь понять, что делают солдаты, Коннер подошел вплотную к освещенному костром месту и стал наблюдать за ними. Солдаты накаляли свои штывки на огне и касались ими ступней и ног Мангаса. Несколько раз выдержав эту пытку, вождь поднялся и «начал энергично увещевать часовых, говоря им по-испански, что он не ребенок, чтобы играть с ним. Но его увещевания были прерваны, поскольку, едва он начал свои восклицания, оба часовых направили на него свои винтовки системы Мини и почти одновременно выстрелили в него».

Когда Мангас упал навзничь, солдаты разрядили в него свои пистолеты. Один из солдат снял с него скальп, другой отрезал голову и стал кипятить ее, чтобы сошло мясо и он мог продать череп френологу на востоке. Они бросили обезглавленное тело в какую-то канаву. В официальном отчете утверждалось, что Мангас был убит при попытке к бегству.

После этого, по выражению Дэниеля Коннера, «индейцы стали воевать всерьез... они употребили все свои силы на то, чтобы отомстить за его смерть».

На всем протяжении земли чирикахауа, от Аризоны до Мимбрес-Маунтинс в Нью-Мексико, Кочиз и триста его воинов начали войну, чтобы изгнать вероломных белых людей или отдать жизнь, сражаясь за это. Викторियो собрал другой отряд, включавший в себя индейцев мескалери, бежавших из Боск-Редондо. Они нападали на поселения и дороги вдоль Рио-Гранде, от Джорнадо-дель-Муэрто до Эль-Пасо. В течение двух лет эти крохотные армии апачей держали в смятении весь юго-запад. Большинство индейцев были вооружены только луками и стрелами, которые представляли собой хрупкие стебли тростника. Длинной в три

фута, с тремя перьями и треугольными кварцевыми наконечниками длиной в дюйм, обколотыми до тонкого острия. Так как наконечники были прикреплены к древку с помощью надрезки вместо ременной обмотки, со стрелами следовало обращаться очень осторожно, но зато, когда они достигали своей цели, наконечник врезался в тело с разрывающей силой конической пули ружья системы Мини. Но и с тем оружием, которое у них было, апачи сражались хорошо, однако противник превосходил их в численном отношении во сто крат, и в будущем их ожидали лишь смерть или заточение.

После окончания Гражданской войны, с уходом генерала Карлтона, правительство Соединенных Штатов стало предпринимать попытки заключить мир с апачами. В Месяце Больших Листьев (21 апреля 1865 г.) Викторио и Нана встретились в Санта-Рита с представителем Соединенных Штатов. «Я и мой народ хотим мира, - сказал Викторио. - Мы устали от войны. Мы бедны, и нашим семьям нечего есть, нечем прикрыть себя. Мы хотим заключить мир, продолжительный мир, достаточно прочный. Я омыл свои руки и уста холодной свежей водой и потому то, что я говорю, верно».

«Вы можете верить нам», - прибавил Нана.

Ответ агента был кратким: «Я прибыл не за тем, чтобы просить у вас мира, а затем, чтобы сообщить вам, что вы сможете жить в мире, если отправитесь в резервацию Боск-Редондо».

До них доходило много слухов о Боск-Редондо, один хуже другого. «у меня нет карманов, куда я мог бы положить сказанное вами, - сухо заметил Нана, - но ваши слова глубоко запали мне в сердце. Они не забудутся».

Викторио попросил двухдневной отсрочки для отправления в резервацию; он хотел собрать всех своих людей и их коней. Он обещал вновь встретиться с агентом 23 апреля в Пинос-Альтосе.

Четыре дня агент ожидал индейцев в Пинос-Альтосе, но никто из апачей не явился. Они предпочли голод, лишения и смерть ненавистному Боск-Редондо. Некоторые пробрались на юг, в Мексику; другие присоединились к Кочизу в Драгун-Маунтинс. После опыта, полученного в Ущелье Апачей, и последующего убийства Мангаса Кочиз даже не откликнулся на предложение о предварительных мирных переговорах. В течение следующих пяти лет войны-апачи, как правило, держались вдали от американских фортов и поселений. Однако, как только фермер или рудокоп теряли бдительность, отряд индейцев налетал с гор, чтобы захватить лошадей или скот, и, таким образом, партизанская война продолжалась. К 1870 г. набеги участились, и поскольку Кочиз был наиболее известным вождем, то за все враждебные действия, независимо от того, где они совершались, белые люди обычно возлагали ответственность на него.

Вот почему весной 1871 г. глава комиссии по делам индейцев так энергично уговаривал Кочиза посетить Вашингтон. Однако Кочиз не верил ни в какие перемены: он по-прежнему не мог довериться ни одному представителю правительства Соединенных Штатов. А через несколько недель после того, что случилось с Эскиминзином и его араваипами в Камп-Гранте, Кочиз более чем когда-либо был уверен, что ни одному апачу не следует верить свою жизнь в руки вероломных американцев.

Эскиминзин и его небольшая группа из ста пятидесяти сторонников жили вдоль реки Араваипа-Крик, от которой они получили свое наименование. Река Араваипа-Крик протекала к северу от Цитадели Кочиза, между рекой Сан-Педро и Гальюро-Маунтинс. Эскиминзин был коренастым, слегка кривоногим апачем с приятным лицом. Порой он бывал добродушен, порой свиреп. В один из дней февраля 1871 г. Эскиминзин пришел в Камп-Грант, небольшой гарнизонный пост у слияния рек Араваипа-Крик и Сан-Педро. Он слышал, что тамошний лейтенант, Ройел Уитмен, настроен дружелюбно и просил свидания с ним.

Эскиминзин рассказал Уитмену, что у его народа больше нет и не может быть дома, ибо «синие мундиры» постоянно преследуют индейцев и стреляют в них только за то, что они апачи. Он хотел бы заключить мир, чтобы его народ мог поселиться вдоль реки Араваипа и выращивать зерно.

Уитмен спросил Эскиминзина, отчего ему не пойти к Уайт-Маунтинс, где правительство выделило для индейцев резервацию. «Это не наша страна, - ответил вождь. - И жители ее не наш народ. Мы находимся с ними [с койотеро] в мире, но никогда не смешиваемся с ними. Наши и их отцы жили в этих горах и выращивали зерно в этой долине. Мы научились делать мескаль (Эскиминзин имеет в виду не мексиканскую водку, известную под этим же названием, а жареные листья агавы - сладкую и питательную пищу, которую готовили в восточных впадинах. Апачи-мескалеро получили свое наименование от названия этого блюда.), основную нашу пищу, и зимой и летом у нас было ее вдоволь. В горах Уайт-Маунтинс нет этой пищи, а нам и сейчас без нее худо. Кто-то из наших людей был некоторое время на Уайт-Маунтинс, но им там не понравилось, и они все говорят: «Пойдем в долину Араваипы, заключим окончательный мир и никогда не будем нарушать его».

Лейтенант Уитмен заявил Эскиминзину, что не уполномочен заключать мир с его группой, но что, если они сдадут свое огнестрельное оружие, он сможет разрешить им остаться поблизости от форта как своего рода военнопленным до тех пор, пока он не получит предписание от вышестоящих чинов. Эскиминзин согласился на это условие, и араваипы стали приходить маленькими группами сдавать свои ружья, а некоторые - даже свои луки и стрелы. Они основали селение в нескольких милях вверх по ручью, посеяли зерно и стали готовить мескаль. Пораженный их трудолюбием, Уитмен нанял индейцев косить сено для гарнизонных кавалерийских лошадей, с тем чтобы они могли заработать денег на покупку продовольствия. Соседние фермеры также нанимали кое-кого из индейцев в качестве рабочей силы. Этот эксперимент прошел столь успешно, что к середине марта более сотни других апачей, включая пиналов, присоединились к людям Эскиминзина, и все новые индейцы прибывали почти ежедневно.

Тем временем Уитмен написал рапорт, в котором объяснил ситуацию вышестоящим чинам, прося инструкций. Однако в конце апреля его запрос был возвращен для пересоставления по установленной правительством форме. Лейтенант чувствовал себя неуверенно, зная, что вся ответственность за действия апачей Эскиминзина ляжет на него, и внимательно следил за их поведением.

10 апреля апачи предприняли набег на Сан-Ксавье, к югу от Таксона, угнав скот и лошадей. 13 апреля четверо американцев были убиты во время набега, имевшего место вблизи Сан-Педро, к востоку от Таксона.

Таксон в 1871 г. был неким оазисом для трех тысяч азартных игроков, держателей салунов, торговцев, фрахтовщиков, рудокопов и нескольких подрядчиков; они нажили состояние во время

Гражданской войны и надеялись продолжать извлекать прибыли благодаря войне с индейцами. Эти подонки общества организовали комитет общественной безопасности для самозащиты от апачей, но, поскольку никто из индейцев не приближался к городу, члены комитета часто седлали своих лошадей и скакали в погоню за индейцами, производившими набеги на близлежащие общины поселенцев. После двух апрельских набегов некоторые члены комитета заявили, что эти набеги произведены из поселения араваипов возле Камп-Гранта. Хотя Камп-Грант находился в 55 милях и было невероятно, чтобы араваипы отправились в набег на столь дальнее расстояние, это мнение было охотно признано большинством граждан Таксона. Они вообще были против устройства агентств, где апачи могли зарабатывать на жизнь мирным трудом; так как это привело бы к сокращению численности войск и к упадку богатевших на войне предприятий.

В последние недели апреля ветеран войны с индейцами по имени Уильям Ури стал организовывать экспедицию для нападения на безоружных араваипов возле Камп-Гранта. Шесть американцев и сорок два мексиканца согласились принять в ней участие, но Ури решил, что этого недостаточно для обеспечения успеха. Из индейцев папаго, которые за несколько лет до этого были усмирены испанскими солдатами и обращены в христианство испанскими священниками, он на вербовал девяносто двух наемников. Двадцать восьмого апреля внушительный отряд из ста сорока вооруженных мужчин был готов к выступлению.

Первым предупреждением об этой экспедиции, полученным лейтенантом Уитменом, было сообщение, прибывшее из небольшого военного гарнизона в Таксоне; в нем говорилось, что большая группа людей покинула город 29 апреля с явной целью истребить всех индейцев вблизи Камп-Гранта. Уитмен получил это донесение с верховым посыльным в 7. 30 утра 30 апреля.

«Я немедленно послал двух переводчиков верхом на лошадях в индейский лагерь, - сообщал впоследствии Уитмен, - приказав им точно сообщить вождям положение вещей» с тем чтобы те привели всех своих соплеменников внутрь гарнизонного поста... Мои посланцы вернулись примерно через час с известием о том, что они не нашли в живых ни одного индейца».

Менее чем за три часа до того, как Уитмен получил предупреждение, экспедиция из Таксона развернулась во фронт вдоль отвесных берегов реки и песчаных подступов к селению араваипов. Люди, находившиеся в низине, открыли огонь по викиапам (Род. вигвама. - Прим. перев.), и, когда апачи выскочили на открытое пространство, ружейный огонь с крутого берега начал косить их. Через полчаса все апачи, находившиеся в лагере, либо бежали, либо были взяты в плен, либо были убиты. В плен были захвачены только дети - всего двадцать семь; их взяли себе принявшие христианство папаго, чтобы продать в рабство в Мексику.

Когда Уитмен добрался до селения, оно еще горело, и земля была усеяна трупами изуродованных женщин и детей. «Я обнаружил нескольких женщин, застреленных во сне рядом с копнами сена, которые они накопили, чтобы отнести на пост этим утром. У раненых, которым не удалось скрыться, дубинами и камнями были пробиты черепа, а иные были изрешечены стрелами после того, как получили смертельные пулевые ранения. Все трупы были обнажены».

Хирург К. Б. Брайсли, сопровождавший лейтенанта Уитмена, сообщил, что Две женщины «лежали в таких позах, что внешний вид их гениталий и нанесенных им ранений не оставлял сомнения в том, что их сначала изнасиловали, а потом застрелили... В одного ребенка около десяти месяцев от роду выстрелили дважды и почти отрубили ему одну ногу».

Уитмен понимал, что те, кто уцелел и бежал в горы, обвинят его в том, что он не сумел защитить их. «Я считал, что проявление заботы об их мертвых по крайней мере докажет им наше сочувствие, и это предположение оказалось верным, потому что, пока производилась эта работа, многие из них пришли к месту резни и стали выражать свою скорбь слишком бурно и ужасно, чтобы это можно было описать... Среди захороненных (около ста человек) был один старик и один мальчик-подросток, все остальные - женщины и дети». Вместе с умершими от ран и найденными телами пропавших общее число убитых в конце концов составило сто сорок четыре человека. Эскиминзин не вернулся, и многие апачи считали, что он встанет на тропу войны, чтобы отомстить за эту резню.

«Моя жена и мои дети были убиты у меня на глазах, - рассказывал Уитмену один индеец, - и я не мог защитить их. Почти всякий индеец на моем месте взял бы нож и перерезал себе горло». Однако после того, как лейтенант торжественно дал слово, что он не успокоится до тех пор, пока не добьется для них правосудия, скорбные араваипы согласились вновь построить селение и начать жизнь сначала.

Благодаря настойчивым усилиям Уитмена, таксонские убийцы наконец предстали перед судом. Защита утверждала, что граждане Таксона пришли по следу убийц-апачей прямо в селение араваипов. Оскар Хаттен, гарнизонный проводник из Камп-Гранта и свидетель обвинения, показал: «Это мое твердое мнение - ни одного набега не производилось индейцами, жившими рядом с этим гарнизоном». Ф. Л. Остин, гарнизонный торговец, Майлс Вуд, поставщик мясных продуктов, Уильям Нес, носивший почту между Камп-Грантом и Таксоном, - все сделали аналогичные заявления. Судебный процесс длился пять дней. Судейская коллегия совещалась девятнадцать минут. Решением суда таксонские убийцы были освобождены.

Что до лейтенанта Уитмена, то его непопулярная защита апачей погубила его военную карьеру. Три раза его судил военный трибунал по смехотворным обвинениям, и через несколько лет службы без повышения он вышел в отставку.

Однако резня в Камп-Гранте привлекла внимание Вашингтона к апачам. Президент Грант назвал это нападение «чистым убийством» и приказал армейскому командованию и Бюро по делам индейцев принять немедленные меры для установления мира на Юго-западе.

В июне 1871 г. генерал Джордж Крук прибыл в Таксон, чтобы занять пост начальника военного округа Аризоны. Через несколько недель Винсент Колье, специальный представитель Бюро по делам индейцев, прибыл в Камп-Грант. И тот и другой были весьма заинтересованы в организации встречи с наиболее влиятельными вождями апачей, в особенности с Кочизом.

Сначала Колье встретился с Эскиминзином, надеясь убедить того вернуться к прежнему, мирному образу жизни. Эскиминзин спустился с гор и сказал, что он с удовольствием будет говорить о мире с членом комиссии Колье. «Член комиссии, наверно, думал, что он увидит большого начальника, - спокойно заметил Эскиминзин, - но он видит лишь очень бедного человека, а никакого не начальника. Если бы комиссар увидел меня три месяца назад, он увидел бы во мне начальника. Тогда у меня было много людей, но большинство из них жестоко убито. Теперь у меня мало людей; с тех пор как я покинул это место, я находился поблизости. Я знал, что у меня здесь есть друзья, но я боялся возвращаться. Я немногословен, но одно я могу сказать: мне здесь нравится. Я сказал все, что мне следовало сказать, ибо у меня мало людей, от имени которых я мог бы говорить. Если бы не эта резня, сейчас здесь было бы гораздо больше людей, но кто в силах пережить такую резню? Когда я заключал мир с лейтенантом Уитменом, мое сердце было большим и счастливым. Должно быть, люди из Таксона и Сан-Ксавье - безумцы. Они поступают так, словно у них нет ни головы, ни сердца... Должно быть, они жаждут нашей крови... Эти люди из Таксона пишут в газеты и рассказывают все по-своему. У апачей некому рассказать свою повесть».

Колье обещал рассказать о том, что произошло с апачами, Великому Отцу и тем белым людям, которые еще не слышали об этом.

«Должно быть, это бог дал тебе доброе сердце, и ты пришел повидаться с нами, или у тебя были добрые отец и мать, и они сделали тебя великодушным».

«Бог», - ответил Колье.

«Бог», - сказал Эскиминзин, но присутствовавшие белые не указали в переводе, сказал он это утвердительно или задал вопрос.

Следующим вождем, с которым встретился Колье, в соответствии со своими планами, был Дельшай из апачей-тонто. Дельшай был коренастым, широкоплечим человеком тридцати пяти лет. В одном Ухе он носил серебряную серьгу, выражение лица его было свирепым, и обычно он двигался скорым шагом, как будто постоянно куда-то спешил. К 1868 г. Дельшай согласился поддерживать мир среди индейцев тонто и использовать Камп-Мак-Доуэлл на западном берегу реки Рио-Верде в качестве своего агентства. Однако Дельшай обнаружил,

что «синие мундиры» становятся с каждым днем все вероломнее. Как-то один офицер без всякой на то причины выстрелил крупной дробью в спину Дельшаю, и, кроме того, Дельшай был уверен, что гарнизонный хирург пытался отравить его. После этих происшествий Дельшай держался подальше от Камп-Мак-Доуэла.

Член комиссии Колье прибыл в Камп-Мак-Доуэл в конце сентября, имея полномочия использовать солдат для установления контактов с Дельшаем. Хотя отряды кавалерии и пехоты широко использовали белые флаги, сигнальные дымы и ночные костры, Дельшай не откликался на их сигналы, пока не проверил намерений «синих мундиров». К тому времени, как Дельшай согласился встретиться с капитаном У. Н. Неттервилем в Сан-Флауэр-Вэлли (31 октября 1871 г.), член комиссии Колье уже вернулся в Вашингтон с отчетом. Копия протокола с замечаниями Дельшай была отправлена к Колье.

«Я не хочу более скитаться в горах, - говорил Дельшай. - Я хочу заключить великий договор... Я буду верен миру, пока он будет длиться; я буду верен своему слову, пока эти камни не растают...» Однако он не хотел вести своих тонтов назад в Камп-Мак-Доуэл. Это нехорошее место (как-никак там в него стреляли и пытались отравить). Индейцы тонто предпочитали жить в долине Сан-Флауэр-Вэлли, вблизи от гор, где можно было собирать фрукты и охотиться на крупную дичь. «Если большой начальник в Камп-Мак-Доуэле не устроит поста там, где я скажу, - настаивал Дельшай, - я ничего больше не смогу сделать, ибо бог сотворил белого человека, бог сотворил апача и у апачей не меньше прав на эту страну, чем у белых людей. Я хочу заключить договор надолго, чтобы и те и другие могли ездить по всей стране и не попадать в беду; после заключения этого договора я хотел бы получить лист бумаги, с которым мог бы ездить по стране, подобно белому человеку. Я положу здесь этот камень, чтобы все видели: когда он растает, договор будет нарушен... Если я заключаю договор, я жду, что большой начальник придет увидеть меня, когда бы я ни позвал его, и я поступлю так же, когда бы он ни послал за мной. Если договор будет заключен, а большой начальник не выполнит обещанного мне, я положу его слова в яму к забросаю их грязью. Я обещаю, что, когда договор будет заключен, белые люди и солдаты смогут выгонять всех своих лошадей и мулов и оставлять их на пастбище без всякого присмотра, и, если индейцы апачи украдут хотя бы одну лошадь или одного мула, я перережу себе горло. Я хочу заключить великий договор, и, если американцы нарушат этот договор, я не хочу, чтобы вновь начались неприятности; белый человек может пойти одной тропой, я - другой... Скажите большому начальнику в Камп-Мак-Доуэле, что я приду увидеться с ним через двенадцать дней».

Ближе всего Колье подошел к местопребыванию Кочиза, когда достиг Канада-Аламосы, агентства, основанного Бюро по делам индейцев в сорока двух милях к юго-западу от форта Крейг, штат Нью-Мексико. Там он имел беседу с двумя членами отряда Кочиза. Они рассказали ему, что индейцы чирикахауа были в Мексике, но мексиканское правительство пообещало триста долларов за скальп каждого апача, и потому отряды разведчиков стали нападать на них в горах Сонора. Апачи рассеялись и теперь возвращаются в свою старую цитадель в Аризоне. Кочиз находится где-то в горах Драгун-Маунтинс.

На поиски Кочиза был послан курьер, но, когда этот человек пересек границу территории Аризона, он неожиданно встретил генерала Крука, который отказался признать его полномочия на посещение лагеря Кочиза. Крук приказал курьеру немедленно вернуться в Нью-Мексико.

Крук хотел взять Кочиза сам, он приказал пяти ротам кавалерии прочесать горы Чирикахауа-Маунтинс и найти Кочиза живого или мертвого. Апачи дали генералу Круку имя Серый Волк. Кочиз ускользнул от Серого Волка, перейдя в Нью-Мексико. Он послал гонца к Звездному Вождю Санта-Фе, генералу Гордону Гранье, сообщив ему, что готов встретиться с ним в Канада-Аламосе, чтобы говорить о мире. Гранье прибыл в агентство на запряженной шестеркой мулов санитарной повозке с небольшим эскортом, и Кочиз уже ждал его.

Предварительные переговоры были краткими. Оба были довольны, что на чем-то порешили. Генералу Гранье представлялся случай прославиться в качестве человека, которому сдался великий Кочиз. Для Кочиза это было завершением пути. Ему было почти шестьдесят лет, и он очень устал. Его достигавшие плеч волосы стали почти серебряными.

Гранье объяснил, что мир возможен лишь в том случае, если индейцы чирикахауа согласятся поселиться в какой-нибудь из резерваций. «Ни одному апачу не будет разрешено покидать резервацию без пропуска, выданного агентом, - сказал генерал, - кроме того, апачам никогда ни под каким видом не будет разрешено пересекать границу Мексики».

Кочиз отвечал ровным голосом, почти не жестикулируя: «Жаркое солнце напекло мне голову, и я был как в огне; моя кровь полыхала, но вот я пришел в эту долину, и пил здешние воды, и омыл себя в них, и они освежили меня. Теперь, когда я хладнокровен, я пришел к вам без оружия, чтобы жить с вами в мире. Я говорю прямо, я не хочу обманывать или быть обманутым. Я хочу доброго, крепкого и долгого мира. Когда бог сотворил мир, он дал одну часть белым людям, а другую - апачам. Отчего так случилось? Отчего они должны жить вместе? Теперь, когда я говорю, солнце, луна, земля, воздух, воды, птицы и звери, даже неродившиеся дети должны радоваться моим словам. Белые люди долго искали меня. Вот я! Чего они хотят? Они искали меня долго; отчего мной так дорожат? Если я стою так дорого, почему бы не отметить место, куда ступила моя нога, и не разглядывать мой плевок? Койоты рыщут в ночи, чтобы грабить и убивать; мне их не видно - я не бог. Теперь я более не вождь апачей. Я более не богат; я всего лишь бедный человек. Мир не всегда был таков. Бог сотворил нас не такими, какими он сотворил вас. Мы рождаемся, подобно животным, в сухой траве, а не на постелях, подобно вам. Вот почему мы поступаем, подобно животным, - рыщем в ночи, грабим и крадем. Если бы у меня были такие вещи, как у вас, я бы не поступал так, как я поступаю, ибо в этом не было бы нужды. Есть индейцы, которые рыщут в ночи, убивая и грабя. Я не предводительствую ими. Если бы я предводительствовал ими, они бы не поступали так. Мои воины убиты в горах Сонора. Я пришел сюда, ибо бог сказал мне, чтобы я шел. Он сказал, что это хорошо - жить в мире. И вот я пришел! Я кружил по свету вместе с облаками и воздухом, когда бог вторгся в мои мысли и сказал мне, чтобы я пришел сюда и помирился со всеми. Он сказал, что этот мир принадлежит всем нам, не так ли?»

В юности я обошел весь этот край, был на западе, был на востоке и не видел нигде никого, кроме апачей. Через много лет я обошел его вновь и обнаружил, что люди другой расы пришли и захватили этот край. Как это случилось? Как случилось, что апачи ждут смерти, что они влачат свои дни на грани смерти? Они скитаются по холмам и равнинам и хотят, чтобы небесный свод обрушился на них. Некогда апачи были великим народом; теперь их совсем мало, и, желая умереть, они влачат свои дни на грани смерти. Многие убиты в бою. Вы должны говорить прямо, чтобы ваши слова, подобно солнечному свету, проникали в наши сердца. Скажите мне, если дева Мария обошла всю землю, почему она никогда не входила в викиапы апачей? Отчего мы никогда не видели и не слышали ее?

У меня нет ни отца, ни матери, я один на свете. Никому нет дела до Кочиза; вот почему я не люблю жизнь и хотел бы, чтобы скалы обрушились на меня и покрыли меня. Если бы у меня были отец и мать, как у вас, я был бы с ними и они были бы со мной. Когда я бродил по свету, все искали Кочиза. Теперь он здесь - вы видите и слышите его, - довольны ли вы? Если вы довольны, так и скажите. Говорите, американцы, говорите, мексиканцы, я не хочу ничего скрывать от вас, и вы ничего не скрываете от меня. Я не буду вам лгать, и вы не лгите мне».

Когда стали обсуждать, где будет расположена резервация индейцев чирикахауа, Гранье сказал, что правительство желает перенести агентство из Канада-Аламосы в форт Тулароза в горах Моголлонс. (Возле Канада-Аламосы поселилось триста мексиканцев, требовавших земли.)

«Я хочу жить в здешних горах, - воспротивился Кочиз. - Я не хочу идти к Туларозе. Это далеко. Мухи в тамошних горах выедают глаза лошадям. Там живут дурные духи. Я пил здешние воды, и они освежили меня; я не хочу уходить отсюда».

Генерал Гранье сказал, что сделает все, что в его силах, для того чтобы убедить правительство разрешить индейцам чирикахау жить в Канада-Аламозе, где вода в ручьях чиста и прохладна. Кочиз пообещал, что его народ будет жить в мире с мексиканскими соседями, и сдержал свое обещание. Однако через несколько месяцев правительство приказало переместить всех апачей из Канада-Аламозы в форт Тулароза. Едва услышав об этом приказе, Кочиз ускользнул со своими воинами. Они разделились на небольшие группы, вновь спасаясь бегством в безводные и скалистые горы на юго-востоке Аризоны. На этот раз Кочиз решил остаться здесь. Пусть Серый Волк Крук, если ему нужно, идет вслед за ним; Кочиз будет сражаться с Серым Волком, если потребуется, вооружившись камнями, а там, если бог этого захочет, камни обрушатся на Кочиза и погребут его под собой.

В Пору Уборки Зерна (сентябрь 1872 г.) Кочизу стали приходить сообщения о том, что небольшая группа белых людей приближается к его убежищу. Они ехали на одной из небольших армейских повозок, предназначенных для перевозки раненых. Наблюдатели сообщили, что Таглито Рыжая Борода Том Джеффордс едет с ними. Кочиз давно не видел Таглито.

В былые дни, когда Кочиз и Мангас вступили в войну с «синими мундирами», Том Джеффордс подрядился возить почту между фортом Бауи и Таксоном. Воины апачей так часто устраивали засады на Джеффордса и его всадников, что тот едва не отказался от своего подряда. И вот однажды рыжебородый белый человек приехал один в лагерь Кочиза. Он спешился, отстегнул свой ремень с патронташем и отдал его вместе с оружием одной из женщин чирикахау. Не выказав никакого страха, Таглито прошел туда, где сидел Кочиз, и сел рядом с ним. После подобающей случаю паузы Таглито Джеффордс сказал Кочизу, что он лично хочет заключить с Кочизом договор, с тем чтобы он мог зарабатывать на жизнь, перевозя почту. Кочиз был озадачен. Он никогда не встречал такого белого человека. Кочизу ничего не оставалось, как отдать должное отваге Таглито, разрешив ему беспрепятственно ездить по почтовому тракту. Джеффордс и его всадники больше не попадали в засады, и много раз впоследствии высокий рыжебородый человек вновь приходил в лагерь Кочиза, где они беседовали и пили местное вино.

Кочиз понимал, что, раз Таглито со своими людьми пришел в эти горы, стало быть, они ищут его. Он послал своего брата Хуана навстречу белым людям, а сам остался вместе со своей семьей в укрытии, пока не уверился в том, что все в порядке. Затем он спустился вниз вместе со своим сыном Найче. Спешившись, он обнял Джеффордса, а тот сказал по-английски человеку с белой бородой и в пыльной одежде: «Это Кочиз». Правый рукав у бородатого человека был пуст; он походил на старого воина; и Кочиз не удивился, когда Таглито назвал его генералом. Это был Оливер Отис Говард. «Добрый день, сеньор», - сказал Кочиз, и они пожали друг другу Руки.

Один за другим подъехали воины охраны Кочиза и образовали полукруг, усевшись на одеялах, для совета с этим одноруким седобородым человеком.

«Не объяснит ли генерал цель своего визита?» - спросил Кочиз на языке апачей. Таглито перевел его вопрос.

«Великий Отец президент Грант прислал меня заключить мир между вами и белыми людьми», - сказал генерал Говард.

«Никто не желает мира сильнее, чем я», - заверил его Кочиз.

«Значит, - сказал Говард, - мы сможем заключить мир».

Кочиз сказал, что индейцы чирикахау не атаковали ни одного белого человека с тех пор, как бежали из Канада-Аламозы. «Мои лошади истощены, и их мало, - добавил он. - Я мог бы добыть больше, совершив набег на таксонскую дорогу, но я не сделал этого».

Говард предположил, что индейцы чирикахау смогут жить лучше, если согласятся перейти в большую резервацию на Рио-Гранде.

«Я бывал там, - сказал Кочиз, - и мне понравилась эта страна. Чтобы не нарушить мира, я пойду туда и возьму с собой тех из людей, кого мне удастся уговорить, однако этот переезд расколется мое племя. Почему бы не дать мне Ущелье Апачей? Дайте мне его, и я буду охранять все тамошние дороги. Я присмотрю за тем, чтобы индейцы ни у кого не отнимали имущества».

Говард удивился. «Возможно, нам удастся это сделать», - сказал он и вновь стал перечислять преимущества жизни на Рио-Гранде.

Но Кочиз потерял всякий интерес к Рио-Гранде. «Зачем запирают меня в резервацию? - спросил он. - Мы заключим мир. Мы будем честно соблюдать его. Но дайте нам возможность свободно передвигаться, подобно всем прочим американцам. Дайте нам возможность идти, куда нам хочется».

Говард пытался объяснить, что земля индейцев чирикахау не принадлежит им более, что все американцы заинтересованы в ней. «Чтобы сохранить мир, - сказал он, - мы должны установить пограничные знаки и границы».

Кочиз не мог понять, почему нельзя с тем же успехом установить границы вокруг гор Драгун-Маунтинс, как вокруг земель на Рио-Гранде. «Как долго, генерал, вы пробудете у нас? - спросил он. - Подождете ли вы, пока мои начальники придут принять участие в беседе?»

«Я пришел из Вашингтона, чтобы встретиться с вашими людьми и заключить мир, - отвечал Говард, - и пробуду здесь столько, сколько будет необходимо».

Генерал Оливер Отис Говард, пуританин из Новой Англии, окончивший военное училище Вест-Пойнт, герой битвы под Геттисбергом, потерявший руку в битве при Файр-Окс, штат Вирджиния, в течение одиннадцати дней оставался в лагере апачей и был совершенно покорен учтивостью и прямодушной простотой Кочиза. Он был очарован женщинами и детьми чирикахау.

«Я был вынужден отказаться от плана, выработанного в Аламозе, - писал он впоследствии, - и предоставить апачам, согласно предложению Кочиза, резервацию, которая включала в себя часть гор Чирикахау-Маунтинс и часть прилегающей к ним на западе долины, включавшей в себя Биг-Сальфе-Спринг и ранчо Роджерса». Был решен и еще один вопрос. По закону белого человека, в новую резервацию нужно было назначить агента. Для Кочиза это не представляло трудностей: единственным белым человеком, которому верили чирикахау, был Таглито, рыжебородый Том Джеффордс. Сначала Джеффордс возражал. У него нет опыта в таком деле и, кроме того, жалованье невелико. Кочиз настаивал до тех пор, пока Джеффордс не уступил. В конце концов, он был обязан индейцам чирикахау своей жизнью и благосостоянием.

Менее удачливы были апачи-тонто Дельшай и араваипы Эскиминзина. Дельшай предложил большому начальнику из Камп-Мак-Доуэла заключить договор в том случае, если агентство индейцев тонто будет основано в долине Сан-Флауэр-Вэлли, но никакого ответа не получил. Дельшай воспринял это как отказ. «Бог сотворил белого человека, бог сотворил апача, - сказал он, - и у апачей не меньше прав на эту страну, чем у белых людей». Он не заключил никакого договора и не получил бумаги, с которой он мог бы передвигаться по этой стране, подобно белому человеку; потому он и его воины передвигались по этой стране, подобно апачам. Это не нравилось белым людям, и в конце 1872 г. Серый Волк послал солдат в район

Тонто-Бэйзин охотиться на Дельшай и его воинов. Только к началу Поры Больших Листьев (апрель 1873 г.) в Тонто-Бэйзин пришло достаточно солдат, чтобы заманить в ловушку Дельшай и индейцев тонто. Их окружили, пули свистели рядом с их женщинами и детьми, и им пришлось поднять белый флаг.

Чернобородый солдатский вождь майор Джордж Рэндалл привел тонтов в форт Апаче, в резервацию возле Уайт-Маунтинс. В те дни Серый Волк предпочитал использовать своих солдатских вождей, а не гражданских лиц в качестве агентов резерваций. Солдатские вожди заставляли апачей носить металлические жетоны, как собак, и на этих жетонах были номера, так что теперь никто не мог ускользнуть в Тонто-Бэйзин хотя бы на несколько дней. Дельшай и остальные индейцы все больше тосковали по своим поросшим лесами и увенчанным снегом горам. В резервации всего не хватало - еды, орудий труда. Кроме того, они не ладили с индейцами койотеро, так как последние считали, что апачи вторглись в их резервацию. Но более всего тонтов удручала невозможность передвижения по стране.

Наконец в Пору Созревания (июль 1873 г.) Дельшай решил, что он больше не может выносить заключения в горах Уайт-Маунтинс, и однажды ночью бежал вместе со своими людьми. Чтобы избежать нового преследования «синих мундиров», он решил пойти в резервацию на Рио-Верде. Ответственным за эту резервацию был некий гражданский агент, и он пообещал Дельшаю, что индейцы тонто смогут жить на Рио-Верде, если не будут причинять ему неприятностей. А если они вновь убегут, их будут ловить и убивать. Вот так Дельшай и его люди стали трудиться на строительстве ранчереи на реке неподалеку от Камп-Верде.

Этим летом в агентстве возле Сан-Карлоса произошло восстание, во время которого небольшой солдатский вождь (лейтенант Джакоб Алми) был убит. Предводители тамошних апачей бежали, некоторые из них на Рио-Верде, где разбили лагерь неподалеку от ранчереи Дельшай. Узнав об этом, Серый Волк обвинил Дельшай в содействии беглецам и отправил в Камп-Верде приказ об аресте вождя индейцев тонто. Заранее предупрежденный Дельшай решил, что ему вновь следует бежать. Он не хотел потерять той последней свободы, которая у него оставалась, он не хотел, чтобы его заковали в кандалы и посадили в яму глубиной шестнадцать футов, которую солдаты вырыли в склоне каньона для заключенных индейцев. С несколькими верными сторонниками он бежал в Тонто-Бэйзин.

Он знал, что на него вскоре начнется охота. Серый Волк не успокоится, пока не выследит и не поймает Дельшай. В течение нескольких месяцев Дельшай и его люди избегали преследователей. Наконец генерал Крук решил, что не может заставлять свои войска вечно рыскать взад-вперед по Тонто-Бэйзин; только индеец из апачей сможет отыскать Дельшай. И вот генерал объявил, что заплатит вознаграждение за голову Дельшай. В июле 1874 г. два наемника-апача явились, каждый сам по себе, в штаб Крука. Каждый представил отрезанную голову, опознанную в качестве головы Дельшай. «Удовлетворившись тем, что оба верят в свою удачу, - сказал Крук, - и считая, что лишняя голова не помеха, я заплатил и тому и другому». Эти головы вместе с головами других убитых апачей были выставлены на плацах в Рио-Верде и Сан-Карлосе.

Эскиминзину и араваипам тоже нелегко далась мирная жизнь. После посещения члена комиссии Колье в 1871 г. Эскиминзин и его люди начали новую жизнь возле Камп-Гранта. Они вновь построили свои викиапы и вновь посеяли зерно. И хотя казалось, что все идет хорошо, правительство все же решило передвинуть Камп-Грант на шестьдесят миль к юго-востоку. Используя эту передислокацию как оправдание своего желания очистить долину реки Сан-Педро от индейцев, армия переместила араваипов к Сан-Карлосу, в новое агентство на реке Джиле.

Передислокация была произведена в феврале 1873 г., и араваипы начали строить новую ранчерею и засеять новые поля возле Сан-Карлоса, когда произошло восстание, в котором был убит лейтенант Алми. Ни Эскиминзин и никто из араваипов не имели никакого

отношения к этому убийству, но, поскольку Эскиминзин был вождем, Серый Волк приказал арестовать и заключить его под стражу в порядке «военной предосторожности».

Эскиминзин находился в заключении до 4 января 1874 г., когда он бежал и увел своих людей из резервации. В течение четырех холодных месяцев они скитались по незнакомым горам в поисках пищи и крова. К апрелю почти все араваипы были больны и голодали. Чтобы не дать им умереть, Эскиминзин вернулся в Сан-Карлос и разыскал тамошнего агента.

«Мы не сделали ничего дурного, - сказал он. - Но мы боялись, вот почему мы бежали. Теперь мы вернулись. Если бы мы остались в горах, мы умерли бы от голода и холода. Если американские солдаты убьют нас здесь, мы ничего не потеряем. Мы больше не убежим».

Как только агент сообщил о возвращении араваипов, армейские власти приказали арестовать Эскиминзина и подчиненных ему вождей, сковать их одной цепью, чтобы они не могли бежать, и доставить как военнопленных в новое расположение Камп-Гранта.

«Что я сделал?» - спросил Эскиминзин солдатского вождя, пришедшего арестовать его.

Вождь солдат не знал, что ответить - арест был «военной предосторожностью».

В новом Камп-Гранте Эскиминзина и его младших вождей держали скованными одной цепью, пока они делали кирпичи для новых гарнизонных построек. Ночью они спали в цепях на земле, а пища, которой их кормили, была признана непригодной для солдат.

В один из дней этого лета некий молодой человек приехал увидеться с Эскиминзином и сообщил ему, что он новый агент из Сан-Карлоса. Это был Джон Клам. Он сказал, что араваипам в Сан-Карлосе необходим вождь, чтобы руководить ими. «Почему вы под стражей?» - спросил Клам.

«Я ничего не сделал, - ответил Эскиминзин. - Возможно, белые люди оговорили меня. Я всегда старался поступать как следует».

Клам сказал, что он договорится о его освобождении, если Эскиминзин пообещает ему помочь в улучшении состояния дел в Сан-Карлосе.

Через два месяца Эскиминзин вернулся к своему народу. Вновь будущее представлялось светлым, но вождь араваипов был достаточно умен, чтобы не питать слишком больших надежд. С тех пор как пришли белые люди, он никогда не был уверен, найдет ли он место, где постелить себе одеяло; будущее араваипов было весьма неопределенным.

Весной 1874 г. Кочиз тяжело заболел вследствие истощения. Том Джеффордс, агент чирикахуа, привез из форта Бауи хирурга, чтобы тот обследовал его старого друга, но хирург не смог поставить диагноз. Его предписания не помогли, и мускулистое тело великого предводителя апачей таяло на глазах.

В это время правительство решило, что удастся сэкономить деньги, объединив агентство индейцев чирикахуа с новым агентством возле Хот-Спрингса в Нью-Мексико. Когда чиновники прибыли обсудить этот вопрос с Кочизом, он сказал им, что ему нет дела до этого перемещения, ибо он будет мертв прежде, чем двинется с места. Подчиненные ему вожди и его сыновья, однако, резко протестовали, заявив, что, если агентство и будет перемещено, они туда не пойдут. Они сказали, что даже у Соединенных Штатов не достанет войск, чтобы переместить их, ибо они скорее умрут в своих горах, чем согласятся жить в Хот-Спрингсе.

После того как чиновники уехали, Кочиз настолько ослаб и так страдал от сильных болей внутри, что Джеффордс решил скакать в форт Бауи за хирургом. Когда он готовился к отъезду, Кочиз спросил: «Думаешь ли ты, что еще раз увидишь меня живым?» Джеффордс ответил с прямою брата: «Нет, не думаю». «Мне кажется, я умру около десяти часов завтра утром. Думаешь ли ты, что мы еще раз увидимся?»

Джеффордс с минуту помолчал. «Не знаю. Что ты сам думаешь?» «Не знаю, - ответил Кочиз. - Мне это не совсем ясно, но я думаю, мы увидимся где-нибудь там, наверху».

Кочиз умер до того, как Джеффордс вернулся из форта Бауи. Через несколько дней Джеффордс объявил индейцам чирикахуа, что, по его мнению, ему пора покинуть их. Они не хотели и слышать об этом. Сыновья Кочиза, Таза и Найче, особенно настаивали на том, чтобы Джеффордс остался. Они говорили, что, если Таглито покинет их, договор и соглашение между Кочизом и правительством ничего не будут стоить. Джеффордс обещал остаться.

К весне 1875 г. большинство групп апачей было или заключено в резервации, или бежало в Мексику. В марте армейское командование перевело генерала Крука из Аризоны на реку Платт. Индейцы сиу и шайены, которые выносили тяготы жизни в резервации дольше, чем апачи, все чаще бунтовали.

Вынужденный мир воцарился среди пустынь, горных пиков и плоскогорий страны апачей. Как это ни странно, но продолжительность этого мира в основном зависела от терпеливых усилий двух белых людей, завоевавших уважение апачей, всего лишь признав в них людей, а не кровожадных дикарей. Агностик Том Джеффордс и Джон Клам, принадлежавший к голландской реформатской церкви, были, однако, настроены оптимистически, но, будучи достаточно умными людьми, они не ожидали слишком многого. Для всякого белого человека на Юго-западе, защищавшего права апачей, будущее было весьма неопределенным.

Х. ТЯЖКИЕ ИСПЫТАНИЯ КАПИТАНА ДЖЕКА

Я всего лишь один человек. Я лишь глас моего народа. Я говорю то, что в сердцах моих людей. Я больше не хочу войны. Я хочу быть человеком. Вы отказали мне в правах белого человека. Моя кожа красна; мое сердце бело, как сердце белого человека; но я - модок. Я не боюсь умереть. Я не рухну на камни. Когда я умру, я обрушусь на моих врагов. Ваши солдаты набросились на меня, когда я спал у Лост-Ривер. Они гнали нас до этих скал подобно тому, как гонят раненого оленя... Я и прежде говорил белому человеку, чтобы он приходил и селился в моей стране; это его страна и страна Капитана Джека. Я говорил, что белые могут прийти и жить здесь рядом со мной и что я не сержусь на них. Я никогда ничего не получал ни от кого из них - только то, что купил, за что заплатил сам. Я жил, подобно белому человеку, и хотел такой жизни. Я всегда старался жить мирно и никогда никого ни о чем не просил. Я всегда жил тем, что мне удавалось убить из своего ружья или поймать в свои капканы.

Кинтпуаш (Капитан Джек), из модоков

Калифорнийские индейцы были мягки, как мягок климат, в котором они жили. Испанцы давали им имена, присылали к ним миссионеров, обращали в христианство и развращали их. Племенная организация у калифорнийских индейцев была неразвита; в каждом селении были свои предводители, но у этого невоинственного народа никогда не было великих боевых вождей. После того как в 1848 г. в Калифорнии обнаружили золото, белые люди со всего света хлынули туда тысячами, забирая все, что им хотелось, у покорных индейцев, унижая тех, кого испанцы еще не успели унижить, а затем систематически истребляя все население, о котором теперь никто не помнит. Никто не помнит теперь чилулов, чимариков, уребуров, нипевайев, алонов и сотни других племен, чьи кости лежат под миллионами миль автострад, автомобильными стоянками и участками массовых застроек.

Единственной надеждой неспособных к сопротивлению индейцев Калифорнии были модоки, жившие в более суровых климатических условиях на озере Туле, на границе штата Орегон. До 1850 г. модоки почти не знали белых людей; когда белые люди стали приходить толпами и захватывать лучшие земли, они ожидали от модоков кроткого подчинения. Но модоки оказали вооруженное сопротивление, и захватчики попытались истребить их. Модоки в ответ стали мстить, устраивать засады.

В это время молодой модок по имени Кинтпуаш вступил в пору зрелости, он не понимал, отчего модоки и белые люди не могут жить вместе, не пытаясь убить друг друга. Земля вокруг озера Туле безгранична, как небо, на ней довольно для всех оленей, антилоп, уток, гусей, рыбы и съедобных луковиц лилии камес. Кинтпуаш бранил своего отца за то, что тот не заключает мира с белыми людьми. Отец, который был вождем модоков, говорил Кинтпуашу, что белые люди вероломны и что, лишь изгнав их, можно рассчитывать на мир с ними. Вскоре отец был убит в схватке с белыми поселенцами, и Кинтпуаш стал вождем модоков.

Кинтпуаш отправился в поселение, чтобы найти белых людей, которым он мог бы довериться, с тем чтобы заключить с ними мир. В Иреке он встретился с несколькими хорошими людьми, и вскоре все модоки стали приходить туда торговать. «Я всегда говорил белым людям, когда они приходили в мою страну, - рассказывает Кинтпуаш, - что, если они хотят иметь дом, чтобы жить здесь, они могут его получить, и я никогда не спрашивал с них никакой платы за то, что они живут здесь, подобно моим людям. Я был рад их приходу и соседству. Мне нравилось жить рядом с белыми людьми». Молодому вождю также нравилась одежда, которую носили белые, их дома, фургоны и прекрасные домашние животные.

Белые люди, жившие вокруг Иреки, давали посещавшим их индейцам имена, которые казались модокам забавными, и они часто употребляли их между собой. Так, Кинтпуаш назывался Капитаном Джеком. Были еще Лодка Джим, Пароход Франк, Чарли Со Шрамом, Чарли Бостонец, Курчавый Доктор, Бездельник Джим, Джим Из Шончина. Муж Эллин.

Во время Гражданской войны белых людей между модоками и поселенцами начались неприятности. Если модоку не удавалось найти оленя, чтобы убить его для своей семьи, он иногда убивал корову, принадлежавшую фермеру, или, если ему нужна была лошадь, он мог позаимствовать ее на пастбище поселенца. Белые друзья модоков оправдывали такие действия индейцев, считая их своего рода «налогом», которым те облагают поселенцев, пользующихся их землей, но большинству поселенцев это не нравилось, и через своих политических представителей они добивались заключения такого договора, по которому модоки будут перемещены из окрестностей озера Туле.

Члены комиссии обещали Капитану Джеку и другим влиятельным индейцам, что, если модоки переместятся на север в резервацию на земле штата Орегон, каждая семья получит там в собственность землю, упряжки лошадей, фургоны, сельскохозяйственный инвентарь, орудия труда и пищу - все это будет обеспечено правительством. Капитан Джек хотел, чтобы его земля была поблизости от озера Туле, но члены комиссии не соглашались на это. С некоторой неохотой Джек подписал этот договор, и модоки отправились на север в резервацию Кламат. С самого начала стали происходить неприятности. Резервация находилась на территории индейцев кламат, и кламаты восприняли приход модоков как вторжение. Как только модоки срубили лес для того, чтобы огородить выделенную им под фермы землю, кламаты стали красть лес. Никаких припасов, обещанных правительством, не доставлялось; агент резервации отпускал пищу и одежду кламатам, но у него, как выяснилось, ничего не было для модоков. (Великий совет в Вашингтоне не одобрил ассигнований на покупку припасов для модоков.)

Когда Капитан Джек увидел, что его народ голодает, он увел своих людей из резервации. Они спустились в долину Лост-Ривер, где когда-то жили, зайдя туда однажды в поисках дичи, рыбы и луковиц лилии камес. Однако белые фермеры, жившие в этой долине, не хотели иметь соседями модоков и часто жаловались на них правительственным чиновникам. Капитан Джек предупреждал своих людей, чтобы они держались подальше от белых, но индейцам, которых было триста человек, трудно было оставаться невидимыми. В течение лета 1872 г. Бюро по делам индейцев предупредило Капитана Джека о необходимости вернуться в резервацию Кламат. Джек ответил, что его народ не может жить с индейцами кламат. Он просил выделить модокам резервацию где-нибудь в долине Лост-Ривер - исконной земле модоков.

Бюро по делам индейцев признало эту просьбу разумной, но фермеры были против предоставления индейцам какой-либо части этих богатых пастбищ. Осенью 1872 г. правительство приказало модокам вернуться в резервацию Кламат. Джек отказался идти. Армии было приказано переместить модоков силой. 28 ноября 1872 г. под ледяным дождем майор Джеймс Джексон с тридцатью восемью солдатами первого кавалерийского полка вышел из форта Кламат и двинулся на юг, в направлении Лост-Ривер.

Перед самым рассветом кавалеристы прибыли к лагерю модоков. Они спешили и с карабинами наперевес окружили вигвамы. Чарли Со Шрамом и еще несколько мужчин вышли из вигвамов с оружием. Майор Джексон хотел видеть вождя, и, когда Капитан Джек появился, майор передал ему приказ Великого Отца отвести модоков назад в резервацию Кламат.

«Хорошо, я пойду, - сказал Капитан Джек. - Я возьму с собой всех своих людей, но я не верю ничему из того, что вы, белые люди, говорите мне. Вот вы пришли сюда к моему лагерю, когда было темно. Вы напугали меня и всех моих людей, поступив так. Я не убегу от

вас. Но приходите ко мне, как подобает мужчинам, если вы хотите видеть меня и говорить со мной».

Майор Джексон сказал, что он не собирается причинять здесь кому-либо зла. Затем он приказал Джеку собрать своих людей перед строем солдат. Как только это было сделано, майор указал на заросли полыни в конце шеренги солдат. «Положи туда свое ружье», - приказал он.

«Зачем?» - спросил Джек.

«Ты - вождь. Ты положишь свое ружье, и все твои мужчины поступят так же. Положи ружье, и все будет в порядке».

Капитан Джек колебался. Он знал, что его мужчины не захотят отдавать свое оружие. «Я никогда еще не сражался с белыми людьми, - сказал он, - и я не хочу с ними сражаться».

Майор настаивал на сдаче оружия. «Я никому не позволю причинить вам вреда», - пообещал он.

Капитан Джек положил свое ружье в полынь и дал знак остальным сделать то же самое. Индейцы подходили один за другим, складывая в кучу свои винтовки. Последним был Чарли Со Шрамом. Он положил свою винтовку поверх груди, но оставил свой пистолет за поясом.

Майор приказал ему сдать пистолет. «У вас моя винтовка», - ответил Чарли.

Майор крикнул лейтенанту Фразье Бателю: «Разоружить его!» «Отдай пистолет, черт побери, живо!» - приказал Батель, выступив вперед.

Чарли рассмеялся. Он сказал, что он не собака, на которую можно кричать.

Батель выхватил свой револьвер: «Сукин сын, я покажу тебе, как пререкаться со мной!»

Чарли повторил, что он не собака, прибавив, что он оставит пистолет у себя³.

Как только Батель направил на него револьвер, Чарли быстро выхватил свой пистолет из-за пояса. Оба выстрелили одновременно. Пуля модока порвала рукав мундира лейтенанта. Чарли остался невредим. Нагнувшись к груде оружия, он схватил свою винтовку, лежавшую сверху, и все воины-модоки последовали его примеру. Джексон приказал солдатам открыть огонь. В течение нескольких секунд шла бойкая перестрелка, а затем солдаты отступили, оставив на поле боя одного убитого и семерых раненых.

В это время женщины и дети модоков на своих выдолбленных из стволов дерева челноках уже плыли на юг к озеру Туле. Капитан Джек и его воины последовали за ними вдоль берега, укрываясь в густых камышах. Они направлялись к легендарному убежищу модоков, расположенному к югу от озера Туле - Калифорния-Лава-Бедс.

Местность, носившая это название, представляла собой землю, покрытую застывшей лавой, всю изрезанную расщелинами, впадинами и трещинами. Некоторые расщелины достигали ста футов в глубину. Та впадина, которую Капитан Джек избрал своей цитаделью, была кратерообразным углублением, окруженным сетью естественных рвов и брустверов из вулканической породы. Капитан Джек знал, что в случае необходимости горстка его воинов сможет отбиться здесь от целой армии, но он надеялся, что солдаты теперь оставят их в покое. Наверняка белые люди не позарятся на эти бесплодные камни.

Когда майор Джексон подошел к лагерю Капитана Джека, небольшая группа модоков, предводительствуемая Лодкой Джимом, стояла лагерем на противоположном берегу Лост-Ривер. Ранним утром этого дня, в то время как Капитан Джек бежал со своими людьми к Лава-Бедс, он услышал ружейную стрельбу в том направлении, где был лагерь Лодки Джима. «Я убежал и не хотел сражаться, - рассказывал Капитан Джек впоследствии. - Они

убили несколько моих женщин и мужчин. Я не остановился и не выяснил, что случилось, я оставил их и ушел. У меня было очень мало людей, и я не хотел сражаться».

День или два Капитан Джек ничего не мог разузнать о том, что произошло с людьми Лодки Джима. Потом неожиданно в цитадели появился сам Лодка Джим. С ним были Курчавый Доктор, Чарли Бостонец и еще двенадцать модоков. Они рассказали Джеку, что, в то время как солдаты пришли в его лагерь, несколько поселенцев подошли к стоянке Лодки Джима и начали стрелять в его людей. Эти белые выстрелом убили ребенка из рук матери, убили одну старуху и ранили нескольких мужчин. По дороге к Лава-Бедс Лодка Джим и его воины решили отомстить за смерть своих людей. Проходя мимо уединенных ферм, встретившихся им по пути, они убили двенадцать поселенцев.

Сначала Джек подумал, что Лодка Джим попросту хвастает, однако остальные подтвердили его слова. Когда они перечислили имена убитых белых людей, Джек не поверил своим ушам. Некоторых из поселенцев он знал и доверял им. «За что вы убили этих людей? - спрашивал он. - Я никогда не желал, чтобы вы убивали моих друзей. Вы ответите за то, что вы сделали».

Теперь Капитан Джек наверняка знал, что солдаты придут; даже на огромном пространстве Лава-Бедс они разыщут его, чтобы отомстить. И поскольку он является вождем модоков, ему придется отвечать за преступления Лодки Джима и его людей.

Солдаты пришли только в Месяце Льда. 13 января 1873 г. модоки, охранявшие внешнее кольцо обороны, увидели, как дозор «синих мундиров» приближается к утесу, господствовавшему над Лава-Бедс. Модоки отогнали их, несколько раз выстрелив с дальнего расстояния. Через три дня отряд из 225 солдат регулярной армии, поддерживаемый 104 добровольцами из Орегона и Калифорнии, как привидение возник в тумане зимнего вечера. Они заняли позиции вдоль горных хребтов напротив цитадели Капитана Джека и с наступлением темноты начали раскладывать костры из сухой полыни, чтобы не замерзнуть. Военные власти надеялись, что модоки, увидев силу, направленную против них, возможно, опомнятся и сдадутся.

Капитан Джек предпочитал сдачу. Он знал, что солдатам больше всего нужны те модоки, которые убили поселенцев, и он скорее был готов вместе с ними предать свою жизнь в руки солдатских вождей, нежели пожертвовать жизнью своего народа в кровавой битве.

Лодка Джим, Курчавый Доктор и те, кто убивал поселенцев, были против сдачи, и они принудили Капитана Джека собрать совет и проголосовать за то, какие действия следует предпринять племени. Только 14 воинов из 51, находившегося в цитадели, хотели сдаваться. 37 воинов проголосовали за то, чтобы сражаться с солдатами насмерть.

Перед рассветом 17 января они услышали звук солдатских горнов, эхом прокатившийся по покрытым туманом пространствам Лава-Бедс. Чуть позже звук гаубиц возвестил о начале атаки «синих мундиров». Модоки были готовы к встрече с ними. Покрыв для маскировки головы полынью, индейцы стали двигаться взад-вперед по расщелинам, поражая солдат атакующей шеренги.

В середине дня атаковавшие солдаты растянулись более чем на милю, их коммуникации были сильно затруднены из-за тумана и пересеченной местности. Держась в укрытии, модоки быстро перемещались вдоль передовой линии, создавая иллюзию численного превосходства. Когда группа солдат подошла близко к цитадели, модоки сконцентрировали огонь на ней, женщины стреляли вместе с воинами. В конце дня Джек и Муж Эллин повели индейцев в контратаку и отогнали солдат, оставивших немало убитых и раненых на поле боя. Перед самым закатом туман рассеялся, и модоки увидели, как солдаты отступают в свой лагерь на горном кряже. Там, где лежали убитые «синие мундиры», воины обнаружили девять карабинов и шесть ремней с патронташами. При дальнейших поисках были найдены еще боеприпасы и несколько пайков, брошенных убежавшими солдатами.

Когда стемнело, модоки разложили большой костер и стали праздновать победу. Никто не был убит в этом бою, и никто не был серьезно ранен. Индейцы захватили достаточно винтовок и боеприпасов, чтобы можно было сражаться на следующий день. Назавтра они были готовы к атаке, но пришли лишь несколько солдат с белым флагом. Солдаты хотели получить своих убитых, а к вечеру все они ушли с горного кряжа.

Полагая, что «синие мундиры» должны вернуться, Капитан Джек далеко высылал своих разведчиков для наблюдения за ними. Но дни шли за днями, а солдаты не приближались. ("Мы вели боевые действия против индейцев на всем пространстве Лава-Бедс вплоть до их цитадели, - рапортовал командир атаковавшего отряда, - расположенной в центре протянувшихся на много миль скалистых расщелин, впадин, трещин, завалов и оврагов... Тысяча солдат потребуется для того, чтобы вытеснить индейцев с их почти неприступных позиций, и делать это следует осторожно, с достаточно сильной батареей мортир... Прошу как можно скорей выслать мне триста человек пехоты».)

28 февраля двоюродная сестра Капитана Джека, Винема, пришла в Лава-Бедс. Винема была замужем за белым человеком по имени Франк Риддл, и последний еще с тремя белыми людьми сопровождал ее. Эти люди дружили с модоками в те времена, когда индейцы свободно посещали Иреку. Винема была веселой, энергичной, круглолицей молодой женщиной, и она теперь называла себя Тоби Риддл. Она переняла обычаи своего мужа, однако Джек доверял ей. Винема сообщила ему, что привела белых людей, которые хотят говорить с ним, и что они собираются провести ночь в цитадели, доказав тем свое дружеское расположение. Джек заверил ее, что они желанные гости и что ни одному из них не будет причинено никакого вреда.

На последовавшем совете белые люди объяснили, что Великий Отец в Вашингтоне прислал несколько членов индейской комиссии, которые хотели говорить о мире. Великий Отец надеется избежать войны с модоками и хочет, чтобы модоки пришли и договорились с членами комиссии о том, как избежать войны. Члены комиссии ожидают их на ферме Фейрчайлда, неподалеку от Лава-Бедс. Когда модоки спросили о том, что ожидает группу Лодки Джима за убийство орегонских поселенцев, им ответили, что если виновные сдадутся, то на них, как на военнопленных, не будут распространяться законы штата Орегон. Их увезут очень далеко и поселят где-нибудь в теплых краях на индейских территориях Аризоны.

«Возвращайтесь и скажите членам комиссии, - ответил Джек, - что я охотно выслушаю их на совете и посмотрю, что они смогут предложить мне и моему народу. Скажите им, пусть придут увидеть меня или пусть придут за мной. Я пойду на свидание с ними, если они защитят меня от моих врагов, пока я буду держать совет о заключении мира».

На следующее утро посетители ушли. Винема обещала сообщить Джеку о времени и месте совета. В тот же день Лодка Джим и его последователи тайно ушли на ферму Фейрчайлда, разыскали там членов комиссии и заявили, что они желают сдаться как военнопленные.

Членами комиссии были Альфред Мичэм, бывший агент модоков в Орегоне, Элизар Томас, калифорнийский священник, и Л. С. Дайер, младший агент из резервации Кламат. Общие наблюдения за деятельностью комиссии осуществлял командовавший войсками, собранными вокруг Лава-Бедс, генерал Эдвард Кэнби - тот самый Звездный Вождь Кэнби, который сражался и заключал мир с навахами Мануэлито двенадцать лет назад в Нью-Мексико (см. главу II).

Когда модоки Джима явились в штаб-квартиру Кэнби с поразительным объявлением о сдаче в плен, генерал был так обрадован, что поспешил отправить телеграмму Великому Воину Шерману в Вашингтон, уведомляя последнего о том, что война с модоками окончена, и прося инструкций относительно того, куда и когда ему следует отправить этих военнопленных.

Кэнби был так возбужден, что не удосужился взять под стражу Лодку Джима и восьмерых его сторонников. Модоки забрели в военный лагерь, чтобы поближе разглядеть солдат, которые теперь будут защищать их от граждан Орегона. Во время своих блужданий они столкнулись с одним орегонским жителем, который узнал их и пригрозил арестом за убийство поселенцев на Лост-Ривер. Он сказал, что губернатор штата Орегон требует их крови и что, как только они попадут в руки губернатора, их по закону повесят.

При первой же возможности Лодка Джим и его группа вскочили на своих коней и поскакали что было мочи обратно в Лава-Бедс. Они предупредили Капитана Джека о том, что ему не следует ходить на ферму Фейрчайлда и встречаться с членами комиссии; этот предполагаемый совет - всего лишь ловушка, для того чтобы схватить модоков, отправить их обратно в Орегон и там повесить.

В последующие дни, по мере того как Винема и Франк Риддл приносили новые сообщения, подозрения модоков Лодки Джима подтвердились. Давление из Орегона заставило генерала Кэнби и членов комиссии отказаться от своего предложения об амнистии для группы Лодки Джима. Однако Капитан Джек и остальные модоки Могли свободно прийти и сдаться - им гарантировалась защита.

Теперь перед Капитаном Джеком встала классическая дилемма. Если он оставит людей Лодки Джима, он сможет спасти своих людей. Но Лодка Джим пришел под его защиту, под защиту вождя модоков.

6 марта с помощью своей сестры Мэри Джек написал письмо членам комиссии, и сестра доставила это письмо на ферму Фейрчайлда. «Сотрем и смоем кровь, и пусть не будет больше крови, - писал Капитан Джек. - Мне совсем не по душе были эти убийства. У меня очень мало людей, и я не представляю, как я смогу выдать воинов Лодки Джима. Выдадут ли белые солдат, убивавших моих людей, пока те спали? Я никогда не требовал выдачи убийц моего народа... Положим, я дам убить своего коня, но как я дам повесить своих людей? Я дам убить своего коня и не буду оплакивать его но, если я выдам своих людей, мне придется оплакивать их».

Однако Кэнби и члены комиссии все еще настаивали на встрече с Капитаном Джеком, желая убедить его в том, что война для его народа будет иметь худшие последствия, чем выдача убийц. Хотя Великий Воин Шерман советовал Кэнби использовать солдат против модоков, с тем чтобы «для них не нужно было никакой резервации, кроме могил на избранной ими земле Лава-Бедс», генерал терпеливо воздерживался от такого шага⁹.

21 марта Капитан Джек и Чарли Со Шрамом увидели, как Кэнби с небольшим эскортом кавалеристов въехал на крыж напротив их цитадели. Джек не знал, как расценить их решимость. Он расположил своих воинов среди скал и наблюдал за отделившимся от эскорта всадником, скакавшим к цитадели. Это был армейский хирург; он предложил неофициальную встречу между Капитаном Джеком и генералом Кэнби. Через несколько минут они беседовали. Кэнби заверил Джека в том, что, если тот выведет своих людей из Лава-Бедс, к ним отнесутся хорошо, им дадут пищу, одежду и много подарков. В ответ Джек спросил Кэнби, почему тот не захватил с собой что-нибудь из перечисленных вещей, раз он может так много дать модокам. Кроме того, Джек спросил у Кэнби, почему тот не уводит своих солдат. Все, чего хотят модоки, - это чтобы их оставили в покое.

Во время этой короткой встречи ни Джек, ни Кэнби ни разу не упомянули отряд Лодки Джима и убийство поселенцев. Джек ничего не обещал; он хотел выждать и посмотреть, каков будет следующий шаг Кэнби.

Кэнби сделал следующий шаг: он пополнил свои войска и расположил их с двух сторон цитадели модоков. Части первого кавалерийского полка и двадцать первого пехотного полка, поддержанные частями четвертой артиллерийской бригады, расположились в Лава-Бедс на расстоянии, с которого можно было нанести удар по индейцам.

2 апреля Капитан Джек отправил послание членам комиссии. Он хотел встретиться с ними на полпути между ближайшим солдатским лагерем и его цитаделью. В тот же день Кэнби, Мичэм, Томас и Дайер вместе с Винемой и Франком Риддлом выехали в скалистую впадину, находившуюся под солдатским лагерем, разбитым на кряже. Джек, Лодка Джим и еще несколько модоков ожидали их там; они привезли с собой своих женщин в доказательство мирных намерений. Джек приветствовал Мичэма как старого друга, но довольно раздраженно обратился к Кэнби, спросив, зачем тот подвел своих солдат так близко к цитадели модоков.

Кэнби пытался отмахнуться от этого вопроса, сказав, что перевел свою штаб-квартиру ближе к штаб-квартире Джека для того, чтобы им было легче встречаться на советах, что солдаты необходимы для обеспечения безопасности самого Джека. Джек не принял объяснений Кэнби. Он потребовал, чтобы солдаты были выведены из Лава-Бедс и отправлены домой. Затем он коснулся щекотливого вопроса о группе Лодки Джима. Джек сказал, что впредь не может быть и речи о сдаче в том случае, если с людьми Лодки Джима не будут обращаться так же, как с остальными модоками. Кэнби отвечал, что армейское командование должно решить, куда им идти и как с ними поступить; он не мог обещать никакой амнистии убийцам поселенцев.

Пока они говорили, темные тучи заволокли небо над Лава-Бедс и пошел холодный дождь. Кэнби сказал, что под таким дождем невозможно разговаривать. «Вы одеты лучше, чем я, - насмешливо ответил Джек, - но я не снег и не растаю». Кэнби не обратил внимания на слова Джека, но пообещал поставить палатку для следующей встречи.

На следующее утро Кэнби послал нескольких солдат поставить палатку для совета. Они установили ее не в скалистой впадине, а на поросшей полыньей равнине, которая целиком была в поле зрения солдат и их грозных батарей.

Через два дня Джек отправил послание Альфреду Мичэму, в котором заявил, что желает встретиться с ним и со своим старым другом Джоном Фейрчайлдом, владельцем соседней фермы. Джек оговорил в качестве особого условия, что они не приведут с собой генерала Кэнби и священника Томаса. Мичэм и Фейрчайлд были смущены этой просьбой, однако отправились к палатке для советов вместе с Винемой и Франком Риддлом. Модоки ждали их, и Джек тепло приветствовал белых людей. Он объяснил, что он не верит Кэнби, потому что тот носит синюю форму и слишком много говорит о своей дружбе с индейцами; правда не звучит в его речах, ибо он все ближе подводит своих солдат к Лава-Бедс. Что до священника Томаса, то он - святоша, и его магия противоречит верованиям модоков. «Теперь мы можем говорить, - сказал Джек. - Я знаю тебя и Фейрчайлда. Я знаю ваши сердца». Далее он объяснил, как солдаты вынудили его бежать с Лост-Ривер и укрыться в Лава-Бедс. «Дайте мне дом на Лост-Ривер, - умолял Джек. - Я позабочусь о своем народе. Я никого не прошу помогать мне. Мы сами проживем. Дайте нам такую же возможность, какой обладают все люди».

Мичэм указал на то, что Лост-Ривер находится в Орегоне, там, где модоки пролили кровь белых поселенцев. «Эта кровь всегда будет между вами и белыми людьми», - сказал член комиссии.

Несколько минут Джек молчал. «Я расслышал твои слова, - сказал он. - Дайте мне дом в Лава-Бедс. Я смогу жить здесь; уведите ваших солдат, и мы все уладим. Никому не понадобятся здешние скалы; дайте мне дом здесь».

Мичэм ответил, что индейцы не обретут мира в Лава-Бедс, если они не выдадут людей, совершивших убийство на Лост-Ривер. Он обещал, что на суде с ними поступят честно.

«Кто будет судить их? - спросил Джек. - Белые люди или индейцы?»

«Конечно же, белые люди», - признал Мичэм.

«В таком случае выдадите ли вы людей, убивавших индейских женщин и детей на Лост-Ривер, на суд модоков?»

Мичэм отрицательно покачал головой: «Закон модоков мертв; закон белого человека правит ныне в этой стране; не может быть двух законов одновременно».

«Будете ли вы судить людей, стрелявших в мой народ? - продолжал спрашивать Джек. - Будете ли вы их судить по своему собственному закону?»

Мичэм понимал, что Капитан Джек сам знает, что это невозможно. «Закон белого человека правит этой страной, - повторил он. - Индейский закон мертв».

«Законы белого человека хороши для белых людей, - сказал Джек, - но им безразличны индейцы. Нет, друзья мои, я не могу дать повесить этих юношей. Я знаю, они поступили дурно - их кровь была дурной... Но не они начали первыми... Белые люди начали первыми... Нет, я не выдам моих юношей. Уводите солдат, и все неприятности прекратятся».

«Нельзя увести солдат, - возразил Мичэм, - пока вы остаетесь в Лава-Бедс».

Схватив руку Мичэма, Джек спросил умоляюще: «Скажите мне, мой друг, что мне делать? Я не хочу сражаться».

«Единственный способ заключить мир - это выйти из скал, - прямо ответил Мичэм. - Никакого мира не будет, пока вы остаетесь в Лава-Бедс».

«Вы предлагаете мне выйти и отдаться вам в руки, - воскликнул Джек. - Я не могу этого сделать. Я боюсь - нет, не я боюсь, но мой народ боится. Я - глас моего народа... Я - модок. Я не боюсь смерти. Я покажу ему, [Кэнби], как могут умирать модоки».

И Мичэм, и Джек понимали, что говорить больше не о чем. Мичэм предложил Джеку вернуться вместе с ним в военный лагерь и продолжить переговоры вместе с Кэнби и остальными членами комиссии, но Джек отказался, он сказал, что ему нужно сначала посоветоваться со своим народом и что он даст знать членам комиссии, будет ли продолжена беседа».

Когда Мичэм сообщил генералу Кэнби о том, что Капитан Джек ни за что не выдаст группу Лодки Джима и потому никогда не отдаст цитадель Лава-Бедс без боя, Кэнби решил дать модокам, желающим покинуть цитадель, еще одну возможность сделать это. На следующий день он послал Винему уведомить Джека о том, что все желающие сдать, могут пойти вместе с Винемой.

Пока Винема ждала, Капитан Джек созвал совет. Всего одиннадцать модоков проголосовали за то, чтобы принять предложение Кэнби. Лодка Джим, Джон Из Шончина и Курчавый Доктор - все резко высказались против сдачи, обвинив Кэнби и членов комиссии в замышлении предательства. Совет закончился тем, что сторонники Лодки Джима пригрозили убить всякого модока, который попытается сдать.

В тот вечер, когда Винема скакала обратно в штаб-квартиру Кэнби, молодой модок по имени Веум, приходившийся Винеме родственником, остановил ее на тропе, едва она отъехала от цитадели. Он сказал, чтобы она больше не приходила в цитадель и чтобы она передала своим белым друзьям, что они не должны больше встречаться на советах с модоками. Он сказал, что сторонники Лодки Джима собираются убить всех, кто против них. Винема прискакала в солдатский лагерь, но побоялась передать это предупреждение кому-нибудь, кроме своего мужа. Франк Риддл, однако, немедленно отправился в штаб-квартиру сообщить членам комиссии об этом предупреждении. Ни один из них не усмотрел в нем ничего, кроме пустых слов, сказанных в гневе.

Однако в Лава-Бедс гневные слова против миротворцев звучали все громче. В ночь на 7 апреля Лодка Джим и его сторонники решили выяснить свои отношения с вождем. Некоторые из них считали, что Джек готов предать их.

Джон Из Шончина открыл совет горькими словами: «Много раз белые люди ловили меня в западню и обманывали меня. Я не намерен вновь оказаться в дураках». Он обвинил мирную комиссию в надувательстве, в попытке выиграть время, пока армейское командование не пришлет еще больше солдат и пушек. «Когда им покажется, что у них достаточно людей, они кинутся на нас и не оставят в живых ни души».

Следующим говорил Черный Джим: «Прежде всего я не желаю, чтобы солдаты заманили меня в ловушку и пристрелили как собаку. Я хочу убить предназначенного мне человека прежде, чем они схватят меня». Затем он предложил убить членов мирной комиссии во время следующего совета с ними.

Когда Капитан Джек увидел, как далеко зашли говорившие в своих речах, он попытался убедить их в том, что они неправы. Он просил дать ему время договориться с членами комиссии, попытаться спасти Лодку Джима и его людей, а заодно добыть хороший участок земли под резервацию. «Я прошу вас только вести себя разумно и ждать».

Черный Джим обвинил Джека в слепоте: «Неужели ты не видишь, что солдаты прибывают почти каждый день? Или ты не знаешь, что последняя партия солдат привезла с собой большие пушки, стреляющие пулями величиной с твою голову? Члены комиссии собираются заключить с тобой мир, сняв тебе голову из такой вот большой пушки». Другие ораторы поддерживали доводы Черного Джима: «Твои слова бесполезны. Мы обречены. Будем сражаться, чтобы поскорее умереть. Все равно мы должны умереть».

Понимая, что бесполезно продолжать разговор, Джек повернулся, чтобы покинуть совет, но Черный Джим остановил его: «Если ты - наш вождь, обещаю нам, что ты убьешь Кэнби при следующей встрече».

«Я не могу этого сделать, и я не сделаю этого».

Лодка Джим, до тех пор молча наблюдавший, теперь выступил навстречу своему вождю. «Ты убьешь Кэнби или будешь убит сам. Ты убьешь его или будешь убит своими людьми».

Джек понимал, что это вызов ему как вождю, однако он сдерживал свой гнев. «Почему ты хочешь, чтобы я поступил подобно трусу?»

«Это не малодушный поступок, - резко возразил Лодка Джим. - Нужна отвага, чтобы убить Кэнби на глазах у всех его солдат».

Отказавшись что-либо обещать, Джек вновь поднялся, чтобы покинуть совет. Один из людей Лодки Джима набросил ему на плечи шаль и женский головной убор, злобно насмехаясь над ним: «Ты - женщина, женщина с рыбьим сердцем. Ты - не модок. Мы отрекаемся от тебя».

Чтобы удержать свою власть, чтобы выиграть время, Джеку следовало говорить. «Я убью Кэнби», - сказал он и, оттолкнув воинов, один прошел в свою пещеру.

Винема не принесла никаких вестей ни на следующий день, ни через день, и вот Чарли Бостонца, умевшего говорить по-английски и понимавшего английскую речь, послали сообщить генералу Кэнби, что модоки хотят совещаться с ним и с членами комиссии в пятницу утром 11 апреля. Чарли Бостонец сказал Кэнби, что модоки придут без оружия и ждут того же от комиссии.

Утром 10 апреля Джек созвал людей возле входа в свою пещеру. Был весенний день, ночной туман быстро таял в лучах солнца. «Мое сердце подсказывает мне, что обращаться к вам, все равно что обращаться к облакам и к ветру, - сказал Джек, - но я хочу сказать, что жизнь сладка, любовь сильна; человек сражается, спасая свою жизнь; и убивает человек для того, чтобы достичь желаемого сердцем; это и есть любовь. Смерть - могучее зло. Смерть придет к нам очень скоро». Он говорил своим слушателям о том, что, если они вновь начнут борьбу, они все умрут, и с ними умрут женщины и дети. Если им суждено сражаться, пусть солдаты

начнут сражение. Он напомнил им о своем обещании, данном комиссии, не начинать военных действий, пока идут мирные переговоры. «Дайте мне показать миру, что Капитан Джек - хозяин своего слова», - просил он. Потом он сказал о своем обещании убить генерала Кэнби. «Не вынуждайте меня держаться этого слова. Если я буду держаться слова сказанного во гневе, мы обречены. Лодка Джим, ты знаешь это не хуже меня».

«Мы хотим, чтобы ты сдержал свое обещание, - ответил Лодка Джим. - Ты должен убить Кэнби. Твоя речь хороша, но теперь поздно вести такие речи».

Джек оглядел пятьдесят мужчин, сидевших на камнях вокруг него. Солнце ярко освещало их темные лица. «Все, кто хочет, чтобы я убил Кэнби, - сказал он, - пусть встанут». Только дюжина его верных сторонников остались сидеть.

«Я вижу, что вы не любите жизнь, вы ничего не любите». Его голос был мрачен, он искал какого-нибудь выхода. Наконец он сказал, что на совете с Кэнби он вновь скажет генералу о том, чего хотят модоки. «Я спрошу его много раз. Если он согласится на мои условия, я не стану его убивать. Вы слышите меня?»

«Слышим», - ответили индейцы.

«Вы согласны со мною?»

«Да», - ответили они.

Теперь лишь слова Кэнби могли предотвратить убийство.

В страстную пятницу 1873 г. рассвет был ясным и холодный ветерок развеивал брезент палатки для советов, все еще стоявшей между солдатским лагерем и цитаделью Лава-Бедс. Капитан Джек, Лодка Джим, Джон Из Шончина, Муж Эллин, Черный Джим и Бездельник Джим спозаранку явились на место переговоров, и один из них разложил костер из сухой полыни, чтобы согреться в ожидании прибытия комиссии. На этот раз индейцы не привели с собой своих женщин. И ни один из них не взял с собой винтовки, но у каждого под одеждой был спрятан пистолет. Члены комиссии задерживались. (Винема все еще убеждала их не ходить.) Однако в начале двенадцатого генерал Кэнби и священник Томас подошли пешком, а за ними верхом - Л. С. Дайер, Альфред Мичэм, Винема и Франк Риддл. Комиссию и переводчиков сопровождали Чарли Бостонец и Фальшивый Чарли, ездившие в лагерь встречать членов комиссии. У обоих Чарли были винтовки, небрежно закинута за плечо. Ни у одного из членов комиссии, по видимости, не было никакого оружия; однако в карманах у Мичэма и Дайера были короткоствольные крупнокалиберные револьверы.

Кэнби принес с собой коробку сигар и, подойдя к палатке, тотчас дал по сигаре каждому из присутствующих. Прикурив от костра, они сели вокруг огня на камни и несколько минут молча курили. Как впоследствии вспоминал Франк Риддл, первым заговорил Кэнби. «Он сказал, что он имеет дело с индейцами вот уже тридцать лет и что он пришел заключить с ними мир и поговорить по-хорошему; что все обещанное будет выдано им под его присмотром и что, если они покинут цитадель и пойдут с ним, он приведет их в хорошую страну и устроит их так, чтобы они могли жить, подобно белым людям».

Следующим говорил Мичэм. Он начал с обычного предисловия о том, что Великий Отец в Вашингтоне просил его смыть всю пролитую кровь. Он сказал, что надеется доставить их в страну, которая лучше этой, где у них будут хорошие дома, вдоволь пищи, одежды и одеял. Когда Мичэм кончил, Капитан Джек сказал ему, что не желает покидать страну модоков, и просил об устройстве резервации поблизости от озера Туле и Лава-Бедс. Он вновь повторил свое прежнее требование о том, что солдаты должны быть отведены, прежде чем они договорятся о мире.

Очевидно, Мичэм был раздражен повторными требованиями Джека. Он повысил голос: «Будем говорить как мужчины, а не как дети». Затем он предложил тем модокам, кто этого

пожелает, остаться в Лава-Бедс до тех пор, пока не будет найдена резервация, где они смогут жить мирно.

Джон Из Шончина, сидевший в десяти футах от Мичэма, напротив него, сердито сказал на языке модоков, чтобы член комиссии замолчал. В этот момент Лодка Джим поднялся и побрел к лошади Мичэма, которая стояла рядом. Шинель Мичэма была перекинута через седло. Лодка Джим взял шинель, надел ее, застегнул доверху и, слегка кривляясь, прошелся перед костром. Все замолчали и наблюдали за ним. «Ну что, похож я на Мичэма?» - спросил он на ломаном английском.

Мичэм пытался обратить эту заминку в шутку. Он протянул Лодке Джиму свою шляпу: «Надень ее, и ты станешь Мичэмом».

Лодка Джим перестал кривляться. «Погоди немного. Шляпа и так будет моей».

Очевидно, Кэнби понял значение слов Лодки Джима. Он поспешно возобновил переговоры, сказав, что только Великий Отец в Вашингтоне имеет власть отозвать солдат. Он просил Джека поверить ему.

«Я хочу сказать тебе, Кэнби, - ответил Джек, - что мы не можем заключить мир, пока столько солдат окружает нас. Если ты можешь пообещать мне дом где-нибудь в этих краях, пообещай сейчас. Ну, Кэнби, пообещай же. Мне больше ничего не надо. Это твой шанс. Я устал ждать твоих слов».

Мичэм почувствовал крайнюю напряженность в голосе Капитана Джека. «Генерал, ради бога, пообещайте ему», - воскликнул он.

Прежде чем Кэнби что-либо вымолвил, Джек вскочил на ноги и пошел прочь от костра. Джон Из Шончина повернулся к генералу. «Уведи солдат, верни наши земли! - закричал он. - Мы пытались договориться. С нас довольно».

Капитан Джек резко повернулся, сказав на языке модоков: «Всем приготовиться!» Он вытащил пистолет из-под своей куртки и навел его прямо на Кэнби. Щелкнул ударник, но произошла осечка. Кэнби изумленно глядел на него, затем пистолет выстрелил, и Кэнби упал замертво навзничь. Чарли Бостонец выстрелил в священника Томаса и убил его. Винема спасла жизнь Мичэму, выбив пистолет из рук Джона из Шончина. Воспользовавшись замешательством, Дайер и Риддл бежали.

Сняв форму с Кэнби, Джек увел модоков назад в цитадель ожидать прихода солдат. Главный спорный вопрос о выдаче Лодки Джима и его сторонников даже не обсуждался на этом последнем совете.

Через три дня началось сражение. Батарея мортир обстреливала Лава-Бедс, и пехота волна за волной шла в атаку на скалистые брустверы. Когда солдаты наконец ворвались в цитадель, там было пусто. Модоки ускользнули по впадинам и ущельям. Не имея охоты разыскивать этих отчаянно сражающихся индейцев в их убежищах, армейское командование наняло семьдесят двух наемников из индейцев племени тенино, живших в резервации Уорм-Спрингс в Орегоне. Эти разведчики из Уорм-Спрингс нашли место, где скрывались модоки, но, когда пришли солдаты, чтобы захватить их, Капитан Джек устроил засаду и почти целиком уничтожил их дозор.

Наконец численный перевес и огнестрельная мощь солдат принудили модоков рассеяться. Они были вынуждены зарезать своих лошадей для пропитания, и несколько дней им нечего было пить. По мере того как росло число потерь среди индейцев, Лодку Джима все более раздражала стратегия Капитана Джека. После нескольких дней, в течение которых они бежали, прятались и сражались, Лодка Джим и его группа покинули вождя, который предоставил им убежище и отказался выдать их Кэнби. Джек остался с тридцатью семью воинами, имея против себя более тысячи солдат.

Вскоре отряд Лодки Джима сдался солдатам и предложил им выследить Капитана Джека в обмен на помилование. Новый командующий, генерал Джефферсон Дэвис, взял их под защиту армии, и 27 мая Лодка Джим и три члена его группы пошли предавать того вождя, который отказался предать их. Они нашли Джека поблизости от Клир-Лейк, договорились о переговорах с ним, и сообщили ему, что они посланы принять его сдачу. Они сказали, что солдаты отнеслись к модокам справедливо и дали им вдоволь еды.

«Вы не лучше койотов, бегущих по долине, - ответил им Джек. - Вы прискакали сюда верхом на солдатских лошадях, вооруженные правительством. Вы собираетесь купить себе свободу, загнав меня в ловушку и выдав солдатам. Вы поняли, что жизнь сладка, но вы не считали так, когда вынудили у меня обещание убить этого человека, Кэнби. Я всегда знал, что жизнь сладка; вот почему я не хотел сражаться с белыми людьми. Я думал, что мы будем сражаться бок о бок и умрем, сражаясь. Теперь я вижу, что только мне придется расстаться с жизнью, расплачиваясь за убийство Кэнби, может быть, еще одному или двум индейцам. У тебя и у всех, кто сдался, дела идут хорошо, у вас вдоволь еды, по вашим словам. О, люди с птичьими сердцами! Вы пошли против меня...»

Более всего уязвило вождя модоков, что именно эти отступники за несколько недель до этого бросили женскую одежду ему на плечи и назвали его женщиной с рыбьим сердцем, вынудив у него таким образом обещание убить Кэнби. Они знали не хуже его, что ему поздно сдаваться, что он будет повешен за убийство Кэнби. Он сказал им, что предпочитает умереть с оружием в руках, а не с веревкой на шее, и затем велел им возвращаться и жить с белыми, если они этого хотят. Но он поклялся им, что, если они еще раз подойдут к нему на расстояние выстрела, он пристрелит их как паршивых собак.

Еще через несколько дней преследование возобновилось. Это «больше походило на преследование диких зверей, чем на войну, - рассказывал генерал Дэвис. - Отряды солдат состязались между собой, кто первым настигнет добычу».

После изнурительного бегства пешком через острые скалы и густые заросли Капитан Джек с оставшимися при нем до конца тремя воинами был обнаружен небольшим отрядом солдат. Когда Капитан Джек вышел сдаваться, на нем был синий мундир, снятый с генерала Кэнби, он был грязен и изорван в клочья. Джек протянул офицеру свою винтовку. «Ноги больше не служат Джеку, - сказал он. - Я готов умереть».

Генерал Дэвис хотел его немедленно повесить, однако военное министерство в Вашингтоне приказало провести суд. Суд происходил в форте Кламат в июле 1873 г. Капитан Джек, Джон Из Шончина, Чарли Бостонец и Черный Джим обвинялись в убийстве. У модоков не было защитника, и, хотя им было предоставлено право подвергать свидетелей перекрестному допросу, почти все индейцы мало что понимали по-английски, а говорить и вовсе не умели. Пока длилось судебное разбирательство, солдаты строили виселицы перед помещением, в котором содержались заключенные, так что не было никаких сомнений относительно того, каков будет приговор.

Среди свидетельствовавших против обреченных индейцев были Лодка Джим и его сторонники. Армейское начальство освободило их за то, что они предали свой народ.

После того как Лодка Джим ответил на вопросы обвинения, Капитан Джек не стал подвергать его перекрестному допросу, но во время своей последней речи в зале суда он сказал: «Именно Лодка Джим все время хотел сражаться и убивал умышленно и неумышленно. Жить мне осталось недолго. Не вы, белые люди, одержали надо мной победу; мои же люди победили меня».

3 октября Капитан Джек был повешен. На следующую ночь после казни его тело было тайно вырыто, доставлено в Иреку и набальзамировано. Малое время спустя оно появилось в восточных городах в качестве ярмарочного аттракциона с входной платой 10 центов.

Уцелевшие 153 модока - мужчины, женщины и дети, включая Лодку Джима и его отряд, - были сосланы на Индейскую территорию. Через шесть лет Лодка Джим умер, а почти все остальные модоки умерли до 1909 г., когда правительство наконец разрешило оставшимся в живых 51 модоку вернуться в резервацию на земле Орегона.

XI. ВОЙНА ЗА СПАСЕНИЕ БИЗОНОВ

Я слышал, что вы хотите поселить нас в резервации вблизи от гор. Я не хочу нигде селиться. Мне нравится бродить по прериям. Там я чувствую себя свободным и счастливым, но, когда мы начинаем вести оседлый образ жизни, мы бледнеем и умираем. Я отложил свое копье, свои лук и щит, и все же я чувствую себя в безопасности с вами. Я сказал вам правду. Я никогда не прячусь за мелкую ложь, но я не знаю, поступают ли так же члены комиссии. Чисты ли они, как и я? С давних пор эта земля принадлежала нашим отцам, но вот я поднялся вверх по реке и увидел солдатские лагеря на ее берегах. Эти солдаты валят мой лес, они убивают моих бизонов, и, когда я вижу это, мое сердце готово разорваться; я скорблю. Или белый человек уподобился безрассудному ребенку, ибо он убивает и не ест? Когда люди с красной кожей убивают дичь, они делают это, чтобы жить и не умереть с голоду.

Сатанта, вождь индейцев кайова.

Мой народ никогда первым не брался за лук, никогда первым не стрелял из ружья в белых. На границе меж нами случались неприятности, и тогда мои юноши собирались на пляску войны. Но мы не были зачинщиками. Это вы послали первого солдата, наш воин был вторым. Два года назад я подошел к этой дороге, следуя за бизонами, чтобы у моих жен и детей щеки были округлы, а тела теплы. Но солдаты стали в нас стрелять, и с той поры не прекращается шум, подобный шуму грозы, и мы не знаем, куда нам идти. Так было на реке Канейдиан. Но не единожды нам суждено было плакать. Солдаты в синей одежде и юты являлись среди ночи из тьмы и покоя и вместо лагерных костров зажигали наши вигвамы. Вместо того чтобы охотиться на дичь, они убивали моих юношей, и воины племени коротко обрезали свои волосы в память о мертвых. Так было в Техасе. Солдаты принесли скорбь на наши стоянки, и мы вступили в бой, подобно бизонам, защищая своим коров. Где бы нам ни попадались солдаты, мы убивали их, и их скальпы висели в наших вигвамах. Команчи не слабы и не слепы, как щенки семи дней от роду. Они сильны и дальнорюки, как взрослые кони. Мы вышли на дорогу белых и пошли по ней. Белые женщины плакали, а наши женщины смеялись. Но кое-что из того, что вы сказали, мне не по душе. Ваши слова вовсе не сладки, как сахар, они горьки, как тыква. Вы сказали, что вы хотите разместить нас на землях резерваций, построить нам дома и сделать для нас лечебные вигвамы. Мне не надо этого. Я родился в прерии, где ветру вольно и ничто не застит солнечного света. Я родился там, где нет изгородей и где всё и вся дышит вольно. Я хочу умереть на просторе, а не среди стен. Я знаю каждый ручей и каждый перелесок между реками Рио-Гранде и Арканзас. Я жил и охотился на всей этой земле. Я жил, подобно моим отцам, жившим до меня, и, подобно им, я был счастлив. Когда я был в Вашингтоне, Великий Белый Отец сказал мне, что все земли команчей принадлежат нам и что никто не помешает нам жить на них. Так почему же вы просите нас оставить наши реки, и наше солнце, и наш ветер и хотите, чтобы мы поселились в домах? Не просите нас променять бизонов на овец. Юноши, слышавшие об этом, опечалились и разгневались. Не говорите больше об этом... Если жители Техаса будут держаться вдали от моей страны, возможно, будет мир. Но та земля, на которой вы уговариваете нас жить, слишком мала для нас. Техасцы отняли у нас те земли, где трава растет гуще всего и где лес - самый лучший. Если бы эти земли сохранились за нами, мы могли бы поступить по вашему совету. Но теперь слишком поздно. Землей, которую мы любили, владеет белый человек, и наше единственное желание - брести по прерии, пока мы не умрем.

Парра-Ва-Семен (Десять Медведей), из ямпарика-команчей

После битвы на реке Уошито в декабре 1868 г. генерал Шеридан приказал всем шайенам, арапахам, кайовам и команчам явиться в форт Кобб и сдаться; в противном случае им грозит истребление, так как его «синие мундиры» будут их преследовать и убивать (см. главу VII). Короткая Рубаха, ставший вождем шайенов после смерти Черного Котла, привел их в форт. Желтый Медведь привел арапахов. Несколько предводителей из команчей - в частности, Тосави, которому Шеридан сказал, что хороший индеец - только мертвый индеец, - также привели своих людей сдаваться. Однако гордые и свободные индейцы кайова не выказали никакого желания иметь дело с Шериданом, и он приказал Крепкому Заду Кастеру либо заставить их сдаться, либо уничтожить их.

Индейцы кайова никак не могли понять, зачем им надо идти в форт Кобб сдавать оружие и жить на подачки белых людей. По договору, подписанному вождями в Медисин-Лодж в 1867 г., индейцы кайова получили территорию, где они могли жить, и право охотиться на любой земле к югу от реки Арканзас, «пока бизоны будут водиться там в количестве, достаточном для охоты». Между рекой Арканзас и западными притоками Ред-Ривер равнины были черными от тысяч бизонов, вытесненных сюда с севера вследствие распространения цивилизации белого человека. У индейцев кайова было много быстроногих коней, а когда не хватало охотничьего снаряжения, они и с помощью стрел могли убить достаточное количество животных, чтобы обеспечить себе пропитание, одежду и кров.

И тем не менее длинная колонна верховых солдат в синих мундирах приблизилась к зимнему лагерю кайовов на реке Рейни-Маунтин-Крик. Не желая сражаться, Сатанта и Одинокий Волк в сопровождении эскорта воинов выехали на переговоры с Кастером. Сатанта был большим и сильным мужчиной с черными как смоль волосами, ниспадавшими на его огромные плечи. У него были мощные мускулистые руки и ноги, и на его открытом лице выражалась полная уверенность в своей силе. Его лицо и тело были покрыты блестящей красной краской, а к его копьё были прикреплены красные вымпелы. Он любил отчаянную скачку и отчаянный бой. Он любил поесть и выпить со вкусом и посмеяться от души. Ему доставлял наслаждение даже вид его врагов. Подъезжая к великому Кастеру, он сиял от удовольствия. Он протянул Кастеру руку, но Тот погнушался коснуться ее.

Сатанта достаточно часто бывал в фортах Канзаса и знал о предрассудках белых людей, потому он сдержал свой гнев. Он не хотел, чтобы его народ был уничтожен, подобно народу Черного Котла. Переговоры начались сдержанно. Два переводчика едва поспевали за обменом репликами. Поняв, что переводчики знают меньше слов на языке кайовов, чем сам он английских, Сатанта подозвал одного из своих воинов по имени Шагающая Птица, который знал много английских слов, научившись им у белых погонщиков скота. Шагающая Птица надменно обратился к Кастеру, но солдатский вождь отрицательно покачал головой - он не понимал выговора этого кайова. Шагающая Птица хотел, чтобы его поняли, он подошел к Кастеру и, поглаживая его руку, подобно тому как солдаты при нем поглаживали своих жеребцов, стал приговаривать:

«Ну, ну, старая кляча, сухин сын, сухин сын».

Никто не рассмеялся. В конце концов переводчикам удалось объяснить Сатанте и Одинокому Волку, что те должны привести своих индейцев кайова в форт Кобб или солдаты Кастера уничтожат их. Затем, в нарушение правила мирных переговоров, Кастер неожиданно приказал арестовать вождей и их эскорт, объявив, что они будут доставлены в форт Кобб, где будут содержаться в заключении до тех пор, пока их народ не присоединится к ним. Сатанта спокойно принял к сведению объявление об аресте, сказав только, что ему необходимо послать вестника, чтобы вызвать в форт свой народ. Он отправил своего сына в селение индейцев кайова, но вместо того, чтобы приказать своему народу идти за ним следом в форт Кобб, он велел им уходить на запад, в страну бизонов.

Каждую ночь, пока колонна солдат Кастера двигалась обратно в форт Кобб, кому-нибудь из арестованных кайовов удавалось бежать. Однако Сатанта и Одинокий Волк слишком

тщательно охранялись и не могли спастись бегством. К тому времени, как «синие Мундиры» достигли форта, все их пленники, кроме этих двух вождей, бежали. Разгневанный этим, генерал Шеридан объявил, что Сатанта и Одинокий Волк будут повешены, если их народ не явится в форт Кобб и не сдастся.

Вот так обманом и вероломством народ кайова вынудили отказаться от его свободы. Только один из младших вождей по имени Женское Сердце бежал со своими людьми в Стейкид-Плейнс, где примкнул к дружественным команчи-квахади.

Чтобы внимательно наблюдать за индейцами кайова и команчами, армейские власти построили новый солдатский городок в нескольких милях от пограничной реки Ред-Ривер, назвав его форт Силл. Генерал Бенджамин Грайерсон, герой Гражданской войны, командовал новыми войсками, состоявшими в основном из солдат-негров десятого кавалерийского полка. Индейцы называли их солдаты-бизоны из-за цвета их кожи и густоты волос. Вскоре с востока прибыл агент, который начал учить их, как жить обработкой земли вместо охоты на бизонов. Его имя было Ловри Татум, но индейцы называли его Лысый, поскольку на его голове вовсе не было волос.

Генерал Шеридан по прибытии в новый форт освободил из-под ареста Сатанту и Одинокого Волка и держал с ними совет, на котором он бранил вождей за их прежние поступки и советовал слушаться присланного агента.

«Что бы ты ни сказал мне, - ответил Сатанта, - я буду держаться твоих слов. Я возьму их в руки и прижму к сердцу. Я не изменю ни на йоту своего мнения - протянете ли вы мне руку или потянете меня на виселицу. Мое мнение останется все тем же. То, что вы сказали сегодня, открыло мне глаза, и мое сердце тоже открылось. Вся эта земля отдана вам, чтобы вы проложили на ней путь, по которому мы пойдем. Теперь я намерен вступить на тропу белого человека, сеять и выращивать зерно... Больше вы не услышите о том, что индейцы кайова убивают белых людей... Я не лгу вам. Я говорю правду».

Ко времени сева кукурузы две тысячи кайовов и две с половиной тысячи команчей были размещены в новой резервации. Команчи относились с некоторой иронией к тому, что правительство заставляет их отказаться от охоты на бизонов и заняться земледелием. Когда-то у команчей в Техасе было развито сельское хозяйство, но туда пришли белые люди, захватили их плодородные земли, вынудив индейцев охотиться на бизонов, чтобы выжить. Теперь этот добрый старик, Лысый Татум, пытался объяснить им, что они должны встать на путь белого человека и заняться земледелием, как будто индейцы ничего не знают о том, как выращивать кукурузу. Разве не индейцы научили белых людей сеять и выращивать кукурузу?

С кайовами дело обстояло совсем иначе. Воины смотрели на это ковыряние в земле как на женское занятие, недостойное наездника и охотника. Кроме того, если им бывало необходимо зерно, они могли обменять пеммикан и одежду из кожи на зерно у индейцев племени вичита, как это повелось искони. Вичитам нравилось выращивать зерно, и они были слишком жирными и ленивыми, чтобы охотиться на бизонов. В середине лета кайовы стали жаловаться Лысому Татуму на то, что их ограничили земледелием. «Мне не нравится кукуруза, - сказал ему Сатанта - У меня от нее болят зубы». Сатанте также надоело жилистое мясо лонгхорнов, и он просил Татума отпустить ему оружие и охотничье снаряжение, чтобы кайовы могли отправиться охотиться на бизонов.

Этой осенью кайовы и команчи собрали около четырех тысяч бушелей кукурузы. Зерна хватило ненадолго, после того как оно было распределено между пятью с половиной тысячами индейцев, которые к тому же кормили им несколько тысяч коней. К весне 1870 г. наступил голод, и Лысый Татум разрешил индейцам пойти охотиться на бизонов.

В Месяц Лета 1870 г. кайовы устроили Большую пляску Солнца у северного притока Ред-Ривер. Они пригласили в качестве гостей команчей и южных шайенов. Во время церемоний

многие разочарованные воины говорили о том, что им следует остаться на равнинах и жить, не нуждаясь, охотой на бизонов, вместо того чтобы возвращаться в резервацию и получать там жалкие подачки.

Десять Медведей, из племени команчей, и Птица, Бьющая Ногой, из кайова, были против таких разговоров; они считали, что для племен будет лучше, если они по-прежнему будут держаться белого человека. Молодые команчи не осуждали Десять Медведей - в конце концов, он был слишком стар для охоты и боя. Но юноши кайова с презрением отнеслись к советам Птицы, Бьющей Ногой, ибо он был великим воином до того, как белые люди заперли его в резервации. Теперь он говорил, подобно женщине.

Как только пляска кончилась, много юношей поскакало в Техас охотиться на бизонов и совершать набеги на техасцев, захвативших их земли. Они были особенно сердиты на тех белых охотников, которые приходили сюда из Канзаса и убивали тысячи бизонов; эти охотники брали только шкуры, оставляя окровавленные туши животных гнить на равнинах. Кайовам и команчам казалось, что белым людям ненавистна вся природа. «Это старая страна, - бранил Сатанта Громового Старца Хенкока, встретившись с ним в форте Ларнед в 1867 г., - но вы вырубили леса, и теперь эта страна вовсе ничего не стоит». В Медисин-Лодж-Крик он вновь жаловался комиссии, заключавшей мир: «Давным-давно эта страна принадлежала нашим отцам, но вот я поднялся вверх по реке и увидел солдатские лагеря на ее берегах. Эти солдаты валят мой лес, они убивают моих бизонов, и, когда я вижу это, мое сердце готово разорваться; я скорблю».

Весь Месяц Лета 1870 г. воины, оставшиеся в резервации, немилосердно издевались над Птицей, Бьющей Ногой, который предпочитал земледелие охоте. Наконец, Птица, Бьющая Ногой не выдержал. Он организовал боевой отряд и включил в него главных своих мучителей - Одинокого Волка, Белого Коня и старого Сатанка, - они должны были сопровождать его в набегах на Техас. У Птицы, Бьющей Ногой тело было не таким большим и не таким мускулистым, как у Сатанты. Он был худощав, жилист, и кожа его была светлой. Возможно, он был чувствителен к упрекам отчасти и потому, что не был чистокровным кайовом; один его дед был из племени кроу.

С сотней воинов, следовавших за ним, Птица, Бьющая Ногой переправился через пограничную реку Ред-Ривер и умышленно захватил почтовый дилижанс, бросив тем самым вызов солдатам из форта Ричардсон, штат Техас. Когда «синие мундиры» вышли сражаться, Птица, Бьющая Ногой продемонстрировал свое искусство ведения боя: завязав фронтальную схватку с солдатами и одновременно ударив двумя колоннами с фланга и с тыла, он взял противника в клещи. Потрепав солдат в течение восьми часов под палящим солнцем, Птица, Бьющая Ногой прекратил бой и с триумфом повел своих воинов обратно в резервацию. Он доказал свое право быть вождем, но с этого дня он намеревался радеть лишь о мире с белым человеком.

С наступлением холодов многие бродячие отряды вернулись в свои лагеря вблизи форта Силл. Однако несколько сот кайовов и команчей остались зимовать на равнинах. Генерал Грайерсон и Лысый Татум бранили вождей за набеги в Техасе, но им нечего было возразить против сушеного мяса бизонов и одежды из шкур, привезенных охотниками для того, чтобы их семьи, получавшие скудный государственный паек, могли пережить еще один зимний сезон.

В ту зиму вокруг костров в лагере кайовов много говорили о белых людях, наступавших со всех четырех сторон. Старый Сатанк горевал о своем сыне, убитом в прошлом году техасцами. Сатанк принес останки сына обратно в лагерь и поместил их на помосте в особом вигваме, и теперь он постоянно говорил о своем сыне как о спящем, не как о мертвом, и каждый день оставлял около этого возвышения еду и воду, чтобы сыну было чем подкрепиться при пробуждении. По вечерам старый Сатанк сидел, глядя сощурившись на

пламя костра, и поглаживал костлявыми пальцами свои седые усы. Казалось, что он ждет каких-то событий.

Сатанта беспокойно бродил по лагерю; он все время говорил, предлагая другим вождям различные решения их проблем. Отовсюду до них доходили слухи о том, что стальная колея для Железного коня дошла уже до страны бизонов. Индейцы знали, что железные дороги распугали бизонов на реках Платт и Смоки-Хилл, они не могли допустить, чтобы железная дорога прошла через их охотничьи угодья. Сатанта хотел поговорить с офицерами в форте и убедить их в том, что они должны увести прочь своих солдат и дать кайовам возможность жить как прежде, без всякой железной дороги, распугивающей стада бизонов.

Большое Дерево был более непосредственным. Он хотел пробраться ночью в форт, поджечь тамошние постройки и перебить всех солдат, когда те станут из них выбегать. Старому Сатанку не нравились эти речи. Он утверждал, что переговоры с офицерами - это лишь пустая трата слов и что, даже если они убьют всех солдат в форте, на место убитых придут другие и их будет еще больше. Белые люди подобны койотам: сколько их ни убивай, их становится все больше. Если кайовы хотят изгнать белых людей из своей страны и спасти бизонов, они должны начать с поселенцев, которые продолжают огораживать траву, строят дома, железные Дороги и уничтожают дичь.

Весной 1871 г. генерал Грайерсон разослал дозоры своих чернокожих солдат охранять притоки Ред-Ривер, но воинам очень хотелось вновь увидеть бизонов, и они сумели обойти этих солдат. Везде, где бы они ни оказывались этим летом на равнинах Техаса, они обнаруживали еще больше оград, еще больше ферм, еще больше белых охотников со смертоносными дальнобойными винтовками, Истребляющих рдеющие стада бизонов.

Этой весной в Месяце Листьев несколько вождей кайовов и команчей собрали большую группу охотников на северном притоке Ред-Ривер, надеясь найти там бизонов, не покидая резервации. Но в этих местах было мало бизонов, почти все стада ушли далеко в Техас. Теперь по вечерам вокруг костров они вновь говорили о том, как белые люди, особенно техасцы, стараются стереть индейцев с лица земли. Скоро их Железный конь побегит через прерии, и все бизоны исчезнут. Маманти, Ступающий По Небу, Великий шаман, полагал, что настало время всем индейцам идти в Техас и самим стереть белых людей с лица земли.

Они подготовились к походу, и в середине мая боевой отряд, избежав столкновения с дозорами, переправился через Ред-Ривер в Техас. Сатанта, Сатанк, Большое Дерево и многие другие вожди были в этом отряде, но, поскольку этот набег привиделся шаману Маманти, последний и стал его предводителем. 17 мая Маманти остановил воинов на холме, господствующем над баттерфилдской дорогой между фортами Ричардсон и Белкнап. Там они выжидали в течение ночи и до полудня следующего дня, когда увидели армейскую санитарную повозку в сопровождении верховых, направлявшуюся по дороге на восток. Некоторые воины хотели напасть на повозку, но Маманти отказался дать сигнал к атаке. Он убедил их в том, что вскоре за повозкой последует гораздо более богатая добыча, возможно даже обоз с винтовками и боеприпасами. (Индейцы не знали, что в этой армейской повозке находился не кто иной, как сам Великий Воин Шерман, инспектировавший юго-западные военные гарнизоны.)

Как и предсказывал Маманти, через несколько часов индейцы увидели обоз из десяти груженых чем-то фургонов. В должный момент Маманти дал знак Сатанте, который держал наготове горн. Сатанта сыграл сигнал, и воины толпой бросились вниз по склону холма. Погонщики построили заслон из фургонов и оказали отчаянное сопротивление, но натиск кайовов и команчей был слишком силен. Воины прорвались через круговой заслон, убили семь погонщиков и дали остальным бежать в расположенные неподалеку заросли, пока сами грабили фургоны. Ни винтовок, ни боеприпасов, ничего, кроме зерна, они не нашли. Они выпрягли из фургонов мулов, привязали своих раненых к лошадям и поехали на север к Ред-Ривер.

Через несколько дней Великий Воин Шерман прибыл в форт Силл. После того как генерал Грайерсон познакомил его с Лысым Татумом, Шерман спросил последнего, не отсутствовал ли кто-нибудь из кайовов или команчей в резервации в последнюю неделю. Татум обещал выяснить этот вопрос.

Вскоре несколько вождей прибыли в резервацию получать свой еженедельный паек. Птица, Бьющая Ногой, Сатанк, Большое Дерево, Одинокий Волк и Сатанта были в их числе. Агент Татум вызвал их к себе в контору. С присущей ему добродушной серьезностью Татум спросил вождей, не слышали ли они о нападении на обоз в Техасе, и сказал, что, если кто-либо знает что-нибудь об этом происшествии, он охотно выслушает его рассказ.

Несмотря на то что набег возглавлялся Маманти, немедленно поднялся Сатанта и заявил, что он был предводителем набега. Делались различные предположения, почему он так поступил. Было ли это тщеславием? Хвалился ли он попросту или чувствовал, что, будучи главным вождем, он должен принять всю ответственность на себя? Во всяком случае, он использовал эту возможность для того, чтобы упрекнуть Татума в дурном обращении с индейцами:

«Я вновь прошу у тебя оружия и снаряжения, которое ты не поставляешь нам, отказывая нам и во многих других просьбах. Ты не слушаешь моих слов. Белые люди собираются провести железную дорогу через нашу страну. Этого нельзя допустить. Несколько лет тому назад нас за волосы притащили к этим техасцам, с которыми нам теперь приходится сражаться... Когда генерал Кастер был здесь два или три года назад, он арестовал меня и держал в заключении несколько дней. Но теперь не принято арестовывать индейцев, и вряд ли это вновь войдет в обычай. Помня об этих обидах, я собрал недавно около сотни воинов под водительством Сатанка, Орлиного Сердца, Большого Дерева, Большого Лука и Проворного Медведя... Мы отправились в Техас, где захватили обоз неподалеку от форта Ричардсон... Если кто-нибудь из индейцев явится сюда и станет утверждать, что это он предводительствовал отважным отрядом, он скажет вам неправду, ибо я сам был предводителем отряда».

Татум остался внешне невозмутимым, выслушав удивительную речь Сатанты. Он сказал Сатанте, что не уполномочен отпускать индейцам оружие и снаряжение, но что Великий Воин Шерман находится сейчас в форте Силл, и, если вожди желают ходатайствовать перед Шерманом о получении оружия и снаряжения, они вольны это сделать.

Пока вожди кайовов совещались о том, имеет ли смысл держать совет с Шерманом, Татум сообщил генералу Грайерсону о том, что Сатанта признался, что предводительствовал нападением на обоз и назвал других вождей, принимавших участие в этом деле. Вскоре после того, как Грайерсон получил это сообщение и передал его Шерману, Сатанта один прибыл в штаб форта и попросил свидания с Великим Солдатским Вождем из Вашингтона. Шерман сам вышел на ступени широкого крыльца, пожал руку Сатанте и попросил его созвать всех вождей на совет.

Большинство вождей явились добровольно, но старого Сатанка солдаты заставили присутствовать силой. Большое Дерево пытался бежать, но был пойман. Орлиное Сердце бежал, увидев, как арестовывают остальных. Как только вожди собрались на ступенях крыльца, Шерман объявил им, что он берет под арест Сатанту, Сатанка и Большое Дерево за то, что они убили гражданских погонщиков в Техасе. Более того, его солдаты вернут вождей в Техас, где они предстанут перед тамошним судом.

Сатанта, откинув одеяло, потянулся за пистолетом, крикнув на языке кайовов, что он скорее умрет, чем пойдет пленником в Техас. Шерман невозмутимо скомандовал; ставни на окнах крыльца растворились, и дюжина карабинов была наведена на вождей. Штаб был полон чернокожих солдат десятого кавалерийского полка.

Тут поднялся Птица, Бьющая Ногой, чтобы возразить, и сказал: «Вам нужны эти люди, чтобы убить их. Но это мои люди, и я не выдам вам их. И вы и я умрем здесь сейчас же».

В этот момент прибыл отряд кавалеристов. Пока кавалеристы выстраивались вдоль частокола напротив крыльца, прискакал Одинокый Волк. Не обращая внимания на солдат, он небрежно спешил, привязал свою лошадь к ограде и положил два скорострельных карабина на землю. Некоторое время он оставался на месте, подтягивая ремень, на котором висел его пистолет. Он смотрел подозрительно, но на лице его было выражение удовлетворенного презрения. Потом он поднял свое оружие и зашагал к крыльцу. Подойдя к ступеням, он протянул свой пистолет ближайшему вождю и громко произнес на языке кайовов: «Пусти из него дым, если что». Он бросил один из карабинов какому-то вождю и сам уселся на крыльце, направив оставшийся у него карабин на Шермана и пристально глядя на того без всякого страха.

Офицер выкрикнул команду, и кавалеристы взяли карабины наизготовку, взведя курки.

Сатанта раскинул руки. «Нет, нет, нет!» - закричал он.

Шерман спокойно приказал солдатам опустить оружие.

8 июня, в Месяц Лета, солдаты погрузили трех вождей в фургоны, чтобы отправить их в далекий форт Ричардсон. В наручниках, с ногами, скованными цепью, Сатанту и Большое Дерево втокнули в один фургон, а Сатанка - в другой.

Когда фургоны в сопровождении кавалеристов выехали из форта, старый Сатанк затянул Песню Смерти своего военного общества:

Солнце, ты пребудешь вечно, но мы, воины, умрем. Земля, ты пребудешь вечно, но мы, воины, умрем.

Он указал на одно дерево, стоявшее там, где дорога пересекала ручей. «Я не поеду дальше этого дерева», - крикнул он и набросил одеяло себе на голову. Под одеялом, в кровь раздирая себе руки, он освободил их от наручников. Выхватив спрятанный в одежде нож, он с отчаянным криком бросился на ближайшего конвоира, ударил его ножом и вытолкнул из фургона. Через мгновение он вырвал карабин еще у одного из изумленных конвоиров. Лейтенант командовал внешней охране открыть огонь. Раздался залп, и старый Сатанк упал. Фургоны остановились, и в течение часа солдаты ждали, пока Сатанк умрет. Потом они швырнули его тело в придорожную канаву и двинулись дальше в Техас.

Судебный процесс по обвинению Сатанты и Большого Дерева в убийстве начался 5 июля 1871 г. в здании суда города Джексборо, штат Техас. Присяжные из фермеров и ковбоев с пистолетами за поясом слушали свидетельские показания в течение трех дней и, выслушав их, немедленно вынесли обвинительное заключение. Судья приговорил заключенных к повешению. Однако губернатор Техаса был достаточно благоразумен и, опасаясь, что эта казнь может поднять кайовов на войну, заменил ее на пожизненное заключение в тюрьме города Хантсвилл.

Теперь индейцы кайова лишились трех самых могущественных своих вождей. В течение осени многие юноши небольшими группами ускользнули из резервации и присоединились к индейцам, которые вели прежний, свободный образ жизни, держась равнин Стейкид-Плейнс. Избегая столкновений с белыми охотниками и поселенцами, они следовали за стадами бизонов между реками Ред-Ривер и Канейдиан. С наступлением Месяца Отлета Гусей они разбили зимние лагеря в каньоне Пало-Дуро. Команчи-квахадии преобладали в этой группе индейцев, но они радушно принимали приходивших к ним кайовов, которых становилось все больше.

Одинокый Волк охотился вместе с индейцами квахади и, возможно, подумывал о том, чтобы примкнуть к ним, однако в начале 1872 г. он начал борьбу с Птицей, Бьющей Ногой, поспорив о том, какой путь следует избрать индейцам резервации. Птица, Бьющая Ногой и

Оступающийся Медведь хотели идти тропой белого человека, даже если ради этого придется отказаться от охоты на бизонов в Техасе. Одинокий Волк был против таких речей. Кайовы не могут жить, не охотясь на бизонов. Если белые люди упрямо настаивают на том, чтобы индейцы оставались на территории резервации, она должна быть расширена до реки Рио-Гранде на юге и до Миссури на севере.

То, что решительные доводы Одинокого Волка нашли мощную поддержку, стало очевидным, когда кайовы, игнорируя Птицу, Бьющую Ногой и Оступающегося Медведя, избрали его главным предводителем своей миссии в Вашингтон. В августе Бюро по делам индейцев пригласило делегации всех недовольных племен этой территории посетить Вашингтон, чтобы обсудить договорные обязательства.

Когда специальный уполномоченный комиссии Генри Альворд прибыл в форт Силл, чтобы сопровождать делегацию индейцев кайова в Вашингтон, Одинокий Волк сообщил этому уполномоченному, что он не может ехать в Вашингтон без предварительной консультации с Сатантой и Большим Деревом. Хотя они и находились в техасской тюрьме, Сатанта и Большое Дерево оставались вождями племени, и без их совета никакое решение не могло быть принято в Вашингтоне.

Альворд был ошарашен этим заявлением, но, сообразив, что Одинокий Волк всерьез намерен настаивать на своем требовании, Уполномоченный начал утомительные переговоры о встрече с заключенными вождями. С некоторой неохотой губернатор Техаса наконец согласился освободить своих знаменитых узников, передав их на время под контроль армии Соединенных Штатов. 9 сентября 1872 г. вожди в наручниках были переданы в ведение чрезвычайно осторожного кавалерийского офицера из Далласа, штат Техас, и двинулись в направлении форта Силл. Вслед за эскортом кавалеристов двигались отряды вооруженных техасцев, каждый из которых мечтал прославиться, убив Сатанту или Большое Дерево.

К тому времени, как эта процессия приблизилась к форту Силл, исполняющий обязанности командира форта пришел в такое беспокойство, что послал разведчика из штатских передать кавалерийскому офицеру, чтобы тот увел куда-нибудь своих заключенных. «Индейцы, находящиеся в резервации возле форта Силл, настроены мрачно, угрожающе и воинственно... Привести сюда Сатанту, их главного военного вождя, в наручниках и ожидать, что его можно будет увести обратно в тюрьму штата без неприятностей или даже отчаянной борьбы, почти невозможно. Посему я прошу, несмотря на ваш прямой приказ, напротив, не приводить их сюда, в резервацию, но доставить в нынешний конечный пункт железной дороги, связывающей Миссури, Канзас и Техас».

Тогда уполномоченный убедил кайовов в том, что встреча с Сатантой и Большим Деревом должна быть устроена в великом городе Сент-Луисе. Альворд объяснил, что добираться туда придется сначала в фургоне до железной дороги, а затем на Железном коне. В сопровождении воинов делегация недоверчивых кайовов проехала 165 миль на восток к местечку Атока, находящемуся на Индейской территории и являющемуся конечной станцией железной дороги, связывающей Миссури, Канзас и Техас.

В Атоке эти смехотворные перипетии достигли своей кульминации. Как только Альворд прибыл туда с делегацией Одинокого Волка, он получил послание от кавалерийского офицера охраны о том, что тот доставит Сатанту и Большое Дерево к означенной железнодорожной станции и передаст вождей в ведение уполномоченного. Альворда беспокоила такая перспектива. Железнодорожная станция была уединенным местом, и уполномоченный опасался, что, если Сатанта внезапно явится там, эмоциональная реакция индейцев может создать неконтролируемую ситуацию. Он поспешно отправил гонца обратно к офицеру конвоя, умоляя его спрятать своих узников где-нибудь в дубраве и держать их там до тех пор, пока он не отправит делегацию кайовов в Сент-Луис.

Наконец 29 сентября в специальном помещении Эверет-Хауса в Сент-Луисе Сатанта и Большое Дерево отпраздновали свое временное освобождение вместе с Одиноким Волком, который сделал это освобождение возможным. Уполномоченный Альворт, описывая эту встречу как «весьма впечатляющее и трогательное зрелище», очевидно, не понял того, что вожди кайовов были заняты важным делом. Прежде чем Сатанта и Большое Дерево отправились обратно в тюрьму, Одинокий Волк уже точно знал, чего он со своей миссией должен добиваться в Вашингтоне.

Одновременно с кайовами и другие индейские делегации прибыли в Вашингтон: несколько младших вождей апачей, группа арапахов и несколько команчей. Команчи-квахеди, являвшиеся реальной силой в племени, не прислали никого; Десять Медведей представлял клан ямпарика, Тосави - клан пенетекас.

Официальные лица в Вашингтоне устроили для индейцев множество экскурсий и продемонстрировали им военную мощь правительства. Индейцы присутствовали на полной воскресной службе в методистской церкви, содержание службы им перевели специальные переводчики. Индейцы также были на приеме у Великого Отца Улисса Гранта в Восточной комнате Белого дома. После того как все обменялись приветственными речами, приправленными обычной лестью, член комиссии по делам индейцев Френсис Уокер обратился сразу к кайовам и команчам. Он предъявил им поразительный ультиматум: «До 15 декабря кайовы и команчи, чьи представители находятся здесь: все вожди, предводители, воины и их семьи в полном составе, - должны стать лагерем в радиусе десяти миль вокруг форта Силл и тамошнего агентства, они должны оставаться там до весны, не устраивая никаких волнений, и не должны покидать этой территории без специального разрешения своего агента». Затем он сказал, что команчи-квахеди и другие отряды, отказавшиеся прислать своих представителей в Вашингтон, вскоре услышат о том, что войска Соединенных Штатов направлены против них. Более того, каждый индеец, который не станет лагерем в десятимильной зоне вокруг форта Силл к 15 декабря, будет рассматриваться как враг правительства Соединенных Штатов, таких индейцев солдаты будут убивать, где бы они их ни обнаружили.

Десять Медведей и Тосави ответили, что отряды команчей поступят так, как того хочет Великий Отец, однако Одинокий Волк высказал сомнение в том, удастся ли ему навязать такой ультиматум всем кайовам. Он объяснил, что Сатанта и Большое Дерево являются военными вождями племени, и до той поры, пока техасцы держат их в тюрьме, многие юноши будут вынуждены вести войну с техасцами. Мир может быть достигнут только в том случае, если Сатанте и Большому Дереву будет дана свобода и они вернуться в резервацию, где смогут удерживать юношей от набегов на Техас.

Конечно, это условие было продумано во время «впечатляющей и трогательной» встречи вождей кайовов в Сент-Луисе. Маневр Одинокого Волка был достоин опытного дипломата, и, хотя член комиссии Уокер не был уполномочен отдавать приказ губернатору Техаса об освобождении Сатанты и Большого Дерева, он в конце концов вынужден был пообещать освободить вождей, прежде чем Одинокий Волк согласится на его ультиматум. Более того, Одинокий Волк поставил крайний срок освобождения - не позже конца Месяца Бутонов и начала Месяца Листьев, то есть до конца марта 1873 г.

Одним из результатов визита индейцев в Вашингтон было окончательное отчуждение Десяти Медведей от команчей. В то время как Одинокий Волк вернулся в резервацию героем, индейцы совершенно игнорировали Десять Медведей как вождя. Больной и измученный, этот старый поэт равнин пал духом и скончался 23 ноября 1872 г. «Весь народ, за исключением его сына, - говорил учитель из агентства Томас Баттей, - отвернулся от него».

Тем временем, согласно предупреждению члена комиссии Уокера, армейское командование приступило к розыскам свободных команчей-квахеди на равнинах Стейкид-Плейнс. Выйдя

из форта Ричардсон, четвертый кавалерийский полк стал прочесывать местность в районе верхних притоков реки Ред-Ривер. Этим кавалеристов вел Рендал Маккензи, крепкий, вспыльчивый Орлиный Вождь, носивший бакенбарды. Команчи называли его Мангохеуте, Трехпалый. (Он лишился указательного пальца во время Гражданской войны.) 29 сентября возле Макклеллан-Крик разведчики Трехпалого обнаружили большое селение команчей, людей Бычьего Медведя. Индейцы сушили мясо, готовясь к зиме. Солдаты галопом ворвались в лагерь, убили 23 человека, захватили в плен 120 женщин и детей и угнали почти весь табун - более тысячи лошадей. Спалив 262 вигвама, Маккензи двинулся назад вниз по ручью и стал на ночь лагерем. Тем временем несколько сот воинов, бежавших во время атаки, пришли в соседнее селение команчей. Одолжив лошадей и получив свежее подкрепление, они ночью неожиданно напали на кавалеристов Маккензи. «Мы отбили всех наших лошадей и захватили несколько солдатских», - рассказывал впоследствии один из воинов. Но индейцам не удалось освободить захваченных женщин и детей, и после того, как Маккензи привел их в форт Силл, Бычий Медведь и некоторое количество команчей явились в резервацию, чтобы быть вместе со своими семьями. Однако основная часть команчей-охотников все еще свободно бродила вслед за своими бизонами, постоянно пополняясь пришельцами из других племен, и под предводительством двадцатисемилетнего Гуанаха Паркера была непримиримей, чем когда-либо.

При первых же признаках весны в 1873 г. кайовы начали готовиться к большому празднику, на котором они собирались приветствовать Сатанту и Большое Дерево, когда те вернутся. В течение зимы Лысый Татум употреблял все свое влияние на то, чтобы воспрепятствовать освобождению этих вождей, однако член комиссии по делам индейцев одержал верх. Татум вышел в отставку, и Джеймс Ховорт занял его пост. Когда миновал Месяц Бутонов и Месяц Листьев был в разгаре, Одинокий Волк начал поговаривать о войне с техасцами, если те откажутся освободить вождей. Птица, Бьющая Ногой призывал воинов к терпению; у губернатора Техаса были неприятности с техасскими гражданами, ненавидевшими индейцев. Наконец, в Месяце, Когда Олень Сбрасывает Рога (август) чиновники из Вашингтона условились о том, что Сатанта и Большое Дерево будут переведены в форт Силл в качестве заключенных. Вскоре после этого сам губернатор Техаса прибыл на большой совет.

В этот день Сатанте и Большому Дереву было позволено присутствовать на совете под конвоем солдат. Губернатор открыл заседание, объявив, что кайовы должны селиться на фермах возле агентства. Они должны получать свое продовольствие и присутствовать на переключке каждые три дня, они должны удерживать своих юношей от набегов на Техас, они должны отказаться от своих коней, сдать оружие и выращивать зерно, подобно всем цивилизованным индейцам. «Тем временем, - продолжал он, - Сатанта и Большое Дерево будут оставаться под стражей, пока командир форта Силл не убедится в том, что все перечисленные мной условия соблюдаются».

Первым заговорил Одинокий Волк: «Вы уже задобрили наши сердца, вернув нам наших узников. Сделайте их еще добрее, освободите вождей сегодня же».

Но губернатор не уступил. «Я не изменю этих условий», - сказал он, и на этом совет закончился.

Одинокий Волк был горько разочарован. Условия были слишком жесткими, а вожди по-прежнему находились в заключении. «Я хочу мира, - говорил он учителю Томасу Баттею. - Я много сделал для мира. Вашингтон обманул меня - он не сдержал обещания, данного мне и моему народу, и теперь нам ничего не остается, кроме войны. Я знаю, что война с Вашингтоном означает смерть для моего народа, но нас толкают на это; нам лучше умереть, чем жить так».

Даже Птица, Бьющая Ногой был раздражен требованиями губернатора: «Мое сердце стало твердым, как камень. Я протянул руку белому человеку, считая его другом, но он не друг; правительство обмануло нас; Вашингтон гниет».

Баттей и новый агент Ховорт, оба понимали, что возможно кровопролитие, даже открытая война, если правительство не сделает жеста доброй воли и не освободит Сатанту и Большое Дерево из-под стражи. Они отправились к губернатору и убедительно настаивали на том, чтобы последний смягчился. Тогда же поздней ночью губернатор отправил послание Одинокому Волку и другим вождям, приглашая их встретиться с ним на следующее утро. Кайовы согласились, но между собой еще до рассвета решили, что больше не будут слушать лживые обещания. Они явились на эту встречу в полном вооружении, расставив воинов возле гауптвахты и приготовив быстрых лошадей на случай бегства.

Все это не ускользнуло от внимания губернатора Техаса. Его речь была краткой, и в ней он выразил уверенность в том, что кайовы будут держаться обязательств, принятых ими по соглашению, и затем объявил, что он освобождает Сатанту и Большое Дерево под честное слово их агента. Узники были свободны. Одинокий Волк одержал еще одну бескровную победу.

В Месяце, Когда Облетают Листья Сатанта вошел в свой выкрашенный красной краской вигвам, на шестах которого над дымовыми отверстиями развевались вымпелы. Он отдал свое красное магическое копье старому другу Белой Коровьей Птице и сказал, что он не хочет больше быть вождем. Он хочет только быть свободным и счастливым, хочет бродить по прериям. Однако он сдержал свое слово и остался возле агентства, не ускользнув этой осенью к юношам на Стейкид-Плейнс.

В Месяце Отлета Гусей несколько белых грабителей из Техаса устроили набег на табуны кайовов и команчей и угнали двести самых лучших лошадей. Группа воинов отправилась в погоню, но им удалось отбить всего нескольких животных, прежде чем техасцы успели переправиться через Ред-Ривер.

Вскоре после этого группа из девяти молодых кайовов и двадцати одного команча решила отправиться на юг за лошадьми, чтобы возместить потерю. Не желая причинять неприятности Сатанте и Большому Дереву, они направились в Мексику, а не в Техас.

Держась в стороне от поселений, они быстро проскакали 500 миль и переправились через Рио-Гранде между Игл-Пасс и Ларедо. В Мексике они совершали набеги на ранчо до тех пор, пока не собрали почти столько же лошадей, сколько техасцы украли у них. Однако им пришлось убить нескольких мексиканцев для того, чтобы захватить этих лошадей, а на обратном пути они убили двух жителей Техаса, пытавшихся остановить их. Тут «синие мундиры» бросились в отчаянную погоню за ними, и во время боя неподалеку от форта Кларк девять молодых индейцев были убиты. Среди них Тауанкиа и Гуитан, сын и племянник Одинокого Волка.

В середине зимы уцелевшие вернулись в форт Силл. Команчи оплакивали потерю своих самых храбрых юношей. Скорбя о сыне, Одинокий Волк обрзал свои волосы, сжег вигвам, зарезал своих лошадей и поклялся отомстить техасцам.

Весной 1874 г., как только зазеленела трава, Одинокий Волк снарядил отряд, чтобы идти в глубь Техаса и вернуть в лагерь тела Тауанкиа и Гуитана. Поскольку в резервации за ними внимательно следили, кайовам не удалось сохранить в тайне готовящуюся экспедицию, и едва они переправились через Ред-Ривер, как три колонны «синих мундиров» двинулись им наперерез - из фортов Кончо, Мак-Кавитт и Кларк. Одинокому Волку как-то удалось избежать столкновения со своими преследователями. Индейцы достигли места захоронения, взяли тела сына и племянника Одинокого Волка и повернули на север к Стейкид-Плейнс. Однако один кавалерийский отряд подошел к ним так близко, что им пришлось вновь захоронить тела на склоне горы. Разбившись на небольшие группы, кайовы стали уходить

через Стейкид-Плейнс. Большинство из них достигло Ред-Ривер как раз тогда, когда там распространился слух о весьма необычной Пляске Солнца, которая устраивалась возле Элк-Крик.

В течение многих лет кайовы приглашали своих друзей команчей присутствовать на их Плясках Солнца, но команчи всегда приходили только как зрители, а сами никогда не устраивали подобной Церемонии. Весной же 1874 г. команчи сами пригласили кайовов присутствовать на их первой Пляске Солнца и заодно обсудить, что делать с белыми охотниками, которые уничтожают стада бизонов на Стейкид-Плейнс. Птица, Бьющая Ногой отказался принять это приглашение. Он слышал, что команчи-квахеди устраивают Пляску Солнца, но команчи считались врагами правительства, и Птица, Бьющая Ногой убеждал своих сторонников оставаться в лагерях, ожидая собственной Пляски Солнца, которая состоится в июле. Однако Одинокий Волк, все еще скорбевший о смерти своего сына и разгневанный на белых людей за то, что они не дали ему даже привезти останки юноши в лагерь и похоронить подобающим образом, решил отвести своих сторонников на Пляску Солнца к команчам. Сатанта пошел вместе с ним; отпущенный на поруки вождь не видел ничего дурного в посещении церемонии команчей, которая будет проходить в границах резервации: ведь это всего лишь долг вежливости.

Команчи-квахеди явились на Элк-Крик в полном составе, прискакав со Стейкид-Плейнс и принеся с собой дурные вести о стадах бизонов. Белые охотники, добывавшие шкуры бизонов, были повсюду; смрад от гниения трупов осквернял даже ветры, дувшие на равнинах; подобно тому как белые люди сводили с лица земли индейцев, они сводят с лица земли и огромные стада бизонов.

(Из 3700 тыс. бизонов, уничтоженных с 1872 по 1874 г., только 150 тыс. было убито индейцами. Когда обеспокоенные техасцы спросили у генерала Шеридана, нельзя ли как-нибудь остановить белых охотников, совершающих массовое убийство бизонов, генерал ответил: «Пусть убивают, снимают шкуры и продают их до тех пор, пока бизоны не будут полностью уничтожены, - только так можно достичь длительного мира и прогресса цивилизации».)

Свободные квахеди не хотели иметь никакого отношения к цивилизации, которая достигается истреблением полезных животных. Во время Пляски Солнца команчей один из пророков индейцев квахеди, по имени Исатаи, призвал к войне ради спасения бизонов. Исатаи был Великим шаманом; говорили, что он может изрыгнуть из своего чрева столько боеприпасов, сколько умещается в фургоне, и что он способен на лету останавливать пули белого человека.

Гуанак Паркер, молодой вождь индейцев квахеди, тоже призывал к войне для того, чтобы изгнать белых охотников с пастбищ. Он считал, что индейцам следует для начала ударить по базе белых охотников - торговой фактории Эбоуд-Уоллс возле реки Канейдиан.

Еще до окончания Пляски Солнца отряд шайенов и арапахов прибыл из своей резервации на севере к месту пляски. Они были очень разгневаны, поскольку несколько белых конокрадов угнали шестьдесят их лучших мустангов. В краже подозревали белых охотников на бизонов. Услышав о том, что Гуанак намерен атаковать белых охотников в Эбоуд-Уоллс, они решили примкнуть к индейцам квахеди. Одинокий Волк и Сатанта со своими воинами тоже вызвались сражаться. По их разумению, необходимость спасти бизонов от уничтожения имела куда большее значение, чем подчинение мелким правилам, установленным в резервации. В конце концов, разве эти охотники не вторглись на пастбища бизонов, отданные по договору в исключительное пользование индейцам? Раз солдаты не изгнали охотников, что им положено было сделать, это должны сделать индейцы.

На ущербе Месяца Лета всего семьсот воинов двинулось на запад от Элк-Крик. По дороге Исатаи сделал магический амулет и подбадривал воинов, говоря: «Эти белые люди не

смогут поразить вас. С помощью своего амулета я остановлю их пули. Вы пойдете в атаку и убьете их всех».

На рассвете 27 июня воины приблизились к Эбоуд-Уоллс и стали готовиться к мощной атаке, чтобы разом уничтожить всех охотников на бизонов, находившихся на базе. «Мы хорошенько пришпорили наших лошадей и поскакали в атаку, подняв облако пыли», - рассказывал впоследствии Гуадах Паркер. Земля была испещрена норами степных собак, и многие лошади, на скаку попадая в них копытами, падали и катились по земле вместе со своими всадниками в боевой раскраске. Индейцы наткнулись на двух охотников, пытавшихся спастись бегством в своем фургоне. Они убили и скальпировали обоих. Ружейные выстрелы и топот копыт насторожили белых людей, находившихся в помещениях базы, и они открыли огонь из дальнобойных охотничьих ружей. Индейцы подались назад, а затем начали свою традиционную атаку в объезд, во время которой отдельные воины выскакивают вперед, чтобы метнуть копьё или выстрелить по окнам.

«Я взобрался вместе с другими команчами на крышу укрепления, - говорил Гуадах. - Мы пробивали дыры в кровле, чтобы стрелять внутрь». Несколько раз индейцы отступали, чтобы атаковать вновь, надеясь вынудить охотников растратить весь свой боезапас. В одной из этих атак под Гуадахом была убита лошадь, и, пока он пытался укрыться, пуля пробила ему плечо. Он заполз в заросли дикой сливы, откуда его позднее вынесли.

«Охотники на бизонов были слишком сильны для нас, - признавался один из команчей. - Их защищали стены укрепления. На их винтовках были оптические прицелы... Один из наших людей был выбит из седла пулей на излете, выпущенной по нему с расстояния около мили. Пуля оглушила его, но не убила».

К вечеру атаковавшие отступили из зоны, простреливавшейся мощными охотничьими ружьями. Пятнадцать воинов было убито, гораздо больше тяжело ранено. Индейцы обратили свой гнев и разочарование на Исатаи, обещавшего защиту от пуль белых людей и великую победу. Один разгневанный шайен стал хлестать шамана своей плетью, и несколько воинов присоединилось к нему, но Гуадах остановил избиение. Он сказал, что позор Исатаи - достаточное наказание. С этого дня Гуадах Паркер больше никогда не доверялся шаманам.

После того как вожди прекратили бесполезную осаду Эбоуд-Уоллс, Одинокий Волк и Сатанта повели своих воинов назад к северному притоку Ред-Ривер, чтобы принять участие в Пляске Солнца кайовов. Разумеется, они пригласили своих друзей команчей и шайенов поехать вместе с ними. В это лето главной особенностью церемоний кайовов было празднование возвращения в резервацию Сатанты и Большого Дерева. Индейцы квахади и шайены упрекали индейцев резервации в том, что те устраивают праздники в то время, как вторгшиеся белые охотники уничтожают стада бизонов. Они убеждали всех кайовов присоединиться к ним в войне за спасение бизонов.

Птица, Бьющая Ногой не слушал ни одного из их доводов. Как только закончилась Пляска Солнца, он поспешно увел своих сторонников к агентству. Однако Одинокий Волк и его последователи были убеждены, что они должны остаться с решительными индейцами квахади.

На этот раз Сатанта не пошел вместе с Одиноким Волком. Решив, что он достаточно испытывал свое счастье, этот общительный и воинственный вождь неохотно повернул назад к форту Силл. По пути он взял с собой свою семью и нескольких друзей, находившихся возле Рейни-Маунтин-Крик, с тем чтобы посетить резервацию Уичито, где они обычно торговали с тамошними индейцами, выращивавшими зерно. Стояло славное лето, и Сатанта не спешил возвращаться в форт Силл, где надо выходить на переключки и выпрашивать пайки.

К концу лета, казалось, все на равнинах стало оборачиваться бедой. День за днем солнце пекло землю, и она делалась все суше, ручьи пересыхали, огромные тучи саранчи падали с тусклого, как металл, неба и пожирали иссохшую траву. Если бы такая засуха случилась на этой земле несколькими годами раньше, миллионы бизонов потрясли бы прерии грохотом своих копыт в диком, паническом стремлении к воде. Но теперь стада исчезли на этих опустошенных пространствах, покрытых костями, черепами и гниющими копытами. Почти все белые охотники ушли. Группы команчей, кайовов, шайенов и арапахов по-прежнему неумоимо бродили по равнинам в поисках бизонов, но находили лишь небольшие стада, так что многим пришлось вернуться в резервацию, чтобы не умереть с голоду.

В агентствах царило смятение. Намерения армейского командования и индейского бюро не совпадали. Припасы не подвозились. Некоторые агенты задерживали выдачу продовольствия, чтобы таким образом наказать индейцев за то, что те отлучались на охоту без разрешения. То там, то здесь происходили бунты; индейские воины и солдаты вступали в перестрелки. К середине июля половина кайовов и команчей, зарегистрированных в агентстве форта Силл, исчезли с территории резервации. Как будто ведомые сверхъестественной силой, эти последние племена, жившие охотой на бизонов, стекались в самое сердце последнего пастбища бизонов - каньон Пало-Дуро.

Каньон Пало-Дуро был невидим на фоне плоского горизонта, он представлял собой изогнутую расселину, прорезавшую равнину. Это был оазис с источниками, водопадами и ручьями, где ивы и бизонья трава были зелеными и пышными. В каньон можно было проникнуть лишь по нескольким тропам, протоптанным стадами бизонов. В XVI в. там побывал Коронадо, и лишь несколько белых людей видели каньон с той поры, большинство же вообще не ведало о его существовании.

В конце лета 1874 г. индейцы и бизоны ежедневно прибывали в каньон, ища в нем убежища. Индейцы убивали лишь такое количество бизонов, какое было им необходимо для обеспечения запасов на зиму; они тщательно срезали мясо, сушили его на солнце и складывали мозг и жир в кожаные мешки, выделывали из сухожилий тетиву и нитки, делали ложки и чашки из рогов, плели из волоса веревки и пояса, обрабатывали кожи, чтобы сделать из них покрытия для вигвамов, одежду и мокасины.

До начала Месяца Желтой Листвы дно каньона вдоль течения ручья покрылось лесом вигвамов; кайовы, команчи и шайены - все хорошенько запаслись пищей, чтобы протянуть до весны. Почти две тысячи лошадей делили с бизонами сочную траву. Не ведая страха, женщины занимались хозяйством, а дети плескались в ручьях. Для Гуанаха и индейцев квахади это был их обычный образ жизни; Одинокому Волку, кайовам и прочим беглецам из резерваций казалось, что они возродились к жизни.

Такой вызов белым людям, разумеется, был невыносим для властей опустевших резерваций. Едва непримиримые квахади и их союзники устроились на зиму в своих скрытых селениях, как Великий Воин Шерман начал отдавать приказы своим войскам. В сентябре пять колонн «синих мундиров» выступили в поход. Из форта Додж Нельсон Майлс (Медвежий Мундир) двинулся на юг; из форта Кончо Маккензи (Трехпалый) пошел на север. Из форта Баском, штат Нью-Йорк, майор Уильям Прайс отправился на восток; из фортов Силл и Ричардсон выступили полковник Джон Дэвидсон и Джордж Буэл. Тысячи «синих мундиров», вооруженных скорострельными винтовками, в сопровождении артиллерии разыскивали несколько сот индейцев, желавших только спасти своих бизонов и жить своей жизнью на свободе.

26 сентября, используя в качестве разведчиков наемников из племени тонкава, кавалеристы Маккензи разыскали большое селение в Пало-Дуро. Кайовы Одинокого Волка приняли на себя ярость первого натиска. Хотя они были застигнуты врасплох, воины все же держались достаточно долго, для того чтобы дать возможность спастись женщинам и детям. Затем они отступили под покровом плотного облака порохового дыма. Солдаты Маккензи понеслись

вверх по ручью, сжигая вигвамы и уничтожая зимние припасы индейцев. К концу этого дня они окружили более тысячи лошадей. Маккензи приказал отогнать животных в долину реки Туле, и там «синие мундиры» расстреляли их, оставив трупы тысячи лошадей кружившимся в небе стервятникам.

Индейцы рассеялись по равнинам пешие, без еды и без крова. А тысячи «синих мундиров» двигались с четырех сторон, методически вылавливая их. Колонны прошли равнины вдоль и поперек, подбирая сначала раненых, потом престарелых индейцев, потом женщин и детей.

Одинокому Волку и 252 кайовам удалось избежать плена, но вскоре и они не смогли более продолжать бегство. 25 февраля 1875 г. они пришли в форт Силл и сдались. Через три месяца Гуанах привел своих квахади.

В разгар военных действий взятые на поруки вожди Сатанта и Большое Дерево бежали из резервации. Достигнув агентства шайенов, они добровольно сдались, однако были закованы в кандалы и помещены в караульное помещение.

В форте Силл сдавшийся отряд индейцев был загнан в кораль, где солдаты разоружили их. Их скудные пожитки свалили в кучу и сожгли. Их лошадей и мулов выгнали в степь и расстреляли.

Вожди и воины, которых считали ответственными за уход из резервации, были заключены в камеры или посажены за высокие стены не имеющих кровли ледохранилищ. Каждый день им швыряли туда куски сырого мяса, как зверям в клетки.

Из Вашингтона Великий Воин Шерман приказывал судить и наказывать пленников. Агент Ховорт просил снисхождения для Сатанты и Большого Дерева. Шерман не держал ничего на сердце против Большого Дерева, но он помнил вызывающее поведение Сатанты, и Сатанта один вернулся в техасскую тюрьму.

Поскольку военные власти не могли решить, кого из множества пленников им следует наказать, они велели Птице, Бьющей Ногой отобрать двадцать шесть кайовов для заключения в темницы форта Мэрион, штат Флорида. Как ни отвратительна была эта задача, Птица, Бьющая Ногой подчинился приказу. Он знал, что во Флориду должны пойти Одинокий Волк, Женское Сердце, Большой Конь и Маманти, Ступающий По Небу, так как они сражались в Техасе. Для пополнения недостающего числа он выбрал малоизвестных воинов и нескольких мексиканских пленников, выросших в племени.

Тем не менее из-за участия Птицы, Бьющей Ногой в вынесении приговора своим соплеменникам вождь утратил поддержку своих сторонников. «Я подобен камню, который разбили и отшвырнули прочь, - печально рассказывал он Томасу Баттею. - Один обломок швырнули туда, а другой сюда».

В день, когда закованных в кандалы узников стали грузить в фургоны, чтобы отправить в дальний путь во Флориду, Птица, Бьющая Ногой выехал к ним, чтобы попрощаться. «Мне жаль вас, - сказал он. - Но из-за вашего упрямства мне не удалось уберечь вас от беды. Теперь вас накажет правительство. Вот вам ваш амулет. Ваше заключение продлится недолго. Я люблю вас всех и сделаю все для вашего освобождения».

Маманти, Ступающий По Небу, презрительно ответил ему: «Ты остаешься на свободе большим человеком в глазах белых людей. Но ты долго не проживешь, Птица, Бьющая Ногой. Я присмотрю за этим».

Через два дня, выпив чашку кофе в своем вигваме возле гарнизонного поста, Птица, Бьющая Ногой загадочным образом скончался. Три месяца спустя в форте Мэрион, узнав о смерти Птицы, Бьющей Ногой, Маманти тоже внезапно умер, и кайовы говорили, что шаман хотел своей смерти, ибо использовал свою силу для истребления соплеменника. Через три года, находясь в тюремном госпитале в Техасе, Сатанта выбросился из окна, найдя освобождение

в смерти. В тот же год Одинокому Волку, изнуренному малярией, было разрешено вернуться в форт Силл, но и он умер, не прожив и года.

Великих вождей больше не стало; мощь кайова и команчей была сломлена; бизоны, которых они пытались спасти, исчезли. Все это произошло менее чем за десять лет.

XII. ВОЙНА ЗА ЧЕРНЫЕ ХОЛМЫ (БЛЭК-ХИЛС)

Ни одному лицу или лицам белой расы не позволяется селиться или занимать какую-либо часть этой территории или без согласия индейцев проходить через последнюю.

Договор 1868 г.

Мы хотим, чтобы ни одного белого человека не было на этой земле. Черные холмы принадлежат мне. Если белые захватят их, я буду сражаться.

Татанка Йотанка (Сидящий Бык)

Никто не продает землю, по которой ходят люди.

Тачунка Витко (Бешеный Конь)

Белые люди кишат в Черных холмах, как черви. Я прошу увести их отсюда как можно скорее. Вождь всех грабителей (генерал Кастер) прошлым летом прокладывал дорогу в Черные холмы, и я прошу Великого Отца возместить ущерб, причиненный Кастером.

Бантисте Гуд

Индейцы считают Черные холмы центром своей земли. Десять народов племени сиу глядят на них как на центр своей земли.

Татоке Инйанке (Бегущая Антилопа)

Юноши Великого Отца хотят унести золото из этих холмов. Надеюсь, им удастся наполнить золотом много домов. За это вы должны обеспечивать мой народ всем необходимым до тех пор, пока он жив.

Мато Ноупа (Два Медведя)

Великий Отец сказал членам комиссии, что все индейцы имеют право на землю в Черных холмах и что любое решение индейцев относительно этой земли будет уважаться... Я индеец, и белые глядят на меня как на глупца, но это оттого, что я следую советам белого человека.

Шунка Витко (Глупый Пес)

У нашего Великого Отца есть большой сейф, и у нас есть большой сейф. Этот холм - наш сейф... Мы хотим семьдесят миллионов долларов за Черные холмы. Положите эти деньги в какой-нибудь банк, так чтобы на проценты мы могли покупать скот. Так обычно поступают белые люди.

Мато Глеска (Пятнистый Медведь)

Вы собрали нас всех вместе и покрыли наши головы одним одеялом. Эти холмы - наше богатство, но вы требуете их у нас... Вы, белые люди, пришли в наши резервации и берете себе наше имущество, и вам этого мало, вы хотели бы захватить целиком все наше богатство.

Мертвые Глаза

Я никогда не хотел покидать этот край; все мои родичи лежат в здешней земле, и, если я погибну, я хотел бы погибнуть здесь.

Шункаха Напин (Волчье Ожерелье)

Мы сидели и смотрели, как они шли сюда добывать золото, но мы ничего не сказали... Друзья мои, когда я был в Вашингтоне, я был в доме, где хранятся деньги, и со мной были юноши, но никто из них не взял денег, хранившихся в этом доме, пока я был с ними. А когда люди вашего Великого Отца приходят в мою страну, в мой денежный дом [Блэк-Хилс], они берут деньги.

Маватани Ханска (Длинный Мандан)

Друзья мои, долгие годы мы жили в этой стране; мы никогда не приходили в страну Великого Отца и ничем не беспокоили его. Это его люди пришли в наши края и беспокоят нас, часто поступают дурно и учат дурному наших людей... И до того, как вы переправились через океан, вступив в эту страну, и с той поры до сего дня вам никогда не доводилось покупать страну, которая могла бы сравниться своим богатством с этим краем. Друзья мои, этот край, который вы пришли купить, - лучшее из того, что мы имеем... Этот край принадлежит мне, я вырос в нем; мои предки жили и умерли в нем; и я хочу в нем остаться.

Канги Вийака (Воронье Перо)

Вы изгнали нашу дичь из этой страны, то, чем мы жили, и теперь у нас не осталось ничего ценного, кроме этих холмов, а вы хотите, чтобы мы от них отказались... Эта земля полна всяких минералов, сверху она покрыта могучими сосновыми лесами, и, если мы откажемся от всего этого, отдав Великому Отцу, мы лишим и себя и белых людей нашей последней ценности.

Ваниги Ска (Белый Дух)

Когда горят прерии, вы видите животных, окруженных огнем; вы видите, как они бегут и пытаются укрыться от огня. Вот что с нами здесь происходит.

Найинйанупи (Окруженный)

Вскоре после того, как Красное Облако и Пятнистый Хвост со своим народом тетон-сиу поселились в резервации на северо-западе штата Небраска, среди белых поселенцев стали распространяться слухи о том, что в недрах Черных холмов скрыты огромные запасы золота. Пана-Сапа, Черные холмы, были для индейцев центром мира, обиталищем богов, священными горами, куда воины приходили говорить с Великим Духом и ожидать видений. В 1868 г. Великий Отец решил, что эти холмы не имеют никакой ценности, и по договору навсегда отдал их индейцам. Через четыре года белые старатели нарушили этот договор. Они вторглись в Пана-Сапа, ища в скалистых ущельях и в чистых ручьях желтый металл, от которого белые люди сходили с ума. Когда индейцы обнаруживали этих безумных белых людей в своих священных холмах, они убивали или прогоняли их. В 1874 г. жаждущие золота американцы подняли такой безумный шум, что армейскому командованию было приказано провести разведку в Черных холмах. Правительство Соединенных Штатов не позаботилось заручиться согласием индейцев прежде, чем начать это вооруженное вторжение, хотя Договор 1868 г. запрещал белым проникать в Черные холмы без разрешения индейцев.

В Месяце Красных Вишен более тысячи всадников двинулось через равнины из форта Авраам Линкольн к Черным холмам. Это был седьмой кавалерийский полк, и возглавлял его генерал Джон Армстронг Кастер, тот самый Звездный Вождь, который зверски уничтожил в 1868 г. южных шайенов Черного Котла на реке Уошито. Индейцы сиу называли его Пахуска, Длинноволосый. Поскольку никто не предупредил их о его приходе, индейцы, не подготовленные к обороне, могли лишь издали наблюдать, как длинные колонны кавалеристов в синей форме и покрытые брезентом фургоны с припасами вторгаются в их священную страну.

Когда Красное Облако услышал об экспедиции Длинноволосого, он выразил протест: «Мне не нравится, что генерал Кастер со своими солдатами идет в Черные холмы, ибо эта страна принадлежит оглала-сиу». Это была также страна шайенов, арапахов и других племен сиу. Гнев индейцев был достаточно силен для того, чтобы Великий Отец Улисс Грант заявил о своей твердой решимости «предотвратить всякое вторжение в эту страну до тех пор, пока по закону и договору она гарантирована индейцам».

Но когда Кастер сообщил, что холмы полны золота «от корней травы и ниже», партии белых людей начали собираться, как летняя саранча, сходя с ума от желания поскорее начать промывать песок и рыть землю. Эта тропа, которую кастеровские фургоны с провиантом проложили в самое сердце Пана-Сапа, вскоре превратилась в Дорогу воров.

У Красного Облака этим летом были неприятности с агентом его резервации Дж. Савиллем по поводу недоброкачества продуктов, отпускаемых оглалам. Поглощенный своими заботами, Красное Облако не смог сразу оценить весь ущерб от вторжения Кастера в Черные холмы, особенно ощутимый для тех индейцев сиу, которые каждую весну покидали свои резервации и охотились, разбивая стоянки вблизи от этих холмов. Подобно многим другим состарившимся вождям, Красное Облако уделял слишком много внимания незначительным деталям и терял связь с более молодыми соплеменниками.

Осенью после летней экспедиции Кастера индейцы сиу, охотившиеся на севере, стали возвращаться в агентство Красного Облака. Они были злы, как осы, из-за вторжения в Пана-Сапа, и кое-кто поговаривал о формировании боевого отряда, с тем чтобы вернуться и напасть на белых старателей, наводняющих холмы. Красное Облако слушал эти речи, однако советовал юношам запастись терпением. Он был уверен, что Великий Отец будет верен своему обещанию и пришлет солдат, чтобы изгнать старателей.

Однако в Месяце, Когда Облетают Листья произошел случай, заставивший Красное Облако осознать, до какой степени его юноши рассержены на солдат Длинноволосого. 22 октября агент Савилль послал нескольких белых рабочих срубить высокую сосну и принести ее ствол в укрепление. Увидев сосновый столб, лежащий на земле, индейцы спросили Савилля, для чего тот ему нужен. Агент ответил, что ствол нужен для флагштока, он хочет, чтобы над укреплением развеялся флаг. Индейцы стали возражать. Во всех лагерях у Длинноволосого, расположенных в Черных холмах, тоже развеваются флаги; индейцы не хотят в своем агентстве никаких флагов и вообще ничего, напоминающего им о солдатах.

Савилль не обратил внимания на эти возражения и следующим утром поставил своих людей рыть яму под флагшток. Через несколько минут явились молодые воины с топорами и стали рубить столб на куски. Савилль приказал им остановиться, но они не обратили на него никакого внимания. Тогда агент побежал в контору Красного Облака и попросил его остановить воинов. Красное Облако отказался, ибо он знал, что воины всего лишь выражают свой гнев на вторжение Длинноволосого в Черные холмы.

Тогда разъяренный Савилль приказал одному из своих рабочих скакать в солдатский городок (форт Робинсон) и вызвать на подмогу роту кавалеристов. Когда демонстрировавшие свой гнев воины увидели человека, скачущего к форту, они догадались о его миссии.

Воины бросились к своим вигвамам, вооружились, раскрасили себя для битвы и двинулись наперерез кавалеристам, которых было всего двадцать шесть во главе с лейтенантом. Воины окружили их, стреляя из своих ружей в воздух и издавая боевой клич. Лейтенант (Эммит Кроуфорд) не выказал никакого страха. Сквозь огромное облако пыли, поднятое вертевшимися вокруг солдат воинами, он продолжал неуклонно вести своих людей к агентству. Некоторые наиболее юные воины стали подъезжать ближе, сталкивая своих лошадей с лошадьми кавалеристов, полные решимости поскорее начать бой.

На этот раз на выручку лейтенанту Кроуфорду галопом прискакало не соединение кавалеристов, а группа индейцев сиу, живших в агентстве, во главе с Юношей, Боящимся Своих Лошадей, сыном Старика, Боящегося Своих Лошадей. Индейцы из агентства прорвали окружение воинов и, образовав оцепление для защиты «синих мундиров», проводили их до укрепления. Нападавшие воины, однако, были все еще настолько сердиты, что пытались сжечь укрепление, и только убедительное красноречие Красной Собаки и Старика, Боящегося Своих Лошадей остановили эту новую демонстрацию гнева.

Вновь Красное Облако отказался вмешаться. Он не был удивлен, когда многие из протестовавших воинов сложили свои пожитки, разобрали вигвамы и снова двинулись на север, чтобы зимовать вне резервации. Они утвердили его в мысли, что есть еще воины сиу, которые никогда не смогут легко отнестись к вторжению в Пана-Сапа, и все же Красное Облако не понял того, что эти юноши потеряны для него навеки. Они отказались от его предводительства в пользу Сидящего Быка и Бешеного Коня, ни один из которых никогда не жил в резервации и не принимал подачек от белого человека.

Весной 1875 г. молва о золоте привлекла в Черные холмы сотни старателей, двигавшихся вверх по реке Миссури и по Дороге воров. Армейские власти послали солдат остановить поток золотоискателей. Несколько человек удалили с холмов, но никаких предусмотренных законом мер против них не было принято, и вскоре они вернулись на свои участки, чтобы продолжать поиски. Генерал Крук (степные индейцы звали его не Серым Волком, а Трехзвездным) провел разведку в Черных холмах и обнаружил там более тысячи золотоискателей. Трехзвездный вежливо уведомил их о том, что они нарушают закон, и приказал им покинуть территорию, но он не делал никаких попыток силой заставить их подчиниться своему приказу.

Встревоженные золотой лихорадкой, охватившей белых людей, и неудачными попытками армии защитить Индейскую территорию, Красное Облако и Пятнистый Хвост направили энергичные протесты в Вашингтон. В ответ Великий Отец выслал комиссию «для переговоров с индейцами сиу об оставлении последними Черных холмов». Другими словами, настало время отобрать еще одну часть той территории, которая была навечно закреплена за индейцами. Как обычно, комиссия состояла из политических деятелей, миссионеров, торговцев и военных офицеров. Сенатор из Айовы Уильям Аллисон был председателем комиссии. Священник Семюэль Хинман, который давно пытался насадить христианство и культуру белых среди индейцев санти, возглавлял миссионеров. Генерал Альфред Терри представлял военных. Джон Коллинз, торговец из форта Ларамы, представлял коммерсантов.

Чтобы обеспечить присутствие не только индейцев, живущих при агентствах, но и тех, кто жил независимо от агентств, были посланы гонцы, чтобы пригласить Сидящего Быка, Бешеного Коня и других «диких» вождей на этот совет. Метис Льюис Ричард доставил правительственное послание Сидящему Быку и зачитал его последнему. «Пойдите и скажите Великому Отцу, - ответил Сидящий Бык, - что я не намерен продавать никаких земель правительству». Он поднял щепотку пыли и добавил: «Даже вот столечко земли». Бешеный Конь тоже был против продажи земель, принадлежащих сиу, в особенности Черных холмов. Он отказался присутствовать на совете, однако Маленький Большой Человек должен был пойти на совет в качестве наблюдателя от оглалов.

Если члены комиссии ожидали спокойной встречи с несколькими податливыми вождями и заключения сделки, не требующей больших финансовых затрат, то совет должен был стать для них полной неожиданностью. Когда они прибыли к месту встречи - на реке Уайт-Ривер, между агентствами Красного Облака и Пятнистого Хвоста, - степи вокруг на многие мили были покрыты вигвамами сиу и огромными табунами пасущихся коней. От реки Миссури на востоке до окрестностей реки Биг-Хорн на западе все племена сиу и многие племена дружественных шайенов и арапахов собрались здесь - более 20 тыс. индейцев.

Мало кто из индейцев видел когда-либо копию договора 1868 г., но большинство понимало значение одной из статей этого священного документа: «Ни один договор о передаче какой-либо части означенных здесь земель резервации... не будет иметь никакой законной силы... если в его оформлении и подписании не примут участие по крайней мере три четверти всех взрослых индейцев мужского пола, занимающих эту землю или каким-либо образом заинтересованных в последней». Если бы членам комиссии даже удалось запугать или подкупить всех присутствующих вождей, они все равно не получили бы более дюжины подписей от тысяч разгневанных, хорошо вооруженных воинов, полных решимости удержать за собой каждую щепотку пыли и каждую былинку на своей территории.

20 сентября 1875 г. комиссия собралась под большим брезентовым навесом, который был натянут возле одинокого тополя, стоящего посреди холмистой равнины. Члены комиссии уселись на стульях, глядя, как тысячи индейцев беспокойно передвигаются вдаль. Отряд из ста двадцати кавалеристов на белых лошадях прибыл из форта Робинсон и выстроился в одну шеренгу позади навеса. Пятнистый Хвост прибыл в фургоне из своего агентства, но Красное Облако объявил, что не будет присутствовать на совете. Прибыли еще несколько вождей, и тут внезапно облако пыли закипело над гребнем одного из отдаленных холмов. Отряд индейцев галопом прискакал к навесу, под которым должен был проходить совет. Воины были одеты для битвы, и, приблизившись, они развернулись и окружили членов комиссии, стреляя в воздух и издавая боевой клич. Затем они рысью отъехали и выстроились в шеренгу позади шеренги кавалеристов. К этому времени второй отряд индейцев уже подъезжал к месту совета, и таким образом племя за племенем прибывали воины сиу, демонстрируя силу, пока огромный круг из нескольких тысяч индейцев не сомкнулся вокруг совета. После этого вожди выступили вперед, весьма удовлетворенные, ибо членам комиссии теперь было над чем поразмыслить. Вожди сели полукругом напротив нервничавших белых людей, с нетерпением ожидая, что те скажут о Черных холмах.

В течение нескольких дней, проведенных в форте Робинсон, члены комиссии наблюдали настроение индейцев и осознали тщетность попытки купить эти холмы, решив вместо этого вести переговоры о праве на разработку залежей минералов. «Сейчас мы спрашиваем вас, хотите ли вы предоставить нашим людям право производить горные работы в Черных холмах, - начал сенатор Аллисон, - до тех пор, пока золото или другие ценные минералы будут здесь добываться, за справедливое и обоснованное вознаграждение. Если вы согласны на это, мы заключим с вами сделку о предоставлении белым такого права. Когда золото или другие ценные породы будут извлечены, земля вновь станет вашей, и вы сможете ею располагать, как вам заблагорассудится».

Пятнистый Хвост воспринял это предложение как нелепую шутку. Выходит, член комиссии просит индейцев одолжить Черные холмы белым людям на время? В свою очередь он спросил сенатора Аллисона, не одолжит ли тот ему свою упряжку мулов на тех же условиях.

«Правительству будет трудно удерживать белых от проникновения в эти холмы, - продолжал Аллисон. - Попытка удержать их причинит и вам и правительству много неприятностей, ибо белых, желающих попасть туда, очень много». Сенатор не представлял себе, как индейцы дорожат долиной реки Паудер, что было очевидно из его следующего предложения: «Есть другая страна, которая протянулась далеко на запад, до самых вершин гор Биг-Хорн, где вы кочуете и охотитесь, права на территорию которой еще не переданы

вам. Кажется, эта земля не представляет большой ценности для вас, а наши люди как раз хотели бы приобрести ее».

В тот момент, когда предложение сенатора Аллисона переводилось, прискакал на лошади Красная Собака и объявил, что он привез послание от Красного Облака. Отсутствовавший вождь оглалов, возможно опасаясь алчности членов комиссии, просил прервать на неделю совет и дать время племенам провести свои собственные советы и рассмотреть на них все предложения, касающиеся их земли. Члены комиссии обсудили этот вопрос и согласились дать индейцам три дня на проведение племенных советов. 23 сентября комиссия должна была получить от вождей определенные ответы.

Мысль об отказе от своего последнего большого охотничьего угодья была настолько нелепой, что никто из вождей даже не обсуждал ее на советах. Зато вожди весьма серьезно обдумывали вопрос о Черных холмах. Некоторые считали, что, если правительство Соединенных Штатов не намерено применять силу для соблюдения договора и удержать белых старателей от проникновения в Черные холмы, тогда, возможно, индейцам следует потребовать выплаты большой суммы денег за желтый металл, извлекаемый из холмов. Другие были полны решимости не продавать холмы ни за какие деньги. Они доказывали, что Черные холмы принадлежат индейцам и что, если «синие мундиры» не выгонят старателей, это должны сделать индейские воины.

23 сентября члены комиссии на армейской санитарной повозке в сопровождении усиленного отряда кавалерии вновь прибыли к месту совета. Красное Облако, прибывший прежде них, энергично протестовал против увеличения числа солдат. Не успел он начать свою вступительную речь, обращенную к членам комиссии, как среди воинов, находившихся в отдалении, произошло внезапное волнение. Около трехсот оглалов, прибывших из долины реки Паудер, рысью спускались вниз по склону холма, постреливая в воздух из винтовок. Некоторые из них пели песню на языке сиу: Черные холмы - моя страна, она мила мне. Кто войдет в нее, услышит звук вот этого ружья.

Один индеец верхом на серой лошади протиснулся сквозь ряды воинов, собравшихся вокруг брезентового навеса. Это был посланец Бешеного Коня, Маленький Большой Человек, обнаженный для боя, с двумя пистолетами за поясом. «Я убью первого же вождя, который выскажется за продажу Черных холмов!» - крикнул он. Он гарцевал на своей лошади перед членами комиссии и вождями.

Юноша, Боящийся Своих Лошадей с группой индейцев сиу, неофициально выполнявшие функции полиции, окружили Маленького Большого Человека и оттеснили его. Однако вожди и члены комиссии должны были понять, что Маленький Большой Человек выразил чувства большинства присутствующих воинов. Генерал Терри предложил своим коллегам, членам комиссии, сесть в армейские санитарные повозки и вернуться под защиту форта Робинсон.

Дав индейцам успокоиться в течение нескольких дней, члены комиссии, не поднимая шума, устроили встречу с двадцатью вождями в главном помещении агентства Красного Облака. В течение трех дней, пока произносились речи, вожди дали ясно понять представителям Великого Отца, что Черные холмы не могут быть проданы дешево, а возможно, что и никакая цена не будет достаточной. В конце концов Пятнистый Хвост стал раздражаться на членов комиссии и потребовал, чтобы те выдвинули какое-нибудь определенное предложение в письменной форме.

Члены комиссии предложили 400 тыс. долларов ежегодно за право разработки залежей минералов; или, если сиу захотят одновременно продать эти холмы, цена будет 6 млн. долларов, которые будут выплачиваться в виде ежегодных взносов в течение пятнадцати лет. (Это была действительно низкая цена, если иметь в виду, что всего лишь один прииск в Черных холмах дал впоследствии золота более чем на 500 млн. долларов.)

Красное Облако даже не появился на последней встрече, поручив Пятнистому Хвосту говорить от имени всех индейцев сиу. Пятнистый Хвост категорически отверг оба предложения. Черные холмы не будут отданы в аренду и не будут проданы.

Члены комиссии собрали свои вещи и вернулись в Вашингтон, где доложили о неудачной попытке убедить индейцев сиу уступить Черные холмы и рекомендовали конгрессу не принимать во внимание пожеланий индейцев, а ассигновать некоторую сумму, назначенную в качестве «справедливого эквивалента стоимости холмов». Они заявили, что эта насильственная покупка Черных холмов должна быть «представлена индейцам в качестве окончательного решения».

Отсюда берет начало цепь событий, результатом которых было самое большое поражение армии Соединенных Штатов за все время ее войны с индейцами, а также окончательная утрата индейцами степей той свободы, которой они до этого обладали.

9 ноября 1875 г. Э. Уоткинс, специальный инспектор Бюро по делам индейцев, сообщил члену комиссии по делам индейцев, что племена, живущие в степях за пределами резервации, сыты и хорошо вооружены, заносчивы и независимы и потому представляют угрозу для существования системы резерваций. Инспектор Уоткинс рекомендовал выслать войска против тех нецивилизованных индейцев «зимой, чем раньше, тем лучше, и, разбив индейцев, привести их к повиновению».

22 ноября 1875 г. Военный министр Белкнэп предупредил о возможных неприятностях в Черных холмах в том случае, если «не будет что-нибудь предпринято для приобретения в собственность этого участка земли для белых старателей, которые привлечены туда сообщениями о богатых залежах драгоценных металлов».

3 декабря 1875 г. Член комиссии по делам индейцев Эдвард Смит приказал племенам сиу и шайенам уведомить всех индейцев, находящихся за пределами резерваций, о необходимости явиться в резервации к 31 января 1876 г. В противном случае будут «посланы войска, для того чтобы заставить их подчиниться приказу».

1 февраля 1876 г. Министр внутренних дел уведомил военного министра, что время, данное «враждебным индейцам» на то, чтобы явиться в свои резервации, истекло и что он передает их в ведение военных властей, с тем чтобы армейское командование предпринимало такого рода действия, которые сочтет необходимыми в зависимости от обстоятельств.

7 февраля 1876 г. Военное министерство уполномочило генерала Шеридана, командовавшего военным округом Миссури, начать операции против «враждебных индейцев», включая отряды под предводительством Сидящего Быка и Бешеного Коня.

8 февраля 1876 г. Генерал Шеридан приказал генералам Круку и Терри начать приготовления к военным операциям в районе рек Паудер, Тонг, Роузбад и Биг-Хорн, «где часто кочуют Бешеный Конь и его союзники».

Как только государственный механизм пришел в движение, он сразу же стал неумолимой силой, не контролируемой и лишеной разума. Когда в конце декабря гонцы отправились из агентств предупредить находящихся вне резервации вождей о необходимости явки, северные степи были покрыты глубоким снегом. Метели и жестокий мороз не дали возможности некоторым посыльным вернуться в агентства и после окончательного срока - 31 января; невозможно было двинуться в путь с женщинами и детьми, имея лишь лошадей и индейские повозки. Если бы нескольким тысячам «враждебных индейцев» каким-либо образом удалось достичь агентств, они бы умерли в них с голоду. В резервациях в конце этой зимы так не хватало съестных припасов, что сотни индейцев в марте покинули их и пошли на север в поисках дичи, чтобы пополнить скудные правительственные пайки.

В январе один из посыльных нашел Сидящего Быка возле устья реки Паудер, где он стоял лагерем. Вождь хункпапов отправил вестника обратно к агенту, уведомляя последнего о том,

что Сидящий Бык считается с приказом явиться в резервацию, но не в состоянии выполнить его до Месяца, Когда Выходит Зеленая Трава.

Дакоты Бешеного Коня стояли зимним лагерем вблизи Бэр-Бат, там, где Дорога воров уходила в Черные холмы с севера. Весной эта стоянка могла стать удобной позицией для нападения на старателей, нарушавших границу земли Пана-Сапа. Когда посыльные агентства добрались через снега к Бешеному Коню, он вежливо сообщил им, что не сможет явиться в резервацию, пока не минуют холода. «Было очень холодно, - вспоминал впоследствии один молодой индеец из оглалов, - много наших людей и лошадей погибло бы в снегах, пойдя мы в резервацию. Кроме того, мы были в своей стране и никому не причиняли вреда».

Ультиматум о явке 31 января был почти объявлением войны независимым индейцам, и многие из них так его и восприняли. Однако индейцы не ожидали, что «синие мундиры» ударят так скоро. В Месяце Слепящего Снега Трехзвездный Крук двинулся на север из форта Феттерман по старому Бозменскому тракту, в те места, где десять лет назад Красное Облако начал упорную борьбу за неприкосновенность долины реки Паудер.

Примерно в то же время смешанный отряд северных шайенов и оглала-сиу покинул агентство Красного Облака и двинулся к окрестностям реки Паудер в надежде найти там бизонов и антилоп. Примерно в середине марта они присоединились к группе живших вне агентства индейцев, стоявших лагерем в нескольких милях от слияния рек Литл-Паудер и Паудер. Две Луны, Волчонок, Старый Медведь, Клен и Белый Буйвол предводительствовали шайенами. Низкий Пес был вождем оглалов, в его отряде были воины, прибывшие из селения Бешеного Коня, расположенного дальше к северу.

Без предупреждения на рассвете 17 марта передовая колонна Крука под командой полковника Джозефа Рейнольдса атаковала этот мирный лагерь. Ничего не опасаясь в своей собственной стране, индейцы спали, когда рота кавалеристов на белых лошадях во главе с капитаном Джеймсом Идженом, развернувшись во фронт, ворвалась в селение, стреляя из пистолетов и карабинов. Одновременно второй отряд кавалеристов подошел к селению с левого фланга, а третий угнал табун индейских лошадей.

Первой реакцией воинов была попытка увести как можно больше женщин и детей подальше от солдат, без разбора стрелявших во все стороны. «Старики ковыляли и хромали, стараясь уйти оттуда, где пули свистели между вигвамами, - рассказывал впоследствии Деревянная Нога. - Воины хватали то оружие, какое им попадалось под руку, и пытались встретить атакующих». Как только неспособные участвовать в бою индейцы двинулись вверх по скалистому склону горы, воины заняли позиции на уступах или за большими камнями. На этих позициях они сдерживали напор солдат до тех пор, пока женщины и дети не переправились через реку Паудер.

«Издали мы видели, как уничтожали наше селение, - рассказывает Деревянная Нога. - Наши вигвамы были сожжены со всем их содержимым... У меня не осталось ничего, кроме одежды, бывшей на мне». «Синие мундиры» уничтожили весь запас пеммикана и все седла, они увели почти всех лошадей, принадлежавших индейцам, «около тысячи двухсот - тысячи пятисот голов». Как только стемнело, воины вернулись к лагерю «синих мундиров», твердо решив отбить украденных лошадей. Две Луны кратко сообщает о происшедшем: «Той ночью солдаты спали, оставив лошадей в стороне; мы прокрались туда вывели лошадей и уехали».

Трехзвездный Крук так разгневался на полковника Рейнольдса за то, что тот дал индейцам уйти из селения и позволил им отбить своих лошадей, что отдал полковника под трибунал. В армейском рапорте этот налет был назван «атакой на селение Бешеного Коня», но Бешеный Конь стоял лагерем на много миль к северо-востоку. Как раз туда Две Луны и другие вожди повели своих бездомных людей в надежде найти пищу и кров. Этот переход длился более

трех дней; температура по ночам падала ниже нуля; лишь на немногих индейцах была одежда из шкур бизонов; и почти вовсе не было пищи.

Бешеный Конь радушно принял беженцев, дал им пищу, одежду и нашел для них место в вигвамах оглалов. «Я рад, что вы пришли, - сказал он вождю Две Луны, выслушав рассказы о разграблении селения. - Нам снова предстоит сражаться с белыми людьми».

«Хорошо, - ответил Две Луны, - я готов сражаться. Я сражался с ними и прежде. Мои люди убиты, мои лошади украдены, я с радостью пойду в бой».

В Месяце, Когда Гуси Кладут Яйца, когда трава высока и кони сильны, Бешеный Конь, свернув свой лагерь, повел оглалов и шайенов на север, к устью реки Тонг, где зимовали Сидящий Бык и его хункпапы. Вскоре туда же прибыл Хромой Олень с отрядом индейцев миннеконьюу и попросил разрешения разбить лагерь поблизости. Он и его люди слышали обо всех передвижениях «синих мундиров» по охотничьим угодьям сиу и хотели быть рядом с сильным отрядом хункпапов Сидящего Быка, если вдруг грянет беда.

Когда потеплело, эти племена начали двигаться на север в поисках крупной дичи и свежей травы. По пути к ним присоединились отряды индейцев брюль, санс-арков, черноногих сиу и новые группы шайенов. Почти все эти индейцы покинули свои резервации, согласно своему, означенному в договоре праву на охоту, и те из них, кто слышал об ультиматуме 31 января, либо считали его всего лишь очередной пустой угрозой агентов Великого Отца, либо считали, что он не распространяется на мирных индейцев. «Многие юноши жаждали сражения с солдатами, - говорил воин-шайен Деревянная Нога. - Но и вожди и старейшины по-прежнему убеждали нас держаться подальше от белых людей».

В то время как эти несколько тысяч индейцев стояли лагерем на Роузбад, к ним присоединилось много молодых воинов из резерваций. Они принесли с собой слухи об огромной силе «синих мундиров», надвигающихся со всех сторон. Трехзвездный Крук шел с юга. Хромой (полковник Джон Гиббон) шел с запада. Однозвездный Терри и Длинноволосый Кастер шли с востока.

В начале Месяца, Когда Готовят Жир хункпапы устроили свою ежегодную Пляску Солнца. Сидящий Бык три дня плясал, наносил себе кровавые раны и глядел на солнце, пока не упал в обморок. Вновь поднявшись, он обратился к своему народу. В своем видении он услышал голос, кричавший: «Я отдаю тебе этих людей, ибо они лишены ушей». Когда он взглянул на небо, он увидел солдат, падавших подобно саранче, головой вниз, отчего с них спадали шляпы. Они падали прямо в индейский лагерь. Раз белые люди лишены ушей и не внимают, Вакантанка, Великий Дух, отдает солдат индейцам на убиение.

Через несколько дней партия охотников-шайенов заметила одну из колонн «синих мундиров», располагавшуюся на ночлег в долине реки Роузбад. Охотники поскакали обратно в лагерь, издавая волчий вой, предупреждающий об опасности. Трехзвездный приближается, он нанял наемников из племени кроу и шошенов, и теперь они идут дозором впереди его войск.

Многие вожди разослали глашатаев по своим селениям и затем поспешно провели советы. Было решено оставить половину воинов для защиты селений, в то время как другая половина совершит ночной переход и атакует солдат Трехзвездного на следующее утро. Около тысячи индейцев сиу и шайенов составили этот отряд. С ними было несколько женщин, приглядывавших за запасными лошадьми. В числе предводителей были Сидящий Бык, Бешеный Конь и Две Луны. Перед рассветом они расседлали своих лошадей и немного отдохнули, потом повернули от реки и поскакали через холмы.

Разведчики кроу сообщили Трехзвездному о большом селении сиу на реке Роузбад, и генерал ранним утром того же дня двинул своих наемников вперед. Как только кроу переправились через гребень холма и стали спускаться вниз, они столкнулись с воинами сиу

и шайенов. Сначала сиу и шайены преследовали кроу во всех направлениях, но тут стали быстро прибывать «синие мундиры», и воины сиу подались назад.

Бешеный Конь долго ждал случая испытать себя в битве с «синими мундирами». Все эти годы после боя с Феттерманом у форта Фил-Керни он присматривался к солдатам, к тому, как они сражаются. Каждый раз, когда он приходил в Черные холмы искать видений, он просил Вакантанку дать ему тайную силу, чтобы он знал, как привести оглалов к победе, если белые люди когда-нибудь вновь пойдут войной на его народ. С юных лет Бешеный Конь знал, что мир, в котором живут люди, есть лишь отражение подлинного мира. Чтобы проникнуть в подлинный мир, он должен был начать грезить, а когда он пребывал там, ему казалось, что все вокруг плывет и пляшет. В этом подлинном мире его лошадь плясала, словно была дикой или бешеной. Вот отчего он назвал себя Бешеным Конем. Он знал, что, если ему удастся через видение проникнуть в подлинный мир перед тем, как идти в бой, он сможет вынести любые испытания.

В этот день 17 июня 1876 г. Бешеному Коню пригрезился подлинный мир, и он смог показать индейцам сиу, как делать многое из того, чего они никогда не делали прежде, сражаясь с солдатами белых людей. Когда Крук посылал своих кавалеристов в атаку, вместо того чтобы бросаться вперед под огонь солдатских карабинов, индейцы сиу рассеивались и наносили удары с фланга по слабым местам. Бешеный Конь не велел своим людям спешиваться, и они быстро перемещались с места на место. К полудню он заставил солдат ввязаться сразу в три схватки. «Синие мундиры» привыкли идти в атаку строем, имея сильный фронт, и, когда Бешеный Конь не дал им возможности вести бой таким образом, они пришли в замешательство. Устраивая молниеносные атаки на своих резвых лошадях, индейцы сиу расстраивали ряды солдат и постоянно вынуждали их обороняться. Когда огонь «синих мундиров» становился слишком сильным, сиу отступали, дразня солдат и увлекая некоторых в преследование, с тем чтобы затем яростно напасть на них.

Шайены также отличились в этот день, особенно в опасных атаках. Индеец по имени Появляющийся Вождь был храбрее всех, но, когда он разворачивал свою лошадь после атаки на солдатский фланг, она была убита наповал прямо перед шеренгой пехоты «синих мундиров». Внезапно другой всадник вылетел со стороны позиций шайенов и прикрыл Появляющегося Вождя от огня солдат. Через миг Появляющийся Вождь был на лошади позади всадника. Спасительницей оказалась его сестра, Женщина Тропа Бизонов, присматривавшая за запасным табуном. Вот почему шайены всегда вспоминают об этом бое, как о Битве, В Которой Сестра Спасла Брата. Белые люди называют этот бой битвой при Роузбад.

С заходом солнца бой прекратился. Индейцы знали, что они хорошо сражались с Трехзвездным, но до следующего утра они не ведали о том, что нанесли ему поражение. При первых же лучах солнца разведчики сиу и шайенов перешли через гребни холмов и смогли увидеть, что «синие мундиры» уже отступили далеко на юг. Генерал Крук возвращался в свой основной лагерь на Гуз-Крик, чтобы ждать там подкрепления или вестей от Гиббона, Терри или Кастера. Индейцы при Роузбад оказались слишком сильными для одной колонны солдат.

После сражения на Роузбад вожди решили двинуться в долину Гризи-Грасс на реке Литл-Биг-Хорн. Разведчики сообщили о больших стадах антилоп к западу от этих мест, они также говорили, что на близлежащих плоскогорьях довольно травы для лошадей. Вскоре на западном берегу извилистой реки Гризи-Грасс появились поставленные кругами вигвамы лагеря, раскинувшегося почти на три мили. Никто не знал точно, сколько там было индейцев, но их не могло быть менее десяти тысяч человек, включая три или четыре тысячи воинов. «Это было очень большое селение, трудно было сосчитать вигвамы», - рассказывал Черный Лось.

Выше всех по течению находился лагерь хункпапов рядом с лагерем черноногих сиу. Хункпапы всегда располагались у входа в лагерь, то есть на внешнем его кольце, что нашло отражение в названии их племени. Ниже по течению были санс-арки, миннеконьюу, оглалы и брюль. В северной части лагеря располагались шайены.

Было начало Месяца, Когда Созревает Черемуха. Дни были достаточно жаркими для того, чтобы мальчишки могли купаться в Гризи-Грасс, стекавшей с гор при таянии снегов. Партии охотников приходили и уходили в направлении реки Биг-Хорн, где можно было еще найти бизонов и антилоп. Женщины рыли в степях дикую репу. Каждый вечер в одном из племенных кругов устраивались пляски, и иногда по вечерам вожди собирались на совет. «Вожди различных племен встречались на советах как равные», - рассказывал Деревянная Нога. Лишь один вождь считался выше всех остальных. Это был Сидящий рык. Его считали вождем старейшин всех лагерей.

Сидящий Бык не верил, что победа при Роузбад исчерпала пророчество о солдатах, падающих в индейский лагерь. Однако после отступления Трехзвездного никто из охотников больше не видел ни одного «синего мундира» между реками Паудер и Биг-Хорн.

До утра 24 июня они не знали, что Длинноволосый Кастер крадется вдоль Роузбад. На следующее утро разведчики сообщили, что солдаты совершили последний большой переход между Роузбад и индейским лагерем и двинулись в направлении реки Литл-Биг-Хорн.

Вести о приближении Кастера доходили до индейцев разными путями.

«Я с четырьмя женщинами неподалеку от лагеря рыл дикую репу, - рассказывает Красный Конь, один из вождей совета сиу. - Внезапно одна из женщин обратила мое внимание на облако пыли поднимающееся неподалеку от лагеря. Вскоре я увидел солдат, атакующих лагерь. Я и женщины бегом бросились к лагерю. Когда я прибежал туда, кто-то сказал мне, чтобы я поспешил в вигвам совета. Солдаты наступали так быстро, что мы не успели поговорить. Мы вышли из вигвама совета и стали призывать всех индейцев к бою. Сиу вскочили на лошадей, взяли ружья и отправились сражаться с солдатами. Женщины и дети также сели на лошадей и поскакали прочь, чтобы не оказаться на поле боя».

Пте-Сан, Растраченный Выигрыш, племянница Сидящего Быка, была одной из молодых женщин, рывших репу этим утром. Она рассказывала, что солдаты были в шести - восьми милях, когда их заметили в первый раз. «Нам было видно, как сверкают их сабли и то, что солдат было очень много». Солдаты, замеченные Пте-Сан и другими индейцами, находившимися в лагере, были из батальона Кастера. Эти индейцы не знали о том, что майор Маркус Рено атаковал лагерь с юга, до тех пор, пока не услышали винтовочных выстрелов со стороны стоянки черноногих сиу. «Вот так солдаты напали на нас. Пули пролетали сквозь шесты вигвамов... Женщины и дети кричали, боясь, что их убьют, но мужчины - хункпапы и черноногие, оглалы и миннеконьюу - быстро вскочили на лошадей и помчались к вигвамам черноногих. Мы еще глядели на солдат Длинноволосого, двигавшихся в отдалении, а наши мужчины, застигнутые врасплох, не ожидавшие атаки с другой стороны, запели песню битвы и ринулись в бой, начавшийся за вигвамами черноногих».

Черный Лось, тринадцатилетний мальчик из оглалов, купался с товарищами в реке Литл-Биг-Хорн. Солнце было в зените, и становилось жарко, когда он услышал глашатая, кричавшего в лагере хункпапов: «Солдаты близко! Нас атакуют! Солдаты близко!» Это предупреждение повторил глашатай оглалов, и Черному Лосю было слышно, как этот крик переходил из лагеря в лагерь на север в сторону лагеря шайенов.

Низкий Пес, один из вождей оглалов, услышал тот же предупреждающий крик. «Я не поверил глашатаю. Я решил, что это ложная тревога. Я не верил, что кто-нибудь из белых людей сможет атаковать нас при нашей силе... Но хоть я и не поверил, что это настоящая

тревога, я, не теряя времени, стал готовиться к бою. Когда я взял свое ружье и вышел из вигвама, атака уже началась в том конце лагеря, где находились Сидящий Бык и хункпапы».

Железный Гром был в лагере индейцев миннеконью. «Я ничего не знал об атаке Рено, пока его люди не очутились так близко, что их пули пролетали сквозь лагерь, и все были в смятении. Кони были так напуганы, что нам не удавалось их поймать».

Вороний Король, бывший в лагере хункпапов, рассказывал, что солдаты Рено открыли огонь с расстояния примерно в 400 ярдов. Хункпапы и черноногие сиу медленно отступали пешим строем, чтобы дать время женщинам и детям уйти в безопасное место. «Другие индейцы увели наших лошадей. Но к этому времени у нас уже было достаточно воинов, чтобы повернуть на белых».

Возле лагеря шайенов, в трех милях к северу, Две Луны купал своих лошадей. «Я выкупал их в прохладной воде и стал купаться сам. Я шел обратно в лагерь пешком. Когда я был неподалеку от своего

вигвама, я поглядел в сторону лагеря Сидящего Быка, расположенного выше по реке Литл-Биг-Хорн. Я увидел большой столб пыли. Он был похож на смерч. Вскоре всадники сиу прискакали в лагерь, крича:

«Идут солдаты! Много белых солдат!»

Две Луны приказал воинам-шайенам седлать лошадей и велел женщинам укрыться за пределами селения. «Я быстро поскакал к лагерю Сидящего Быка. Тут я увидел белых солдат, сражавшихся развернутым строем (солдат Рено). Индейцы прикрывали отмель. Они начали гнать солдат, смешавшись с ними - сиу, солдаты, потом снова сиу, - и все стреляли. Я видел, как солдаты отступали и падали в реку, подобно убегающим бизонам».

Военный вождь, сплотивший индейцев и опрокинувший атаку Рено, был мускулистым, широкогрудым тридцатилетним хункпапом по имени Пици, или Ссадина. Ссадина рос в племени сиротой. Еще в юности он отличился как охотник и воин, и Сидящий Бык принял его в свою семью как младшего брата. Несколькими годами ранее, когда белые члены комиссии пытались заставить сиу заняться сельским хозяйством, согласно договору 1868 г., Ссадина пришел в форт Райс, чтобы говорить от имени хункпапов. «Мы родились нагими, - сказал он, - и научены охотиться и жить добычей. Вы говорите нам, что мы должны научиться земледелию, жить в одном доме и перенять ваши обычаи. Представьте себе, что люди, жившие за большим морем, пришли бы и сказали вам, что вы должны перестать заниматься земледелием, убили бы ваш скот и отобрали бы у вас дома и земли. Как бы вы поступили? Стали бы вы сражаться с ними?». За десять лет, прошедших с того дня, как Ссадина произнес эту речь, ничто не изменило его мнения о самоуверенной заносчивости белого человека, и в 1876 г. он был признан всеми хункпапами помощником Сидящего Быка, боевым вождем племени.

Во время первой атаки солдаты Рено застигли нескольких женщин и детей на открытом пространстве, и там пули кавалеристов фактически уничтожили всю семью Ссадины. «Это ожесточило мое сердце, - рассказывал он одному корреспонденту спустя несколько лет. - После этого я убивал всех своих врагов томагавком». Его описание тактики блокирования атаки Рено было столь же кратким: «Сидящий Бык и я были там, где наступал Рено. Сидящий Бык обладал большой магической силой. Женщины и дети поспешно уходили вниз по ручью... Женщины и дети ловили лошадей для мужчин. Мужчины вскочили на лошадей и напали на Рено, остановили его и отогнали в лес».

Говоря военным языком, Ссадина опрокинул фланги Рено и отеснил его в лес. Затем, устранив Рено, он принудил его к поспешному отступлению, которое стараниями индейцев вскоре превратилось в беспорядочное бегство. Таким образом, Ссадина получил

возможность привлечь несколько сот воинов к фронтальной атаке на колонну Кастера, в то время как Бешеный Конь и Две Луны ударили по ней с фланга и с тыла.

Тем временем Пте-Сан и другие женщины с тревогой наблюдали за солдатами по ту сторону реки. «Я слышала музыку горна и видела, как колонна солдат повернула влево и двинулась вниз по течению туда, где должна была произойти атака... Вскоре я увидела нескольких шайенов, съезжающих в реку, потом нескольких юношей из моего отряда, потом других, пока сотни воинов не оказались в реке и дальше за рекой - в овраге. Когда эти воины перешли реку и ушли в овраг, оставшиеся - их тоже было очень много - подались назад и ждали начала атаки. И я поняла, что бойцы сиу, несколько сот человек, спрятались в овраге за тем холмом, по которому двигался Длинноволосый, чтобы напасть на него с двух сторон».

Убей Орла, вождь черноногих сиу, впоследствии говорил, что удар индейцев по колонне Кастера был «подобен урагану... Индейцы летели толпой, как пчелы роем». Горб, товарищ Ссадины и Бешеного Коня со времени схваток на реке Паудер, рассказывал, что первая массовая атака индейцев привела Длинноволосого и его людей в замешательство. «Во время первого натиска индейцев лошадь подо мной была убита, а я сам ранен - пуля вошла выше колена и вышла из бедра, я упал и остался лежать». Вороний Король, бывший с хункпапами, говорил: «Основная часть наших воинов пошла на передовую линию солдат; мы бросили на них своих коней. В то же время воины стали с двух сторон брать солдат в кольцо и окружили их». Тринадцатилетний Черный Лось, глядя через реку, мог видеть лишь большое облако пыли, поднимавшееся над холмом, а потом из этого облака стали выскакивать кони с пустыми седлами.

«Дым от выстрелов и пыль, поднятая лошадьми, застлали холм, - рассказывала Пте-Сан, - и солдаты стреляли много раз, но сиу стреляли точнее, и солдаты падали. Женщины перешли через реку вслед за мужчинами нашего селения, и, когда мы подошли к холму, там уже не было живых солдат, а сам Длинноволосый лежал среди мертвых... Кровь индейцев была горяча, и сердца их ожесточены - они не взяли в этот день ни одного пленного».

Вороний Король говорил, что все солдаты спешили, когда индейцы окружили их. «Они пытались держаться за своих лошадей, но когда мы подошли ближе, они отпустили их. Толпой окружив солдат, мы привели их в наш главный лагерь и всех убили. Они соблюдали порядок и сражались, как подобает отважным воинам, пока оставался в живых хоть один из них».

По словам Красного Коня, к концу боя с Кастером «эти солдаты стали как безумные, многие бросали ружья и простирали руки, говоря: «Сиу, пожалейте нас, возьмите нас в плен». Сиу не взяли в плен ни одного солдата, но всех убили. Никто из них не прожил и нескольких минут».

Много времени спустя после битвы Белый Бык из миннеконью изобраил себя в пиктограмме сражающимся и убивающим солдата, в котором опознавали Кастера. Среди утверждавших, что они Убили Кастера, были Дождь В Лицо, Гладкое Бедро и Храбрый Медведь. Красный Конь говорил, что неизвестный воин из индейцев сани убил Кастера. Большинство индейцев, рассказывающих об этой битве, говорили, что они ни разу не видели Кастера и не знают, кто его убил. «До окончания боя мы не знали, что он и есть белый вождь», - говорил Низкий Пес.

В интервью, данном в Канаде через год после битвы, Сидящий Бык сказал, что он ни разу не видел Кастера, но что другие индейцы видели и узнали его как раз перед тем, как он был убит. «Он больше не носил, как прежде, длинных волос, - рассказывал Сидящий Бык. - Его волосы были короткими, но они были цвета травы, когда ее покрывает иней... На своей последней позиции Длинноволосый стоял, подобно снопу пшеницы, все колосья которого разбросаны вокруг». Но Сидящий Бык не сказал, кто убил Кастера.

Один воин из племени арапахо, атаковавший вместе с шайенами говорил, что Кастер был убит несколькими индейцами. «На нем была одежда из оленьей кожи - куртка и брюки, и он стоял на четвереньках. У него был прострелен бок, изо рта текла кровь. Казалось, он наблюдал за индейцами, окружавшими его. Четверо солдат сидело рядом с ним на земле, но все они были тяжело ранены. Остальные солдаты были мертвы. Индейцы сошлись вокруг Кастера, и больше я ничего не видел».

Независимо от того, кто убил его, Длинноволосый, пробивший Дорогу воров в Черные холмы, был мертв, и все люди его были мертвы. Однако солдаты Рено, поддержанные отрядом майора Фредерика Бентина, окопались на холме ниже по течению реки. Индейцы окружили целиком весь холм и наблюдали за солдатами в течение ночи, а на следующее утро вновь начали сражаться с ними. Днем разведчики, высланные вождями, вернулись и сообщили, что еще много солдат движется в направлении реки Литл-Биг-Хорн.

На совете было решено сняться с лагеря. Воины израсходовали почти все свои боеприпасы, и знали, что было бы глупо пытаться вступать в бой с таким количеством солдат, имея лишь луки и стрелы. Женщинам велели укладываться, и еще до заката индейцы двинулись вверх по долине в сторону гор Биг-Хорн; по дороге племена разделились, и каждое пошло своей дорогой.

Когда белые люди на Востоке услышали о поражении Длинноволосого, они назвали этот бой избиением и обезумели от гнева. Они желали покарать всех индейцев Запада. Не будучи в состоянии покарать Сидящего Быка и других боевых вождей, Великий совет в Вашингтоне решил покарать тех индейцев, которые были под рукой, - тех, кто остался в резервации и не принимал участия в боевых действиях.

22 июля Великий Воин Шерман получил полномочия осуществлять военный контроль над всеми резервациями в стране сиу и право обращаться с индейцами как с военнопленными. 15 августа Великий совет принял новый закон, требующий отказа индейцев от долины реки Паудер и Черных холмов. Великий совет сделал это, оставив без внимания договор 1868 г., ссылаясь на то, что индейцы сами нарушили этот договор, начав войну с Соединенными Штатами. Индейцам резерваций было трудно понять смысл происходящего, ибо они не нападали на солдат Соединенных Штатов, да и Сидящий Бык не нападал на них, пока Кастер не послал Рено на селение индейцев сиу.

Чтобы сохранить мир в индейских резервациях, Великий Отец в сентябре послал новую комиссию, которой было поручено с помощью уговоров и угроз получить от вождей подписи на юридических документах, передающих безмерные богатства Черных холмов в собственность белых. Несколько членов этой комиссии уже набили Руку в захватах индейских земель, в особенности Ньютон Эдмундс, епископ Генри Уиппл и священник Семюэль Хинман. В агентстве Красного Облака епископ открыл совещание молитвой, а затем председательствующий, Джордж Мэнипэнни, зачитал условия, поставленные конгрессом. Поскольку условия были изложены обычным туманным языком законодателей, епископ Уиппл попытался растолковать их фразами, которые могли быть использованы переводчиками:

«Много лет от всего сердца я тепло относился к людям с красной кожей. Мы прибыли сюда, чтобы передать вам послание от вашего Великого Отца, и вот что мы вам должны передать, не изменив ни единого его слова. Мы не можем изменить в его словах ни единой буквы... Когда Великий совет в этом году ассигновал деньги на дальнейшие поставки припасов для вас, он поставил три твердых условия, в случае невыполнения которых конгресс ничего вам больше не ассигнует. Эти условия таковы: первое - вы должны отказаться от страны Черных холмов и области, лежащей к северу от нее; второе - вы должны получать свое продовольствие на реке Миссури; и третье - вы должны позволить Великому Отцу провести три дороги от реки Миссури через резервацию на эти новые земли в Черных холмах... Великий Отец сказал, что сердце его полно нежности к его краснокожим детям и что он

составил эту комиссию из друзей индейцев, чтобы она могла разработать под его руководством план спасения индейских племен, чтобы их не становилось все меньше и меньше до той поры, пока последний индеец не сойдет в могилу, но чтобы индейские племена могли стать, подобно белым людям, великим и могучим народом».

Слушателям епископа Уиппла и впрямь мог показаться странным такой способ спасения индейских племен, в результате которого у них отбирали Черные холмы и охотничьи угодья, а самих перемещали далеко к реке Миссури. Большинство вождей понимали, что уже слишком поздно спасать Черные холмы, однако они резко протестовали против перемещения их резервации на Миссури. «По моему мнению, если мой народ будет перемещен туда, - сказал Красное Облако, - он целиком будет истреблен. Там слишком много дурных людей и дурного виски; поэтому я не желаю идти туда».

Вовсе Нет Сердца сказал, что белые люди уже настолько разорили страну Миссури, что индейцы не смогут жить в ней. «Пройдите вверх и вниз по течению Миссури, и вы не увидите там больше лесов, - заявил он, - возможно, вы когда-нибудь видели те места, где были большие леса, но их свели люди Великого Отца».

«Всего шесть лет назад мы пришли к ручью, у которого мы живем сейчас, - сказал Красная Собака, - и ничего из того, что нам было обещано, не сделано». Другой вождь припомнил, что с тех пор, как Великий Отец пообещал, что их больше никогда не будут перемещать, их перегоняли с места на место пять раз. «Я думаю, вам стоит поставить индейцев на колеса, - язвительно заметил он, - и вы сможете катить их, куда вам будет угодно».

Пятнистый Хвост обвинил правительство и непосредственно членов комиссии в предательстве интересов индейцев, в нарушении обещаний и в лживых словах: «Эта война возникла не здесь, не на нашей земле; эту войну принесли нам дети Великого Отца, пришедшие отнять у нас землю, ничего не заплатив за нее, и сотворившие на нашей земле много зла... Эта война возникла из-за грабежа - из-за того, что у нас крали нашу землю». Что касается перемещения на Миссури, то Пятнистый Хвост был категорически против него, сказав членам комиссии, что он не подпишет договора о передаче Черных холмов до тех пор, пока не получит возможности отправиться в Вашингтон, чтобы говорить с Великим Отцом.

Члены комиссии дали индейцам неделю на обсуждение между собой поставленных условий, и скоро стало ясно, что индейцы не намерены ничего подписывать. Вожди указали на то, что внесение каких-либо изменений в договор 1868 г. требует подписи трех четвертей взрослых мужчин из племен сиу, а более половины воинов находится на севере с Сидящим Быком и Бешеным Конем. В ответ на это члены комиссии разъяснили, что отсутствующие в резервации индейцы являются враждебными индейцами, договор же распространяется лишь на дружественных индейцев. Большинство вождей не согласились с этим. Чтобы сломить их сопротивление, члены комиссии прозрачно намекнули на то, что, если индейцы не подпишут нового договора, Великий Отец, разгневавшись, немедленно прекратит выдачу продовольствия, переместит их на Индейскую территорию на юге, а солдаты отнимут у них все их ружья и всех лошадей.

Черные холмы были украдены, индейцы лишились земель на реке Паудер и тамошней крупной дичи. Без крупной дичи или продовольственных выдач народ умер бы с голоду. Мысль о перемещении в далекую незнакомую страну на юге была невыносима, а если солдаты отберут у них ружья и лошадей, они перестанут быть мужчинами.

Первыми подписались Красное Облако и подчиненные ему вожди. Затем подписался Пятнистый Хвост и его люди. После этого члены комиссии отправились в агентства, расположенные возле Стандинг-Рок, Шайен-Ривер, Кроу-Крик, Лоуэр-Брюль и на реку Санти, где посредством шантажа заставили остальные племена сиу подписаться под договором. Таким образом Пана-Сапа, их духи и их тайны, их бескрайние хвойные леса, а

также их золото, стоившее миллионы долларов, навеки перешли из рук индейцев во владение Соединенных Штатов.

Через четыре недели после того, как Красное Облако и Пятнистый Хвост коснулись пером бумаги, девять рот кавалерии Соединенных Штатов под командой Трехпалого Маккензи (Орлиного Вождя, уничтожившего индейцев кайова и команчей в каньоне Пало-Дуро) выступили из форта Робинсон и направились к стоянкам агентств. По приказу военного министерства Маккензи пришел отбирать у индейцев резерваций ружья и лошадей. Все индейцы мужского пола были взяты под арест, вигвамы обыскивались и разбирались, ружья складывались в одно место, а все лошади были окружены солдатами. Маккензи разрешил женщинам использовать лошадей для перевозки своего скарба в форт Робинсон. Мужчин, включая Красное Облако и других вождей, силой заставили идти в форт пешком. Племя должно было жить в форте Робинсон под прицелом солдатских пушек.

На следующее утро, чтобы еще больше унижить своих пленников, Маккензи подарил роте наемников - разведчиков-пауни (тех самых пауни, которых индейцы сиу когда-то изгнали из долины реки Паудер) коней, отобранных солдатами у индейцев сиу.

Тем временем армия Соединенных Штатов, жаждавшая мести, прочесывала местность к северу и к западу от Черных холмов, убивая индейцев везде, где их удавалось обнаружить. Получившая подкрепление колонна Трехзвездного Вождя Крука, израсходовав продовольственные запасы, двинулись форсированным маршем на юг из страны близ реки Харт в Дакоте, чтобы получить припасы в лагерях старателей, разбитых в Черных холмах. 9 сентября неподалеку от Слим-Батс один из передовых отрядов под командой капитана Ансона Миллса наткнулся на селения индейцев оглала и миннеконью, вождем которых был Американский Конь. Эти индейцы за несколько дней до этого покинули лагерь Бешеного Коня на реке Гранд-Ривер и двигались зимовать на юг в свою резервацию. Капитан Миллс атаковал их, но индейцы сиу отбросили его, и, пока он ожидал подхода Трехзвездного Вождя, все индейцы бежали, кроме Американского Коня, четырех воинов и пятнадцати женщин и детей, попавших в ловушку в одной из пещер в конце небольшого каньона.

Когда подошел Крук с основной колонной, он приказал солдатам занять позиции, с которых их залпы могли бы достичь пещеры. Американский Конь со своими четырьмя воинами открыл ответный огонь, и после продолжавшейся несколько часов дуэли два «синих мундира» были убиты и девять ранены. Тогда Крук послал разведчика по имени Франк Гроард просить индейцев о сдаче. Гроард, живший когда-то среди индейцев сиу, говорил с ними на их языке. «Они сказали мне, что выйдут, если мы не убьем их, и, получив такое обещание, они вышли». Американский Конь, два воина, пять женщин и несколько детей ползком выбрались из пещеры; остальные были либо мертвы, либо слишком тяжело ранены, для того чтобы двинуться с места. Пах Американского Коня был разорван картечью. «Выходя, он держал свои внутренности в руках, - рассказывает Гроард, - освободив одну из своих окровавленных рук, он протянул ее мне для рукопожатия».

Капитан Миллс нашел девочку трех-четырёх лет, прятавшуюся в этом селении. «Она вскочила на ноги и помчалась прочь, как малая куропатка, - рассказывал Миллс. - Солдаты поймали ее и привели ко мне». Миллс успокоил девочку и дал ей поесть, а затем попросил своего ординарца присмотреть за ней, пока он спустится в пещеру, откуда солдаты вытаскивали убитых и раненых индейцев. Среди убитых были две женщины, истекавшие кровью вследствие множества полученных ран. «Девочка стала пронзительно кричать и вырываться из рук ординарца, пока тот не опустил ее на землю, и тут она побежала и обняла одну из этих скво, оказавшуюся ее матерью. Я сказал своему адъютанту Лемли, что намерен удочерить эту девочку, раз я убил ее мать».

Хирург пришел осмотреть рану Американского Коня. Он объявил, что рана смертельна, а вождь сидел у костра, прикрывая одеялом свои разорванные внутренности, пока не потерял сознание и не умер.

Крук приказал капитану Миллсу готовить людей к продолжению марша в сторону Черных холмов. «Прежде чем мы выступили, - рассказывал Миллс, - адъютант Лемли спросил меня, действительно ли я намерен взять с собою эту девочку. Я сказал ему, что я действительно собираюсь взять ее, на что он заметил: «Ну-ну, только, как по-вашему, по душе ли это будет миссис Миллс?» Тут я впервые задумался над этой стороной дела и решил оставить девочку там, где я ее нашел».

Пока Трехзвездный Вождь уничтожал поселок Американского Коня, те сиу, которым удалось бежать, добрались до лагеря Сидящего Быка и рассказали ему о нападении. Сидящий Бык, Саина и с ними около шестисот воинов немедленно поспешили на помощь Американскому Коню, однако пришли слишком поздно. Сидящий Бык ринулся было на солдат Крука, но у его воинов было так мало боеприпасов, что «синим мундирам» удалось оттеснить индейцев в арьергардном бою, пока колонна шла маршем к Черным холмам.

Когда солдаты ушли, Сидящий Бык и его воины вошли в опустошенное селение Американского Коня, подобрали беспомощных и похоронили мертвых. «Что мы такое сделали? Отчего белые люди хотят стереть нас с лица земли? - спросил Сидящий Бык. - Мы мечемся взад-вперед по этой стране, но они идут вслед за нами с одного места на другое».

Пытаясь уйти как можно дальше от солдат, Сидящий Бык повел своих людей вдоль реки Йеллоустон, где можно было найти бизонов В Месяце Падающих Листьев Саина с группой индейцев вышел на охоту и наскочил на армейский обоз, продвигавшийся по долине Йеллоустон. Солдаты везли провиант к новому форту, который они строили при впадении реки Тонг в реку Йеллоустон. (Форт Кью, названный в честь капитана Майлса Кью, убитого возле Литл-Биг-Хорн.)

Воины Саины напали на обоз из засады возле Глендаив-Крик и захватили шестьдесят мулов. Как только Сидящий Бык услышал об обозе и о новом форте, он послал за Джонни Брайером, метисом, прижившемся в его лагере. Брайер умел писать, и Сидящий Бык велел ему нанести на лист бумаги несколько слов, которые он, Сидящий Бык, должен сказать начальнику солдат:

Я хочу знать, что вы делаете на дороге, вы распугали всех бизонов. Я хочу охотиться в этих местах. Я хочу, чтобы вы ушли прочь отсюда. Если вы не уйдете, я вновь буду сражаться с вами. Я хочу, чтобы вы оставили все, что взяли здесь, и ушли прочь. Ваш друг.

Сидящий Бык

Получив это послание, полковник Элвелл Отис, командовавший обозом, отправил разведчика с ответом для Сидящего Быка. Отис сообщил, что солдаты направляются в форт Кью, а на соединение с ними идет еще гораздо больше солдат. Если Сидящий Бык хочет боя, солдаты дадут ему бой.

Сидящий Бык не хотел боя; он хотел только, чтобы его оставили в покое и дали ему возможность охотиться на бизонов. Он послал одного из воинов с белым флагом просить о переговорах с солдатским вождем. К этому времени полковник Нельсон Майлс с новым подразделением солдат нагнал обоз. Поскольку Майлс разыскивал Сидящего Быка с конца лета, он немедленно согласился на переговоры.

Они встретились 22 октября между шеренгой солдат и шеренгой воинов. Майлса сопровождал офицер и пять человек солдат. Сидящего Быка - один из подчиненных ему вождей и пять воинов. День был холодный, и на Майлсе был длинный мундир, отороченный медвежьим мехом. С момента его появления перед индейцами Майлс стал для них Медвежьим Мундиром.

Не было произнесено никаких вступительных речей, не раскуривалась дружественная трубка. Используя Джонни Брайера в качестве переводчика, Медвежий Мундир начал

переговоры с обвинения Сидящего Быка в том, что тот-де всегда был против белого человека и его образа жизни. Сидящий Бык подтвердил, что он не был на стороне белых, но он и не враждовал с ними до тех пор, пока они не трогали его. Медвежий Мундир захотел узнать, что делает Сидящий Бык здесь, в долине Йеллоустон. Это был глупый вопрос, однако хункпап вежливо ответил на него, сказав, что он здесь охотится на бизонов, чтобы накормить и одеть свой народ. Затем Медвежий Мундир вскользь упомянул о резервации для хункпапов, но Сидящий Бык игнорировал это замечание. Он сказал, что будет зимовать в Черных холмах. Переговоры не привели ни к какому результату, однако Медвежий Мундир и Сидящий Бык согласились встретиться вновь на следующий день.

Вторая встреча выявила целый ряд расхождений во мнениях. Сначала Сидящий Бык сказал, что он не сражался с солдатами до тех пор, пока те не пришли сражаться с ним, а также пообещал, что всякая борьба прекратится, если белые люди уберут своих солдат и свои форты из страны индейцев. В ответ Медвежий Мундир сказал, что никакой мир с индейцами сиу невозможен до тех пор, пока они все не будут в резервациях. Услышав это, Сидящий Бык рассердился. Он заявил, что Великий Дух создал его индейцем, а не каким-то индейцем резерваций и что он не намерен становиться таковым. Он резко оборвал переговоры и, вернувшись к своим воинам, приказал им рассеяться, так как подозревал, что солдаты Медвежьего Мундира попытаются атаковать их. Солдаты действительно открыли огонь, и вновь хункпапы вынуждены были начать метаться взад-вперед по стране.

К весне 1877 г. Сидящий Бык устал от бегства. Он решил, что в стране Великого Отца нет достаточно места для того, чтобы в ней могли разместиться белые люди и индейцы сиу. Он поведет свой народ в Канаду, в страну Бабушки, Королевы Виктории. Прежде чем пуститься в путь, он пытался разыскать Бешеного Коня, надеясь убедить его повести оглазов в страну Бабушки. Но люди Бешеного Коня тоже металась взад-вперед по стране, пытаясь избежать столкновения с солдатами, и Сидящему Быку не удалось отыскать их.

В пору тех же холодных лун генерал Крук тоже разыскивал Бешеного Коня. На этот раз Крук собрал огромную армию, в которую входили пехота, кавалерия и артиллерия. На этот раз он взял с собой столько продовольствия, что для его транспортировки потребовалось 168 фургонов, и столько пороха и боеприпасов, сколько могли вынести на своих спинах 400 вьючных мулов. Мощная колонна Трехзвездного Вождя двигалась через долину реки Паудер, подобно стае медведей гризли, сметая все на своем пути, давя и разоряя встречавшихся индейцев.

Солдаты искали Бешеного Коня, но сначала обнаружили селение шайенов Тупого Ножа. Большинство этих шайенов не участвовали в битве при Литл-Биг-Хорн, однако они тайно ушли из агентства Красного Облака в поисках пищи после того, как агентство поступало в распоряжение армейского командования, прекратившего выдачу продовольствия. Против этого поселка из 150 вигвамов генерал Крук направил Трехпалого Маккензи.

Стоял Месяц Случки Оленей; было очень холодно; глубокий снег лежал в тени, а на открытых местах он покрылся ледяной коркой. Маккензи в течение ночи подтянул своих кавалеристов на позиции для атаки и, едва развиднелось, ударил по шайенам. Наемники пауни выступили первыми и атаковали селение на резвых лошадях, отобранных Маккензи у индейцев сиу. Они застигли шайенов в их вигвамах убили многих из них в момент пробуждения. Другие выбегали раздетыми на пронизывающий холод, воины пытались отогнать пауни и наступавших солдат, чтобы дать время уйти женщинам и детям.

Несколько отважнейших воинов пожертвовали своей жизнью в первые и самые яростные мгновения боя, одним из них был старший сын Тупого Ножа. В конце концов Тупому Ножу и Волчонку удалось сформировать арьергард вдоль верхних вигвамов каньона, однако их скудные боеприпасы вскоре истощились. В Волчонка попало семь пуль, прежде чем он вместе с Тупым Ножом прорвался к женщинам и детям, что есть мочи бежавшим в сторону гор Биг-Хорн. В это время Маккензи сжег их вигвамы, а затем приказал своим людям

согнать захваченных лошадей к одной из стен каньона и перестрелять их так же, как в свое время он перестрелял лошадей команчей и кайова в каньоне Пало-Дуро.

Бегство людей Тупого Ножа было похоже на бегство шайенов, которых возглавлял Две Луны, после внезапной атаки Орлиного Вождя Рейнольдса в марте месяце. Однако на этот раз погода была холодной; у них было всего несколько лошадей и почти не было одеял, одежды и мокасин. Так же как люди Двух Лун, они знали лишь одно убежище: селение Бешеного Коня на Бокс-Элдер-Крик.

В течение первой ночи от холода умерло двенадцать младенцев и стариков. На следующую ночь мужчины убили нескольких лошадей, выпотрошили их и запихнули внутрь маленьких детей, чтобы уберечь их от мороза. Старики грели там же свои руки и ноги. Три дня они шли по обледенелому снегу, и их босые ноги оставляли на нем кровавый след, пока индейцы не достигли лагеря Бешеного Коня.

Бешеный Конь разделил пищу, одеяла и кров с людьми Тупого Ножа, однако предупредил, чтобы они были готовы к бегству. У его оглалов не было достаточно боеприпасов, чтобы остаться на месте и принять бой. Медвежий Мундир Майлс разыскивал их на севере, а теперь еще Трехзвездный Вождь Крук шел на них с юга. Чтобы выжить, они должны были метаться взад и вперед по стране.

В Месяце Хвойного Дерева Бешеный Конь продвинул свой лагерь на север вдоль реки Тонг, спрятавшись неподалеку от нового форта Кью, в котором Медвежий Мундир со своими солдатами стоял на зимних квартирах. Холод и голод стали настолько невыносимыми для детей и стариков, что некоторые вожди говорили Бешеному Коню, что настала, дескать, пора вступить в переговоры с Медвежьим Мундиром и узнать, чего он от них хочет. Женщины и дети плачут от голода, им необходим теплый кров, из-под которого им не нужно будет бежать. Бешеный Конь знал, что Медвежий Мундир хочет заключить их в резервацию как военнопленных, однако он согласился с тем, что вождям следует отправиться на переговоры, если они этого хотят. Он пошел вместе с группой примерно из тридцати вождей и воинов к одному из холмов неподалеку от форта. Восемь вождей и воинов добровольно вызвались поехать к форту, один из них нес большое белое полотнище на копье. Едва они приблизились к форту, как отряд индейцев кроу, служивший наемниками у Медвежьего Мундира, выехал им навстречу и атаковал их. Не обращая внимания на белый флаг, наемники-кроу в упор стреляли в индейцев сиу. Только трое из восьми ушли живыми. Некоторые сиу, наблюдавшие с холма, хотели скакать вниз, чтобы отомстить индейцам кроу, однако Бешеный Конь настоял на том, чтобы они поспешили обратно в лагерь. Им нужно было вновь укладываться и бежать. Теперь Медвежий Мундир, зная, что сиу поблизости, пойдет искать их в снегах.

Медвежий Мундир нагнал их утром 8 января [1877 г.] возле Батл-Бат и послал своих солдат в атаку через снег глубиной в фут. У Бешеного Коня оставалось слишком мало боеприпасов для того, чтобы защитить свой народ, однако у него были хорошие военные вожди, знавшие много хитростей, с помощью которых они могли сбить с толку и покарать солдат, пока основная группа индейцев будет спасаться через горы Вульф-Маунтинс в направлении гор Биг-Хорн. Согласованными действиями Маленький Большой Человек, Две Луны и Горб заманили солдат в один из каньонов. Четыре часа они удерживали солдат, неуклюжих в своей зимней форме, спотыкавшихся и падавших с покрытых снегом обрывов. Во время боя посыпал снег, и с наступлением вечера уже бушевала метель. Этого было достаточно для Медвежьего Мундира. Он увел своих людей назад в форт Кью.

Сквозь завесу мокрого снега Бешеный Конь и его люди добрались до знакомой им страны на берегах Литл-Паудер. В феврале они стояли здесь лагерем, питаясь той дичью, которую удавалось найти, когда гонцы принесли весть о том, что Пятнистый Хвост с отрядом индейцев брюль подходит с юга. Кое-кто из сиу предположил, что Пятнистый Хвост наконец устал выслушивать чужие распоряжения относительно того, что ему делать в своей

резервации, и бежал от солдат, однако Бешеного Коня не так-то легко было ввести в заблуждение.

На время холодных лун Трехзвездный Вождь Крук привел своих людей из снегов в форт Феттерман. В ожидании весны он посетил Пятнистого Хвоста и пообещал ему, что индейцам сиу, живущим в Резервации, не придется перемещаться к реке Миссури, если вождь индейцев Брюль пойдет в качестве мирного эмиссара к Бешеному Коню и убедит его сдать. Вот в чем была цель посещения Пятнистым Хвостом лагеря Бешеного Коня.

Как раз перед приходом Пятнистого Хвоста Бешеный Конь сказал своему отцу, что он уходит. Он просил отца пожать руку Пятнистому Хвосту и сказать ему, что оглалы явятся в резервацию как только погода позволит женщинам и детям отправиться в путь. Затем он один ушел в горы Биг-Хорн. Бешеный Конь еще не решил, следует ли ему сдаваться; может быть, он отпустит свой народ, а сам останется на берегах реки Паудер в одиночестве, подобно старому бизону, изгнанному из стада.

Прибыв в лагерь, Пятнистый Хвост предположил, что Бешеный Конь избегает встречи с ним. Он послал вестников на розыски предводителя оглалов, но Бешеный Конь исчез в глубоких снегах. Однако до своего возвращения в Небраску Пятнистый Хвост убедил Большую Ногу сдать со своими индейцами миннеконью, а также получил обещание от Коснись Туч и еще трех вождей привести своих людей в агентство с наступлением весны.

14 апреля Коснись Туч с большим числом индейцев миннеконью и санс-арков из селения Бешеного Коня прибыл в агентство Пятнистого Хвоста и сдался. Несколькими днями ранее Трехзвездный Вождь Крук послал Красное Облако разыскивать Бешеного Коня и пообещал ему, что, если тот сдастся, Красное Облако получит резервацию на реке Паудер. 27 апреля Красное Облако встретился с Бешеным Конем и рассказал ему об обещании Трехзвездного Вождя. Девятьсот оглалов Бешеного Коня умирали с голоду, у воинов не было охотничьего снаряжения, а их лошади стали тощими и костлявыми. Обещания резервации на реке Паудер было с лихвой достаточно для того, чтобы Бешеный Конь пришел в форт Робинсон сдаваться.

Последний боевой вождь индейцев сиу стал теперь индейцем резервации, лишился оружия и коня, лишился всякой власти над своими людьми, став пленником солдат, которые никогда не побеждали его в битве.

И все же он был героем в глазах молодых людей, и их поклонение ему породило ревность среди старейших вождей агентства. Бешеный Конь по-прежнему держался отчужденно; он и его сторонники жили лишь ожиданием того дня, когда Трехзвездный Вождь выполнит обещание о предоставлении резервации на берегах реки Паудер.

В конце лета до Бешеного Коня дошел слух о том, что Трехзвездный Вождь хочет, чтобы он поехал в Вашингтон на совет с Великим Отцом. Бешеный Конь отказался ехать. Он не мог понять, зачем нужно разговаривать об уже обещанной резервации. Он видел, что случилось с теми вождями, которые побывали в доме Великого Отца в Вашингтоне; они вернулись разжиревшими, пожив жизнью белых людей, и утратили свою былую твердость. Он мог заметить, как переменились Красное Облако и Пятнистый Хвост, а те знали, что он замечает в них эту перемену, и не любили его за это.

В августе пришла весть о том, что индейцы племени неперсе, жившие за горами Шайнинг-Маунтинс, вступили в войну с «синими мундирами». Вожди солдат начали вербовать в агентствах воинов на службу разведчиками в их войне против неперсе. Бешеный Конь уговаривал юношей не ходить на эту далекую войну с другими индейцами, но кое-кто из них не послушал его и позволил солдатам купить себя. 31 августа, в день, когда эти бывшие воины сиу надели на себя «синие мундиры», чтобы отправиться в поход, Бешеному Коню стало так тяжело на душе от отвращения, что он объявил о том, что собирается увести своих людей обратно на север к берегам реки Паудер.

Когда Трехзвездный Вождь услышал об этом от своих шпионов, он приказал девяти ротам кавалеристов идти в лагерь Бешеного Коня, находившийся за пределами форта Робинсон, и арестовать вождя. Однако до прибытия солдат друзья Бешеного Коня предупредили его об их приближении. Не зная, в чем состоит цель прихода солдат, Бешеный Конь велел своим людям рассеяться, и затем один направился в агентство Пятнистого Хвоста искать убежища у своего старого друга Коснись Туч.

Солдаты разыскали его там, арестовали и сообщили ему, что должны препроводить его обратно в форт Робинсон для свидания с Трехзвездным Вождем. Когда Бешеный Конь прибыл в форт, ему сказали, что сегодня уже поздно говорить с Трехзвездным Вождем. Вместо этого его передали капитану Джеймсу Кеннингтону и одному из полицейских агентства. Бешеный Конь долго смотрел на полицейского тяжелым взглядом. Это был Маленький Большой Человек, который совсем недавно бросил вызов членам комиссии, приехавшим украсть Черные холмы, Пана-Сапа, тот самый Маленький Большой Человек, который грозил убить первого же вождя, высказавшегося за продажу Черных холмов, отважный Маленький Большой Человек, в последний раз сражавшийся бок о бок с Бешеным Конем на ледяных склонах гор Вульф-Маунтинс против Медвежьего Мундира Майлса. Теперь белые люди купили Маленького Большого Человека и превратили его в полицейского.

Шагая между ними, дав солдатскому вождю и Маленькому Большому Человеку вести себя куда угодно, Бешеный Конь, должно быть, пытался грезить, чтобы проникнуть в подлинный мир и чтобы избежать тьмы этого, призрачного мира, в котором все было лишь безумием. Они прошли мимо солдата, у которого за плечом была винтовка с примкнутым к ней штыком, и вот они стали на пороге какого-то здания. Окна были забраны железной решеткой, и через ее прутья Бешеный Конь мог видеть людей с цепями на ногах. Это была западня Для зверя, и Бешеный Конь метнулся в сторону, подобно зверю, попавшему в западню, увлекая за собой Маленького Большого Человека, повисшего у него на руке. Схватка длилась всего несколько секунд. Кто-то выкрикнул команду, и солдат, стоявший на часах, рядовой Уильям Джентлс, вонзил свой штык глубоко в живот Бешеного Коня.

Бешеный Конь умер той же ночью, 5 сентября 1877 г., в возрасте тридцати пяти лет. На рассвете следующего дня солдаты передали труп мертвого вождя его отцу и матери. Те положили тело Бешеного Коня в деревянный ящик, укрепили ремнями на индейской повозке и повезли в агентство Пятнистого Хвоста. Там они подняли его на помост. В течение всего Месяца Травы оплакивавшие сменялись у места погребения. И затем в Месяце Падающих Листьев пришла раздирающая душу весть: индейцы сиу, проживавшие в резервации, должны были покинуть Небраску и уйти в новую резервацию на реке Миссури.

Холодной сухой осенью 1877 г. длинные вереницы изгнанных индейцев, ведомых солдатами, двинулись на север к тамошним бесплодным землям. По дороге несколько групп ускользнуло из колонны и повернуло на северо-запад, намереваясь бежать в Канаду и присоединиться к Сидящему Быку. С бежавшими ушли мать и отец Бешеного Коня, неся с собой сердце и кости своего сына. В месте, известном только им, они погребли останки Бешеного Коня, где-то неподалеку от ручья, называемого Вундед-Ни.

Песня Сидящего Быка

Я воином

Прежде был.

Ныне

Никто не воин.

Худые времена

Настали для меня.

XIII. БЕГСТВО ИНДЕЙЦЕВ НЕПЕРСЕ

Рассказы этих белых однобоки. Белые рассказывали себе на потребу. Много в их рассказах неверно. Лишь о лучших своих делах и лишь о худших делах индейцев поведал белый человек.

Желтый Волк, из индейцев неперсе

Эта земля сотворена Солнцем, и да останется она такой, какой была... Эта страна была создана без пограничных линий, и никому из людей не дано делить ее... Я вижу - белые по всей стране богатеют, я вижу - они хотят отдать нам самые никчемные земли... Эта земля и я - мы заодно. Тело этой земли и наши тела соразмерны. Если вы посланы Творящей Силой разговаривать с нами, так и скажите, но можете ли вы так сказать? Возможно, вы считаете, что Творец послал вас распорядиться нами по вашему усмотрению. Знай я, что вы посланы Творцом, я смирился бы с мыслью о вашем праве распоряжаться мной. Не поймите меня превратно, но поймите все сказанное мной, не упуская из виду мою привязанность к этой земле. Я никогда не говорил, что земля моя и я могу делать с ней, что мне заблагорассудится. Только тот имеет право распоряжаться ею, кто создал ее. Я требую права жить на своей земле и предоставляю право вам жить на вашей.

Хейнмот Туялакет Джозеф, вождь неперсе

В сентябре 1805 г., когда Льюис и Кларк спустились со Скалистых гор во время своего путешествия на Запад, их исследовательская группа страдала от голода и дизентерии. Они были настолько слабы, что не смогли бы защитить себя. Они находились в стране индейцев неперсе («проколотые носы»), названных так французскими трапперами, заметившими, что некоторые из них носят в носу зубчатые ракушки. Если бы индейцы неперсе захотели, то экспедиция Льюиса и Кларка могла бы завершиться здесь, на берегах реки Клируотер, и при этом им достался бы большой табун лошадей. Но неперсе радушно приняли белых американцев, снабдили их продовольствием, присматривали за лошадьми исследовательской группы в течение нескольких месяцев, пока экспедиция продолжала двигаться на каноэ к берегам Тихого океана.

Так началась длившаяся много лет дружба между неперсе и белыми американцами. В течение семидесяти лет неперсе похвалялись тем, что не убили ни одного белого. Но алчность белых людей к земле и золоту в конце концов погубила эту дружбу.

В 1855 г. губернатор территории Вашингтон Исаак Стивенс пригласил представителей неперсе на совет о мире. Он сообщил, что в стране очень много белых людей, а придет еще больше, и что ему хотелось бы так разграничить землю, чтобы индейцы и белые были отделены друг от друга. «Чтобы жить в мире, - сказал он, - индейцам необходимо иметь свою особую страну, и из этой страны они не должны уходить».

Туекакас, вождь, известный среди белых людей как Старый Джозеф, сказал губернатору Стивенсу, что ни один человек не может владеть и частью земли и не может продавать то, чем не владеет.

Губернатор не мог уразуметь такой позиции. Он убеждал Старого Джозефа подписать договор и получить в подарок одеяла. «Забирайте свои бумаги, - ответил вождь, - рука моя не коснется их».

Алейя, которого белые люди звали Юристом, все же подписал договор; подписали его и еще несколько индейцев неперсе. Но Старый Джозеф увел своих людей в родные места, в долину Уаллоуа, в зеленый край извилистых вод, обширных лугов, поросших лесом гор и чистых

голубых озер. Люди Старого Джозефа жили в хороших вигвамах, выращивали хороших лошадей, а что им было необходимо, они выменивали у белых людей на скот.

Всего через несколько лет после подписания первого договора, государственные чиновники вновь стали роем кружить над неперсе, надеясь заполучить новые земли. Старый Джозеф приказал своим людям не принимать от чиновников никаких подарков, ни единого одеяла.

«Пройдет время, - сказал он, - и они заявят, что вам уже заплатили за вашу землю».

В 1863 г. индейцам неперсе был представлен новый договор, по которому они теряли долину Уаллоуа и три четверти остальной земли,

за ними оставалась лишь небольшая резервация на территории нынешнего штата Айдахо. Старый Джозеф отказался присутствовать при подписании этого договора, Юрист же и некоторые другие вожди - которые никогда не жили в Долине Извилистых Вод, - уступили права собственности на земли своего народа. «Воровской договор» - так назвал его Старый Джозеф; он был настолько оскорблен, что порвал в клочки Библию, подаренную ему белым миссионером, желающим обратить его в христианство. Давая понять белым, что он все еще заявляет права на долину Уаллоуа, он установил столбы вдоль границ земли, населенной его народом.

Вскоре после этих событий, в 1871 г., Старый Джозеф умер и власть перешла к его сыну Хейнмоту Туялакету (Молодому Джозефу), которому было тогда около тридцати лет. Когда прибывшие правительственные чиновники приказали неперсе оставить долину Уаллоуа и отправляться в резервацию Лапуай, Молодой Джозеф и слышать об этом не хотел. «Ни Юрист, ни какой-либо другой вождь не вправе продавать эту землю, - заявил он. - Она всегда принадлежала моему народу. Тучи не собирались над ней, когда она досталась нам от наших отцов, и мы будем защищать эту землю до тех пор, пока хоть одна капля индейской крови согревает сердца наших мужчин». Он подал прошение Великому Отцу - президенту Улиссу Гранту. В нем он просил оставить его народ там, где он всегда жил. 16 июня 1873 г. президент отдал распоряжение, запрещающее белым людям колонизацию долины Уаллоуа.

В скором времени группа уполномоченных прибыла для организации в этой долине нового индейского агентства. Один из уполномоченных заметил, что хорошо бы устроить школы для индейцев Джозефа. Молодой Джозеф ответил, что индейцам неперсе не нужны школы белых людей.

«Почему вы отказываетесь от школ?» - спросил уполномоченный.

«В них станут учить, что нам нужны церкви», - ответил Джозеф.

«Вам не нужны церкви?»

«Нет, не нужны».

«А почему вам не нужны церкви?»

«В них нас научат спорить о боге, - ответил Джозеф. - Нам ни к чему такая наука. Порой мы спорим о земных вещах, но никогда не спорим о боге. Нам это ни к чему».

Тем временем белые поселенцы продолжали мало-помалу проникать в долину, не переставая зариться на землю неперсе. По соседству в горах было найдено золото. Золотоискатели воровали индейских лошадей, скотоводы угоняли скот, клеймя его таким образом, чтобы индейцы не могли вновь заявить на него свои права. Белые политики, прибывавшие в Вашингтон, рассказывали лживые истории об индейцах неперсе, обвиняя их в том, что они угрожают миру и крадут принадлежащий поселенцам скот. Это совершенно не соответствовало истине, но как говорил Джозеф: «У нас не было ни одного друга, который выступил бы на нашей стороне перед советом закона».

В свое время Великий Отец обещал отдать долину Уаллоуа в вечное пользование народу Старого Джозефа. Но спустя лишь два года он отдал новое распоряжение, вновь открыв эту долину для белых поселенцев. Индейцам неперсе был поставлен «приемлемый срок» переселения в резервацию Лапуай. Джозеф не собирался отказываться от долины своих отцов, но в 1877 г. правительство направило генерала Говарда (Однорукого Солдатского Вождя) очистить все земли долины Уаллоуа от индейцев неперсе.

Четыре года прошло с тех пор, как Оливер Отис Говард справедливо обошелся с апачами Кочиза. За это время Говард усвоил, что в армии не терпят «сочувствующих индейцам». Теперь он прибыл в этот северо-западный край полный решимости восстановить свою репутацию в военных кругах, выполняя приказы быстро и буквально. В частной беседе он говорил своим близким друзьям, что отбирать у Джозефа и его группы неперсе эту долину было бы большой ошибкой. Однако в мае 1877 г. он вызвал Джозефа в Лапуай для совета, на котором предполагалось установить, к какому сроку индейцы должны передать белым свою землю.

В провожатые себе Джозеф избрал Белую Птицу, Зеркало, своего брата Оллокота и прорицателя долины Уаллоуа Тухулхулзоте. Этот прорицатель был высоким, весьма безобразным индейцем с толстой шеей, он обладал даром полемического красноречия.

«Какой-то беглец из ада» - так заметил о нем один из белых людей. На открытии совета, которое состоялось в здании напротив караульного помещения форта Лапуай, Джозеф объявил Тухулхулзоте представителем племени неперсе из долины Уаллоуа.

«Кое-кто из индейцев неперсе отказался от своей земли, - сказал прорицатель. - Но мы - никогда не откажемся. Земля - это часть нас самих, и мы никогда не отказывались от нее».

«Вам хорошо известно, что правительство выделило вам резервацию и что все индейцы должны отправиться туда?» - заявил Говард.

«Кому даны полномочия делить землю и селить нас на ней?» - спросил Тухулхулзоте.

«Мне. Я представляю здесь президента. - Говард уже начинал терять терпение. - Мне даны четкие указания, и они будут исполнены».

Прорицатель продолжал раздражать Однорукого Солдатского Вождя, спрашивая у него, каким образом земля, доставшаяся индейцам неперсе от их предков, может принадлежать белым. «Мы произошли от земли, и мы должны вернуться в эту землю - материнское лоно», - заявил он.

«Я не хочу оскорблять вашу религию, - вспыхнул Говард. - Но ближе к делу. Двадцать раз кряду вы повторили, что земля - ваша мать и что власть вождей произошла из земли. Не хочу больше слышать об этом, немедленно переходите к делу».

«Кто мне может указывать, что я должен делать на своей собственной земле?» - резко ответил Тухулхулзоте.

Спор продолжался до тех пор, пока Говард не почувствовал, что ему необходимо продемонстрировать свою силу. Он приказал арестовать прорицателя и отправить его в караульное помещение, затем в резкой форме сообщил Джозефу, что индейцам неперсе дается тридцать дней на перемещение из долины Уаллоуа в резервацию Лапуай.

«Мои люди всегда были друзьями белых людей, - заявил Джозеф. - К чему такая спешка? Я не буду готов к переселению через тридцать дней. Наш скот рассеян, а вода в реке Снейк высока. Давайте подождем до осени, когда вода в реке спадет».

«Если вы задержитесь хоть на день, - грубо ответил Говард, - солдаты погонят вас в резервацию, а весь скот и лошади, которые окажутся к моменту прибытия в эту резервацию за ее пределами, достанутся белым людям».

Наконец-то Джозеф понял безвыходность положения. Защищать долину, имея меньше сотни воинов, было бессмысленно. Когда он и подчиненные ему вожди вернулись в долину, солдаты были уже там. Вожди посовещались и решили немедленно собрать скот, чтобы отправиться в Лапуай. «Белых людей было много, и мы не могли устоять против них. Мы были подобны оленям. Они были подобны медведям гризли. Наша страна была мала. Их страна велика. Мы довольны, если все сущее остается таким, каким его создал Великий Дух. А они недовольны и готовы переделать реки и горы на свой лад».

Но еще до начала этого долгого перехода, некоторые воины заговаривали о войне, не желая, чтобы их гнали, как приبلудных собак, с земли, где они родились. Тухулхулзоте, освобожденный из тюрьмы, заявил, что только кровь смоет оскорбление, нанесенное ему Одноруким Солдатским Вождем. Джозеф, однако, по-прежнему советовал сохранять мир.

Чтобы уложиться в срок, установленный Говардом, им пришлось бросить в долине много своего скота. Когда они вышли к реке Снейк, в потоке кипела водоворотами стекавшая с гор талая вода. Чудом им удалось без каких-либо серьезных происшествий переправить через реку женщин и детей на плотках, обтянутых шкурами бизонов. Но пока они занимались этим, группа белых людей увела из ожидавшего переправы стада часть их скота. Затем, когда индейцы пытались спешно переправить скот через реку, много животных погибло в быстром ее течении. Ожесточившись, как никогда, вожди потребовали, чтобы Джозеф остановил продвижение к каньону Роки и созвал совет. Тухулхулзоте, Белая Птица и Оллокот призывали к войне. Джозеф сказал им, что «лучше жить в мире, чем начать войну и пасть мертвым». Сторонники войны назвали его трусом, но он отказался уступить им.

Однажды ночью, пока они стояли в каньоне, группа воинов ускользнула из лагеря, и по их возвращении индейцы неперсе уже не могли утверждать, что никогда не убивали ни одного белого человека. Воины убили одиннадцать человек, мстя за угон скота и за то, что их выгнали из долины.

Подобно многим другим миролюбиво настроенным вождям Джозеф оказался меж двух огней: нажим белых, с одной стороны, и ярость отчаявшегося народа - с другой. Он решил разделить участь своего народа. «Я бы отдал жизнь, - сказал он, - за то, чтобы вернуть тех белых людей, которых убили мои люди. Я обвиняю своих юношей, я обвиняю и белых людей... Я хотел увести свой народ в Страну Бизонов, [Монтану], по возможности не вступая в бой... Мы продвинулись на 16 миль до ручья Уайт-Берд-Крик и там разбили лагерь, намереваясь согнать в стадо скот, перед тем как отправиться в путь, но солдаты напали на нас, и произошла первая битва».

Хотя индейцев было вдвое меньше, 17 июня они заманили солдат Говарда в ловушку возле каньона Уайт-Берд, опрокинули фланги атакующих, убили третью часть личного состава и обратили в бегство остальных. Спустя десять дней Однорукий Солдатский Вождь подтянул значительные подкрепления, чтобы дать новый бой, однако индейцы неперсе ушли через горы. Искусно маневрируя, Джозеф сумел обмануть преследующих его солдат, нанес серьезный урон одному из передовых отрядов, а затем помчался к Клируотер, где вождь по имени Зеркало ожидал его с подкреплением. В объединенном отряде Джозефа теперь насчитывалось 250 воинов, а также 450 небоеспособных с их пожитками и 200 лошадей. В каньоне Уайт-Берд они захватили несколько винтовок и значительный запас патронов.

После того как отряд спустился с гор Клируотер в те места, где их отцы когда-то радушно встречали Льюиса и Кларка как первых представителей белой цивилизации, Джозеф созвал совет вождей. Всем им было ясно, что нечего и думать о возвращении в Долину Извилистых Вод или о том, чтобы безнаказанно пройти в резервацию Лапуай. Оставался один выход - бежать в Канаду. Сидящий Бык из племени сиу уже убежал в страну Бабушки, и американские солдаты не дерзнули пойти туда, чтобы убить его. Если бы индейцам неперсе удалось достичь реки Лоло-Трейл и пересечь Биттеррут-Маунтинс, то они могли бы скрыться в Канаде.

Привыкшие пересекать горы Биттеррут во время охоты в Монтане, индейцы неперсе быстро оторвались от перегруженных амуницией солдат армии Говарда. 25 июля индейцы спускались в каньон возле устья Лоло-Крик, когда их разведчики увидели впереди солдат. «Синие мундиры» соорудили в одном из узких мест прохода баррикаду из бревен.

Джозеф, Зеркало и Белая Птица поскакали с белым флагом к баррикаде, неторопливо спешили и поздоровались со старшим офицером, капитаном Чарльзом Роном. Вожди заметили, что в лагере находилось около двухсот солдат.

«Мы хотим пройти мимо вас без боя, если вы не против, - сказал Джозеф капитану, - но мы пройдем, если даже вы против».

Рон сказал Джозефу, что они могут пройти, если сдадут оружие. Белая Птица ответил, что его воины никогда не согласятся на это.

Зная, что генерал Говард приближается с запада, а другой большой отряд под командованием полковника Джона Гиббона подходит с востока, капитан Рон решил выждать. Он предложил индейцам встретиться на следующий день для обсуждения условий продвижения. Вожди согласились, но после двух дней бесполезных переговоров, решили больше не ждать.

Рано утром 28 июля Зеркало двинул своих замаскированных воинов цепью между деревьев по верхнему склону каньона. Одновременно Джозеф повел людей и скот вверх по глубокому ущелью, взобрался на вершину одной из гор и обошел построенную в каньоне баррикаду прежде, чем капитан Рон догадался, что проделали индейцы неперсе. Капитан стал преследовать индейцев, но после нескольких стычек с воинами оставленного Джозефом арьергарда в серьезный бой решил не ввязываться и отошел к своей теперь уже никому не нужной баррикаде.

Радуюсь, что им удалось ускользнуть от Говарда, и не зная о приближении отряда Гиббона, вожди решили продвигаться на юг, к знакомым им охотничьим угодьям у Биг-Хол. Там они смогли бы дать отдых лошадям и поохотиться на крупную дичь. Если бы белые оставили их в покое, возможно, им не пришлось бы идти в страну Бабушки вслед за Сидящим Быком.

В ночь на 9 августа Хромой (полковник Гиббон) собрал смешанный отряд из местных добровольцев и верховых солдат и укрыл их на склоне холма, господствующего над лагерем неперсе у реки Биг-Хол-Ривер. Когда стало светать, добровольцы спросили у Гиббона, брать ли им пленных во время боя. Гиббон ответил, что ему не нужны пленные индейцы, будь то мужчины или женщины. Ночной воздух был холодным, и люди согревались, прикладываясь к виски. К утру несколько человек уже были пьяны. С первыми лучами солнца Гиббон отдал приказ наступать. Пехота открыла огонь, а затем пошла в атаку на вигвамы индейцев.

Пятнадцатилетний Коутоликс проснулся, услышав ружейные выстрелы. «Я выскочил из своих одеял, пробежал футов тридцать, упал на четвереньки, затем снова побежал. Старуха по имени Патсиконми выбежала из вигвама и вдруг упала на колени. Она была слева от меня, и я увидел в груди у нее рану. Слышно было, как свистели пули. Старуха сказала мне: «Тебе лучше не оставаться здесь. Беги. Мне конец». И тут же она умерла. Я побежал изо всей мочи и спрятался в кустах. Казалось, солдаты стреляют повсюду. Сквозь вигвамы и в каждого индейца, где бы он ни появлялся. Я видел убитых младенцев и взрослых, падавших под градом пуль».

Другого мальчика-подростка, по имени Черный Орел, разбудил свист пуль, пролетавших сквозь вигвам, где жила его семья. В испуге он побежал и бросился в реку, но вода была слишком холодной. Он выбрался на берег и помог спасти лошадей, отогнав их вверх по холму из поля зрения солдат.

Индейцы тем временем оправались от потрясения, вызванного неожиданностью удара. Пока Джозеф руководил спасением тех, кто не участвовал в бою, Белая Птица развернул воинов

для контратаки. «Сражайтесь! Стреляйте в них! - кричал он. - Мы можем стрелять не хуже любого из этих солдат». Индейцы неперсе действительно превосходили в искусстве стрельбы людей Гиббона. «Тут мы крепко потрепали этих солдат, - рассказывал Желтый Волк. - Напуганные, они бросились к реке. Они были словно пьяные. Сдается, что некоторые из них были убиты из-за того, что напились».

Когда солдаты пытались установить гаубицу, воины-неперсе напали на оружейный расчет, захватили оружие и вывели его из строя. Один из воинов выстрелил в полковника Гиббона и превратил его в Хромающего На Обе Ноги.

К этому времени Джозеф снялся с лагеря, и, пока горстка воинов отгесняла солдат Гиббона к наскоро сколоченной баррикаде из бревен и валунов, индейцы неперсе продолжали отход. Они повернули к югу, прочь от Канады, так как им казалось, что это единственный способ избавиться от преследователей. Воины убили тридцать солдат и ранили по меньшей мере сорок. Но утром во время жестокой атаки Гиббона погибло восемьдесят индейцев, две трети которых составили женщины и дети, тела их изрешетили пули, а головы были размозжены подошвами солдатских сапог и прикладами. «Сам воздух стал тяжелым от скорби, - рассказывал Желтый Волк. - Некоторые солдаты вели себя как безумные». Индейцы арьергарда, возможно, обрекли бы на голод забаррикадировавшихся солдат Гиббона и затем убили бы их всех, не приди им на помощь генерал Говард со свежим подкреплением. Поспешно отступившие воины догнали Джозефа, чтобы предупредить его о том, что Однорукий Солдатский Вождь вновь идет по их следу.

«Мы старались отступать как можно быстрее, - говорил Джозеф. - Через шесть дней генерал Говард догнал нас, но мы первыми напали на него и захватили почти всех его лошадей и мулов». В действительности среди захваченных животных были в основном мулы, но это были вьючные животные; их захват затруднял перевозку провианта и боеприпасов для отряда Говарда. Оставив у себя в тылу сбитых с толку солдат, 22 августа индейцы пересекли Тарги-Пасс и вошли в Йеллоустон-парк.

Всего лишь пять лет назад Великий совет, заседавший в Вашингтоне, объявил территорию Йеллоустона первым Национальным парком. А летом 1877 г. первые американские туристы - любители приключений уже восхищались этим чудом природы. В их числе был не кто иной, как Великий Воин Шерман, выехавший на Запад в инспекционную поездку, чтобы выяснить, как удалось воинам-неперсе, которых было менее трехсот и которых обременяли женщины и дети, оставить в дураках войска всего Северо-Запада.

Когда Шерман узнал, что отступающие индейцы проходят через Йеллоустон-парк почти в виду его роскошного лагеря, он срочно отдал приказ начальникам всех близлежащих фортов окружить плотным кольцом солдат этих дерзких воинов-неперсе. Ближе всех оказался седьмой кавалерийский полк, который в течение этого года успел пополнить свои силы после катастрофического похода во главе с Кастером на Литл-Биг-Хорн. И теперь, горя желанием восстановить свою честь, одержав победу над любыми индейцами, желавшими сражаться, солдаты этого полка двинулись на юго-запад к Йеллоустону. В течение первой недели сентября разведчики-неперсе и разведчики седьмого кавалерийского полка ни на день не теряли друг друга из виду. После стычки в каньоне Крик, умело маневрируя индейцы оторвались от преследователей и направились на север к Канаде. Разумеется, они и не подозревали, что Великий Воин Шерман приказал Медвежьему Мундиру Майлсу выступить из форта Кью и форсированным маршем идти им наперерез.

23 сентября после почти ежедневных арьергардных боев неперсе перешли вброд реку Миссури в районе Кау-Айленд-Лендинг. В последующие три дня разведчики сообщали, что солдат нигде не видно. 29 сентября охотники обнаружили небольшое стадо бизонов. Оставшись почти без пищи и боеприпасов, с лошадьми, падающими от усталости, вожди решили разбить лагерь в горах Бэр-По-Маунтинс. На следующий день, наполнив пустые

желудки мясом убитых бизонов, они попытались за один длинный переход достичь канадской границы.

«Мы знали, что генерал Говард отстал от нас больше чем на два солнца, - рассказывал Желтый Волк. - Нам ничего не стоило держаться впереди».

Однако на следующее утро с юга примчались два разведчика, крича: «Солдаты, солдаты!» Пока индейцы сворачивали лагерь, вдаль показался еще один разведчик. Он размахивал одеялом, сигнализируя: «Противник идет прямо на нас! Скоро атака!»

Атака была начата по приказанию Медвежьего Мундира Майлса, чьи разведчики-индейцы несколькими часами раньше напали на след неперсе. Среди атакующих кавалеристов находилось тридцать разведчиков - индейцев сиу и шайенов, которых «синие мундиры» наняли в форте Робинсон. Эти молодые воины предали свой народ, одев солдатскую форму, что, в частности, привело к убийству Бешеного Коня.

Земля дрожала от грохота шестисот скачущих галопом лошадей, однако Белая Птица не дрогнул и хладнокровно построил своих воинов перед лагерем. Как только первая волна кавалеристов устремилась на них, воины-неперсе открыли меткий огонь. За несколько секунд они убили двадцать четыре солдата, ранили сорок два, остановили атаку, устроив беспорядочную свалку из падающих лошадей и выбитых из седла кавалеристов.

«Мы сражались на близком расстоянии, нас разделяло не более двадцати шагов, - рассказывает вождь Джозеф, - мы отогнали солдат на их первоначальную позицию, и их убитые достались нам. Мы захватили оружие и боеприпасы. Наши потери в первые сутки - восемнадцать мужчин и три женщины». Среди убитых были брат Джозефа, Оллокот, и старый упрямец прорицатель Тухулхулзоте.

С наступлением темноты неперсе попытались проскользнуть на север, но Медвежий Мундир окружил лагерь. Ночью воины рыли траншеи, ожидая наутро новой атаки.

Однако вместо атаки Медвежий Мундир прислал посыльного с белым флагом и с требованием сдаться и тем самым сохранить людям жизнь. Джозеф ответил, что подумает над этим предложением и скоро даст знать о своем решении генералу Майлсу. Пошел снег, и у воинов появилась надежда, что под прикрытием снежного бурана им удастся бежать в Канаду.

Во второй половине дня с белым флагом прискакали несколько разведчиков Майлса из племени сиу. Джозеф пошел через поле битвы им навстречу. «Они сказали, что верят в искренность и мирные намерения генерала Майлса. Я отправился в палатку генерала Майлса».

В течение двух последующих дней Джозеф был пленником Медвежьего Мундира, нарушившего условия перемирия. За это время Майлс подтянул артиллерию и возобновил атаку, но воины-неперсе не отступили, а Джозеф отказывался сдаваться, находясь в плену. Все два дня дул пронизывающе холодный ветер, и густой снег засыпал поле боя.

На третий день воины ухитрились освободить Джозефа. Они захватили в плен одного из офицеров Майлса и пригрозили убить его, если генерал не освободит их вождя. Однако в тот же день генерал Говард со своим нерасторопным войском прибыл в подкрепление Майлсу, и Джозефу стало ясно, что его поредевший отряд обречен. Когда Майлс выслал мирных представителей на краткий полевой совет, Джозеф вышел к ним, чтобы выслушать условия сдачи, поставленные генералом. Условия их были просты и однозначны. «Если вы выходите и складываете оружие, - заявил Майлс, - я сохраняю вам жизнь и отправляю в резервацию».

Вернувшись в осажденный лагерь, Джозеф в последний раз собрал вождей. Зеркало и Белая Птица настаивали на продолжении борьбы, пусть даже до самой смерти. Пройдено с боями тысяча триста миль; можно ли теперь прекратить борьбу? Джозеф с неохотой согласился

отсрочить свое решение. К вечеру этого же дня в последней стычке, происшедшей за время 24-дневной осады, пуля снайпера поразила Зеркало в левый висок, убив его наповал.

«На пятый день, - сообщал Джозеф, - я отправился к генералу Майлсу и отдал ему свое ружье». По поводу капитуляции Джозеф произнес яркую речь, записанную в английском переводе лейтенантом Чарльзом Эрскином Скоттом Вудом, которая со временем стала наиболее часто цитируемой речью американских индейцев:

«Скажите генералу Говарду, что я знаю, что у него на душе. То, что он говорил мне прежде, я сохранил в моем сердце. Я устал сражаться. Наши вожди убиты. Зеркало мертв. Тухулхулзоте мертв. Все старейшины мертвы. Теперь юноши говорят «да» или «нет». Тот, кто вел юношей [Оллокот], мертв. Наступили холода, а у нас нет одеял. Дети умирают от холода. Кое-кто из моих людей убежал к холмам, и у них тоже нет одеял, нет пищи; никто не знает, где они, возможно, они замерзли. Мне нужно время на поиски наших детей, чтобы узнать, сколько их еще можно отыскать. Возможно, я найду их среди мертвых. Слушайте меня, мои вожди! Я устал; мое сердце страждет и скорбит. С сегодняшнего солнца и впредь я вовеки не стану сражаться».

С наступлением ночи, в то время как обсуждались условия капитуляции, Белая Птица с отрядом нестигаемых воинов, разбившись на маленькие группы, прокрались по оврагам и пешие бросились в сторону канадской границы. На второй день пути они пересекли ее, а на третий день заметили в отдалении конных индейцев. Один из приблизившихся индейцев поддал знак: «Из какого вы племени?»

«Неперсе, - ответили они и спросили: - А вы кто?»

«Сиу», - последовал ответ.

На следующий день Сидящий Бык привел беглецов-неперсе в свой канадский поселок.

Что касается вождя Джозефа и остальных неперсе, то о свободе для них не могло быть и речи. Вместо того чтобы отправить их в Лапуай, как обещал Медвежий Мундир, солдаты погнали их, как скот, погрузили на пароход и доставили в форт Ливенворт, штат Канзас. Там в заболоченной пойме их содержали в заключении как военнопленных. После того как умерло почти сто человек, их перегнали на бесплодную равнину на Индейской территории. Как в свое время пленные модоки, неперсе начали болеть и умирать от малярии и сердечных заболеваний.

Чиновники и господа из христианских обществ часто посещали их, выражали свое сочувствие пленникам и посылали бесчисленные отчеты в различные организации. Джозефу устроили поездку в Вашингтон, где он встретился со всеми великими вождями правительства. «Все они говорили о своих дружеских чувствах ко мне, - рассказывал он, - и о том, что со мной поступят справедливо, но, хотя их уста все время произносили хорошие слова, я не понимал, почему же ничего не делается для моего народа... Генерал Майлс пообещал, что мы сможем вернуться на родную землю. Я поверил генералу Майлсу, а иначе я никогда бы не сдался».

Далее следовал страстный призыв к справедливости: «Я слышал лишь разговоры да разговоры, но ничего не делалось. Добрые слова долго не живут, если они ничем не оборачиваются. Словами не расплатишься за моих убитых. Словами не расплатишься за мою землю, которую сейчас опустошают белые люди... Добрые слова не дадут моим людям здоровья и не избавят их от смерти. Из добрых слов не построишь дом, в котором мой народ мог бы жить мирно, сам заботясь о своих нуждах. Я устал от никчемных разговоров. Мое сердце сжимается, когда я вспоминаю все добрые слова и нарушенные обещания... Скорее реки потекут вспять, чем свободнорожденный человек удовлетворится жизнью в загоне, не имея свободы пойти, куда он хочет... Я спрашивал иных белых вождей, кто дал им власть

утверждать, что индеец должен жить в одном месте и видеть, как белые идут туда, куда им заблагорассудится. Я не услышал их ответа.

Оставьте мне свободу - свободу передвигаться, останавливаться, работать, торговать там, где я хочу; свободу выбирать учителей, исповедовать веру предков, думать, говорить и действовать по своему усмотрению, - и я подчинюсь любому закону и понесу любое наказание».

Но никто его не слушал. Джозефа отправили обратно на Индейскую территорию, где он и жил до 1885 г. К этому времени в живых осталось всего 287 пленных индейцев неперсе, большинство из которых были слишком молоды, чтобы помнить былую вольную жизнь, или слишком стары, больны и духовно сломлены, чтобы представлять угрозу для могущества Соединенных Штатов. Кое-кому из уцелевших разрешили вернуться в резервацию Лапуай. Вождя Джозефа и еще около 150 человек считали слишком опасными, чтобы держать их вместе с остальными индейцами неперсе, на которых они могли оказывать влияние. Правительство пароходом отправило их в Неспелем, в резервацию Колвилл в штате Вашингтон, где они и доживали в изгнании свои дни. Когда 21 сентября 1904 г. Джозеф умер, врач агентства сообщил, что причиной смерти было «разбитое сердце» вождя.

XIV. ИСХОД ПЛЕМЕНИ ШАЙЕНОВ

Мы были на юге и очень страдали в тех краях. Многие умерли от болезней, для которых у нас нет имени. Сердца наши искали родину и томились по ней. Нас оставалось так мало, и все, что мы хотели, - это немного земли, на которой мы могли бы жить. Мы оставили неразобранными наши вигвамы и бежали в ночь. Солдаты шли за нами следом. Я выехал к солдатам и сказал им, что мы не хотим сражаться; мы лишь хотим пройти на север, и, если они нас не тронут, мы никого не убьем. В ответ солдаты дали залп. После этого нам пришлось пробиваться, но мы убили лишь тех, кто стрелял в нас первым. Мой брат, Тупой Нож, увел половину группы и сдался возле форта Робинсон... Они отдали свои ружья, и тут белые убили их всех.

Окумгахе (Волчонок), из северных шайенов

Мы просили всего лишь позволить нам жить, и жить мирно... Мы склонились перед волей Великого Отца и пошли на юг. Но там нет жизни для шайена. Потому мы пришли домой. Не лучше ли, думали мы, умереть сражаясь, чем погибнуть от болезней... Вы вольны убить меня здесь, но вы не сможете заставить меня пойти обратно. Мы не пойдём. Есть только один способ доставить нас на юг - прийти к нам с дрекольем, разбить наши головы и замертво оттащить туда.

Утамеланапашме (Тупой Нож), из северных шайенов

После знакомства с различными индейскими племенами, я считаю шайенов лучшими представителями этой расы.

Трехпалый (полковник Рендал Маккензи)

В 1877 г. в Месяце, Когда Выходит Зеленая Трава, когда Бешеный Конь привел людей племени оглала-сиу в форт Робинсон сдаваться, разрозненные группы шайенов, присоединившиеся к нему зимой, тоже отдали лошадей и оружие, полагаясь на милость победителя. Среди вождей шайенов находились Волчонок, Тупой Нож, Стоящий Лось и Дикий Кабан. Всего шайенов было около тысячи человек. Две Луны и 350 шайенов, отделившиеся от остальных после боя у реки Литл-Биг-Хорн, отправились к реке Тонг в форт Кью и сдались Медвежьему Мундиру Майлсу.

Шайены, прибывшие в форт Робинсон, рассчитывали жить в резервации вместе с племенем сиу, согласно договору 1868 г., подписанному Волчонок и Тупым Ножом. Агенты из Бюро по делам индейцев сообщили им, однако, что этот договор обязывает их жить либо в резервации сиу, либо в резервации, выделенной для южных шайенов. Агенты советовали северным шайенам переместиться на Индейскую территорию и жить со своими родичами - южными шайенами.

«Нашему народу были не по душе эти речи, - рассказывал Деревянная Нога. - Мы все хотели остаться на своей земле, рядом с Блэк-Хилс (Черные холмы). Но у нас был сильный вождь Стоящий Лось, все время твердивший, что лучше бы нам отправиться на Индейскую территорию. По-моему, из всего нашего племени с ним согласились только человек десять. Нам казалось, что он говорил так только для того, чтобы стать важным индейцем в глазах белых людей».

Пока власти решали, что делать с северными шайенами, вожди «синих мундиров» из форта Робинсон вербовали некоторых воинов в разведчики для розыска разрозненных отрядов, которые все еще оставались на свободе и не желали соглашаться с неизбежной капитуляцией.

Лейтенант кавалерии Уильям Кларк убедил Волчонок с несколькими воинами сотрудничать с ним. Кларк носил белую шляпу, и поэтому шайены называли его Белая Шляпа. Вскоре они обнаружили, что Белая Шляпа действительно симпатизирует индейцам, интересуется их образом жизни, культурой, языком, религией и обычаями. (Позднее Кларк опубликовал научный трактат о языке жестов у индейцев.)

Волчонок мог остаться в форте Робинсон с Белой Шляпой, но, когда из Вашингтона пришли приказы о переводе шайенов на Индейскую территорию, он решил идти со своим народом. Перед тем как отправиться в путь, встревоженные вожди шайенов попросили созвать последний совет с участием Трехзвездного Крука. Генерал попытался успокоить их, предлагая им пойти и взглянуть на Индейскую территорию; если им там не понравится, они смогут вернуться на север. (Во всяком случае, так переводчики передали слова Крука.)

Шайены хотели, чтобы и Белая Шляпа отправился с ними на юг, но армейское командование приказало сопровождать индейцев лейтенанту Генри Лотону. «Он был хорошим человеком, - говорил Деревянная Нога. - Он всегда был добр к индейцам». Они называли Лотона Высокий Белый Человек и были очень довольны, когда он стал предоставлять старикам и больным для дневных переездов солдатские фургоны, а для ночлега - армейские палатки. Высокий Белый Человек следил также за тем, чтобы каждый получал достаточно хлеба и мяса, кофе и сахара.

Двигаясь на юг, они шли по знакомым охотничьим тропам, обходя стороной города, однако они не могли не заметить, как изменились равнины, повсюду появились железные дороги, ограды и здания. Они заметили несколько небольших стад бизонов и антилоп, и Высокий Белый Человек выдал тридцати индейцам, которых отобрал вождь, винтовки для охоты.

В Месяце, Когда Линяют Кони из форта Робинсон вышло 972 шайена. 5 августа 1877 г. после без малого ста ночевки 937 из них достигли форта Рено на территории резервации, где жили шайены и арапахи. Несколько стариков умерли в пути; несколько юношей ускользнули обратно на север.

Трехпалый Маккензи, находившийся в форте Рено, встретил их. Он отобрал лошадей и остатки оружия, однако на этот раз он не пристрелил их лошадей, пообещав, что его агент вернет их, после того как индейцы устроятся на новом месте и начнут обрабатывать землю. Затем он передал шайенов в ведение агента Джона Майлса.

Через пару дней, когда южные шайены пригласили своих северных родичей на традиционный племенной праздник в честь вновь прибывших, Волчонок и Тупой Нож заметили что-то неладное. Угощение состояло из горшочка водянистой похлебки - это все, что южане смогли предложить. Трудно было прокормиться на этой пустынной земле: здесь вовсе не было крупной дичи, чистой воды для питья, к тому же пайков, выдаваемых агентом, не хватало на всех. Вдобавок ко всему летний зной был невыносим, а воздух полон москитов и летящей пыли.

Волчонок отправился к агенту и сообщил ему, что они прибыли сюда только затем, чтобы взглянуть на резервацию. Теперь, когда им здесь не понравилось, они готовы вернуться на север, как и было условлено с Трехзвездным Круком. Агент ответил, что только Великий Отец в Вашингтоне волен решить, когда северным шайенам возвращаться в страну Черных холмов и возвращаться ли вообще. Он обещал увеличить паек - из Техаса для них гнали стадо лонгхорнов.

Техасские лонгхорны были костлявы, мясо их было таким же жестким, как их шкура, но по крайней мере теперь северные шайены могли, подобно своим родичам, сварить себе похлебку. В конце лета северяне стали болеть лихорадкой, простудами и ломотой в костях. Больные умирали в мучениях. «Наши люди умирали, умирали, умирали; один за другим уходили из этого мира».

Волчонок и Тупой Нож жаловались агенту и вождю солдат в форте Рено, пока армейское начальство не прислало наконец лейтенанта Лотона, Высокого Белого Человека, проинспектировать лагерь северных шайенов. «У них недостаточно продовольствия для того, чтобы утолить голод, - сообщил Лотон. - Многие женщины и дети заболевают от недоедания. То немного, что им при мне раздавали, они сами не ели, говоря, что возьмут пищу для детей, которые плачут от голода... Говядина, которую им давали при мне, была очень низкого качества, торговать ею было бы невозможно - она никому не годится в пищу».

У гарнизонного врача не было хинина, чтобы приостановить эпидемию малярии, косившей северян. «Не имея лекарств, он часто запирает свое помещение и уходил прочь, так как не хотел являться по вызовам к индейцам, помочь которым он был не в состоянии».

Высокий Белый Человек созвал всех вождей, но не для того, чтобы говорить с ними, а чтобы выслушать их. «Мы пришли сюда по слову генерала Крука, - заявил Тупой Нож. - Мы еще чужие в этой стране. Мы хотели бы обосноваться там, где мы будем жить постоянно, а потом мы пошлем наших детей в школу».

Другие вожди и предводители были раздражены словами Тупого Ножа. Он говорил слишком мягко. Вожди немного посовещались и от их имени начал говорить Дикий Кабан.

«С тех пор как мы находимся в этом агентстве, - сказал Дикий Кабан, - мы не получали от здешнего агента ни кукурузы, ни хлеба, ни риса, ни бобов, ни соли; только изредка дрожжи и мыло. Сахара и кофе, выданных на неделю, хватает лишь на три дня; то же самое с мясом. Мука очень низкого качества, очень темная, тесто из нее не поднимается. Что касается мясного скота, - добавил Дикий Кабан, - много животных увечных, и выглядят они так, как будто их морили голодом».

Потом говорили другие вожди. Они рассказали о болезнях и смертности среди индейцев. Шайены согласны принимать лекарства белых людей, но они никогда не могут найти доктора, который дал бы им эти лекарства. Если Высокий Белый Человек разрешит им охотиться, они раздобудут мясо бизонов и снова выздоровеют. Лотон ответил, что только агент может дать разрешение охотиться на бизонов, однако пообещал обратиться к Трехпалому Маккензи (в то время он командовал фортом Силл), который мог бы ходатайствовать за них.

Маккензи, сделавший карьеру на убийстве шайенов и уничтожении их животных, мог позволить себе проявить немного жалости к оставшимся в живых и теперь уже беззащитным индейцам. Получив отчеты лейтенанта Лотона, Трехпалый выразил решительное недовольство генералу Шеридану: «Я вижу, как правительство морит голодом индейцев, которые ведут себя благоразумно, но это еще не все, оно морит их голодом, вопиющим образом нарушая соглашение». Одновременно он посоветовал начальнику форта Рено майору Джону Мизнеру содействовать агенту в получении пайков для шайенов. «Если индейцы отправятся за бизонами вопреки желанию агента, не пытайтесь способствовать их возвращению, иначе солдаты окажутся пособниками большой несправедливости».

Только с наступлением холодов агент Майлс разрешил северным шайенам идти охотиться на бизонов, а затем назначил нескольких южан следить за охотниками, чтобы точно знать, не собираются ли они сбежать на север на тех лошадях, которых он им возвратил. Охота на бизонов была настолько неудачной, что могла бы стать поводом для шуток, если бы люди не умирали с голоду без мяса. В южных степях повсюду валялись скелеты бизонов, призрачные груды костей, брошенных белыми охотниками, а шайены не находили никакой дичи, кроме койотов. Они убивали этих койотов и ели их, а зимой им пришлось съесть всех своих собак в дополнение к скудным мясным пайкам, выдаваемым в агентстве. Кое-кто поговаривал о том, чтобы съесть и лошадей, которых агент дал им для охоты, но вожди и слышать об этом не хотели. Если они решат возвращаться на север, им понадобятся все их лошади до единой.

Все это время Трехпалый и Высокий Белый Человек пытались раздобыть для шайенов дополнительное продовольствие, но Вашингтон никак не реагировал на их запросы. После того как от него настоятельно потребовали объяснений, новый министр внутренних дел Карл Шурц заявил, что разбор подобных мелочей не входит в компетенцию министра. Этим должно заниматься Бюро по делам индейцев. Однако Шурц был назначен министром именно для того, чтобы срочно провести преобразования в Бюро по делам индейцев. Он объявил, что недовольство среди северных шайенов провоцируют вожди, которые хотят сохранить старые традиции и отвлечь индейцев от работы. Он признал ассигнования недостаточными для закупки означенного в договоре количества продуктов, но выразил надежду, что при «предельной экономии» и «тщательной организации» Бюро по делам индейцев в текущем году сможет справиться с таким небольшим дефицитом. Несколько вождей общин, обитавших на Индейской территории, побывали в тот год в Вашингтоне и обнаружили, что Шурц поразительно несведущ в вопросах, связанных с индейцами. Шайены, называвшие его Большие Глаза, изумлялись тому, как человек, который видит так много, так мало знает.

С приходом теплых лун москиты начали роиться над пойменной землей резервации, и вскоре северных шайенов вновь стала косить малярия. К этому прибавилась эпидемия кори, поразившая детей. В Месяце Красных Вишен было так много погребений, что Волчонок решил: вожди должны предстать перед агентом Майлсом. Волчонок и Тупой Нож уже давно постарели, им было далеко за пятьдесят, своя судьба их волновала мало. Но их долгом было спасти юношей, спасти само племя, не дать стереть его с лица земли.

Майлс согласился встретиться с ними, и Волчонок говорил от имени всех. «С тех пор как мы оказались в этом краю, мы умираем каждый день, - сказал он. - Этот край нам не по душе, и мы хотим вернуться к себе домой, в горы. Если у вас нет власти разрешить нам вернуться туда, пусть кто-нибудь из нас поедет в Вашингтон и расскажет тамошним людям, каково нам здесь, или вы сами напишите в Вашингтон - пусть они разрешат нам вернуться на север».

«Сейчас я не могу сделать этого, - ответил агент. - Оставайтесь здесь еще на год, и тогда мы увидим, что можно для вас сделать».

«Нет, - твердо сказал Волчонок. - Мы не можем оставаться здесь еще на год, мы хотим идти теперь же. Прежде чем пройдет еще один год, возможно, мы все умрем, и кто тогда из нас отправится на север?»

Затем некоторые юноши просили разрешить им присоединить свои голоса к голосу совета. Один из них сказал: «Здесь мы боеем и умираем, и никто не произнесет наших имен, когда нас не станет». «Мы пойдем на север во что бы то ни стало, - добавил другой, - и, если мы умрем в битве, наши имена запомнит и возлюбит весь наш народ».

В течение августа вожди совещались между собой, но их мнения разошлись. Стоящий Лось, Нога Индейки и некоторые другие вожди боялись трогаться на север: солдаты выследят и перебьют всех;

лучше умереть в резервации. В начале сентября Волчонок, Тупой Нож, Дикий Кабан и Левая Рука отвели свои общины на несколько миль от остальных групп, с тем чтобы тотчас пуститься в путь, когда настанет срок идти на север. Каждый день они производили обмены, отдавая самое ценное свое имущество за лошадей и за те немногочисленные старые ружья, которые могли им предложить южные шайены и арапахи. Они и не пытались обманывать агента. Действительно, когда в Месяце Сухой Травы Волчонок решился двинуться на север, он пошел к Майлсу и сообщил ему, что собирается вернуться на родину. «Я не хочу видеть кровь, пролитую возле этого агентства. Если вы намерены послать вслед за мною солдат, дайте мне сначала отойти на некоторое расстояние от этого агентства. Тогда, если вы захотите сражаться, я сразу с вами, и пусть мы обагрим землю кровью в том месте».

Майлс, по всей вероятности, не верил в то, что отколовшиеся вожди и в самом деле попытаются совершить такое невероятное путешествие; он считал, что им, так же как и ему, хорошо известно одно:

войска останоят их. И все же он принял меры предосторожности, отправив Эдмона Журье (метиса из южных шайенов, пережившего Санд-Крик в 1864 г.) в лагерь Волчонка, чтобы предостеречь вождя.

«Если вы уйдете, - сказал Журье Волчонку, - у вас будут неприятности».

«Мы не хотим неприятностей, - ответил Волчонок. - Ни о чем подобном мы не помышляем. Все, что мы хотим, - это вернуться туда, откуда мы пришли».

В ночь на 9 сентября Волчонок и Тупой Нож велели своим людям собраться, чтобы с рассветом выступить. Оставив позади себя неразобранные пустые вигвамы, они двинулись на север через песчаные холмы - 297 мужчин, женщин и детей. Меньше трети из них были воинами - они были сильнее всех духом в этом гордом, обреченном племени. Лошадей на всех не хватило, и они по очереди ехали верхом. Несколько юношей поскакали вперед в надежде где-нибудь отыскать лошадей.

В те дни, когда количество шайенов исчислялось тысячами, у них было больше лошадей, чем у любого степного племени. Их называли Красивый Народ. Жестокий рок подстерегал их везде - на юге и на севере. После двадцати лет истребления они были ближе к полному исчезновению, чем бизоны.

Три дня шайены шли, ведомые общим желанием, с полным напряжением всех своих душевных и физических сил, не щадя лошадей. 13 сентября они перешли через Симаррон в 150 милях к северу от форта Рено и выбрали оборонительную позицию в месте пересечения четырех каньонов. Заросли кедра служили воинам отличным укрытием.

Здесь их нагнали солдаты и послали одного проводника-арапаха в каньоны для переговоров. Проводник подавал знаки одеялом, извещая шайенов о необходимости повернуть назад и вернуться в резервацию. Когда показался Волчонок, арапах подошел ближе и сообщил ему, что солдатский вождь хотел бы избежать столкновения, но, если шайены не последуют за ним обратно в форт Рено, их атакуют.

«Мы идем на север, - ответил Волчонок, - нам была обещана возможность вернуться, когда мы давали согласие идти на юг. Мы намерены, если это возможно, двигаться, никого не беспокоя, никому не причиняя вреда и не уничтожая какой-либо собственности белого человека на своем пути. Мы ни на кого не нападём, если нас никто не тронет первым. Если солдаты станут сражаться с нами, мы сразимся с ними, и, если белые люди, которые не являются солдатами, будут помогать войскам, мы будем сражаться и с ними».

Вскоре после того, как посыльный принес ответ Волчонка вождю солдат (капитану Джозефу Рендлброку), солдаты двинулись в каньоны и стали стрелять. Это было неразумно с их стороны, так как шайены окружили их, укрывшись в кедровых чащах. Весь день и всю ночь они держали солдат без воды в этой ловушке. На следующее утро шайены начали ускользать маленькими группами на север, оставляя солдатам возможность отступления.

Теперь борьба превратилась в бой на отходе через Канзас в Небраску. Солдаты тучами неслись из всех фортов - кавалеристы галопом скакали из фортов Уоллес, Хейс, Додж, Райли и Керни, пехоту перевозили в железнодорожных вагонах взад-вперед по трем параллельным железнодорожным линиям между реками Симаррон и Платт. Чтобы двигаться быстрее, шайены пересели со своих утомленных животных на лошадей, принадлежавших белым людям. Они пытались избежать столкновений, однако владельцы ранчо, ковбои, поселенцы и даже торговцы из небольших городков - все приняли участие в преследовании. Десять тысяч солдат и три тысячи белых людей, которые не были солдатами, беспрестанно нападали на убегающих шайенов, сокращая число способных защищаться воинов, убивая молодых и

старых, стоило тем лишь отстать. В последние две недели сентября солдаты пять раз настигали отступавших, но всякий раз тем удавалось ускользнуть. Постоянно, передвигаясь по труднопроходимой местности, они исключали для солдат возможность использовать фургоны или большие пушки на колесах, но только они отрывались от одной преследующей колонны «синих мундиров», как перед ними оказывалась другая.

В первые дни Месяца Падающих Листьев шайены пересекли полотно Центральной тихоокеанской железной дороги, перешли вброд реку Платт и помчались к знакомым им песчаным холмам Небраски. Трехзвездный Крук посылал по нескольку колонн наперерез индейцам, однако он должен был признать, что их так же трудно поймать, как стаю перепуганных ворон.

По утрам желтеющую траву уже покрывал иней, но свежий воздух бодрил людей после долгого жаркого лета на Индейской территории. Шесть недель поспешного бегства превратили их одеяла в лохмотья; постоянно не хватало пищи; лошадей по-прежнему было так мало, что половине мужчин приходилось по очереди то ехать верхом, то бежать.

На одной из ночных стоянок вожди подсчитали свои силы. Тридцать четыре человека из покинувших Индейскую территорию пропали без вести. Некоторые рассеялись во время боев и пробирались на север другими тропами, но большинство погибло от пуль белых людей. Те, кто был постарше, ослабели, детям не хватало пищи и сна, и лишь немногие из них могли бы выдержать долгий путь. Тупой Нож сказал, что им следует пойти в агентство Красного Облака и просить У него пищи и крова на время холодных лун, которые уже не за горами. Они не раз помогали Красному Облаку, когда тот сражался за долину реки Паудер. Теперь его очередь помочь шайенам.

Волчонок смеялся над такими речами. Он хотел идти в страну шайенов, в долину реки Тонг, где можно было раздобыть вдоволь Мяса и шкур и вновь зажечь, как подобает жить шайенам.

В конце концов вожди поладили любовно. Те, кто хотел идти к реке Тонг, могли следовать за Волчком, а те, кто устал от бегства, могли последовать за Тупым Ножом в агентство Красного Облака. На следующее утро 53 воина, 43 женщины и 38 детей вновь пошли с Волчком прямо на север. Около 150 человек во главе с Тупым Ножом повернули на северо-запад - несколько воинов, старики, дети и раненые. После некоторых раздумий Дикий Кабан и Левая Рука тоже пошли вместе с Тупым Ножом, чтобы быть рядом со своими детьми, последней надеждой Красивого Народа.

23 октября, когда колонна людей Тупого Ножа находилась всего лишь в двух ночевках от форта Робинсон, в открытой степи их настигла сильная метель. Тяжелые, мокрые хлопья снега слепили с трудом продвигавшихся индейцев; лошади, побелевшие от снега, замедлили шаг. Неожиданно из водоворота вьюги вынырнул призрачный отряд кавалерии. Шайены были окружены.

Вождь солдат капитан Джон В. Джонсон выслал вперед переводчика и быстро договорился о переговорах. Тупой Нож сказал капитану, что он не хотел никаких неприятностей; все, что он хотел, - это добраться до агентства Красного Облака или Пятнистого Хвоста, где его люди смогли бы найти пищу и кров.

Капитан сообщил ему, что Красное Облако и Пятнистый Хвост переведены далеко на север, в Дакоту. В окрестностях Небраски нет больше резервации, но форт Робинсон еще не закрыт. Солдаты отведут их в форт.

Сначала Тупой Нож пытался возражать, но, по мере того как смеркалось, метель становилась леденящей, шайены мерзли и хотели есть. Тупой Нож сказал, что он последует за солдатами в форт.

Быстро стемнело, и солдаты разбили лагерь вдоль какого-то ручья, расставив караулы вокруг шайенов. Ту ночь вожди провели в тревожных разговорах, гадая, что предпримут солдаты. Было решено разобрать лучшие ружья и пистолеты, оставив на виду негодные, на тот случай, если вождь солдат прикажет сдать оружие. Пока не рассвело воины разбирали ружья на части, отдавая стволы женщинам, чтобы те прятали их в своей одежде, привязывая пружины, замки, патроны и другие мелкие детали к бусам и мокасинам, как будто для украшения. Конечно же, на следующее утро капитан Джонсон приказал своим солдатам разоружить шайенов. Они сложили в небольшую кучу сломанные ружья, пистолеты, луки и стрелы, а капитан разрешил солдатам все это на сувениры.

25 октября индейцев привели в форт Робинсон и поместили в бревенчатом бараке, построенном для роты из 75 солдат. Хотя 150 шайенам было тесно, они радовались, обретая кров. Солдаты дали им одеяла, вдоволь еды и лекарства, и в глазах солдат, охранявших барак, были дружелюбие и восхищение.

Каждый день Тупой Нож спрашивал начальника гарнизона майора Калеба Карлтона, когда они смогут отправиться в новое агентство Красного Облака. Карлтон говорил ему, что придется подождать приказа из Вашингтона. Чтобы выразить свое сочувствие шайенам, начальник гарнизона разрешил воинам по несколько человек ходить за крупной дичью, одолжив им охотничьи ружья и лошадей. Охотники обнаружили всего несколько каких-то животных; прерии вокруг форта Робинсон были пусты и одиноки, на них больше не было вигвамов, но шайены наслаждались свободой, возможностью бродить без страха преследования, хоть их и отпускали всего на один день.

В начале Месяца, Когда Волки Собираются В Стаю друг шайенов майор Карлтон покинул форт и на его место приехал начальник гарнизона капитан Генри Уэсселс. Шайены слышали, как солдаты называли его между собой Летучим Голландцем. Действительно, Уэсселс постоянно метался по форту, следя за шайенами, без предупреждения входил в их барак, всюду что-то высматривал, заглядывал во все углы. В месяце, который белые люди называют декабром, из Дакоты был доставлен Красное Облако, чтобы посоветоваться с шайенами.

«Наши сердца скорбят о вас, - сказал Красное Облако. - Много нашей крови было в жилах ваших мертвых. От этого нашим сердцам еще больнее. Но что мы можем поделать? Великий Отец всемогущ. Его народ заполонил всю землю. Мы должны делать то, что он скажет. Мы просили его разрешить вам прийти к нам и жить среди нас. Мы надеемся, что он позволит вам прийти. Мы поделим с вами все, что у нас есть. Но запомните: как он скажет, так вы и должны поступать. Мы не можем вам помочь. На холмах много снега. Лошадей мало. Дичи мало. Ни вы, ни мы не можем сопротивляться. Так что послушайте старого друга и поступайте, не сетуя, по слову Великого Отца».

В последние годы Красное Облако постарел и стал осторожным. Тупой Нож слышал, что старый вождь сам стал узником в своей резервации в Дакоте. Вождь шайенов поднялся, печально посмотрел на изборожденное морщинами лицо своего старшего брата из племени сиу. «Мы знаем, что ты - наш друг, чьим словам можно верить, - сказал он. - Мы благодарны тебе за то, что ты предлагал нам свои земли. Мы надеемся, что Великий Отец позволит нам прийти к тебе. Мы просили всего лишь позволить нам жить, и жить мирно. Я ни с кем не ищу войны. Я - старик, время битв для меня миновало. Мы склонились перед волей Великого Отца и пошли по его слову далеко на юг. Но там нет жизни для шайена. Болезнь пришла к нам и привела скорбь в каждый вигвам. Затем обещания договора были нарушены, и нам не хватало продовольствия. Кого не изнурили болезни, истощил голод. Остаться там значило всем умереть. Наши прошения к Великому Отцу оставались без ответа. Мы решили, что лучше умереть, сражаясь за обретение родного крова, чем погибнуть от болезней. Так начался наш поход. Остальное ты знаешь».

Тупой Нож повернулся к капитану Уэсселсу: «Скажите Великому Отцу, что Тупой Нож и его люди просят лишь позволить им кончить дни здесь, на севере, где они родились. Скажите ему, что мы больше не хотим воевать. Мы не можем жить на юге: там нет дичи. А здесь, когда нет продовольствия, мы можем охотиться. Скажите ему, что, если он позволит нам остаться здесь, люди Тупого Ножа никому не причинят вреда. Скажите ему, что, если он попытается отправить нас назад, мы перережем друг друга своими ножами.

Уэсселс пробормотал несколько слов. Он пообещал, что сообщит Великому Отцу о том, что сказал Тупой Нож.

Меньше чем через месяц, 3 января 1879 г., капитан Уэсселс получил послание из военного министерства. Генерал Шеридан и Большие Глаза Шурц приняли решение относительно шайенов Тупого Ножа. «Если их не отправить туда, откуда они пришли, - говорил Шеридан, - это будет ударом по всей системе резерваций и может угрожать ее стабильности». Шурц был того же мнения: «Индейцев следует отправить обратно в их резервацию».

Приказ военного министерства следовало по обыкновению привести в действие немедленно, не обращая внимания на зимнюю погоду. Это был Месяц, Когда Снег Задувает В Вигвамы, период сильных морозов и бушующих метелей.

«Или Великий Отец желает нам смерти? - спросил капитана Уэсселса Тупой Нож. - Если это так, мы умрем прямо здесь. Мы не пойдем назад!»

Уэсселс ответил, что он дает шайенам пять дней на то, чтобы одуматься. В течение этого срока их будут содержать в бараке как пленников, и они не получают ни пищи, ни дров.

И вот пять дней шайены теснились в бараке. Почти каждую ночь шел снег, и они выскребали его из щелей окна, чтобы добыть воды. Но есть было нечего, кроме объедков и костей, и мороз в бараке обжигал руки и лица.

9 января Уэсселс вызвал к себе в штаб Тупого Ножа и других вождей. Тупой Нож идти отказался; Дикий Кабан, Ворона и Левая Рука ушли с солдатами. Через несколько минут появился Левая Рука в наручниках; солдаты бросились на него, но, прежде чем его заставили замолчать, он кричал так, что люди в бараке узнали о случившемся. Все стало ясно. Дикий Кабан сказал капитану Уэсселсу, что ни один шайен не пойдет снова на юг, и тогда капитан приказал надеть ему наручники. Сопrotивляясь изо всех сил, Дикий Кабан пытался бежать, но солдаты одолели его.

Через некоторое время Уэсселс подошел к бараку и обратился к шайенам через окно. «Пусть женщины и дети выйдут, - приказал он, - так их страдания прекратятся».

«Мы все вместе умрем, прежде чем нас отправят на юг», - ответили шайены.

Уэсселс ушел, а затем пришли солдаты и забрали двери барака цепями и железными решетками. Настала ночь, но лунный свет отражался от снега, и снаружи было светло как днем; свет поблескивал на стальных штыках шести солдат-часовых, одетых в длинные шинели с капюшонами, тяжело ступавших взад-вперед.

В бараке один из шайенов сдвинул с места холодную печку и поднял часть досок настила. Внизу на сухой земле лежало пять ружейных стволов, спрятанных туда в первый день. Из украшений и мокасин стали извлекать спусковые крючки, ударники и патроны. Вскоре несколько винтовок и пистолетов было собрано. Юноши раскрасили лица, одели лучшую одежду, а женщины тем временем подложили под каждое окно седла и узлы так, чтобы можно было быстро выскочить наружу. Затем самые меткие из воинов заняли позиции возле указанных им окон, и каждый выбрал себе мишенью одного из охранников.

Вечером в 9 часов 45 минут раздались первые выстрелы. Одновременно все оконные рамы были с треском высажены, и шайены хлынули из барака. Выхватывая винтовки убитых и раненых часовых, они побежали к цепочке утесов за пределами гарнизона. Они уже бежали

целых десять минут, когда первые верховые солдаты, иные в нижнем белье, поскакали за ними в погоню. Воины быстро образовали оборонительную линию, пока женщины и дети пересекали ручей. Поскольку оружия было мало, воины, продолжая стрелять, отходили назад. Солдаты все время прибывали, охватывая их кольцом; они стреляли в каждого индейца, шевельнувшегося в снегу. В первый час боя более половины воинов было убито, и тут солдаты стали преследовать рассеянные группы женщин и детей, убивая многих из них, прежде чем те могли сдать в плен. Среди убитых была дочь Тупого Ножа.

Когда наступило утро, 65 оставшихся в живых шайенов погнали в форт Робинсон; 23 человека из них были ранены. Уцелели в основном женщины и дети. Только 38 человек из тех, кто участвовал в побеге, были живы и свободны. 32 человека, держась одной группой, двигались на север через холмы, их преследовали четыре роты солдат и батарея горной артиллерии. Остальные 6 беглецов спрятались где-то в горах всего в нескольких милях от форта. Это были Тупой Нож, его жена, оставшийся в живых сын, невестка, внук и мальчик по имени Красная Птица.

Несколько дней кавалеристы преследовали группу из 32 шайенов, пока наконец их не удалось загнать в глубокую бизонью яму неподалеку от Хет-Крик-Блаффс. Приблизившись атакующим строем к краю ямы, кавалеристы разрядили в нее свои карабины, затем отошли, перезарядили ружья и повторяли этот маневр до тех пор, пока индейцы не перестали отстреливаться. Только 9 человек остались в живых, в основном женщины и дети.

В течение последних дней января, передвигаясь на север только по ночам, Тупой Нож и его группа добрались до Пайн-Ридж. Там они стали пленниками в резервации Красного Облака. Волчонок и его сторонники провели зиму, укрывшись в ямах, которые они вырыли вдоль замерзших берегов ручья Лост-Чокшерри-Крик, одного из притоков Найобрэры. В Месяце Больных Глаз, когда немного потеплело, они отправились на север, в страну реки Тонг. На Бокс-Элдер-Крик им встретился Две Луны и несколько шайенов, служивших разведчиками в форте Кью.

Две Луны сообщил Волчонку, что Белая Шляпа Кларк отправился разыскивать его - он хотел держать с ним совет. Волчонок ответил, что он с радостью повидается со своим старым другом Белой Шляпой. Они встретились в полумиле от лагеря шайенов, причем лейтенант Кларк пришел безоружный, чтобы показать, что он верит в их дружбу. Лейтенант сообщил, что ему приказано привести шайенов в форт Кью, где сейчас жили их родственники, сдавшиеся в плен. За мирную жизнь надо платить ружьями и лошадьми, добавил он; лошадей они могут оставить при себе, пока не придут в форт Кью, но оружие они должны сдать сейчас же.

«С той поры как мы расстались в агентстве Красного Облака, - ответил Волчонок, - мы побывали на юге и многое там пережили... Мой брат Тупой Нож увел половину группы и сдался возле форта Робинсон. Он думал, что вы еще там и ожидаете его. Они отдали свои ружья, и тут белые убили их всех. Я вышел в прерии, и мне нужны мои ружья. Когда я приду в форт Кью, я отдам вам оружие и лошадей, но я не могу отдать их сейчас. Ты единственный, кто предложил говорить, перед тем как сражаться, и, кажется, тот ветер дружбы, от которого так долго трепетали наши сердца, вот-вот уляжется».

Конечно, Волчонку пришлось отдать ружье, но сначала он убедился в том, что Белая Шляпа не даст солдатам губить его людей. Они отправились в форт Кью, и там большинство юношей завербовались в разведчики. «Долгое время мы только и делали, что занимались муштрой и заготавливали бревна, - рассказывал Деревянная Нога. - В форте Кью я научился пить виски... Я тратил на него большую часть своего жалованья разведчика». Шайены пили виски от скуки и отчаяния, обогащая белых торговцев и разрушая остатки племенной дисциплины. Виски разрушило и Волчонка.

После многомесячных бюрократических проволочек Вашингтона вдовы, сироты и остатки воинов из форта Робинсон были переведены в агентство Красного Облака в Пайн-Ридж, где присоединились к индейцам Тупого Ножа. Затем, еще после нескольких месяцев ожидания, шайенам из форта Кью была предоставлена резервация на реке Тонг, и Тупому Ножу с убывающей горсткой индейцев, живших в Пайн-Ридж, было разрешено присоединиться к своему народу.

Для большинства из них это было уже слишком поздно. Силы оставили шайенов. Все годы, прошедшие со времен Санд-Крик злой рок преследовал Красивый Народ. Семена племени разбросало по ветру. «Мы пойдем на север во что бы то ни стало, - сказал когда-то один молодой воин. - И если мы умрем в битве, наши имена запомнит и возлюбит весь наш народ». Вскоре не останется никого, кто найдет в себе силы вспомнить, не останется никого, кто произнес бы их имена теперь, когда их не стало.

XV. СТОЯЩИЙ МЕДВЕДЬ СТАНОВИТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Я пришел с востока в эти места, вы прогнали меня с земли, где я жил две тысячи лет или больше... Друзья мои, если вы оторвете меня от этой земли, мне будет очень плохо. Я хочу умереть на этой земле. Я хочу здесь состариться... Я не хотел отдавать Великому Отцу ни одного клочка этой земли. Даже за миллион долларов я бы не отдал ему эту землю... Когда хотят зарезать скот, его гонят в загон и там режут. То же самое случилось с нами... Моих детей перебили; был убит и мой брат.

Стоящий Медведь, из понков

Солдаты подошли к границам нашего селения и перегнали нас на другую сторону Найобрэры, подобно тому как перегоняют табун лошадей; и эти солдаты подталкивали нас вперед, пока мы не пришли к реке Платт. Они гнали нас перед собой, словно мы и впрямь были табуном лошадей, и я сказал: «Если я должен идти, я пойду на эту землю. Пусть только солдаты уйдут прочь, они пугают наших женщин». Вот так я дошел до Теплой Земли (Индийская территория). Тамошняя земля оказалась плохой, и мы умирали один за другим, и мы сказали: «Какой человек пожалеет нас? И наши животные дохли. О, было очень жарко. Эта земля воистину нездорова, и мы здесь, скорее всего, умрем, и мы надеемся, что Великий Отец возьмет нас вновь обратно. Вот что мы говорим. Сто человек из нас умерло там».

Белый Орел, из понков

В 1804 г. там, где река Найобрэра впадает в Миссури, Льюис и Кларк повстречали дружественное племя индейцев, которые называли себя понками. В племени в те времена насчитывалось от двухсот до трехсот человек, уцелевших после массовой эпидемии свинки, занесенной белым человеком. Полстолетия спустя понки по-прежнему жили там же, все еще были дружелюбными и охотно торговали с белыми людьми, и в их жизнеспособном племени было уже около тысячи человек. В отличие от большинства других степных племен понки выращивали кукурузу и сажали огороды, а поскольку они были состоятельны и имели много лошадей, им часто приходилось отражать набеги племен сиу, обитавших на севере.

В 1858 г., в том самом году, когда правительственные чиновники ездили по всему Западу, устанавливая границы земель различных племен, понки отказались от части своей территории в обмен на обещания официальных лиц гарантировать им защиту личности, собственности и постоянного места обитания на Найобрэре. Однако спустя десять лет, когда составители договоров вели переговоры с сиу, в результате некой грубой бюрократической ошибки, допущенной в Вашингтоне, земли понков были включены по договору 1868 г. в территорию племени сиу.

Хотя понки неоднократно посылали протесты в Вашингтон, официальные лица никак не реагировали. Необузданные юноши из племен сиу опустились до того, что требовали в качестве дани лошадей, угрожая согнать понков с земли, которую считали теперь своей собственностью. «В течение семи лет после заключения этого договора, - заявлял Питер ле Клэр (индеец понка), - понкам приходилось обрабатывать сады и поля, подобно первым колонистам в Новой Англии... с мотыгой в одной руке и с винтовкой в другой».

Наконец, конгресс подтвердил, что США по договору обязаны «защищать» понков, но вместо того, чтобы вернуть им их земли, ассигновал небольшую сумму, «чтобы возместить этому племени ущерб от грабежей и убийств, совершенных индейцами сиу». В 1876 г., вскоре после поражения Кастера, конгресс принял решение включить понков в список северных племен, подлежащих выселению на Индейскую территорию. Понки, разумеется,

не имели никакого отношения к боевым операциям Кастера, они никогда не были в состоянии войны с Соединенными Штатами, и все же кто-то в Вашингтоне провел через конгресс ассигнование 25 тыс. долларов «на перемещение понков на Индейскую территорию и предоставление им там сферы обитания в соответствии с согласием, полученным от названного племени». Этой последней фразой (о согласии племени. - Перев.) так же удобно пренебрегли, как и обещаниями договора, запрещавшего белым гражданам селиться на территории понков; в течение десяти лет белые поселенцы вторгались на земли понков, зарясь на богатые аллювиальные почвы, на которых росла самая лучшая в степях индейская кукуруза.

Впервые о надвигающемся перемещении понки узнали в начале января 1877 г. от инспектора по делам индейцев Эдварда Кембла.

«Сразу после рождества к нам пришел какой-то белый человек, - рассказывал вождь Белый Орел. - Нас никто не оповестил о его приходе;

он появился неожиданно. Нас всех собрали в церкви и там рассказали нам о цели его прихода».

Вот рассказ Белого Орла о том, что было дальше: «Великий Отец в Вашингтоне сказал, что вам следует переселиться, для этого я и пришел», - заявил белый человек. «Друг мой, то, что мы услышали от тебя, слишком неожиданно, - сказал я. - Когда Великий Отец ведет с нами какое-нибудь дело, он обычно присылает слово, обращенное ко всему народу. Но ты пришел без уведомления». «Великий Отец уведомляет вас о том, что вам следует уходить», - повторил белый человек.

«Друг мой, я хочу, чтобы ты послал письмо Великому Отцу, и, если вправду таковы его слова, я очень хочу, чтобы он послал за нами, - сказал я. - И если дело обстоит так и я правильно понял, о чем речь, я скажу, что эти слова верны».

«Я пошлю ему письмо», - пообещал белый человек. Он послал письмо по телеграфу, и оно очень скоро достигло Великого Отца. «Ваш Великий Отец говорит, что ты можешь приехать к нему с десятью своими вождями, - сказал белый человек. - Сначала вы пойдете и увидите эту землю, а выбрав какую-нибудь ее часть, придете в Вашингтон. Вам придется взглянуть на Теплые Земли [Индейская территория], и, если вы увидите, что какая-то земля там хороша, вы скажете об этом Великому Отцу - но и о плохой земле, скажете ему и о ней».

И вот мы отправились на Теплые Земли. Мы пришли к конечной станции железной дороги, проехали через землю оседжей, поднялись вверх к земле, полной скал, и на следующее утро приехали на земли племени кооз, и, покинув резервацию в Канзасе, мы пришли в город Арканзас. Вот так, посетив земли этих двух племен и увидев эту землю, полную скал, увидев, какие там низкие деревья, я прибыл в этот город белых. Нам было нехорошо, и мы видели, каково людям на этих землях, и мы видели эти камни и скалы и подумали, что эти два племени не в силах как-нибудь себе помочь.

И на следующее утро белый человек сказал нам: «Пойдем к реке Шикаска и поглядим тамошний край».

И я сказал: «Друг мой, я видел эти земли, и меня тошнило по дороге. С сегодняшнего дня я прерываю нашу поездку и осмотр этих земель, и мы пойдём и увидим Великого Отца. Возьми меня с собой повидать Великого Отца. Оба эти племени бедны и нездоровы, и эти земли бедны; я вдоволь нагляделся на них».

«Нет, - сказал он, - пойдём и посмотрим еще другие земли на Индейской территории».

«Друг мой, - сказал я, - прошу тебя, возьми меня к Великому Отцу. Ты говорил прежде, что мы можем рассказать ему обо всем, что мы видели, - и плохом, и хорошем, - и я хочу рассказать ему об этом».

«Нет, - сказал белый человек, - я не желаю везти тебя к нему.

Если ты возьмешь часть этой земли, то я возьму тебя повидаться с ним. Если нет, то - нет».

«Если ты не возьмешь меня к Великому Отцу, - сказал я, - отправь меня обратно домой».

«Нет, - сказал он, - что бы ты там ни говорил, я не возьму тебя к Великому Отцу. Великий Отец не говорил и о том, что я должен везти тебя назад в твою страну».

«Как же, в конце концов, мне быть. Ты не желаешь взять меня к Великому Отцу и не хочешь отправить обратно в мою страну. Прежде ты говорил, что Великий Отец зовет меня, а теперь это не так; ты не сказал правду, ты не сказал верного слова».

«Нет, - сказал белый человек, - я не отправлю вас в ваши дома, ступайте сами, если хотите».

«Ты опечалил мое сердце, - сказал я, - ибо я не знаю этой земли». Мы думали, что нам придется умереть, и я чуть не заплакал, но вспомнил, что я мужчина. Сказав свои слова, этот белый человек, рассердившись, поднялся вверх по лестнице. После того как он ушел, вожди уселись, думая, что делать. Мы говорили: «Он сказал, что не повезет нас к Великому Отцу и не отправит нас в нашу страну. Мы думаем, что Великий Отец тому причиной». При нас был один переводчик, и мы сказали ему: «Раз он не отправляет нас назад, мы хотим, чтобы он дал нам кусок бумаги, чтобы показывать белым, ибо мы не знаем этой земли». Переводчик поднялся вверх по лестнице, чтобы увидеть этого человека, вернулся и сказал: «Он не выдаст вам такой бумаги. Он не желает составлять ее для вас». Мы снова послали переводчика, сказав: «Мы хотим немного денег из тех, что причитаются нам от Великого Отца, так мы сможем добраться домой». Когда переводчик вернулся, он сказал: «Он не желает давать вам этих денег».

Белый Орел, Стоящий Медведь, Большой Лось и другие вожди понков, брошенные на Индейской территории на произвол судьбы инспектором Кемблом, теперь отправлялись обратно домой. Стоял Месяц, Когда Утки Возвращаются И Прячутся, снег покрыл равнины Канзаса и Небраски. Так как у индейцев было всего несколько долларов, они прошли опять все расстояние - более пятисот миль - пешком; у каждого было лишь одно одеяло и одна пара мокасин. Если бы не старые друзья из отов и омахов, в чьих резервациях они останавливались отдохнуть и достать пищу, мало кто из престарелых вождей выдержал бы это зимнее путешествие.

Через сорок дней, когда они достигли Найобрэры, они узнали, что инспектор Кембл прибыл туда прежде них.

Белый Орел повествует: «Поторапливайтесь, - сказал он. - Пора идти обратно».

Мы не хотели. Я сказал: «Я вернулся усталым. Ни один из нас не хочет идти».

«Нет, - сказал он. - Великий Отец хочет, чтобы вы тотчас были перемещены на Индейскую территорию».

Однако вожди были едины в своей решимости заставить правительство держаться договорных обязательств, и Кембл вернулся в Вашингтон с докладом уполномоченному по делам индейцев. Уполномоченный ознакомил с проблемой министра внутренних дел Шурца, а тот в свою очередь передал это дело Великому Воину Шерману. Шерман рекомендовал использовать войска, чтобы заставить индейцев идти в резервацию, и, как обычно, Большие Глаза Шурц дал на это согласие.

В апреле Кембл вернулся в Найобрэру и, угрожая использовать войска, заставил 170 индейцев этого племени отправиться с ним на Индейскую территорию. Ни один из главных вождей не захотел идти с ним. Стоящий Медведь протестовал так горячо, что приказано было арестовать его и отправить в форт Рандел. «Меня связали и как пленника повели в форт», - сообщал он. Через несколько дней правительство прислало нового агента, Говарда,

и Стоящий Медведь, в ведение которого поступили оставшиеся две трети племени, был освобожден.

Белый Орел, Стоящий Медведь и другие вожди продолжали настаивать на том, что правительство не имеет никакого права выселять их из собственной страны. Говард отвечал, что он не имеет отношения к решению правительства; его прислали для того, чтобы отправиться вместе с ними на новое место. 15 апреля, после четырехчасового совета, Говард решил закончить совет, потребовав ответа на последний вопрос: «Пойдете вы мирно или вас вести силой?»

Вожди хранили молчание, но, прежде чем они разошлись по вигвамам, прибежал молодой понка и успел предупредить их: «Солдаты подошли к вигвамам». Вожди поняли, что переговорам пришел конец. Им придется покинуть родные места и идти на Индейскую территорию. «Пришли солдаты, к их ружьям были примкнуты штыки, - рассказывал Стоящий Медведь. - Они направили ружья на нас, и взрослые и дети заплакали».

Они отправились в путь 21 мая 1877 г. «Солдаты подошли к границам нашего селения, - сказал Белый Орел, - и перегнали нас на другую сторону Найобрэры, подобно тому как перегоняют табун лошадей; и эти солдаты подталкивали нас вперед, пока мы не пришли к реке Платт».

Агент Говард во время пятидесятидневного перехода систематически вел записи. Утром в день отправления после сильной грозы, вода в Найобрэре неожиданно поднялась, и несколько солдат не удержались на лошадях. Понки не стали смотреть, как тонут солдаты, а бросились их спасать. На следующий день умер ребенок, и пришлось сделать остановку, чтобы похоронить его. 23 мая гроза, длившаяся более двух часов, застала их на открытом месте, и весь день шли они промокшие до нитки. Умер еще один ребенок, в ту же ночь заболели несколько понков. На следующий день понкам пришлось переходить вброд вышедшие из берегов реки, так как мосты были смыты. Становилось холодно. 26 мая весь день шел дождь и не было дров, чтобы развести огонь.

27 мая большинство индейцев простудились. Дочь Стоящего Медведя, Цветок Прерий, тяжело заболела воспалением легких. На следующий день сильные грозы и дожди превратили дороги в месиво и сделали продвижение почти невозможным.

Наступил Месяц, Когда Начинается Жара, и ливневые дожди шли почти каждый день. 6 июня умерла Цветок Прерий, и Стоящий Медведь похоронил ее по христианскому обряду на кладбище в Милфорде, Небраска. «Женщины Милфорда убрали и украсили ее тело в соответствии с обычаями самой развитой цивилизации», - с гордостью отметил в своих записках Говард. Стоящего Медведя заставили сказать собравшимся у могилы, что он желает отказаться от индейских обычаев и принять обычаи белого человека.

В эту ночь на лагерь понков обрушился ураган; он срывал палатки, переворачивал фургоны, отшвыривал людей на сотни футов; нескольких индейцев при этом серьезно ранило. На следующий день умер еще один ребенок.

14 июня понки подошли к резервации отов. Оты, пожалев понков, дали им для перехода десять лошадей. Три дня понки ждали, пока спадет вода; больных становилось все больше; первым умершим мужчиной был Маленький Тополь. Говард велел изготовить гроб и устроил христианские похороны неподалеку от Блу-Уотера, Канзас.

24 июня больных стало так много, что Говард нанял в Манхэттене (Канзас) врача. На следующий день во время перехода умерли две женщины. Говард наблюдал за тем, чтобы их похоронили по христианскому обычаю.

Наступил Месяц Середины Лета. Умер ребенок у Вождя Бизонов, и его похоронили по христианскому обычаю в Барлингтоне, Канзас. Понка по имени Бизоний След в ярости чуть не убил Белого Орла, обвиняя его в несчастьях, обрушившихся на племя. Агент Говард

изгнал Бизоньего Следа из каравана и отправил назад на север в резервацию омахов. Понки завидовали такому наказанию.

Еще неделю их мучили летний зной и оводы, и наконец 9 июля после сильнейшей грозы, насквозь мокрые, они подошли к резервации Куапо, к своему новому месту жительства, где обнаружили небольшую группу понков, которые опередили их и уже жили там в палатках, влача жалкое существование.

«Я того мнения, что перемещение понков из северных климатических районов Дакоты в южные районы Индейской территории, - писал агент Говард своему начальству, - окажется ошибкой, и, несомненно, смертность среди этих людей станет высокой после того, как они пробудут здесь некоторое время и заразятся здешней малярией».

Зловещее предсказание Говарда оказалось слишком точным. Подобно модокам, неперсе, северным шайенам, понки вымирали так быстро, что к концу первого года их пребывания на Индейской территории почти четвертая часть племени удостоилась христианского погребения.

Весной 1878 г. чиновники из Вашингтона решили предоставить им новую резервацию на западном берегу реки Арканзас, но им не удалось получить средства на транспортировку индейцев. Понки шли пешком около 150 миль на свою новую землю, однако в течение нескольких недель у них вовсе не было агента, который мог бы обеспечить их продуктами и лекарствами. «Земля там была хорошая, - говорил Белый Орел, - но летом мы опять заболели. И мы и наш скот были подобны вытоптанной траве. Затем наступили холода, и, сколько нас умерло, мы не ведали».

Среди умерших был старший сын Стоящего Медведя. «В конце концов в живых у меня остался лишь один сын, но вскоре заболел и он. Перед смертью он взял с меня обещание. Он просил меня отнести его, когда он умрет, на наше прежнее место погребения, возле Свифт-Раннинг-Уотер, в Найобрэре. Я обещал ему это. Когда он умер, я и те, кто пошел со мной, положили его тело в ящик, а потом в фургон, и все мы отправились на север».

Тело сопровождали 66 понков, весь клан Стоящего Медведя; они шли за старым фургоном, который тащила пара изможденных лошадей. Был Месяц Оттепели - январь 1879 г. (В это самое время далеко на севере шайены Тупого Ножа в последний раз отчаянно сражались за свободу возле форта Робинсон.) Для Стоящего Медведя это было вторым зимним путешествием к родным местам. Он повел своих людей по тропинкам, минуя поселения и посты солдат, и они пришли в резервацию омахов, так и не попавшись на глаза солдатам.

Тем временем Большие Глаза Шурц несколько раз пытался через своих агентов вернуть понков Стоящего Медведя с его людьми на Индейскую территорию. Наконец, в марте он через военное министерство телеграфировал в штаб Трехзвездного Крука в Омахе, штат Небраска, приказывая ему арестовать беглецов и без промедления вернуть на Индейскую территорию. Выполняя приказ, Крук отправил в резервацию омахов роту солдат. Они арестовали Стоящего Медведя и его понков и доставили их в форт Омаха, где они были взяты под стражу и ожидали отправки на Индейскую территорию. Уже более десяти лет Трехзвездный сражался с индейцами, встречался с ними на советах, давая им обещания, которых не мог выполнить. Сначала с неохотой он признавал мужество индейцев; однако после того как в 1877 г. индейцы начали сдаваться в плен он стал испытывать к своим врагам уважение и сочувствие. Обращение с индейцами в форте Робинсон в течение последних недель возмутило его. «Совершенно излишний акт насилия, принудивший именно эту часть общины вернуться в прежнюю резервацию», - прямо утверждал он в официальном отчете.

Когда Крук посетил понков в караульном помещении форта Омаха, он был потрясен, настолько жалкими были условия существования индейцев. На него произвел сильное впечатление и незамысловатый рассказ Стоящего Медведя о том, почему он пошел на север,

его стоическое принятие навязанных ему условий жизни. «Мне казалось, что бог создал нас для жизни, - говорил Стоящий Медведь Круку, - но я ошибался. Богу угодно, чтобы землю мы отдали белым, а сами умерли. Может быть, так и надо; может быть...»

Крук был так взволнован увиденным и услышанным, что пообещал Стоящему Медведю сделать все возможное для отмены приказа о возвращении понков на Индейскую территорию. На этот раз Крук начал действовать, с тем чтобы выполнить обещание. Он обратился к издателю газеты, выходившей в Омахе, Томасу Генри Тибблсу и заручился поддержкой прессы.

Пока Крук задерживал действие приказа о переводе понков, Тибблс распространил историю индейцев сначала в городе, затем в штате, а с помощью телеграфа - по всей стране. Представители церкви в Омахе направили обращение на имя министра Шурца с просьбой об освобождении понков, но Большие Глаза так и не ответил на него. Затем молодой юрист из Омахи Джон Уэбстер добровольно и бесплатно предложил свои услуги, а вскоре к нему присоединился главный адвокат Центральной Тихоокеанской железной дороги Эндрю Попплтон.

Юристы должны были работать быстро, чтобы завести судебное дело на понков; в любой день генерал Крук мог получить из Вашингтона приказ, предписывающий отправку индейцев на юг, и тогда уже ничего нельзя будет для них сделать. Все усилия были направлены на то, чтобы заручиться поддержкой судьи Элмера Данди, сурового жителя пограничной полосы, у которого в жизни было четыре страсти: хорошая литература, лошади, охота и судопроизводство. Случилось так, что Данди в это время уехал охотиться на медведя, и защитники понков провели несколько часов в нетерпеливом ожидании, пока посыльные не нашли судью и не доставили его в Омаху.

С молчаливого согласия Крука судья Данди на основании закона о неприкосновенности личности обвинил генерала в незаконности ареста индейцев, распорядившись, чтобы тот доставил заключенных в суд и доказал свои полномочия задерживать их. Крук подчинился распоряжению, представив военный приказ из Вашингтона, а окружной прокурор Соединенных Штатов отрицал право понков на освобождение из-под стражи на том основании, что индейцы не являются «лицами, на которых распространяется закон».

Так 18 апреля 1879 г. начался сейчас уже почти забытый гражданский процесс Стоящего Медведя против Крука. Адвокаты понков Уэбстер и Попплтон доказывали, что всякий индеец является таким же юридическим лицом, как и любой белый, и может пользоваться теми же свободами, гарантированными конституцией. Когда прокурор Соединенных Штатов заявил, что Стоящий Медведь и его люди подчиняются постановлениям и правилам, разработанным правительством специально для индейцев различных племен, Уэбстер и Попплтон возразили, что Стоящий Медведь и любой другой индеец имеют право отделиться от своего племени и, подобно любому гражданину, находиться под защитой законов США.

Процесс достиг кульминации, когда Стоящему Медведю позволили говорить от имени своего народа. Он сказал: «Сейчас я нахожусь среди солдат и чиновников. Я хочу отправиться на север в родные места. Я хочу спасти себя и свое племя. Братья мои, мне кажется, что я стою лицом к огню, охватившему прерии, я хватаю своих детей и бегу, чтобы спасти их; или как будто я стою на берегу разлившейся реки, я собираю свой народ и карабкаюсь наверх. О братья мои, Всемогущий смотрит на меня, он знает меня и слушает мои слова. Да пошлет Всемогущий доброго духа, чтобы он парил над вами, братья мои, чтобы он подвиг вас помочь мне. Если у белого человека есть земля, и кто-то обманом выманит ее, он попытается вновь завладеть ею, и вы не осудите его. Взгляните на меня! Пожалейте меня! Помогите мне спасти наших женщин и детей. Братья мои! Сила, которой мне невмочь противостоять, придавила меня к земле. Мне нужна помощь. Я кончил».

Судья Данди решил, что всякий индеец является «юридическим лицом, на которого распространяется закон о неприкосновенности личности», что право экспатриации является естественным, неотъемлемым как для индейской, так и для белой расы, и что в мирное время никакому представителю гражданской или военной власти не дано права переводить индейцев из одной части страны в другую без их согласия, а также заключать их в какой бы то ни было резервации против их воли.

«Мне никогда не приходилось заслушивать и решать дело, которое вызывало бы во мне столько сочувствия, - заявил Данди. - Понки - одно из самых миролюбивых и дружелюбных индейских племен... Если этих индейцев можно было силой перевести на Индейскую территорию и силой их там удерживать, я не понимаю, почему их невозможно отправить, и удерживать силой, в тюрьму города Линкольна, или в тюрьму города Ливенворта, или в тюрьму города Джефферсона или любого другого населенного пункта, который начальник военного подразделения по своему рассуждению определил бы наиболее подходящим. Я не допускаю мысли, что такого рода произвол существует в этой стране».

Когда судья Данди закрыл заседание, приказав освободить из-под стражи Стоящего Медведя и других понков, публика в зале суда поднялась с мест и, согласно свидетельству одного репортера, «подняла такой крик, какого никогда не слышали в зале суда». Генерал Крук первым подошел к вождю индейцев и поздравил его.

Вначале окружной прокурор собрался подать апелляцию, но после изучения письменного заключения судьи Данди (великолепный очерк о правах человека), не подал никакой апелляции в Верховный суд. Правительство Соединенных Штатов выделило Стоящему Медведю и его людям несколько сот акров «ничейной» земли около устья реки Найобрэры, и индейцы вернулись в родные места.

Как только 530 понков, проживающих на Индейской территории, узнали о столь поразительном повороте событий, большинство из них стало готовиться к тому, чтобы соединиться со своими родичами в Небраске. Бюро по делам индейцев, однако, не очень-то им сочувствовало. Через своих агентов бюро сообщило вождям понков, что только Великий совет в Вашингтоне может решить, может ли племя вернуться и когда. Бюрократы и политиканы («индейский ринг») восприняли решение судьи Данди как угрозу резервационной системе: оно наносило удар по множеству предпринимателей, наживавших состояния, заваливая индейцев, загнанных в резервации, испорченными продуктами, никуда не годными одеялами и отвратительным виски. Если бы понкам разрешили покинуть новую резервацию на Индейской территории и идти на все четыре стороны как свободным американским гражданам, это послужило бы прецедентом, подрывающим основы всей военно-политической системы резерваций.

В своем годовом отчете Большие Глаза Шурц признал, что понки на Индейской территории «имели повод для серьезного недовольства», однако был решительно против того, чтобы разрешить им переселиться в родные места, под тем предлогом, что другие индейцы, обеспокоенные желанием последовать их примеру, нанесут удар территориальной системе резерваций.

В то же время Уильям Уйтмен, возглавлявший агентство понков, приносившее ему большие прибыли, попытался дискредитировать группу Стоящего Медведя, выставив их как своего рода ренегатов этого племени. Далее в ярких выражениях он писал о значительных расходах на различные материалы и орудия труда, сделанные для устройства данной резервации на Индейской территории. Уйтмен совсем не упомянул о растущем недовольстве понков, об их постоянных ходатайствах о возвращении в родные места, о своих расправах с Большой Змеей.

Большая Змея был братом Стоящего Медведя; он был гигант с руками, как окорока, и грудью широкой, как у бизона. Подобно многим людям крупного телосложения, он был

спокойным и мягким в обращении. Понки называли его Миротворцем. Заметив, как агенты Уайтмена запугивают Белого Орла и других вождей, Большая Змея решил действовать по своему разумению. В конце концов, он ведь был братом Стоящего Медведя, того самого понка, который добился свободы для своих людей.

Решив проверить действие нового закона, Большая Змея испросил разрешения покинуть резервацию и отправиться на север к своему брату. Как он и ожидал, агент Уайтмен отказал ему в этом. Тогда Большая Змея сделал следующий шаг: не покидая Индейской территории, он отправился всего за сто миль в резервацию шайенов. С ним отправилось еще тридцать понков, предполагавших таким образом слегка проверить закон, гласящий, что любой индеец является юридическим лицом и передвижение его не может быть ограничено против его воли рамками какой-либо резервации. Реакция Уайтмена была реакцией любого бюрократа, власть которого оказалась под угрозой. 21 мая 1879 г. он телеграфировал уполномоченному по делам индейцев, сообщив о побеге Большой Змеи и его отряда в резервацию шайенов и испрашивая разрешения арестовать их и содержать в форте Рено до тех пор, пока «племя не оправится от деморализующего действия решения, принятого недавно окружным судом США в Небраске по делу Стоящего Медведя».

Большие Глаза Шурц дал согласие на арест, но, очевидно, опасаясь новых судебных дел, попросил Великого Воина Шермана как можно быстрее переправить Большую Змею и его «ренегатов» обратно в резервацию понков.

В своей обычной резкой манере Шерман 22 мая телеграфировал генералу Шеридану: «Достопочтенный министр внутренних дел требует чтобы понки, арестованные и содержащиеся в форте Рено на Индейской территории... были отправлены в агентство понков. Можете издать приказ». А затем, предвидя от Шеридана возражения в связи с недавним решением судьи Данди, он указал: «Освобождение понков в Небраске, согласно закону о неприкосновенности личности, является особым случаем и ни к каким другим случаям отношения не имеет». Великому Воину Шерману было проще аннулировать законы, чем местным судам интерпретировать их.

Таким образом, Большая Змея потерпел неудачу при первой же попытке проверить последствия победы брата в суде, и больше ему никогда не представлялось случая для таких попыток. После возвращения в агентство понков в Месяце, Когда Кукуруза Становится Шелковистой конец Большой Змеи был предрешен. Агент Уайтмен сообщил в Вашингтон, что Большая Змея оказывал «крайне деморализующее воздействие на других индейцев, будучи человеком мрачным и угрюмым...». В одном из пунктов своего послания Уайтмен обвинил Большую Змею в том, что тот неоднократно грозил убить его, а в другом жаловался на то, что понки ни разу не обратились к агенту с момента возвращения вождя. Уайтмен распалился настолько, что просил уполномоченного по делам индейцев «арестовать Большую Змею, отправить его в форт Рено и держать его там до конца жизни».

Наконец 25 октября Уайтмен получил от Шеридана санкцию на арест Большой Змеи и заключение его в караульном помещении агентства. Чтобы произвести этот арест Уайтмен потребовал наряд солдат. Спустя пять дней лейтенант Стэнтон Мэйсон прибыл в агентство с тринадцатью солдатами. Уайтмен сказал Мэйсону, чтобы тот послал уведомление понкам, приказав тем из них, кто ожидал выплаты денег за особую работу, на следующий день явиться в его контору. Большая Змея будет среди них, и, как только он войдет в контору, Мэйсон должен его арестовать.

31 октября около полудня Большая Змея вошел в контору Уайтмена, его попросили сесть. Лейтенант Мэйсон и восемь вооруженных солдат окружили его, и Мэйсон сообщил ему об аресте. Большая Змея хотел узнать, за что его арестовали. Тут Уайтмен громко заговорил, заявив, что, в частности, он обвиняется в том, что угрожает ему» [Уайтмену], смертью. Большая Змея спокойно отрицал это. Согласно свидетельству гарнизонного торговца Дж.

Шербура, Большая Змея встал, сбросил одеяло, чтобы показать, что при нем не было оружия.

Свидетельство Косматого Медведя: «Офицер приказал Большой Змее следовать за ним - встать и идти. Большая Змея не встал, а спросил офицера: «Что я сделал?» Он сказал, что никого не убивал, лошадей не крал и вообще не делал ничего плохого. После этих слов Большой Змеи офицер обратился к агенту, а затем сказал Большой Змее, что якобы тот пытался убить двоих людей и вел себя достаточно низко. Большая Змея отрицал это. Агент сказал, что ему лучше идти и разобраться во всем уже на месте. Большая Змея отвечал, что он не делал ничего плохого и умрет, прежде чем двинется с места. Тут я подошел к Большой Змее и сказал ему, что этот человек (офицер) не собирается арестовывать его без причины, что лучше ему пойти, а потом он, возможно, вернется, и все будет хорошо; я всячески уговаривал его идти, сказал, что у него жена и дети, что надо помнить о них и не дать себя убить. Большая Змея, обращаясь ко мне, сказал, что не хочет идти, а если его хотят убить, то пусть убивают. Большая Змея вполне владел собой. Офицер приказал ему встать, и сказал, что если тот не пойдет, то все может случиться: «Говорить больше нет смысла; я прибыл сюда, чтобы арестовать тебя, и требую, чтобы ты шел». Офицер пошел за наручниками, которые были у одного из солдат, и принес их. Офицер и один из солдат попытались было надеть наручники на вождя, но Большая Змея оттолкнул и того и другого. Затем офицер обратился к солдатам и приказал четверем из них попытаться надеть наручники, но Большая Змея оттолкнул их всех. Один из солдат, с сержантскими нашивками, тоже пытался надеть на вождя наручники, но Большая Змея снова их всех оттолкнул. Потом несколько раз они все вместе пытались схватить и удержать его. Большая Змея сидел, когда шестеро солдат навалились на него. Он поднялся и сбросил их. В этот момент один солдат, стоявший против него, ударил его в лицо прикладом, другой - по голове стволом ружья. Большая Змея ударился о стену. Все же он выпрямился. Кровь текла по его лицу. С испугом я увидел направленное на него ружье. Я не хотел видеть, как его убивают, и отвернулся. Затем раздался выстрел, и Большая Змея мертвым повалился на пол».

Министерство внутренних дел сначала сделало заявление о том, что брат Стоящего Медведя, Большая Змея, - дурной человек и был «убит случайно». Однако американская пресса, которая после процесса Стоящего Медведя все более чувствительно относилась к тому, как обращаются с индейцами, потребовала от конгресса расследования этого случая. На этот раз чиновники военно-политической системы резерваций действовали в привычном политическом климате Вашингтона, и расследование ни к чему не привело.

Понки, проживающие на Индейской территории, получили горький урок. Закон белых оказался иллюзией; на индейцев он не распространялся. Таким образом, подобно шайенам, убывающее племя понков было расколото пополам: одну половину составила группа Стоящего Медведя, обретшая свободу на севере, другую - узники Индейской территории.

XVI. «ЮТЫ ДОЛЖНЫ УЙТИ!»

Армия победила индейцев сиу. Вы можете помыкать ими как угодно. Но мы, юты, никогда не беспокоили вас, белых. Так что вам нужно подождать, пока мы научимся поступать по-вашему.

Урай Стрела, вождь ютов

Я сказал тому чиновнику, что так поступать очень дурно; очень дурно, что уполномоченный мог отдать такой приказ. Я сказал, что это очень дурно; нам не следует сражаться, потому что мы братья, но офицер сказал, что наше братство тут ни при чем; американцы стали бы сражаться, даже если бы нас родила одна мать.

Никаагат (Джсек), из ютов

Юты жили в Скалистых горах и в течение трех десятилетий наблюдали, как белые захватчики, подобно тучам саранчи, вторгались в их страну Колорадо. На их глазах белые люди согнали с долин Колорадо их старых врагов, шайенов. Некоторые из воинов-ютов встали на сторону Метателя Лассо Кита Карсона, во время войны белых людей с племенем навахо. В те времена юты верили в то, что белые - их союзники, и с удовольствием посещали Денвер, чтобы обменивать шкуры бизонов на броские товары в тамошних складах. Но с каждым годом этих странных людей с Востока становилось все больше; они вторгались в горы ютов в поисках желтого и белого металлов.

В 1863 г. губернатор территории Колорадо Джон Ивэнс и другие должностные лица прибыли в Конейос, расположенный в горах Сан-Хуан, чтобы встретиться с Ураем Стрелой и девятью вождями ютов. Был подписан договор, по которому белые люди получали всю землю Колорадо к востоку от водораздела Континетл-Дивайд, оставив ютам все земли к западу от водораздела. За поставку ютам товаров и продовольствия на сумму в 20 тыс. долларов ежегодно в течение десяти лет последние отказывались от права на добычу полезных ископаемых на всей своей территории и обещали не препятствовать любому гражданину Соединенных Штатов добывать полезные ископаемые в их горах.

Спустя пять лет белые жители Колорадо решили, что у индейцев осталось слишком много земли. Они оказывали политическое давление на Бюро по делам индейцев, доказывая, что юты постоянно досаждают белым - бродят повсюду, посещая города и лагеря старателей. Они воруют скот у поселенцев. Они утверждали, что хотят лишь, чтобы ютов поселили в резервацию с точно определенными границами, на самом же деле они желали отнять у ютов побольше земли. В начале 1868 г. с большой помпой Бюро по делам индейцев пригласило Урая, Никаагата (Джека) и еще восемь вождей в Вашингтон. Метатель Лассо Карсон сопровождал их как верный друг и советчик.

В Вашингтоне вождей разместили в великолепном отеле, прекрасно кормили, раздавали в изобилии табак, сласти и медали.

Когда настало время заключать договор, должностные лица настаивали на том, чтобы всю ответственность за все семь представленных общин взял на себя один из приехавших вождей. Урай Стрела был выбран единодушно. Будучи наполовину апачем, наполовину ютом из группы ункомпагре, статным, круглолицым, обладающим острым зрением индейцем, он владел английским и испанским языками так же свободно, как двумя родными языками. Когда стремившиеся к захвату земли политиканы попытались оказать на него нажим, Урай оказался достаточно искушенным и сообщил о деле ютов газетным репортерам. «Соглашение, которое индеец заключает с Соединенными Штатами, - заявил

он, - подобно соглашению бизона, пронзенного стрелой охотника. Все, что ему остается, это лечь и сдаться на милость победителя».

Должностным лицам не удалось одурачить Урая ярко раскрашенными географическими картами и елейными речами о проведении границ. Вместо того чтобы согласиться занять под резервацию небольшой район в западном Колорадо, он потребовал территорию площадью в 16 млн. акров в западной части с ее лесами и лугами, что было значительно меньше того, что индейцы требовали раньше, но значительно больше того, что выделяли им политиканы из Колорадо. Решено было основать два агентства: одно в Лос-Пиносе для ункомпагре и других южных групп и одно на Уайт-Ривер для северных групп. Урай требовал также включения в новый договор некоторых защитительных оговорок, с тем чтобы оградить резервацию от проникновения поселенцев и старателей. Согласно договору, ни одно неофициальное лицо «не имеет права пересекать территорию ютов, селиться и жить на ней».

Несмотря на эти оговорки, старатели продолжали нарушать границы. Среди них был Фредерик Питкин, янки из Новой Англии, занимавшийся спекуляциями в горах Сан-Хуан и быстро сделавший состояние на добыче серебра. В 1872 г. Питкин стал ведущим адвокатом среди богатых вкладчиков в горное дело, стремящихся присоединить район вблизи гор Сан-Хуан - четвертую часть резервации ютов - к территории Колорадо. Уступая желаниям старателей, Бюро по делам индейцев направило специальную комиссию, возглавляемую Феликсом Бруно, для переговоров о передаче белым этой земли.

В сентябре 1873 г. в агентстве Лос-Пиноса комиссия Бруно имела встречу с Ураем и представителями семи племен ютов. Бруно сообщил вождям, что Великий Отец прислал его для переговоров об отказе от части земель в их резервации. Он заверил вождей в том, что ему самому земля не нужна, в его цели не входит что-то им советовать, ему нужно лишь услышать их мнение по этому поводу. «Иногда лучше сделать то, что нам сейчас и не нравится, - советовал Бруно, - если это пойдет на пользу нашим детям».

Вожди хотели выяснить, что выиграют их дети от того, что они откажутся от земли. Бруно объяснил, что правительство выделит ютам большую сумму денег, а ежегодно племени будет выплачиваться процент со стоимости переданной земли. «Процент со стоимости мне не подходит, - заявил Урай. - Я бы предпочел иметь свой счет в банке». Далее он пожаловался на то, что правительство не сдержало договорных обязательств по удалению белых, замеченных в нарушении границ резервации ютов.

Бруно открыто заявил, что, если правительство попытается выгнать старателей, начнется война, и юты потеряют землю без всякой компенсации. «Самое лучшее, - заявил он, - если вы можете обойтись без этих гор, - это продать их и получать ежегодно какой-то доход». «Старателям нет дела до правительства, и законам они не подчиняются, - согласился Урай. - До Штатов далеко, и старатели говорят, что человек, пришедший заключать договор, снова уйдет в Штаты, и все будет так, как хотят старатели».

«Предположим, ты продашь горы, - продолжал Бруно, - если даже там не окажется золота, выгода тебе все равно будет. Юты получают деньги, а американцы уйдут. Вот представь только, что в горах обнаружены залежи, тогда хлопот не оберешься. Мы не сможем удержать людей от проникновения на вашу территорию».

«Почему же вы не сможете остановить их? - спросил Урай. - Неужели у правительства не хватает сил выполнять заключенные с нами договоры?»

«Я хотел бы остановить их, - сказал Бруно, - но Урай знает, как это трудно».

Урай сказал, что он продаст горы, но не продаст окрестные земли с прекрасными охотничьими угодьями. «Пусть белые приходят, забирают золото и уходят. Мы не хотим, чтобы они там строили дома».

Бруно ответил, что вряд ли так можно будет сделать. Никакой силой не заставишь старателей уйти с территории ютов, раз уж они пришли и начали вести добычу. «Я попрошу Великого Отца удалить старателей, - пообещал он, - но тысячи других людей потребуют, чтобы он оставил их в покое. Может быть, он послушает меня, а может быть, и нет».

После семи дней переговоров, вожди согласились ежегодно принимать от правительства 25 тыс. долларов за 4 млн. акров земли, полной сокровищ. Ежегодно в течение десяти лет Урай должен был получать в качестве вознаграждения жалование в тысячу долларов до тех пор, «пока он остается главным вождем ютов и не вступает в конфликт с Соединенными Штатами». Таким образом, Урай стал частью истэблшмента и хотел сохранить статус-кво.

Живя как в раю, среди великолепных лугов и лесов, изобилующих дичью, ягодами, орехами, юты сами себя обеспечивали и могли просуществовать, вовсе не нуждаясь в тех съестных припасах, которые им скупно выдавали агенты в Лос-Пиносе и на Уайт-Ривер. В 1875 г. агент Ф. Ф. Бонд из Лос-Пиноса отвечал на запрос по поводу проводимой переписи ютов: «Сосчитать их нет никакой возможности. С таким же успехом можно считать пчел в пронсящемся мимо рое. Они ходят по всей своей стране, как олени, на которых они охотятся». Агент Ю. Г. Денфорт с Уайт-Ривер подсчитал, что приблизительно девятьсот ютов пользуются его агентством как опорным пунктом, и признавал, что ему не удалось убедить их расселиться в долине вокруг агентства. И в Лос-Пиносе, и на Уайт-Ривер юты ублажали своих агентов, держа там небольшие стада и высаживая немного картофеля и репы, но реальной нужды ни в одном из этих предприятий не было.

Вольной жизни в резервации стал приходиться конец весной 1878 г., когда на Уайт-Ривер прибыл новый агент. Это был Натан Микер, бывший поэт, романист, газетный корреспондент и организатор кооперативных сельскохозяйственных колоний. Большинство начинаний Микера потерпело крах, и, хотя место в агентстве он занял, чтобы поправить свое материальное положение, он был одержим миссионерством и искренне верил в то, что его долг, как представителя высшей расы, - «возвышать и просвещать» ютов. По его словам, он твердо решил провести их из стадии дикости через стадию пастушества в стадию варварства и наконец приблизить их к «просвещению, науке и религии». Микер самонадеянно рассчитывал, что все это ему удастся сделать за «пять, десять или двадцать лет».

Действуя как властный и лишенный чувства юмора человек, Микер принялся систематически разрушать то, что было дорого ютам, переделывать их по своему подобию, считая, что сам он создан по образу божьему. Его непопулярным предприятием был перевод агентства на пятнадцать миль вниз по реке Уайт-Ривер, где находилось прекрасное пастбище, пригодное для пахоты. На этом месте Микер собирался создать кооперативную сельскохозяйственную колонию для индейцев, не обращая внимания на то, что в течение долгого времени они использовали эту землю для охоты и выгона лошадей. Площадка же, выбранная для строительства помещений для агентства, была традиционным местом проведения любимых ютами скачек на пари.

Микер считал Куинкента (Дугласа) самым дружественно настроенным вождем на Уайт-Ривер. Это был ют из группы ямпа, лет шестидесяти, все еще темноволосый, с седеющими длинными усами. У Дугласа было более сотни лошадей, он был, по понятиям ютов, богатым, но большинство его сторонников из молодежи вышло из-под его влияния и перешло на сторону Никаагата (Джека).

Подобно Ураю, Джек был наполовину апачем. Еще мальчишкой он, проживая в семье мормонов, немного выучился английскому. Затем, во время войн с племенем сиу, служил разведчиком у генерала Крука. На первой встрече с Микером на нем была форма разведчика: ноговицы из оленьей кожи, как у приграничных поселенцев, армейские сапоги, широкополая шляпа. Он всегда носил серебряную медаль, выданную ему Великим Отцом во время его визита в Вашингтон вместе с Ураем в 1868 г.

Джек и его люди в тот момент, когда Микер перевел агентство, охотились на бизонов. Вернувшись на старое место, они увидели, что все исчезло. Они разбили на опустевшей стоянке лагерь, но через несколько дней прибыл Микер и приказал Джеку перебираться на новое место.

«Я сказал ему [Микеру], что местоположение старого агентства было оговорено условиями договора, - сообщил впоследствии Джек, - и что мне известно о том, что ни в одном законе, ни в договоре не было упоминания о новом местоположении. Потом агент сказал, что лучше нам всем переселиться вниз, а если мы будем против, он обяжет нас к этому; для этого-то у него солдаты». Микер пытался успокоить Джека, пообещав достать молочных коров для его группы, однако Джек ответил, что ни коровы, ни их молоко ютам не нужны.

Колороу, индеец лет шестидесяти, был третьим по влиятельности вождем ютов-муаче. После договора 1868 г. в течение нескольких лет Колороу и его люди жили в небольшой временной резервации, граничившей с Денвером. Они свободно расхаживали по городу, когда им заблагорассудится, дурачились перед белыми гражданами, обедали в ресторанах, ходили в театры. В 1875 г. резервацию закрыли, и Колороу со своими муачами отправился на Уайт-Ривер к Джеку и его людям. Они скучали по волновавшему их воображение Денверу, однако с удовольствием охотились на богатой дичью территории Уайт-Ривер. Муачей не интересовало сельскохозяйственное общество Микера, и если они и приходили в агентство, то только за тем, чтобы взять несколько мешков муки, кофе и сахар.

Каналла (Джонсон), который приходился зятем Ураю, был главным шаманом, он же проводил скачки на том месте, где Микер намеревался построить новые помещения агентства. Джонсону нравилось носить цилиндр, который он когда-то раздобыл в Денвере. По какой-то причине Микер считал Джонсона наиболее подходящим человеком из тех, кто смог бы помочь ему вывести ютов из стадии дикости.

Микер привез в агентство жену Арвиллу и дочь Джози, чтобы они тоже могли принять участие в великом крестовом походе. Микер нанял семерых белых рабочих, включая геодезиста для разметки будущего ирригационного канала, лесопромышленника, специалиста по возведению мостов, плотника, каменщика. Считалось, что в период строительства нового «аграрного рая» они обучат своему ремеслу ютов.

Именно Микеру пришлось в голову заставить индейцев обращаться к нему «Отец Микер» (на ютов, находящихся на стадии дикости, он смотрел как на детей), но многие называли его Ник, к большому его неудовольствию.

Весной 1879 г. Микер приступил к строительству нескольких зданий агентства и распахан сорок акров земли. Большую часть работы выполняли белые, получавшие деньги за свои усилия. Микер не мог понять, почему эти юты тоже рассчитывают на денежное вознаграждение за работу на строительстве своей же собственной кооперативной сельскохозяйственной общины, однако, чтобы вырыть ирригационные каналы, он согласился платить тридцати ютам. Пока фонды Микера не истощились, юты готовы были работать; потом же они ушли, кто на охоту, кто на скачки. «Им надо так мало, что они не желают усваивать привычки цивилизованных людей, - жаловался Микер уполномоченному по делам индейцев. - То, что мы называем комфортом и удобствами, не ценится ими настолько, чтобы тратить собственные силы на их достижение... подавляющее их большинство смотрит на образ жизни белого человека с равнодушием и презрением». Чтобы покончить с этим варварским состоянием, он предложил ряд следующих мер: отобрать у ютов сотни их лошадей, с тем чтобы они не могли охотиться, заменить отобранных лошадей несколькими тягловыми лошадьми для распашки земли и перевозки грузов и, как только юты будут вынуждены бросить охоту и станут жить при агентстве, не выдавать пайков тем, кто отказывается от работы. «Я урежу паек каждого индейца, поставив его буквально на грань голодной смерти, - писал он сенатору штата Колорадо Генри Теллеру, - если он не будет работать».

Непреодолимый зуд Микера облекать в письменную форму свои идеи и наблюдения, а затем пытаться их напечатать, в итоге и привел его к почти окончательному разрыву отношений с ютами. Весной 1879 г. он написал воображаемый диалог с одной из женщин племени ютов, пытаясь показать, что индейцы не могут постигнуть радостей труда и ценности материальных благ. По ходу своего диалога Микер объявил землю резервации собственностью правительства, отданной ютам в пользование. «Если вы ею не пользуетесь и не желаете работать, - предупреждал он, - издалека на нее придут белые, и вскоре вы останетесь ни с чем».

Это небольшое сочинение было впервые опубликовано в «Грили (Колорадо) трибюн», где на него обратил внимание Уильям Викерс, денверский издатель и политический деятель, презиравший всех индейцев, а ютов в особенности. В это время Викерс служил секретарем у Фредерика Питкина, богатого производителя горных работ, который в 1873 г. был инициатором изъятия района гор Сан-Хуан из собственности ютов. Питкин пустил в ход все свое могущество, чтобы стать губернатором Колорадо, объявленного в 1876 г. штатом. В 1877 г. после окончания войн, которые вели индейцы сиу, Питкин и Викерс повели шумную пропагандистскую кампанию, направленную на изгнание всех ютов на Индейскую территорию, для того чтобы освободить для себя огромные площади ценной земли. Викерс ухватился за очерк Натана Микера, используя его в качестве прекрасной аргументации за перемещение ютов из Колорадо, и написал об этом статью для «Денвер трибюн»:

Юты - самые что ни на есть коммунисты, и правительству не пристало способствовать им и поощрять их в праздности и безответственном разбазаривании собственности. Существовая за счет щедрости отечески пекущегося о них, но впавшего в идиотизм индейского бюро, они настолько обленились, что, вместо того чтобы получать пайки в установленном порядке, они настойчиво требуют, чтоб им давали все, чего они пожелают из попавшегося им на глаза. Если бы ютов переместили на Индейскую территорию, снабжение их питанием и одеждой стоило бы правительству вдвое дешевле.

Достопочтенный Н. Микер, хорошо известный суперинтендант агентства на Уайт-Ривер, был когда-то верным другом и страстным поклонником индейцев. Он прибыл в агентство с твердой верой в то, что будет успешно руководить индейцами с помощью мягкого обхождения, терпеливого наставничества и хорошего примера. Все его усилия были обречены на провал, и в конце концов он с неохотой признал истину пограничного трюизма о том, что хороши только мертвые индейцы. Это только выдержка из сравнительно большой статьи Викерса; она была напечатана целиком под названием «Юты должны уйти!» и разослана по всему штату Колорадо. К концу лета 1879 г. большинство наводнивших пограничный штат Колорадо белых ораторов в каждом публичном выступлении выкрикивали лозунг «Юты должны уйти!» и этот лозунг встречали аплодисментами.

Разными путями до ютов дошло, что Ник Микер предал их в печати. Их особенно разгневало то, что агент объявил землю резервации не принадлежащей им, и они выразили через переводчика агентства нечто вроде официального протеста. Микер вновь и вновь повторял свое утверждение, заявив при этом, что имеет право, где угодно распахивать землю резервации, так как земля принадлежит правительству, а он - его агент.

Тем временем Уильям Викерс пытался ускорить кампанию, проходящую под лозунгом «Юты должны уйти!», фабрикуя небывлицы о преступлениях индейцев и якобы грубых нарушениях ими законов. Он даже обвинил ютов в многочисленных лесных пожарах, возникших из-за небывалой засухи. 5 июля Викерс подготовил телеграмму уполномоченному по делам индейцев за подписью губернатора Питкина:

Каждый день мне докладывают, что какая-нибудь группа ютов с Уайт-Ривер ушла из резервации и уничтожает леса. Они уже сожгли строевого леса на миллионы долларов и запугивают поселенцев и старателей. Я убежден, что определенная часть индейцев предпринимает организованные усилия для уничтожения строительного леса Колорадо.

Этих дикарей следует перевести на Индейскую территорию, где бы они больше не могли уничтожать лучшие леса штата.

Уполномоченный пообещал губернатору принять меры и затем предупредил Микера, чтобы тот не выпускал ютов из резервации. Когда Микер послал за вождями, оказалось, что они уже собрались вместе, чтобы выразить свое возмущение. Они уже слышали о ложных обвинениях губернатора и его угрозах отправить их на Индейскую территорию. Один белый друг по имени Пек, ведавший продовольственным складом на Бэр-Ривер, расположенным к северу от резервации, прочел о начавшейся против ютов кампании в денверской газете и затем все рассказал Никаагату (Джеку).

Согласно публикуемым сообщениям, юты устраивали поджоги вдоль реки Бэр-Ривер и якобы спалили дом, принадлежавший бывшему агенту ютов Джеймсу Томпсону. Джек был весьма обеспокоен выслушанным рассказом, и Пек согласился пойти с ним в Денвер повидать губернатора Питкина и сказать ему, что все это неверно. Они прошли мимо дома Томпсона. «Мы шли мимо, - сообщал впоследствии Джек, - и видели дом Томпсона; он стоял на месте и не был сожжен».

С большим трудом Джеку удалось проникнуть к Питкину. «Губернатор спросил, как обстоят дела в моей стране, на Уайт-Ривер, а потом сказал, что газеты много пишут о нас. Я сказал ему, что мне тоже так кажется и что поэтому-то я и пришел в Денвер. Я сказал, что не понимаю, почему дело приняло такой оборот... Потом он сказал: «Вот письмо от вашего агента». Я сказал, что агент [Микер] умеет писать, вот он и написал это письмо; а что я писать не умею, поэтому и решил встретиться с ним лично и ответить на обвинения. Вот и весь наш разговор; а потом я сказал ему, что я бы хотел, чтобы он не верил тому, что сообщалось в этом письме... Он спросил:

«Правда ли, что сожгли дом Томпсона?» Я сказал, что видел дом своими глазами: он цел и не сожжен. Потом я говорил губернатору об агенте и попросил Питкина написать в Вашингтон и посоветовать, чтобы на место Микера был назначен какой-нибудь другой агент. Губернатор пообещал написать на следующий день».

Питкин, естественно, и не думал рекомендовать замену Микера. С точки зрения губернатора, все события развивались в должном направлении. Ему оставалось только ждать разрыва между Микером и ютами, а потом, возможно, осуществится лозунг «Юты должны уйти!».

Приблизительно тогда же Микер готовил свой ежемесячный отчет для представления уполномоченному по делам индейцев. В нем он сообщал о своем намерении организовать из среды ютов отряд полиции. «Они плохо настроены», - добавлял он, а спустя всего несколько дней стал инициатором акций, которые должны были сделать ютов еще более агрессивными, о чем он заранее точно знал. Хотя не было фактов, прямо подтверждающих сочувствие Микера кампании Питкина, проходившей под лозунгом «Юты должны уйти!», однако почти каждый его шаг предпринимался, с тем чтобы побудить индейцев к бунту.

Может быть, Микер не так уж и хотел, чтобы юты ушли, но вот изгнания их лошадей он явно домогался. В начале сентября он приказал одному из своих рабочих-белых, Прайсу, начать распашку части лугов, где юты пасли своих лошадей. Некоторые юты сразу же запротестовали, спрашивая, почему он пашет именно здесь, ведь эта трава нужна лошадям. В западной части пастбища росла полынь. Куинкент (Дуглас) предложил расчистить эту часть под пашню, однако Микер упрямо настаивал на распашке травянистой земли. Тогда юты выслали вперед нескольких юношей с винтовками. Юноши подошли к пахарю и приказали ему прекратить работу. Прайс подчинился, но, когда он сообщил Микеру об угрозах ютов, агент отправил его обратно закончить работу. На этот раз юты произвели предупредительные выстрелы, целя выше головы Прайса, и пахарь поспешно отвязал лошадь и ускакал с пастбища. Микер был вне себя от злости. Тут же он написал полное

негодования письмо уполномоченному по делам индейцев. «Таков печальный удел индейцев, - писал он, - они так долго получали бесплатные пайки, им льстили и ласкали их так долго, что они возомнили себя господами».

В этот же день шаман Каналла (Джонсон) пришел в агентство Микера. Он сказал Микеру, что отданная под распашку земля от века предназначена ему для выпаса его лошадей. Распашка прекращена, и он не хочет, чтобы ее снова начинали.

Тут Микер прервал страстную речь Джонсона: «Проблема в том, Джонсон, что у вас слишком много лошадей. Часть их вам надо уничтожить». Какое-то мгновение Джонсон стоял, уставившись на Микера, и не верил своим ушам. Неожиданно он двинулся на агента, схватил его за плечи, вытолкнул на крыльцо и отшвырнул к коновязи. Не произнеся больше ни слова, Джонсон удалился.

Впоследствии он так описывал этот случай: «Я сказал агенту, что он поступил неправильно, приказав своим людям распахать мою землю. Агент сказал, что я всегда был смутьяном и, скорей всего, ужогу за решетку. Я сказал ему, что не понимаю, за что меня могут посадить. Я сказал этому агенту, что было бы хорошо, если бы приехал другой агент, добрый и неспособный на такие слова. Потом я взял агента за плечо и сказал, что ему лучше уехать. Ничего такого я ему не сделал, даже не ударил, а просто взял его за плечо. У меня не было на него зла. А потом я пошел домой».

Прежде чем что-то предпринять, Микер вызвал к себе в контору для переговоров Никаагата (Джека). Джек вспоминал впоследствии эту встречу: «Микер сказал, что Джонсон плохо обошелся с ним. Я сказал Микеру, что это пустяк, мелочь и не стоит на это обращать внимания. Микер, однако, принял все всерьез и заявил, что будет жаловаться. Я продолжал настаивать на том, что было бы очень дурно поднимать шум из-за пустяков. Микер сказал, что ему не нравится, когда какой-то юноша хватает его, а он слишком стар и слаб, чтобы оказать сопротивление, и вообще, он не хочет, чтобы какой-то юноша так его хватал; он сказал, что он старик и что Джонсон плохо обошелся с ним и он больше разговаривать с Джонсоном не будет, что он собирается просить у уполномоченного солдат и что он сгонит ютов с их земли. Я говорил ему, что это неверный шаг, но Микер сказал, что, так или иначе, эта земля не принадлежит ютам. Я ответил, что земля все-таки принадлежит нам, потому что правительство и держит здесь агентства, что это земля ютов, и снова начал убеждать его не поднимать шума из-за таких мелочей, как ссора с Джонсоном».

Целые сутки Микер только и думал об испорченных отношениях с ютами, и в конце концов решился проучить их. Он послал две телеграммы: одну - губернатору Питкину с просьбой о вооруженной защите, другую - уполномоченному по делам индейцев:

Я подвергся нападению со стороны главного вождя Джонсона; он силой вытолкнул меня из моего собственного дома и серьезно ушиб меня. Теперь ясно, что именно Джонсон мутит здесь воду... Его сын стрелял в пахаря, и противодействие распашке земли все усиливается. Распашка остановлена; моя жизнь, жизнь моей семьи и служащих в опасности; требуется немедленная защита; я прошу губернатора Питкина обсудить этот вопрос с генералом Попом.

В течение следующей недели громоздкие бюрократические механизмы министерства внутренних дел и военного министерства мало-помалу пришли в движение. 15 сентября Микеру сообщили, что кавалерийским частям отдан приказ следовать в район Уайт-Ривер; агенту предоставлялись полномочия арестовать «тех, кто возглавил недавние беспорядки».

Военное министерство отдало приказ коменданту форта Фред-Стил майору Томасу Торнбергу двигаться со специальным заданием к агентству ютов на Уайт-Ривер, Колорадо, имея в наличии достаточное количество солдат. Торнберг был в отъезде, охотился на лосей и поэтому не сразу получил приказ. В поход он отправился только 21 сентября. На Уайт-

Ривер, до которой было 150 миль, он снарядил около двухсот кавалеристов и верховых пехотинцев.

25 сентября Торнберг подошел к укрепленному пункту Крик. Колонна находилась на полпути от агентства на Уайт-Ривер, и майор решил послать вперед одного из своих проводников, чтобы предупредить Микера о том, что он будет в агентстве через четыре дня. В тот же день Колороу и Никаагат (Джек) узнали о приближении солдат; вожди ютов шли в это время со своими людьми к реке Милк-Ривер, где в осеннюю пору они обычно охотились.

Джек поскакал на север к Бэр-Ривер и встретил солдат. «Зачем вы идете? Мы не хотим сражаться с солдатами. У нас один отец. Мы не хотим сражаться с ними», - говорил он.

Торнберг и офицеры сообщили Джеку о том, что они получили телеграмму с приказом двигаться к агентству, и о том, что индейцы поджигали окрестные леса и спалили дом мистера Томпсона. Джек ответил, что это ложь; ни лесов, ни хижин юты не поджигали. «Оставьте своих солдат здесь, - сказал он Торнбергу, - я добрый человек. Я - Никаагат. Оставьте своих солдат здесь, и мы пойдем в агентство». Торнберг ответил, что у него есть приказ вести солдат в агентство. Пока не будет распоряжения Микера остановить колонну, ему следует вести солдат на Уайт-Ривер.

Джек снова настаивал на том, что юты не хотят сражаться. Он сказал, что нет ничего хорошего в том, что солдаты приближаются к резервации. Затем Никаагат оставил Торнберга и поспешил обратно в агентство, чтобы предупредить Ника Микера, что, если тот позволит солдатам прийти на Уайт-Ривер, случится беда.

По дороге в контору Микера, Джек заехал к Куинкенту (Дугласу). Они были вождями-соперниками, но Джек понимал, что теперь, когда все юты на Уайт-Ривер находятся в опасности, вождям нужно забыть о прежних распрях. Молодые юты только и слышали о том, что белые собираются отправить их на Индейскую территорию; некоторые говорили, что слышали, как Микер хвалился тем, что у солдат имеется целый фургон, груженный кандалами, наручниками и веревками, и что нескольких провинившихся ютов повесят, а остальных отправят в тюрьму. Если бы они были убеждены в том, что солдаты идут изгонять их из родных мест, они сражались бы с ними насмерть, и даже вожди не смогли бы удержать их от борьбы. Дуглас же сказал, что он не хочет иметь никакого отношения к этому происшествию. Когда Джек ушел, Дуглас прикрепил к шесту американский флаг и водрузил его над своим вигвамом. Вероятно, он никогда не слышал о том, что Черный Котел из северных шайенов размахивал американским флагом у Санд-Крик в 1864 г.

«Я сказал агенту [Микеру], что солдаты уже близко и я надеюсь, что тот предпримет что-либо для того, чтобы предотвратить их приход в агентство. Микер же сказал, что его это не касается; он не собирается иметь к этому никакого отношения. Затем я сказал агенту, не лучше ли нам вместе выйти им навстречу. Агент сказал, что я все время надоедаю ему и все равно он никуда не пойдет. Все это он говорил мне в своей конторе, и после того, как он высказался окончательно, он встал, пошел в другую комнату, захлопнул дверь и запер ее на замок. Это была наша последняя встреча».

Спустя несколько часов Микер, по-видимому, изменил свое решение и решил учесть совет Джека. Он послал майору Торнбергу донесение, предлагая остановить колонну и прибыть в агентство с эскортом из пяти солдат. «Индейцы, кажется, рассматривают продвижение войск как объявление настоящей войны», - писал он.

На следующий день (28 сентября), когда Торнбергу вручили донесение в лагере у Дир-Крик, Колороу также прибыл туда и пытался убедить майора не двигаться дальше. «Я сказал ему, что мне совершенно непонятно, зачем пришли войска, - рассказывал Колороу, - и зачем начинать войну». Колонна находилась всего в тридцати пяти милях от агентства на Уайт-Ривер.

Прочитав донесение Микера, Торнберг сообщил Колороу, что поведет свой отряд к Милк-Ривер, по которой проходит граница резервации ютов; там поставит своих солдат лагерем, а потом он и еще пять человек отправятся в агентство Микера для переговоров.

Вскоре после того, как Колороу со своими воинами покинул лагерь Торнберга, майор устроил совещание офицеров, во время которого он решил изменить свои планы. Вместо того чтобы остановиться на границе резервации, колонна продвинется вперед до каньона Коул-Крик. Торнберг объяснил, что с военной точки зрения это необходимо, так как лагерь Колороу и лагерь Джека находились прямо под ним. Если бы войска остановились на реке Милк, а юты бы тем временем решили заблокировать каньон, они смогли бы преградить солдатам дорогу к агентству. А между южным входом в каньон и Уайт-Ривер было всего несколько миль открытого пространства.

Обогнав движущуюся колонну, Колороу прискакал в свой лагерь 29 сентября около 9 часов утра. Он нашел своих людей очень возбужденными из-за приближения солдат. «Я видел, как несколько человек пошли по направлению к той дороге, по которой двигались солдаты, - рассказывал он. - Позже я тоже ушел из лагеря и пришел туда, где собрались индейцы, ушедшие первыми». Там он встретил Джека и около шестидесяти его воинов. Оба вождя обменялись сведениями:

Джек рассказал Колороу о своей неудачной встрече с Микером, а тот в свою очередь рассказал Джеку, что майор Торнберг обещал остановить своих солдат у реки Милк. «Потом я сказал Джеку, что, по моему мнению, было бы хорошо, если бы он посоветовал своим юношам не выказывать воинственности, и он сказал, что будет благоразумнее их чуть-чуть отвести от дороги. Так как оттуда, где мы находились, мы еще не видели никаких солдат, мы отошли от дороги на некоторое расстояние. Тут Джек сказал, что, когда солдаты придут к реке Милк (границе резервации), он пойдет повидать их».

Ни Колороу, ни Джек не знали, что отряд Торнберга уже миновал реку Милк. Напоив лошадей, Торнберг решил отправить фургоны по дороге, идущей вдоль каньона, с одной группой эскорта, а он тем временем с остальными кавалеристами двинется напрямик через высокий горный хребет. По иронии судьбы благодаря этому маневру он вышел прямо на разгневанных ютов, которых Джек увел с дороги, чтобы избежать любого возможного столкновения.

Примерно в это же время прискакал посланный в разведку один молодой ют. «Солдаты не остановились там, где они обещали, а двигаются вперед», - сообщил он Джеку.

Не на шутку встревоженный, Джек с небольшой группой воинов двинулся в сторону горного хребта. Через несколько минут он увидел солдатские фургоны, вытянувшиеся вдоль ведущей в каньон дороги, петляющей сквозь заросли полыни. «Я и двадцать или тридцать моих людей стояли на холме, и совершенно неожиданно прямо напротив себя я увидел человек тридцать или сорок солдат. Как только они заметили меня, они сразу же повернули обратно. За год до этого я служил у генерала Крука, когда тот воевал с сиу, и вмиг сообразил:

как только этот офицер развернул и отвел своих людей таким манером, это значило, что будет бой; так что я тоже велел моим людям развернуться». Командиром передового кавалерийского отряда был лейтенант Сэмюэль Черри. Скомандовав своим людям развернуться, Черри остановил их у подножия горного хребта, чтобы пропустить вперед майора Торнберга. Торнберг проскакал несколько ярдов и помахал шляпой индейцам, которые наблюдали с вершины этого хребта. Несколько человек помахали в ответ.

Четыре или пять минут Джек ждал от одного из офицеров сигнала для переговоров, но те оставались на своих местах, словно ожидали, что юты сделают первый шаг. «Затем, - рассказывал впоследствии Джек, - я и еще один индеец выехали им навстречу». Лейтенант Черри спешил и направился к ютам. Сделав несколько шагов, он помахал шляпой. Спустя мгновение одиночный винтовочный выстрел разорвал тишину. «Когда мы еще находились

на некотором расстоянии друг от друга, - рассказывал Джек, - раздался выстрел. Я не знаю, с чьей стороны. А через секунду раздалось столько выстрелов, что я понял: бой мне уже не остановить, хотя я и махал шляпой моим людям и кричал: «Не стреляйте; мы хотим лишь поговорить!» Но воины решили, что я их побуждаю сражаться».

Пока бой, перекинувшийся к выстроенным для круговой обороны фургонам, становился все более ожесточенным, новость о столкновении дошла до находившегося в агентстве Куинкента (Дугласа). Он тут же пошел в контору Ника Микера и сказал, что солдаты уже на территории резервации. Дуглас не сомневался в том, что воины-юты вступят в бой. Микер ответил, что он не думает, что может произойти что-то серьезное, и затем попросил Дугласа отправиться на следующее утро вместе с ним навстречу солдатам.

Вскоре после полудня все юты на Уайт-Ривер уже слышали о том, что солдаты сражаются с их народом у реки Милк. С десятков индейцев взяли винтовки и вступили в бой между строениями агентства, стреляя во всех белых рабочих без разбору. К концу дня они убили Натана Микера и всех его белых служащих-мужчин. Захватив в плен трех белых женщин, они бежали к одному из старых лагерей ютов, находящемуся на Пайсинес-Крик. По пути каждая из трех женщин была изнасилована.

Бой на реке Милк продолжался почти неделю, причем двести солдат оказались практически в окружении трехсот ютов. Майор Торнберг был убит в первой же перестрелке. Когда бой закончился, оказалось, что из числа солдат его колонны убито двенадцать и ранено сорок три солдата. Тридцать семь ютов погибли в отчаянной схватке, считая, что своей гибелью спасают резервацию от вторжения, а свой народ - от перевода в качестве пленников на Индейскую территорию.

Вождь Урай, находившийся в агентстве Лос-Пинос в 150 милях южнее, был крайне встревожен этим известием. Он понимал, что только незамедлительные действия спасут его (как вождя) и всю резервацию ютов. 2 октября он отослал с гонцом послание военным предводителям, вождям и всем ютам агентства на Уайт-Ривер:

Настоящим письмом прошу вас и приказываю вам прекратить военные действия против белых и не причинять вреда никому из невинных лиц или кому бы то ни было, кроме тех случаев, когда вы защищаете свою жизнь и имущество от незаконных и неправомочных банд конокрадов и головорезов, всякие дальнейшие действия кончатся катастрофой и для белых, и для нас.

Послание Урая и прибытие кавалерийских подкреплений положили сражению конец, однако спасти ютов от катастрофы было уже слишком поздно. Губернатор Питкин и Уильям Викерс наводнили штат Колорадо рассказами о дикой жестокости индейцев, - рассказами, направленными в основном на ни в чем не повинных индейцев ункомпагре из Лос-Пиноса, которые в большинстве своем занимались своими делами и понятия не имели о том, что происходит на Уайт-Ривер. Викерс призвал белых граждан Колорадо подняться и «вымести вон красных дьяволов», вдохновляя безумцев из отрядов ополчения в городах и селениях всего штата. На восток прибыло столько газетных репортеров, чтобы делать отчеты об этой увлекательной новой «войне с индейцами», что губернатор Питкин передал им для публикации специальное заявление:

«Думаю, что завершение этого дела будет означать конец всякому уничтожению собственности в Колорадо. Отныне индейцы и белые жить в мире более не могут. Это нападение не было спровоцировано, и белым сейчас стало ясно, что они могут подвергнуться нападению в любой части штата, где индейцы располагают достаточными силами. Моя мысль состоит в том, что, если правительство не уберет индейцев отсюда, их непременно должно истребить. Для защиты поселенцев в течение суток я могу поставить под ружье 25 тыс. человек. Правительство охотно уладит конфликт с индейцами на свои

собственные средства. Выгода от высвобождения 12 млн. акров земли для поселенцев и старателей покрывает все издержки».

Юты с Уайт-Ривер сдали трех плененных женщин, и затем была создана неизбежная в таких случаях комиссия для тщательного расследования причин, установления вины и вынесения приговоров. Бой на реке Милк квалифицировали как засаду, каковой на самом деле не было, а то, что произошло в агентстве на Уайт-Ривер, назвали резней, каковой она и была. Джек, Колороу и их сторонники, в конце концов, избежали наказания на том основании, что они были воинами и сражались в честном бою. Дугласа и его людей, находившихся в агентстве, судили как убийц, но никто не мог опознать ютов, которые произвели выстрелы, убившие Натана Микера и его служащих.

Дуглас, давая показания, утверждал, что находился в агентстве, в помещении склада, когда услышал первый выстрел. «Я вышел из помещения склада и сделал несколько шагов. Потом я сразу же пошел домой точно с того места, где находился. Когда я пришел домой, я не мог удержаться от слез, думая о том, в какое положение попали мои друзья». Но поскольку Арвилла Микер присягнула на закрытых слушаниях, что Дуглас принудил ее к половому сношению, шестидесятилетний вождь был отправлен в тюрьму в Ливенворт. Формально его ни в чем не обвинили и не привлекли к судебной ответственности за какое-либо преступление; публичное обвинение в изнасиловании ставило в неловкое положение миссис Микер, и в тот век, когда было принято умалчивать обо всем, что связано с полом, сам факт, что в этом акте участвовал какой-то индеец, делал его вдвойне отвратительным

Наказание отдельных лиц, однако, мало интересовало старателей и политиков. Им хотелось наказать все семь племен ютов, вытеснить их с этих 12 млн. акров земли, ожидавшей, когда ее распашут, перегородят плотинами, сведут на нет ее леса, для того чтобы наживались состояния.

Урай был при смерти, когда в 1880 г. Бюро по делам индейцев направило его в Вашингтон, чтобы он мог защитить будущее своего народа. Большой нефритом, он покорился желаниям Большеглазого Шурца и других официальных лиц, которые решили, что «юты должны уйти» в новую резервацию на территории штата Юта - на землю, от которой отказались мормоны Урай умер до того, как в августе 1881 г. войска погнали его людей, собрав их вместе, в 350-мильный поход из Колорадо в Юту. Штат Колорадо был полностью очищен от индейцев, кроме узенькой полоски земли в юго-западном углу штата, где было разрешено остаться лишь небольшой группе южных ютов.

Шайены и арапахи, кайовы и команчи, джикариллы и юты - они обладали всеми известными горами и равнинами Колорадо, но теперь на земле, принадлежащей белым, от самих племен не осталось и следа - лишь их имена.

XVII. ПОСЛЕДНИЕ ВОЖДИ АПАЧЕЙ

Я мирно жил со своей семьей - еды у нас было вдоволь, и сон был здоровым, - я заботился о своих людях и был совершенно доволен. Откуда начали приходить эти дурные вести - я не знаю. Дела у моей семьи шли хорошо и у моего народа - хорошо. Я вел себя хорошо. Я не убивал ни лошади, ни человека, будь то американец или индеец. Я не знаю, что не нравится тем людям, которые руководят нами. Они знали, что я вел себя хорошо, все же они говорили, что я дурной человек, самый дурной в тех местах, но что я сделал? Я мирно жил со своей семьей под сенью деревьев и делал все, что, по словам генерала Крука, я должен был делать, и пытался следовать его советам. Хотел бы я знать, кто приказал арестовать меня? Я умолял свет и тьму, бога и солнце, чтобы мне дали жить там спокойно, с моей семьей. Я не знаю, по какой причине надо было говорить обо мне дурно. А сколько раз газеты писали о том, что меня следует повесить. С меня хватит. Если человек встал на правильный путь, не следует о нем писать таких вещей в газетах. У меня теперь осталось совсем мало мужчин. Они поступили дурно, но лучше об этом никогда не вспоминать. Нас осталось так мало.

Гойатлай (Джеронимо)

В 1874 г. после смерти Кочиза его старший сын Таза стал вождем чирикахуа, а Таглито (Том Джеффордс) все еще был агентом резервации в Ущелье Апачей. В отличие от своего отца Таза оказался не в состоянии заслужить постоянной преданности всех индейцев чирикахуа. За несколько месяцев племя апачей раскололось на отдельные группы, и, несмотря на искренние усилия и Тазы и Джеффордса, набеги, которые Кочиз строго запрещал, возобновились. Из-за близости резервации чирикахуа к Мексике она превратилась в перевалочный пункт и убежище для совершавших набеги отрядов апачей, двигавшихся из Аризоны в Мексику и обратно. Стремящиеся к захвату земли поселенцы, старатели и политиканы времени зря не теряли, требуя переселения всех чирикахуа в какое-нибудь другое место.

К 1875 г. политика правительства США по отношению к индейцам была направлена на концентрацию племен либо на Индейской территории, либо в обширных областных резервациях. Резервация Уайт-Маунтинс с ее 2,5 млн. акров земли в восточной Аризоне была больше всех остальных юго-западных резерваций апачей, вместе взятых. Ее агентство Сан-Карлос стало уже административным центром для семи групп апачей, и, когда чиновники в Вашингтоне стали получать отчеты о беспорядках в резервации чирикахуа, они увидели в этих событиях прекрасный предлог для перевода индейцев чирикахуа в Сан-Карлос.

Это агентство, расположенное при слиянии рек Сан-Карлос и Джиле, армейские офицеры считали самым неприятным в смысле тягот гарнизонной службы. «Покрытая мелким камнем равнина, - писал один из офицеров, - возвышающаяся над руслом реки примерно на 30 футов, по которой там и сям разбросаны однообразные жилые строения агентства. Тощие, поникшие ряды редких тополей, засыхающих, почти лишенных листьев, отмечают направление ручьев. Дожди так редки, что на них смотрят как на чудо, если они вообще идут. Почти всегда сухие, горячие, несущие пыль и песок ветры опустошили долину, лишив ее всяких следов растительности. Летом температура в тени поднимается до 110° (По Фаренгейту.), и это считается прохладой. В остальное время года мухи, комары и какие-то неизвестные насекомые кишат миллионами...» В 1875 г. агентом здесь служил Джон Клам, который всего несколько месяцев тому назад освободил Эскиминзина и его араваипов из Камп-Гранта и теперь помогал индейцам научиться полностью обеспечивать себя на орошаемой земле вдоль реки Джиле. Со свойственным ему упрямством Клам добился вывода войск из огромной резервации Уайт-Маунтинс и заменил солдат ротой апачей,

выполнявших функции полиции в своем агентстве, учредив к тому же некую систему индейских судов, чтобы разбирать дела преступников. Хотя начальство и относилось с недоверием к необычному методу Клама, позволяющему индейцам самим принимать решения, оно не оспаривало его успехов в деле поддержания мира в Сан-Карлосе.

3 мая 1876 г. агент Клам получил телеграмму от уполномоченного по делам индейцев; в ней содержался приказ следовать в резервацию индейцев чирикахуа, возглавить тамошних индейцев, временно отстранить от должности агента Джеффордса и переместить индейцев чирикахуа в Сан-Карлос. У Клама не вызвало никакого восторга это неприятное назначение; он сомневался в том, что свободолюбивые чирикахуа смогут приспособиться к упорядоченной жизни в резервации Уайт-Маунтинс. Настояв на том, чтобы кавалерийские части не подходили близко к резервации, Клам вместе со своей индейской полицией отправился в Ущелье Апачей, чтобы сообщить чирикахуа о насильственном переселении. Клам был удивлен, обнаружив там Джеффордса и Тазу, готовых поддержать его. Таза, как и его отец Кочиз, хотел сохранить мир. Если индейцы чирикахуа для сохранения мира должны покинуть родные места и отправиться в резервацию Уайт-Маунтинс, они так и поступят. Однако только около половины индейцев чирикахуа отправились в Сан-Карлос. Когда в покинутую резервацию вошли войска, чтобы окружить непокорных индейцев, большинство из них бежало через границу в Мексику. Среди их предводителей был сорокашестилетний бедонкохе-апач, который в молодости поддерживал Мангаса Колорадо, а впоследствии стал сторонником Кочиза, теперь же считал себя индейцем чирикахуа. Его звали Гойатлай, белым он был известен под именем Джеронимо.

Хотя чирикахуа, добровольно пошедшие в Сан-Карлос, и не питали таких теплых чувств к агенту Кламу, как группы апачей, они не доставили ему никаких хлопот. В 1876 г., когда Клам получил в Бюро по делам индейцев разрешение отправиться с 22 апачами в путешествие на восток, он пригласил с собой и Тазу. К сожалению, когда группа была в Вашингтоне, Таза неожиданно умер от воспаления легких и был похоронен на кладбище конгресса. Сразу по возвращении в Сан-Карлос Кламу пришлось столкнуться с Найче, младшим братом Тазы. «Ты увел моего брата, - сказал Найче. - Он был здоров и силен, а ты вернулся без него и говоришь, что он мертв. Как знать, может быть, ты плохо о нем заботился. Может ты позволил злым духам бледнолицых убить его? В моем сердце великая боль»². Клам пытался разубедить Найче, попросив Эскиминзина рассказать тому о смерти и похоронах Тазы, однако индейцы чирикахуа оставались подозрительными. В отсутствие Таглито (Джеффордса), который мог бы дать им совет, они не могли доверять полностью Джону Кламу или какому-либо другому белому.

Зимой 1876/77 г. их сородичи из Мексики время от времени приносили в резервацию новости о событиях на юге. Так они слышали о том, что Джеронимо и его группа совершали набеги на земли своих старых врагов - мексиканцев, собрав таким образом большие стада скота и табуны лошадей. Весной Джеронимо пригнал этот ворованный скот в Нью-Мексико, продал его белым владельцам ранчо и купил в свою очередь новые ружья, шляпы, сапоги и много виски. Эта группа индейцев чирикахуа поселилась в некоем укрытии неподалеку от своих сородичей индейцев мимбреньо, живших в агентстве Ойо-Калиенте, чьим вождем был Викторио.

В марте 1877 г. Джон Клам получил из Вашингтона приказ отправиться в Ойо-Калиенте со своими полицейскими-апачами и с их помощью перевести тамошних индейцев в Сан-Карлос. Кроме того, он должен был арестовать Джеронимо и других обнаруженных в этом районе «изменников» из индейцев чирикахуа.

Джеронимо впоследствии рассказывал об этом: «Из Сан-Карлоса прислали две роты разведчиков. Они передали мне и Викторио, чтобы мы явились в город. Посыльные не сказали, что там хотят от нас, но, казалось, они были так дружелюбно настроены, что мы решили, будто нас приглашают на совет, и поскакали на встречу с офицерами. Как только

мы прибыли в город, солдаты встретили нас, разоружили нас обоих и отвели в штаб, где нас судил трибунал. Нам задали всего несколько вопросов, потом Викторιο освободили, а я был приговорен к содержанию на гауптвахте. Разведчики отвели меня в караульное помещение и заковали в кандалы. Когда я спросил, почему со мной так поступили, они ответили, что это произошло потому, что я ушел из Ущелья Апачей.

Мне кажется, я никогда не имел никакого отношения к этим солдатам в Ущелье Апачей, и зачем я должен спрашивать у них, куда мне можно идти... Я был пленником четыре месяца, и за это время меня перевели в Сан-Карлос. Потом, кажется, было еще одно судебное разбирательство, хотя я не присутствовал. На самом деле я даже не знал, что меня снова судили, мне сказали об этом позже; но во всяком случае, меня освободили».

Хотя Викторιο и не был посажен под арест, его и большую часть апачей с Уорм-Спрингс перевели весной 1877 г. в Сан-Карлос. Клам пытался завоевать доверие Викторιο, предоставляя ему такую власть, какой не пользовался ни один вождь в Ойо-Калиенте. В течение нескольких недель казалось, что миролюбивые общины апачей смогут быть созданы в резервации Уайт-Маунтинс, но затем внезапно армейское начальство выдвинуло роту солдат к реке Джиле (форт Томас). Армейское начальство заявило, что сделало этот шаг из предосторожности, так как в Сан-Карлосе сконцентрировались «почти все наиболее непокорные индейцы этой территории».

Клам был взбешен. Он телеграфировал уполномоченному по делам индейцев, испрашивая полномочия на экипировку дополнительной роты полицейских-апачей, которая могла бы заменить солдат, и просил отвести войска. Вашингтонские газетчики узнали о смелом требовании Клама и опубликовали его. Это газетное сообщение вызвало ярость в военном министерстве. В Аризоне и в Нью-Мексико военные подрядчики, испугавшись ухода солдат, который лишит их доходного дела, осудили «наглость и бесстыдство» этого двадцатилетнего выскочки, который думает, что он один сможет сделать то, что несколько тысяч солдат не могли сделать с тех пор, как началась война с апачами.

Войска остались в Сан-Карлосе, а Джон Клам ушел в отставку. Хотя Клам и симпатизировал индейцам, он не научился думать, как апачи, не смог сам превратиться в апача, как это сделал Том Джеффордс. Он не мог понять вождей, которые сопротивлялись до последнего. Он не разглядел в них героических личностей, предпочитавших смерть утрате родового наследия. На взгляд Джона Клама, Джеронимо, Викторιο, Нана, Локо, Найче и другие борцы были преступниками, ворами, убийцами и пьяницами, слишком закоренелыми в своих привычках, для того чтобы пойти дорогой белого человека. И вот Джон Клам покинул апачей Сан-Карлоса. Он уехал в Томбстоун, Аризона, где основал прохристианскую газету под названием «Эпитафия».

К концу лета 1877 г. в состоянии дел Сан-Карлоса наступил хаос. Хотя число индейцев увеличилось на несколько сот человек, дополнительное продовольствие подвозилось медленно. Хуже того, вместо того чтобы распределять пайки непосредственно в различных лагерях, новый агент потребовал, чтобы индейцы всех общин приходили к помещению главного агентства. Некоторые апачи должны были ходить за 20 миль, а если старики и дети не могли пройти такое расстояние, они не получали никаких пайков. К тому же в северо-западную часть этой резервации проникли старатели и отказывались уходить. Система полицейского самообеспечения, созданная Кламом, стала распадаться. 2 сентября, ночью, Викторιο увел свою группу уорм-спрингских индейцев из резервации и пошел обратно в Ойо-Калиенте. Полицейские-апачи бросились за ними в погоню, отбили большую часть лошадей и мулов, которых уорм-спрингские индейцы угнали из корала в Уайт-Маунтинс, но людям дали уйти. После нескольких стычек с владельцами ранчо и солдатами Викторιο достиг Ойо-Калиенте. В течение года армейское начальство позволяло ему и его людям

оставаться там под охраной солдат из форта Уингейт, а в конце 1878 г. пришел приказ отправить их назад в Сан-Карлос.

Викторио просил армейских офицеров дать возможность его людям жить в той стране, где они родились, но, когда он понял, что этому не быть, он крикнул: «Вы можете взять наших женщин и детей в свои фургоны, но мужчины не пойдут!»

Викторио и около восьмидесяти его воинов бежали в горы Мимбреньо-Маунтинс и там, вдали от своих семей, пережили суровую зиму. В феврале 1878 г. Викторио и несколько мужчин пришли на гарнизонный пост у Ойо-Калиенте и сказали, что сдадутся, если армейское начальство вернет из Сан-Карлоса их семьи. Несколько недель военные оттягивали решение, объявив в конце концов, что они идут на компромисс. Уормспрингские апачи могут поселиться в Нью-Мексико, в Туларозе, но им придется жить с индейцами мескалеро. Викторио согласился, и в третий раз за два года ему и его людям пришлось начинать жить сначала.

Летом 1879 г. против Викторио было выдвинуто старое обвинение в краже лошадей и убийстве; и судебные исполнители вступили в резервацию, чтобы арестовать его. Викторио бежал и на этот раз решил, что никогда вновь не сдастся на милость белых людей, согласившись жить в резервации. Он был убежден, что смерть его неизбежна и что все апачи обречены, если они не будут сопротивляться с оружием в руках, как они сопротивлялись со времен прихода испанцев.

Устроив в Мексике опорный пункт, Викторио начал собирать партизанскую армию, чтобы «вечно воевать» против Соединенных Штатов. К концу 1879 г. у него был отряд из двухсот индейцев - мескалеро и чирикахауа. Чтобы достать лошадей и продовольствие, они совершали набеги на мексиканские ранчо, а затем отважные наезды в Нью-Мексико и Техас, убивая поселенцев, которых удавалось найти, заманивая в ловушки преследующую кавалерию, а затем прорывались обратно через границу.

По мере того как продолжались постоянные бои, ненависть Викторио становилась сильнее. Он сделался жестоким убийцей, пытал и увечил тех, кто стал его жертвой. Некоторые из его сторонников, считая его безумцем, покинули его. Его голова была оценена в 3 тыс. долларов. В конце концов войска США и Мексики решили объединиться, чтобы сосредоточив усилия, выследить и поймать Викторио. 14 октября 1880 г. мексиканские солдаты окружили его группу в Трес-Кастильонс-Хилс между Чиуауа и Эль-Пасо. Они убили 78 апачей, включая Викторио, и захватили в плен 68 индейских женщин и детей. Около 30 воинов бежали.

Среди бежавших был воин-мимбреньо, которому уже исполнилось семьдесят лет. Его звали Нана. Сколько он себя помнил, он воевал против белых, говорящих по-испански и по-английски. Нана нисколько не сомневался в том, что надо продолжать сопротивление. Он собирает новую армию партизан - лучшим источником пополнения воинов являлись резервации, куда были согнаны сотни юношей, не знавших, чем заняться. Летом 1881 г. этот покрытый шрамами и морщинами низкорослый апач с горсткой своих сторонников переправился через реку Рио-Гранде. Менее чем за месяц они провели восемь битв, захватили двести лошадей и, преследуемые по пятам тысячным отрядом кавалеристов, бежали обратно в Мексику. Нана никогда не устраивал набеги поблизости от Уайт-Маунтинс, однако тамошние апачи слышали о его отважных подвигах; и военное начальство среагировало на эти слухи, направив несколько сот солдат для охраны резервации.

В сентябре индейцы чирикахауа, жившие в Сан-Карлосе, были встревожены демонстрацией силы, которую устроили возле лагеря кавалеристы. Повсюду носились слухи; говорили, что армейское командование готовится арестовать всех предводителей, когда-либо проявлявших враждебность к белым. Однажды ночью в конце месяца Джеронимо, Юх,

Найче и около 70 индейцев чирикахуа ускользнули из Уайт-Маунтинс и помчались на юг, в Мексику, где в Сьерра-Мадре находился их прежний опорный пункт.

Через шесть месяцев (в апреле 1882 г.) хорошо вооруженные индейцы чирикахуа с запасом снаряжения вернулись к Уайт-Маунтинс. Они были полны решимости освободить своих людей и всех прочих апачей, желавших вернуться в Мексику. Это было отчаянное предприятие. Они поскакали в лагерь вождя Локо и убедили почти всех оставшихся индейцев чирикахуа и уорм-спрингских апачей отправиться в Мексику.

В спешную погоню отправились шесть рот кавалерии под командой полковника Джорджа Форсайта (он пережил Бой, В Котором Был Убит Римский Нос, см. главу VII). В каньоне Хос-Шу Форсайт нагнал убежавших апачей, но благодаря блестящим действиям арьергарда индейцы удерживали солдат достаточно долго, и основная часть отряда переправилась в Мексику. Здесь беда грянула с неожиданной стороны. Некий полк мексиканской пехоты случайно наткнулся на колонну апачей. Большинство женщин и детей, ехавших впереди, были убиты.

Среди вождей и воинов, которым удалось бежать, были Локо, Найче, Чато и Джеронимо. Ожесточенные, убавившиеся численно, они вскоре присоединились к старому другу Нана и его партизанам. Эта война теперь была войной за выживание.

Каждый бунт из тех, что произошли недавно в Уайт-Маунтинс, приводил к увеличению числа солдат. Они кишели повсюду: в фортах Томас, Апач, Боуи, - и каждое увеличение числа солдат увеличивало число беспорядков в резервации апачей, число побегов в Мексику с неизбежными набегам на владельцев ранчо, встречавшихся на пути бегущих.

Чтобы навести порядок в этом хаосе, армейское командование вновь обратилось к генералу Джорджу Круку, который стал совсем другим человеком, с тех пор как десять лет тому назад покинул Аризону и отправился воевать с сиу и шайенами. Он понял на примере этих племен, а также на примере понка во время процесса над Стоящим Медведем, что индейцы - человеческие существа; большинство его коллег-офицеров все еще не разделяли этой точки зрения.

4 сентября 1882 г. Крук принял командование военным округом Аризоны в Уиппл-Барракс, а затем поспешил в резервацию Уайт-Маунтинс. В Сан-Карлосе и форте Апач он держал советы с апачами; он разыскивал отдельных индейцев и говорил с ними с глазу на глаз. «Мне сразу стало ясно, что чувство недоверия к нашим людям существует в общинах апачей, - сообщал он. - С большим трудом мне удалось вызвать их на разговор, но, как только их подозрения были рассеяны, они стали беседовать со мной откровенно. Они говорили... что потеряли доверие ко всем и не знают, кому и чему можно верить; что какие-то безответственные лица постоянно говорили им, что их разоружат; что войска, расположенные в резервации, нападут на них и переместят их из их страны; что они приходят к заключению о том, что гораздо мужественней умереть в бою, чем подвергнуться такому истреблению». Крук убеждался в том, что у апачей резервации «не только были серьезнейшие основания для выражения недовольства, но что они проявили замечательную выдержку, сохраняя мир».

Еще в начале своего расследования Крук обнаружил, что «агенты-мошенники и прочие неразборчивые в средствах белые люди крали у индейцев продовольствие и товары, покупаемые для них правительством, чтобы обеспечить средства существования». Генерал собрал в избытке свидетельства того, что белые люди старались побудить апачей действовать силой, с тем чтобы потом их можно было бы выгнать из резервации, открыв доступ к ее земле.

Крук приказал немедленно удалить из резервации всех скваттеров и старателей, а затем потребовал от Бюро по делам индейцев полного сотрудничества в проведении реформ. Вместо того чтобы принуждать индейцев жить вблизи Сан-Карлоса и форта Апач, различным общинам следовало предоставить право строить свои дома и ранчо в любой выбранной ими части резервации. Контракты на поставку сена следовало заключать с самими индейцами, а не с белыми поставщиками; военное начальство должно было скупать излишки кукурузы и овощей из тех, что вырастили индейцы, расплачиваясь наличными. Планировалось устройство самоуправления, реорганизация индейской полиции и сохранение их собственных судов, которые у них были при Джоне Кламе. Крук обещал индейцам, что они не увидят ни одного солдата в своей резервации, если им будет под силу самим осуществлять управление и надзор.

Поначалу апачи сомневались. Они помнили жесткие методы Крука в былые времена, когда он был Серым Волком, выследившим Кочиза и индейцев чирикахуа, но вскоре они обнаружили, что генерал - человек слова. Пайки были увеличены, агенты и торговцы больше не обманывали их, никакие солдаты больше не задирали их, а Серый Волк поощрял их увеличивать стада и разыскивать хорошие земли, чтобы выращивать кукурузу и бобы. Они вновь были свободны, но лишь оставаясь в пределах резервации.

Однако они не могли забыть своих родичей, которые были истинно свободны в Мексике, и постоянно юноши по несколько человек ускользали на юг; некоторые затем возвращались с возбуждающими известиями о приключениях и веселой жизни.

Крук тоже много думал об индейцах чирикахуа и уорм-спрингских апачах, находившихся в Мексике. Он знал, что рано или поздно они снова устроят набег через границу, и он знал, что должен готовиться к этому. Правительства США и Мексики недавно подписали соглашение, по которому солдатам каждой страны разрешалось пересекать границу, преследуя враждебных апачей. Крук готовился воспользоваться соглашением, надеясь, что таким образом он сможет удержать гражданское население Аризоны и Мексики от попыток втянуть его в войну.

«Слишком часто случается, - говорил Крук, - что газеты приграничных областей... распространяют всякого рода преувеличения и ложь об индейцах, которые затем перепечатываются в солидных газетах, которые распространяются большими тиражами в других районах страны, в то время как индейская сторона в этом деле выслушивается редко. Таким образом, большинству населения навязываются ложные идеи относительно данного вопроса. Когда же начинаются события, внимание публики направляется на индейцев, осуждаются лишь их преступления и жестокость, в то время как лица, несправедливость которых и привела к такому повороту событий, остаются безнаказанными и сами громче всех разоблачают индейцев. Никто не знает об этом факте лучше, чем индеец, так что ему можно простить то, что он вовсе не находит справедливым правительство, которое только наказывает его и в то же время позволяет белому человеку как угодно грабить индейца».

Мысль о новой партизанской войне с апачами вызывала у Крука отвращение. Он понимал, что покорить индейцев в той суровой стране, где должны будут происходить военные действия, практически невозможно. «Какие бы интересы ни ставились на карту, мы не в состоянии воевать с ними, - прямо признавался он. - Мы слишком виноваты, как нация, в существующем положении дел. Следовательно, мы должны убедить их в том, что в дальнейшем с ними будут обращаться справедливо, защищая их от посягательств белых людей».

Крук полагал, что убедить в своих благих намерениях Джеронимо и других партизанских вождей он мог бы, не сражаясь с ними, а вступив в переговоры. Лучшим местом для таких переговоров был бы один из индейских опорных пунктов, который они сами выбрали в Мексике, там, где не существовало бы ни беспринципных подстрекателей индейских войн,

ни распространяющих слухи газет, которые стали бы разжигать прибыльную войну ради захвата земель.

Ожидая, когда набег через границу даст ему повод войти в Мексику, Крук спокойно комплектовал свой «экспедиционный отряд».

В него входило около пятидесяти тщательно отобранных солдат и штатских переводчиков и двести молодых апачей, многие из которых в тот или иной раз участвовали в набегах на Мексику. В первые недели 1883 г. он отправил часть этого отряда по Южно-Тихоокеанской железной дороге, которая проходила через Аризону и заканчивалась почти в 50 милях от границы. 21 марта три младших вождя - Чато, Чиуауа и Бонито - совершили набег на лагерь старателей неподалеку от Томбстоуна. Как только Крук узнал об этом инциденте, он начал последние приготовления к вступлению в Мексику. После нескольких недель поиска, его разведчики обнаружили местонахождение основного лагеря индейцев чирикахауа в Сьерра-Мадре на территории Мексики.

В Пору, Когда Листья Темно-Зеленые (май) Джеронимо возглавил набег на мексиканские ранчо, чтобы добыть скот. Мексиканские солдаты преследовали его, однако Джеронимо устроил для солдат засаду, нанеся им потери и бежал. Когда апачи возвращались на свою базу, один из индейцев, оставленных для охраны, встретил Джеронимо и рассказал ему, что Серый Волк (Крук) захватил лагерь и всех находившихся там женщин и детей.

Йасон Бецинез, один из родственников Джеронимо, принимавший участие в набеге, рассказывал впоследствии, как Джеронимо выбрал двух воинов постарше и отправил с белым флагом выяснить, зачем пришел Серый Волк. «Вместо того чтобы вернуться туда, где стоял Джеронимо, - рассказывал Бецинез, - те двое прошли полпути обратно в гору и позвали нас всех спуститься вниз. Наши воины спустились по склону горы, подошли к палатке генерала Крука, где после долгого совещания вождей мы все сдались этому генералу».

Действительно, Джеронимо три раза вел с Круком долгие переговоры, прежде чем они пришли к соглашению. Предводитель апачей заявил, что он всегда хотел мира, но что дурные белые люди из Сан-Карлоса плохо обращались с ним. Крук подтвердил, что, возможно, это правда, но, если Джеронимо захочет вернуться в резервацию, Серый Волк присмотрит за тем, чтобы с ним обходились справедливо. Однако всем чирикахауа, которые вернутся, придется трудиться, обрабатывая землю, и выращивать скот, чтобы самим обеспечивать себя продовольствием. «Я не отбираю у вас оружие, - добавил Крук, - потому что не боюсь вас».

Джеронимо понравилась прямота Крука, но, когда генерал объявил, что он должен отправить свою колонну обратно в Аризону через день-другой, Джеронимо решил испытать генерала, убедиться в том, что тот действительно ему верит. Предводитель апачей заявил, что потребуется несколько месяцев для того, чтобы собрать всех его людей в одно место. «Я останусь здесь, - сказал он, - пока не соберу всех чирикахауа до единого - мужчин, женщин и детей». Чато тоже должен остаться, чтобы помочь ему. Вместе они поведут всех людей в Сан-Карлос.

К удивлению Джеронимо, Крук согласился на это предложение. 30 мая колонна двинулась на север. С ней вместе шли женщины и дети, всего 251 человек, и 123 воина, в том числе Локо, Мангас (сын Мангаса Колорадо), Чиуауа, Бонито, даже старый, весь в морщинах Нана - то есть все военные предводители, кроме Джеронимо и Чато.

Прошло восемь месяцев, и настал черед Крука удивляться. Верные своему слову, Джеронимо с Чато в феврале 1884 г. пересекли границу и под конвоем прибыли в Сан-Карлос. «К сожалению, Джеронимо совершил ошибку, пригнав с собой большое стадо скота, который он украл у мексиканцев, - рассказывал Йасон Бецинез, - Джеронимо казалось, что он поступил вполне правильно: он хотел всего лишь обеспечить хороший запас пищи для

своих людей. Власти, глядевшие на это иначе, отобрали скот у вождя». Честный Серый Волк приказал скот продать, а выручку в размере 1762, 5 доллара передать мексиканскому правительству для возмещения убытков настоящим владельцам скота, если таковые обнаружатся.

Больше года генерал Крук мог гордиться тем, что индейцами Аризоны в Нью-Мексико не совершено ни одного акта насилия или какого-либо набега. Джеронимо и Чато соперничали в устройстве своих ранчо, а Крук зорко следил за тем, чтобы их агент выдавал достаточное количество продовольствия. За пределами резервации и гарнизонных постов, однако, Крука часто критиковали за то, что он слишком терпим к апачам. Те газеты, которые он обвинил в том, что они «распространяют всякого рода преувеличения и ложь об индейцах», теперь ополчились на него. Некоторые торговцы слухами зашли так далеко, что утверждали, будто Крук сдался индейцам Джеронимо в Мексике и вступил в некую сделку с предводителями чирикахуа, чтобы его отпустили живым. Джеронимо же представляли сущим дьяволом, выдумывая десятки историй о его жестокости и призывая линчевателей повесить его, если этого не сделает правительство. Микки Фри, официальный переводчик при индейцах чирикахуа, рассказывал Джеронимо об этих газетных сообщениях. «Если человек встал на правильный путь, - сказал Джеронимо, - не следует писать о нем таких вещей в газетах».

В Пору Сеяния Кукурузы (весной 1885 г.) среди индейцев чирикахуа начало расти недовольство. Настоящего дела для мужчин здесь не было, если не считать получения пайков, азартных игр, перебранок, бесцельного шатания и увлечения кукурузным пивом. Кукурузное пиво было запрещено в резервации, но у индейцев чирикахуа кукуруза была в избытке, чтобы варить его, и питье пива было одним из немногих удовольствий, оставшихся у них от прежних дней.

В ночь на 17 мая Джеронимо, Мангас, Чиуауа и старый Нана довольно крепко выпили кукурузного пива и решили ехать в Мексику. Они пошли навестить Чато и предложить ему ехать вместе, однако Чато был трезв и отказался присоединиться к компании. Между ним и Джеронимо произошла жестокая ссора, которая уже грозила перейти в драку, перед тем как Джеронимо и прочие отправились в путь. В этом отряде было 92 женщины с детьми, 8 мальчиков и 34 мужчины. Когда они покидали Сан-Карлос, Джеронимо перерезал телеграфный провод.

И белые и апачи предлагали много разных объяснений этому внезапному исходу из резервации, в которой все, казалось бы, шло более или менее гладко. Некоторые говорили, что это произошло из-за попойки, другие говорили, что дурные слухи, которые распространялись об индейцах чирикахуа, заставили их бояться возможных арестов. «Побывав уже раз в кандалах, когда эту общину перегоняли в Сан-Карлос, некоторые предводители ни за что не хотели вновь подвергаться такому обращению», - рассказывал Йасон Бецинез.

Джеронимо позднее представлял дело так: «Незадолго до того как я ушел, один индеец по имени Уадискай имел разговор со мной. Он сказал: «Тебя собираются арестовать», но я вовсе не обратил внимания на его слова, зная, что не сделал ничего дурного; и жена Мангаса, Хуэра, сказала мне, что меня и Мангаса хотят схватить и посадить в караулку, я узнавал от солдат-апачей и американских солдат, от Чато и Микки Фри, что американцы хотят меня арестовать и повесить, и вот я ушел».

Бегство отряда Джеронимо через Аризону послужило сигналом для целого разлива диких слухов. В газетах на видном месте помещались крупные заголовки «Апачи на воле!». Само имя «Джеронимо» стало призывом к новому кровопролитию. Группа поставщиков («ринг Таксона»), увидев удобный случай для прибыльной военной кампании, призвала генерала Крука немедленно бросить войска, чтобы спасти беззащитных белых граждан от убийц-

апачей. Джеронимо, однако, предпринимал отчаянные попытки избежать каких бы то ни было столкновений с белыми гражданами; все что он хотел - это поскорее перевести своих людей через границу в старое убежище в Сьерра-Мадре. Два дня и две ночи индейцы чирикахау скакали, не разбивая лагеря. По дороге вождь Чиуауа передумал ехать в Мексику, он повернул свой отряд и сошел с тропы, намереваясь вернуться в резервацию. Преследующие индейцев солдаты настигли Чиуауа, принудили его к бегству и толкнули на кровавую тропу грабежей, с которой он не сходил, пока ему не удалось переправиться в Мексику. Во всех совершенных им нападениях обвинялся Джеронимо, так как мало кто из жителей Аризоны когда-либо слышал о Чиуауа.

Крук тем временем пытался избежать массовых военных операций, проведения которых требовали от него подрядчики из «ринга Таксона» и их друзья из политиков Вашингтона. Он понимал, что переговоры - единственный способ иметь дело с тремя десятками воинов-апачей. Однако ради местных граждан он приказал небольшому числу кавалеристов выступить из каждого подчиненного ему форта, но в поисках мятежных индейцев чирикахау целиком полагался на преданных разведчиков-апачей. Он был доволен тем, что Чато и младший сын Кочиза, Алчиз, оба добровольно вызвались искать Джеронимо.

С приближением осени стало ясно, что Круку еще раз придется пересечь мексиканскую границу. Из Вашингтона ему приказали: перебейте беглецов или примите их безоговорочную капитуляцию.

На этот раз чирикахау обнаружили, что части мексиканской армии поджидают их в Сьерра-Мадре. Оказавшись в ловушке между мексиканцами, которые хотели только их смерти, и американцами, которые охотно взяли бы их в плен, Джеронимо и другие предводители наконец решили послушаться Чато и Алчиза.

25 марта 1886 г. вожди «враждебных» апачей встретились с Круком в нескольких милях к югу от границы возле каньона Де-лос-Эмбудос. После того как три дня произносились волнующие речи, индейцы чирикахау стали соглашаться на сдачу. Крук сказал, что они должны сдаться безоговорочно, и, когда индейцы спросили, что это значит, он прямо сказал им, что, возможно, их как пленников отправят далеко на восток, во Флориду. Индейцы ответили, что они не сдадутся, если Серый Волк не пообещает вернуть их в резервацию после двух лет содержания под стражей. Крук обдумал предложение; это показалось ему честным. Надеясь убедить Вашингтон в том, что такая капитуляция лучше, чем никакая, Крук согласился.

«Я предаю себя в ваши руки, - сказал Джеронимо, - делайте со мной, что хотите. Я сдаюсь. Когда-то я носился с места на место подобно ветру. Теперь сдаюсь, и дело с концом».

Алчиз закрыл совет обращением, в котором просил пожалеть его заблудших братьев - индейцев чирикахау. «Теперь они все - хорошие друзья, и я рад, что они сдались, потому что они все - один и тот же народ, все они - одна моя семья; так, если вы убьете оленя, его части - это части одного тела; так оно и с индейцами чирикахау... Теперь мы хотим ходить по открытой дороге и пить воду, которую пьют американцы, и не прятаться в горах; мы хотим жить, не подвергаясь опасностям и не испытывая неудобств. Я очень рад, что чирикахау сдались, и я смог замолвить за них слово. Я никогда не лгал вам, и вы никогда не лгали мне, и теперь я говорю вам, что индейцы чирикахау и вправду хотят поступать правильно и жить мирно. Если они не будут поступать так, значит, я лгу, и вы не должны мне больше верить. Ну что ж, вы направляетесь в форт Боуи, и я хочу, чтобы вы унесли в своих карманах все сказанное здесь сегодня».

Уверенный в том, что чирикахау благополучно попадут в форт Боуи с отрядом его разведчиков, Крук поспешил туда, чтобы телеграфировать военному министерству в Вашингтоне о тех условиях, которые он поставил вождям чирикахау. Ответ обескуражил его: «Никаких соглашений с неприятелем по поводу двухгодичного заключения на востоке с

последующим возвращением в резервацию». Серый Волк дал еще одно обещание, которое не мог сдержать. Последним ударом для него было известие, полученное на следующий день, о том, что Джеронимо и Найче оторвались от колонны в нескольких милях от форта Боуи и бегут обратно в Мексику. Некий оптовый торговец из «ринга Таксона» накачал их виски и ложью о том, как белые граждане Аризоны непременно повесят их, когда они вернуться. Как рассказывал Йасон Бецинез, Найче напился и стал стрелять в воздух. «Джеронимо решил, что начался бой с солдатами. Он и Найче в панике бежали, прихватив с собой около тридцати сторонников». Возможно, это была не единственная причина их бегства. «Я боялся измены, - рассказывал впоследствии Джеронимо. - И когда мы почувствовали неладное, мы повернули назад». Найче впоследствии рассказывал Круку: «Я боялся, что меня собираются увести куда-то в незнакомое место, которое мне не подходит. Я думал, что все, кого уведут, умрут... Я дошел до этого своим умом... Мы говорили между собой об этом. Мы напились... потому что там было много виски, а нам очень хотелось выпить, и мы выпили».

В результате побега Джеронимо Крук получил от военного министерства строгий выговор за свою неосмотрительность, за самовольное принятие условий капитуляции и за терпимое отношение к индейцам. Крук тут же подал в отставку, и его пост занял мечтающий о карьере бригадный генерал Нельсон Майлс (Медвежий Мундир).

Медвежий Мундир принял командование 12 апреля 1886 г. При полной поддержке военного министерства он вскоре вывел на боевые операции 5 тыс. солдат (около трети боевых сил армии). В распоряжении генерала находилось 500 разведчиков-апачей и несколько тысяч человек из нерегулярного гражданского ополчения. Он организовал летучий кавалерийский отряд и установил дорогостоящую систему связи для молниеносной передачи донесений туда и обратно через Аризону в Нью-Мексико. Этой мощной военной силе противостоял в качестве врага, которого следовало покорить, Джеронимо со своей «армией» из 24 воинов, которую, кроме того, все лето 1886 г. постоянно преследовала состоящая из тысяч солдат мексиканская армия.

В конце концов Большеносый Капитан (лейтенант Чарльз Гейтвуд) и два разведчика-апача Мартин и Кейта обнаружили Джеронимо и Найче, скрывающихся в каньоне Сьерра-Мадре. Джеронимо положил свою винтовку на землю, поздоровался за руку с Большеносым Капитаном и спокойно справился о его здоровье. Потом он спросил, как там дела в Штатах. Как поживают индейцы чирикахуа? Гейтвуд сказал ему, что те индейцы чирикахуа, которые сдались, уже отправлены во Флориду. Если Джеронимо сдастся генералу Майлсу, его, вероятно, тоже отправят во Флориду, к своим.

Джеронимо хотел знать все о Медвежьем Мундире Майлсе. Грубый ли у него голос или приятный для слуха? Жесток он или добросердечен? Смотрит ли он вам прямо в глаза или опускает глаза, когда разговаривает? Выполняет ли он свои обещания? Потом он сказал Гейтвуду: «Нам нужен твой совет. Представь себе, что ты один из нас, а не белый человек. Вспомни все, что было сказано сегодня, и скажи, если бы ты был апачем, что бы ты посоветовал нам делать в подобных обстоятельствах?»

«Я бы поверил генералу Майлсу и доверился бы ему и его слову», - ответил Гейтвуд.

Вот так Джеронимо сдался в последний раз. Великий Отец в Вашингтоне (Гровер Кливленд), веривший во все мрачные газетные рассказы о злодеяниях Джеронимо, настаивал на том, что Джеронимо следует повесить. Однако верх взяло мнение более осведомленных людей, и Джеронимо со своими уцелевшими воинами был отправлен в форт Мэрион, штат Флорида. Большинство своих друзей он застал при смерти в этой теплой и влажной стране, столь несхожей с его расположенной высоко в сухих горах родиной. Больше ста человек умерло от болезни, которую диагностировали как туберкулез легких. Правительственные чиновники забрали у них всех детей и отправили в школу для индейцев в Карлайл, штат Пенсильвания, и более пятидесяти их детей умерло там.

Во Флориду отправили не только «враждебных», но и многих «дружественных» индейцев, в том числе и разведчиков, работавших на Крука. Мартин и Кейта, которые отвели лейтенанта Гейтвуда к укрытию Джеронимо, не получили десяти лошадей, обещанных им за выполнение задания; вместо этого они были отправлены в заключение во Флориду. Чато, который пытался уговорить Джеронимо не уходить из резервации, а затем помог Круку обнаружить вождя, был внезапно вывезен со своего ранчо и отправлен во Флориду. Он лишился своего надела и своего скота; двух его детей увезли в Карлайл, где оба ребенка умерли. Индейцы чирикахауа были обречены на вымирание, слишком упорно сражались они за свободу.

Подобная участь постигла не только их. Эскиминзин из племени араваипов, который стал экономически независимым у себя на ранчо в Джиле, был арестован по обвинению в связях с неким преступником, известным под именем Малыш Апач. Эскиминзина и сорок уцелевших араваипов сослали жить с индейцами чирикахауа во Флориду. Позднее всех этих изгнанников перевели в Маунт-Вернон-Барракс, штат Алабама. Если бы не усилия нескольких белых друзей, таких, как Джордж Крук, Джон Клам и Хью Скотт, апачей вскоре свели бы в могилу в зараженном малярией гарнизонном посту на реке Мобил. Несмотря на противодействие Медвежьего Мундира Майлса и военного министерства, им удалось вернуть в Сан-Карлос Эскиминзина и араваипов. Граждане Аризоны, однако, отказались позволить людям Джеронимо жить в пределах штата. Когда кайовы и команчи узнали о ходатайстве лейтенанта Хью Скотта, они предложили своим старым врагам, апачам, часть своей резервации. В 1894 г. Джеронимо привел оставшихся в живых изгнанников в форт Силл. Когда в 1909 г. он умер, все еще оставаясь военнопленным, он был похоронен на кладбище апачей. До сих пор сохранилась легенда о том, что вскоре после похорон его останки были тайно вывезены и отправлены куда-то на юго-восток - возможно, в горы в Чирикахауа-Маунтинс, или в самую глушь Сьерра-Мадре в Мексику. Джеронимо был последним вождем апачей.

Бизоны подходят

Слушай, сказал он, вон бизоны к нам подходят.

Так он сказал: вон бизоны к нам подходят.

Они идут, они стоят, они подходят,

Вон и бизоны к нам подходят.

XVIII. ПЛЯСКА ДУХОВ

Если человек что-то теряет, и возвращается, и старательно ищет, он находит потерянное - вот чем заняты теперь индейцы, когда они просят вас дать им обещанное в прошлом; и мне кажется, с ними не надо обращаться как с дикими зверями... вот почему я тогда разволновался... Я чувствую, что мою страну опорочили, а я хотел, чтобы у нее было доброе имя; у нее всегда было доброе имя; порой я сижу и гадаю, кто ж это опорочил мою страну?

Татанка Йотанка (Сидящий Бык)

Самое дорогое для нас в этом мире - наша здешняя земля. Какие-то люди отобрали ее и богатеют на ней; нам, индейцам, очень важно сохранить ее.

Белый Гром

Все индейцы должны плясать, где бы они ни были, плясать не переставая. Совсем скоро - будущей весной - приходит Великий Дух. Он возвращает всю дичь, дичь любой породы. Все мертвые индейцы возвращаются и живут вновь. Они вновь сильны, как юноши, они молоды вновь. Старый слепой индеец вновь видит, и помолодел, и веселится. Когда вот так приходит Великий Дух, все индейцы поднимаются в горы, высоко в горы, где нет белых. Тогда белые не смогут причинить индейцам зла. И тогда, пока индейцы высоко в горах, большой поток приходит, и весь белый народ умирает, тонет. После этого вода уходит и никого, кроме индейцев, нет нигде, и дичь всех пород обильна. Тогда шаман говорит индейцам, чтоб те сказали всем индейцам, чтоб те плясали не переставая - тогда придет к ним добрая пора. Индейцы же, которые не пляшут, которые не верят в это слово, не вырастут высокими, а будут чуть выше фута ростом и такими пребудут всегда. А иные станут деревом и будут преданы огню.

Вовока, мессия, из пайютов

Когда племена тетон-сиу после войн 1876-1877 гг. сдались, они лишились долины реки Паудер и Черных холмов. Следующий шаг правительства состоял в смещении западной границы Великой резервации сиу со 104-го на 103-й меридиан, таким образом была отрезана 50-мильная полоса земли, примыкающая к Черным холмам, - клин богатой минералами земли между рукавами реки Шайен. В 1877 г. после того, как правительство выгнало индейцев сиу из Небраски, им было оставлено лишь каменистое плато, имевшее форму наковальни, между 103-м меридианом и рекой Миссури - 35 тыс. кв. миль земли штата Дакота, которую топографы, отмечавшие границы, нашли практически не имеющей никакой ценности.

Кое-кто из правительственных чиновников хотел перевести всех индейцев тетон на Индейскую территорию; другие хотели основать агентства вдоль реки Миссури. После решительных протестов Красного Облака и Пятнистого Хвоста был наконец достигнут компромисс. Оглалов Красного Облака поселили в юго-западном углу резервации, расположенной возле Уаз-Аханхан, в районе Пайн-Ридж. Здесь различные группы оглалов разбивали постоянные лагеря вдоль ручьев, текущих на север к Уайт-Ривер, - Йеллоу-Медисин, Порьюпайн-Тейл и Вундед-Ни. К востоку от Пайн-Ридж на реке Литл-Уайт-Ривер поселились Пятнистый Хвост и его брьюль-тетоны; их агентство называлось Роузбад. Для остальных племен сиу были организованы еще четыре агентства - в Лоуэр-Брюль, Кроу-Крик, Шайен-Ривер и Стандинг-Рок. Агентства оставались в этих местах почти столетие, но почти все 35 тыс. кв. миль Великой резервации сиу были постепенно отобрали у индейцев.

Пока тетоны устраивались в своих новых поселках, огромная волна эмигрантов из Северной Европы хлынула в восточную часть Дакоты, надвигаясь на границу Великой резервации сиу, проходившую по реке Миссури. Возле местечка Бисмарк, на Миссури, железной дороге, которую прокладывали в западном направлении, преградила путь резервация. Поселенцы, продвигавшиеся в Монтану и на северо-запад, требовали прокладки дорог через резервацию. Предприниматели, стремящиеся нажиться на продаже дешевой земли эмигрантам, вынашивали планы уничтожения резервации.

В былые дни индейцы сиу с оружием в руках удерживали таких торговцев от проникновения на свою территорию, но теперь у них не было оружия, не было лошадей, они даже были не в состоянии прокормить и одеть себя. Их величайший военный предводитель, оставшийся в живых, - Сидящий Бык - жил изгнанником в Канаде. Он и три тысячи его сторонников были свободны, имели оружие и лошадей. Возможно, они когда-нибудь вернуться.

Так же как Джеронимо, когда он был на свободе в Мексике, Сидящий Бык, живший в Канаде, был для правительства Соединенных Штатов отвратительным и грозным символом непокорности. Военные с маниакальным упорством пытались принудить предводителя хункпапов и его сторонников вернуться под их контроль. Наконец в сентябре 1877 г. военное министерство договорилось с правительством Канады о том, что специальная комиссия во главе с генералом Альфредом Терри пересечет канадскую границу и в сопровождении королевской канадской конной полиции проследует в форт Уолш. Там Терри должен был встретиться с Сидящим Быком и пообещать ему полное прощение в том случае, если он сдаст все огнестрельное оружие, отдаст лошадей и отведет своих людей в агентство хункпапов возле Стандинг-Рок на территории Великой резервации сиу.

Сидящий Бык поначалу не хотел встречаться с Однозвездным Терри. «Какой толк разговаривать с этими американцами, - сказал он комиссару конной полиции Джеймсу Макледу. - Все они лгуны, что бы они ни говорили, им нельзя верить». И только благодаря настойчивым уговорам комиссара Макледа, который надеялся выпроводить Сидящего Быка из Канады, этот хункпап 17 октября пошел в форт Уолш на совет.

Однозвездный Терри произнес короткую вступительную речь:

«Вы-единственная группа, - сказал он, - которая не сдалась. Мы прошли не одну сотню миль, чтобы передать вам послание Великого Отца, который, как мы вам прежде говорили, хочет жить в мире со всеми своими людьми. Пролито слишком много белой и индейской крови. Настало время прекратить кровопролитие».

«А что мы такого сделали? От чего вы хотите нас удержать? - сказал в ответ Сидящий Бык. - Мы не сделали ничего дурного. Это все те люди, что были на вашей стороне, принудили нас совершать все эти беззакония. Нам некуда было больше идти, и мы укрылись в этой стране... Я хотел бы знать, зачем вы пришли сюда... Вы пришли, чтобы лгать нам, но мы не желаем слушать вашу ложь. Я не хочу, чтобы ко мне обращались с такими речами в моем доме во владениях Великой Матери, [королевы Виктории]. Ни слова больше. Возвращайтесь домой, откуда вы пришли... Вы согнали меня с той части земли, которую вы мне отдали. Теперь я пришел сюда, чтобы остаться здесь со своими людьми, и я намерен остаться здесь».

Сидящий Бык разрешил говорить нескольким своим сторонникам, в том числе одному индейцу санти и одному йанктону, которые присоединились к его группе. Их свидетельства лишь подтверждали предыдущие замечания Сидящего Быка. Затем он сделал нечто совершенно необычное; он пригласил на совет Женщину, Говорящую Один Раз. Кое-кто из индейцев рассказывал впоследствии, что он намеренно оскорбил Терри, позволив женщине говорить в совете с гостем. «Я из вашей страны, - сказала она, обращаясь к Терри, - и хотела вырастить там своих детей, но из-за вас я не успела их вырастить там. Теперь я пошла в эту страну, чтобы растить детей и хоть чуть-чуть пожить спокойно. Это все, что я должна была

вам сказать. Я хочу, чтобы вы ушли туда, откуда пришли. Я среди своих, и они помогут вырастить детей».

После этой встречи Однозвездному Терри стало ясно, что вновь еще раз обращаться к Сидящему Быку бесполезно. Последней его надеждой был комиссар полиции Маклед, согласившийся разъяснить позицию канадского правительства по отношению к хункпапам. Маклед сообщил Сидящему Быку, что правительство королевы считает его американским индейцем, укrywшимся в Канаде, а британским индейцем он стать не может. «Ничего подобного вы не можете ожидать от правительства королевы, - сказал он, - разве что защиту при условии, что вы будете вести себя хорошо. У вас одна надежда - бизоны, но пройдет несколько лет, и этот источник продовольствия перестанет существовать. Вы не должны переходить границу с враждебными намерениями. А если так случится, вашими врагами будут не только американцы, но и конная полиция и правительство Великобритании».

Ничто из сказанного не заставило Сидящего Быка изменить свое решение. Он останется в стране Бабушки.

На следующее утро Однозвездный Терри отправился обратно в Соединенные Штаты. «Присутствие этой большой группы весьма враждебно настроенных по отношению к нам индейцев в непосредственной близости от границы, - предупреждал он военное министерство, - постоянно угрожает спокойствию на нашей Индейской территории».

Изгнанники во главе с Сидящим Быком оставались в Канаде четыре года, и, будь правительство этой страны более сговорчивым, они бы так и жили до конца своих дней в степях Саскачевана. Однако с самого начала правительство королевы рассматривало Сидящего Быка как потенциального возмутителя спокойствия, и к тому же гость дорого обходился, так как приходилось содержать дополнительные подразделения конной полиции для наблюдения за ним. Иногда он становился мишенью парламентских насмешек. Так, 18 февраля 1878 г. в палате общин был поднят вопрос о том, сколько дополнительных расходов приняло на себя правительство «вследствие перехода нашей границы Сидящим Быком».

Сэр Джон Макдональд: «Как это Сидящий Бык мог перейти границу?»

Мистер Маккензи: «Он не мог, пока не встал». Сэр Джон: «Какой же он тогда Сидящий Бык?»

Такого уровня достигало обсуждение в канадском правительстве вопроса об изгнанниках сиу. Индейцам не оказывали никакой помощи, им не давали даже еду и одежду; а в суровые зимы индейцы страдали из-за недостатков жилищ и одеял. Крупная дичь была в редкость, постоянно не хватало мяса или шкур для одежды и вигвамов. Казалось, молодые больше страдали ностальгией, чем старые. «Мы начали тосковать по родине, где мы всегда были счастливы», - говорил один из молодых оглалов. Пока шло время, несколько семей, голодных и оборванных, спустились на юг через границу, чтобы сдать в агентства индейцев сиу в Дакоте.

Сидящий Бык просил канадцев предоставить его людям резервацию, где они могли бы обеспечить себя, но ему всякий раз говорили, что он не британский подданный и не имеет права на землю для резервации. В суровую зиму 1880 г. много лошадей замерзло во время пурги, и с приходом весны еще одна группа индейцев отправилась пешком на юг. Несколько наиболее преданных Сидящему Быку помощников, включая Ссадину и Вороньего Короля, сдались и отправились в Великую резервацию сиу.

Наконец 19 июля 1881 г. Сидящий Бык и 186 оставшихся у него сторонников пересекли границу и поскакали в форт Бюфорд.

На Сидящем Быке была ветхая ситцевая рубашка, пара изношенных ноговиц и грязное одеяло. Когда Сидящий Бык сдавал старшему офицеру свой винчестер, он оказался старым и побитым. Вместо того чтобы послать его в агентство хункпапов возле Стандинг-Рок,

армейское начальство нарушило обещание простить его и задержало в форте Рандал как военнопленного.

В конце лета 1881 г. возвращение Сидящего Быка было омрачено убийством Пятнистого Хвоста. Убил его не белый, а один из его собственных людей - Вороний Пес. Без всякого предупреждения Вороний Пес выстрелил в знаменитого вождя, когда тот скакал верхом по тропе, ведущей к резервации Роузбад. Белые чиновники агентства не придали значения этому убийству, считая его лишь кульминацией ссоры из-за женщины, однако друзья Пятнистого Хвоста говорили, что оно было результатом заговора с целью ослабить власть вождей и передать ее людям, которые покорятся воле агентов индейского бюро. Красное Облако считал, что это трусливое убийство было предпринято для того, чтобы сместить Пятнистого Хвоста, потому что он твердо стоял за улучшение положения своих людей. «Обвинили в убийстве индейцев, потому что индеец убил, - говорил он, - но кто наставил этого индейца?"

Когда шум по поводу убийства поутих, индейцы сиу, живущие в Великой резервации, обратили свой взор на Сидящего Быка, заключенного в форте Рандел. Многие вожди - старшие и младшие - приходили навещать Сидящего Быка, желали ему блага и воздавали почести. Газетные репортеры приходили брать у него интервью. Считавший себя побитым и всеми забытым, Сидящий Бык прославился. В 1882 г. к нему приходили представители разных агентств сиу, спрашивая совета по поводу нового предложения правительства - разбить Великую резервацию на более мелкие зоны и продать около половины земли белым поселенцам. Сидящий Бык советовал землю не продавать; лишней земли у сиу не было.

Несмотря на сопротивление индейцев, в 1882 г. сиу чуть было не лишились территории в 14 тыс. кв. миль в результате деятельности комиссии во главе с Ньютоном Эдмундсом, экспертом по выторговыванию земли у индейцев. Коллегами его были Питер Шэннон, юрист из приграничного района, и Джеймс Теллер, брат нового министра внутренних дел. Сопровождал их «специальный переводчик», не кто иной, как преподобный Семюэль Хинман, который был миссионером среди сиу еще со времен Вороненка. Хинман считал, что индейцам нужно поменьше земли и побольше христианской веры.

Комиссия переезжала от одного агентства к другому, и Хинман говорил вождям, что он прибыл для того, чтобы разбить территорию на шесть частей для шести агентств. Он говорил, что необходимо, чтобы каждое отдельное племя сиу могло заявить права на участок земли и владеть им вечно. «После того как будут выделены эти резервации, - говорил Хинман Красному Облаку, - Великий Отец даст вам 25 тыс. коров и тысячу быков». Чтобы получить скот, сиу должны были, однако, подписать некоторые бумаги, которые привезли с собой уполномоченные. Вожди сиу не умели читать, они не знали, что своей подписью лишили себя 14 тыс. кв. миль земли в обмен на обещанных коров и быков.

В агентствах же, где сиу не хотели подписывать никаких бумаг, Хинман в зависимости от обстоятельств либо задабривал их, либо страдал их. Чтобы добыть побольше подписей, он уговаривал подписывать бумаги семилетних мальчишек. (Согласно договору, только взрослый индеец мог подписывать какой-либо документ.) На встрече, происходившей возле ручья Вундед-Ни-Крик в резервации Пайн-Ридж, Хинман говорил индейцам, что, если они не подпишут бумаги, они не будут больше получать пайки, а также ежегодные компенсации и в дальнейшем будут отправлены на Индейскую территорию.

Многие индейцы сиу из тех, кто постарше, видели, как сокращались пределы их земли после «прикосновения пера» к подобным же документам, подозревали, что Хинман пытается украсть их резервацию. Желтый Волос, младший вождь в Пайн-Ридж, был категорически против подписания, однако, испугавшись угроз Хинмана, подписал. После завершения церемонии подписания и отъезда членов комиссии Желтый Волос взял комок земли и с насмешкой преподнес его агенту резервации Пайн-Ридж доктору Валентайну

Макджилликади. «Мы отдали почти всю нашу землю, - сказал Желтый Волос, - и остаток ее я вручаю вам».

В начале 1883 г. Эдмундс и Хинман отправились в Вашингтон с кипой подписей; там им удалось провести в конгрессе законопроект, согласно которому индейцы передавали Соединенным Штатам около половины земель Великой резервации. К счастью, у сиу было достаточно друзей в Вашингтоне, поставивших под сомнение этот законопроект и указавших на то, что, даже если все подписи юридически законны, Эдмундс и Хинман все же не получили имен трех четвертей всего взрослого мужского населения сиу. Для расследования методов, применявшихся Эдмундсом и Хинманом, в Дакоту тут же была отправлена другая комиссия, возглавляемая сенатором Генри Дауэсом. Вскоре члены комиссии разоблачили крючкотворство своих предшественников.

Во время этого расследования Дауэс спросил у Красного Облака, верит ли он в честность Хинмана. «Мистер Хинман дурачит вас, больших людей, - ответил Красное Облако. - Он наговорил вам много чепухи, и вам пришлось ехать сюда и спрашивать нас об этом».

Красный Пес подтвердил, что Хинман говорил о том, что им дадут коров и быков, но ничего не сказал о том, что в обмен на них сиу должны отказаться от части своей территории. Легкая Рана сказал: «Мистер Хинман говорил нам, что, если резервация останется такой, как сейчас, ни один индеец не сможет сказать, где его земля, и поэтому Великий Отец и его совет подумали, что лучше всего отдельные резервации, вот почему мы подписали бумагу».

«А говорил он что-нибудь о том, что земля, оставшаяся после дележа, принадлежит Великому Отцу?» - спросил сенатор Дауэс. «Нет, сэр, ничего не говорил об этом».

Когда Белый Гром сказал Дауэсу, что дело с этой бумагой - настоящее мошенничество, сенатор спросил, что тот подразумевает под мошенничеством.

«Мошенничество в том, что они пришли по дешевке скупить землю, вот что я называю мошенничеством».

«Ты считаешь, что здешние индейцы захотели бы отдать землю, если бы им за нее больше заплатили?» - спросил Дауэс.

«Нет, сэр, они бы не захотели отдавать ее, - ответил Белый Гром. - Самое дорогое для нас в этом мире - наша здешняя земля. Какие-то люди отобрали ее и богатеют на ней; нам, индейцам, очень важно сохранить ее».

Незадолго до приезда комиссии Дауэса в Дакоту из заключения в форте Рандел был освобожден Сидящий Бык, которого затем перевели в агентство хункпапов возле Стандинг-Рок. 22 августа, когда туда для опроса свидетелей прибыли члены комиссии, Сидящий Бык добрался до главной конторы этого агентства из назначенного для него лагеря на реке Гранд-Ривер, чтобы участвовать в совете. Члены комиссии сознательно игнорировали присутствие самого знаменитого из живущих вождей индейцев сиу, пригласив свидетельствовать сначала Бегущую Антилопу, затем юного Джона Траву, сына Старой Травы - вождя черноногих сиу.

Наконец сенатор Дауэс повернулся к переводчику и сказал:

«Спросите Сидящего Быка, не хочет ли он что-нибудь сказать комиссии?»

«Конечно же, я буду говорить, если вы этого желаете, - отозвался Сидящий Бык, - мне кажется, что только желательные вам люди должны что-то говорить».

«Нам кажется, что индейцы должны выбирать людей, которые будут говорить от их имени, - сказал Дауэс, - но всякого человека, желающего говорить, или всякого человека, который по желанию индейцев будет говорить от их имени, мы с удовольствием выслушаем, если ему будет что сказать».

«Вы знаете, кто я такой, говоря так?»

«Я знаю, что ты - Сидящий Бык, и, если тебе есть что сказать, мы с удовольствием выслушаем тебя».

«Вы узнали меня?»

«Я знаю, что ты - Сидящий Бык».

«Вы говорите, будто знаете, что я - Сидящий Бык, а знаете ли вы, какое положение я занимаю?»

«Я не вижу никакой разницы между тобой и другими индейцами этого агентства».

«Я здесь по воле Великого Духа, и по его воле я вождь. У меня алое и сладкое сердце, я знаю, что оно сладкое, кто бы ни шел мимо меня, всяк высовывает язык; и однако, вы, мужи, пришли сюда говорить с нами, а сами говорите, что не знаете, кто я такой. Я хочу сказать вам, что если Великий Дух и выбрал кого-то вождем этой страны, Он выбрал меня».

«В каком бы качестве ты ни был здесь сегодня, если ты желаешь сказать нам что-нибудь, говори, мы выслушаем тебя, в противном случае совет закрывается».

«Да, все верно, - сказал Сидящий Бык, - но вы вели себя как люди, которые попивали виски, а я пришел дать вам кой-какой совет». Он сделал какое-то стремительное движение рукой, и все индейцы, которые находились в помещении, где проходил совет, встали и последовали за ним.

Ничто не могло испугать членов комиссии больше, чем мысль об объединении индейцев сиу вокруг такого сильного предводителя, как Сидящий Бык. Такое развитие событий угрожало всей политике правительства по отношению к индейцам, которое ставило себе целью с корнем вырвать все индейское из жизни племен и переделать их в белых людей. Меньше чем за две минуты прямо у них на глазах Сидящий Бык с их помощью продемонстрировал свою способность препятствовать этой политике.

Позднее в тот же день другие предводители хункпапов говорили с Сидящим Быком; они уверяли его в своей преданности, но сказали, что ему не следовало оскорблять членов комиссии. Эти люди не такие, как те, что приходили в прошлом году, чтобы украсть землю; эти присланы самим Великим Отцом и пришли не для того, чтобы отнять их землю, а для того, чтобы помочь им сохранить ее.

Сидящий Бык не был уверен, заслуживает ли доверия кто-нибудь из белых людей, но сказал, что, если он допустил ошибку, он охотно принесет за нее извинение. Он передал членам комиссии, что хотел бы снова собрать совет.

«Прошу у вас прощения за свое дурное поведение, - начал он, - и беру свои слова обратно. Я возьму их обратно потому, что, наверное, причинил боль вашим сердцам... Я беру обратно те слова, которые заставили народ покинуть совет, и хочу извиниться за то, что ушел сам... Теперь я выскажу вам, что у меня на уме, и все выскажу прямо. Я знаю, что Великий Дух смотрит сейчас на меня сверху и услышит то, что я скажу, потому я буду очень стараться говорить прямо; и я надеюсь, что кто-нибудь услышит мои пожелания и поможет мне в их исполнении».

Потом он напомнил историю индейцев сиу, те ее факты, которые произошли на его веку, перечислил обещания, нарушенные правительством, однако сказал, что обещал когда-то следовать путем белого человека и сдержит свое обещание. «Если человек что-то теряет, и возвращается, и старательно ищет, он находит потерянное - вот чем заняты теперь индейцы, когда они просят вас дать им обещанное в прошлом; и мне кажется, с ними не надо обращаться, как с дикими зверями... вот почему я тогда разволновался... Великий Отец передал мне, что все, что он ставил мне в вину, он простил и отбросил прочь, и он ничего не будет иметь против меня в будущем; и я принял на веру его обещания и согласился с ним, и

он сказал мне, чтобы я не сходил с тропы белого человека, и я сказал, что не сойду, и я делаю все, что в моих силах, чтобы держаться этой тропы. Я чувствую, что мою страну опорочили, а я хотел, чтобы у нее было доброе имя; у нее всегда было доброе имя; порой я сижу и гадаю, кто ж это опорочил мою страну?»

Сидящий Бык продолжил свою речь, чтобы описать условия, в которых жили индейцы. У них не было ничего из того, что имели белые. Если они и должны уподобиться белым людям, у них должны быть орудия труда, скот и фургоны, «потому что, только имея все это, белые зарабатывают на жизнь».

Вместо того чтобы вежливо принять извинения Сидящего Быка и выслушать то, что он считал своим долгом сказать, члены комиссии немедленно бросились в атаку. Сенатор Джон Логан бранил его за то, что он прервал предыдущий совет, а потом за то, что обвинил членов комиссии, сказав, что они пьяны. «Более того, я хочу сказать, что ты ни какой не великий вождь этой страны, - продолжал Логан. - У тебя вовсе нет сторонников, нет власти, нет средств для руководства и права на руководство. Ты находишься в индейской резервации всего лишь благодаря милости правительства. Правительство кормило тебя, правительство одевало тебя, правительство давало образование твоим детям, и все, что ты имеешь, что представляешь собой сегодня, дано тебе правительством. Если бы не правительство, ты бы сейчас умирал с голоду и мерз в горах. Я говорю это только потому, чтобы заметить тебе, что ты не смеешь оскорблять народ Соединенных Штатов Америки и его представителей... Правительство кормит, одевает и дает образование вашим детям и хочет научить вас, как стать фермерами, превратить вас в цивилизованных людей, сделать вас белыми людьми».

Чтобы ускорить этот процесс превращения индейцев в белых людей, главой агентства в Стандинг-Рок индейское бюро назначило Джеймса Маклафлина. Маклафлин, или Белые Волосы, как называли его индейцы, ветеран индейской службы, был женат на метиске из племени санти, и его начальство не сомневалось в том, что он сможет квалифицированно уничтожить культуру индейцев сиу и заменять ее цивилизацией белых людей. После отъезда комиссии Дауэса Белые Волосы Маклафлин, пытаясь ослабить влияние Сидящего Быка, стал обращаться к Ссадине в делах, связанных с племенем хункпапов, и к Джону Траве - относительно черноногих сиу. Каждый шаг Белых Волос был рассчитан так, чтобы оставить Сидящего Быка в тени, показать сиу из Стандинг-Рок, что их старый герой не способен встать во главе племени и чем-то помочь ему.

Однако все интриги Маклафлина ничуть не повлияли на популярность Сидящего Быка среди индейцев сиу. Все, кто посещал резервацию, будь то белый или индеец, - все хотели встретиться с Сидящим Быком. Летом 1883 г., когда строители Северной тихоокеанской железной дороги праздновали завершение последнего прогона ее трансконтинентальной колеи, один из чиновников, ответственных за проведение торжеств, решил, что будет очень кстати, если какой-нибудь индейский вождь будет присутствовать на них и произнесет речь, приветствуя Великого Отца и других видных деятелей. Выбор пал на Сидящего Быка - ни один другой индеец даже не обсуждался, - и вот одному офицеру, понимавшему язык сиу, поручили подготовить вождя к произнесению речи. Было решено, что вождь произнесет ее на языке сиу, а затем этот офицер переведет ее.

8 сентября Сидящий Бык и молодой «синий мундир» прибыли в Бисмарк на большой праздник. Они скакали во главе парада, а потом заняли места на помосте для ораторов. После того как Сидящего Быка представили публике, он поднялся и начал произносить свою речь на языке сиу. Молодой офицер слушал в смятении. Сидящий Бык изменил цветистый текст приветствия. «Мне ненавистны все белые люди, - говорил он, - вы лгуны и грабители. Вы забрали нашу землю, а нас превратили в изгнанников». Зная, что только офицер мог понять его слова, Сидящий Бык время от времени делал паузу для аплодисментов; раскланивался, улыбался, а затем произносил еще несколько оскорблений. Наконец он сел, и его место занял озадаченный переводчик. У офицера была только краткая запись перевода,

всего несколько фраз, выдержанных в дружественном тоне, но, когда он прибавил от себя несколько избитых индейских метафор, публика повскакивала со своих мест и стоя устроила Сидящему Быку овацию. Вождь хункпапов стал таким популярным, что железнодорожные чиновники взяли его в Сен-Пол еще на одну торжественную церемонию.

Летом следующего года министр внутренних дел позволил Сидящему Быку совершить турне по пятнадцати американским городам; его внешний вид произвел такую сенсацию, что Уильям Коди (Буффало Билл) решил, что должен включить этого знаменитого вождя в свое шоу «Дикий Запад». Сначала Бюро по делам индейцев было против этого, но, когда о нем сообщили Маклафлину, он был в восторге. Конечно, же Сидящий Бык может участвовать в шоу. В Стандинг-Рок Сидящий Бык был постоянным символом индейского сопротивления, постоянным защитником той индейской культуры, которую намеревался искоренить Маклафлин. Белые Волосы был бы рад, если бы Сидящий Бык отправился в турне навеки.

Итак, летом 1885 г. Сидящий Бык присоединился к шоу Буффало Билла «Дикий Запад», разъезжавшему по всем Соединенным Штатам и Канаде. Чтобы посмотреть на него, собирались огромные толпы. Шиканье и свист часто звучали в адрес «убийцы Кастера», но после представления те же люди совали ему монеты за фотоснимок с автографом. Сидящий Бык раздавал почти все эти деньги ораве оборванных и голодных мальчишек, которые, казалось, всегда были вокруг него, где бы он ни появлялся. Однажды, он сказал другой звезде шоу, Анни Окли, что не может понять, почему белые люди так невнимательны к своим беднякам. «Белый человек знает, как создать все, - сказал он, - только не знает, как всем этим распорядиться».

Когда сезон кончился, он вернулся в Стандинг-Рок и привез два подарка, которые Буффало Билл сделал ему на прощание: огромное белое сомбреро и цирковую лошадь. Эта лошадь умела садиться и при звуке выстрела поднимать одно копыто.

В 1887 г. Буффало Билл пригласил Сидящего Быка сопровождать его шоу в турне по Европе, но вождь отклонил предложение. «Я нужен здесь, - сказал он, - Здесь снова поговаривают о том, что у нас отнимут наши земли».

Попытка захватить землю была предпринята лишь в следующем году, когда прибывшая из Вашингтона комиссия предложила разрезать Великую резервацию индейцев сиу на шесть мелких резерваций, оставляя 9 млн. акров земли открытой для поселенцев. Уполномоченные предложили по 50 центов за акр. Сидящий Бык сразу же взялся за дело и стал убеждать Ссадину и Джона Траву, что индейцы сиу не должны поддаваться на такой обман: у них нет лишней земли. Почти целый месяц уполномоченные пытались убедить индейцев Стандинг-Рок, что Сидящий Бык вводит их в заблуждение, что им выгодно уступить землю и что, если им не удастся подписать договор, так или иначе, они потеряют эту землю. Только 22 индейца сиу из Стандинг-Рок подписали бумагу. Не получив необходимых трех четвертей подписей в агентствах Кроу-Крик и Лоуэр-Брюль, уполномоченные сдались. Даже не заезжая в Пайн-Ридж и Роузбад, они вернулись в Вашингтон и порекомендовали правительству игнорировать договор 1868 г. и взять землю без согласия индейцев.

В 1888 г. правительство США было не совсем готово аннулировать какой-либо договор, однако в следующем году конгресс решил предпринять первый шаг в подготовке такой акции, если в ней будет необходимость. Политические деятели предпочитали заставить индейцев продать большую часть своей резервации из страха, что ее отберут у них, если они откажутся от продажи. Если бы план удался, правительству не нужно было бы нарушать договор.

Зная о том, что индейцы доверяют генералу Джорджу Круку, чиновники из Вашингтона в первую очередь стали убеждать его в том, что сиу потеряют все, если добровольно не пойдут на раздел своей резервации. Крук согласился стать председателем новой комиссии и

был уполномочен предложить индейцам 1,5 доллара за акр, вместо 50 центов, предлагавшихся предыдущей комиссией.

Вместе с двумя серьезными политическими деятелями, Чарльзом Фостером из Огайо и Уильямом Уорнером из Миссури, Крук в мае 1889 г. отправился в Великую резервацию индейцев сиу. Он был полон решимости получить требуемые три четверти подписей всего взрослого мужского населения. Трехзвездный оставил свой синий мундир в Чикаго и готовился встретиться со своими прежними врагами в мятом старом шерстяном костюме. Он намеренно выбрал для своего первого совета агентство Роузбад. После убийства Пятнистого Хвоста индейцы брьюль раскололись на мелкие группы, и Крук полагал, что вряд ли они выступят как единая сила против подписания договора о продаже земли.

Генерал не посчитался с мнением Медведя Полого Рога, настаивавшего на том, чтобы уполномоченные собрали всех вождей из шести агентств на один совет, а не ездили от одного вождя к другому. «Вы хотите, чтобы здесь у вас все прошло гладко, - сказал с укором Медведь Полный Рог, - чтобы потом пойти по другим агентствам и говорить, что мы-де подписались».

Крук ответил, что Великий Отец приказал уполномоченным совещаться с индейцами каждого агентства поочередно, «так как сейчас весна и, если вы все соберетесь в одном месте, пострадают ваши урожаи». Однако Медведь Полный Рог отказался помочь генералу, отказался и Высокий Ястреб. «Земля, которую вы нам отделили - всего лишь клочок, - сказал Высокий Ястреб, - а я надеюсь, что у моих детей будут дети и внуки и что они распространятся по всей стране, вы же хотите, чтобы я оскотил себя и не имел больше детей».

Желтый Волос сказал: «Всякий раз, когда мы отдаем вам какую-нибудь землю, мы отдаем ее навсегда, поэтому на этот раз мы хотим хорошенько подумать, прежде чем отдавать эту землю».

«Белые на востоке, как птицы, - сказал им Крук, - они выводят птенцов каждый год; им на востоке не хватает места, и они идут в иные места, и они идут на запад, как вы могли видеть, в эти последние несколько лет. И они все еще идут и будут идти, пока не переполнят всю эту страну; и вы не в силах этого предотвратить... Все решают в Вашингтоне те, за кого большинство, и эти люди, явившись на западе и увидев, что у индейцев очень много неиспользованной земли, говорят: «Эта земля нужна нам».

После девятидневного обсуждения большинство индейцев брьюль последовали совету Крука и подписались. Первым поставил подпись Вороний Пес, убийца Пятнистого Хвоста.

В июне в Пайн-Ридж уполномоченным пришлось иметь дело с Красным Облаком, который продемонстрировал свою силу, окружив место совета сотней своих воинов. Хотя Красное Облако и преданные ему помощники твердо стояли на своем, уполномоченные ухитрились получить подписи почти половины оглагов. Чтобы добрать недостающее количество подписей, комиссия отправилась в агентство поменьше, добыв подписи в Лоуэр-Брюль, Кроу-Крик и Шайен-Ривер. 27 июля они прибыли в Стэндинг-Рок. Все должно было решиться именно здесь. Если большинство сиу, хункпапов и черноногих откажутся подписываться, соглашение достигнуто не будет.

Сидящий Бык присутствовал на первых советах, но не высказывался. Одно его присутствие было достаточно для того, чтобы стена сопротивления оставалась нерушимой. «Индейцы выказали внимание, - сказал Крук, - но никаких признаков благосклонности они не выказали. По их виду скорей казалось, что между ними все решено, и они слушают новые доводы только из любопытства».

Джон Трава был главным представителем индейцев сиу, живущих в Стэндинг-Рок. «Когда у нас было вдоволь земли, - сказал он, - мы могли продавать вам ее, какую бы цену вам ни

вздумалось назначить, но теперь у нас осталось очень мало лишней земли, и вы хотите купить все, что осталось. Это не мы предлагаем продать наши земли. Это Великий Отец заставляет нас продавать землю. Вот почему цену, установленную за эту землю, мы считаем недостаточной, и потому мы не хотим продавать ее по этой цене».

Сидящий Бык и его сторонники, конечно же, не хотели продавать землю ни за какую цену. Белый Гром шесть лет назад сказал членам комиссии Дауэса, что земля для них - «самое дорогое в этом мире».

В бесплодных переговорах прошло несколько дней и Крук понял, что на общих советах ему никого не обратить в свою веру. Генерал договорился с агентом Джеймсом Маклаfliном о том, что тот сделает все возможное, чтобы в разговорах с отдельными индейцами убедить их, что, если они откажутся продавать землю, правительство ее отберет. Сидящий Бык оставался непреклонным. Почему индейцы должны продавать свою землю только для того, чтобы избавить от смущения правительство Соединенных Штатов, которое должно нарушить договор, чтобы захватить эту землю.

Белые Волосы Маклаfliн устраивал тайные встречи с Джоном Травой. «Я уговаривал его до тех пор, пока он не согласился выступить за подписание и осуществить его, - сообщал впоследствии Маклаfliн. - Наконец мы подготовили речь, которую он должен был произнести, изящно отказавшись от своей прежней позиции, чтобы таким образом обеспечить себе активную поддержку других вождей и покончить с делом».

Ничего не сообщив Сидящему Быку, Маклаfliн занялся организацией последней встречи с уполномоченными, назначенной на 3 августа. Он построил четыре отряда своей индейской полиции вокруг места совета, чтобы предотвратить всякое вмешательство Сидящего Быка или кого-либо из его пылких сторонников. Джон Трава уже произнес написанную с помощью Маклаfliна речь, когда в круг совета пробился Сидящий Бык.

Со времени приезда комиссии он в первый раз заговорил: «Я хотел бы сказать кое-что, если вы не против того, чтобы я говорил. Если вы против, я не буду говорить. Никто нас не предупредил о совете, и мы только что пришли сюда».

Крук взглянул на Маклаfliна. «Знал ли Сидящий Бык, что мы собираемся сегодня держать совет?» - спросил он.

«Да, сэр, - солгал Маклаfliн. - Об этом знали все».

В этот момент Джон Трава и другие вожди двинулись вперед подписывать соглашение. Все было кончено. Великая резервация сиу была разбита на маленькие острова, вокруг которых поднимался разлив белой иммиграции. Прежде чем Сидящий Бык покинул место совета, какой-то газетный репортер спросил его, что чувствуют индейцы, отдав свои земли. «Индейцы! - кричал Бык. - Здесь нет ни одного индейца, кроме меня».

В Месяце Сухой Травы (9 октября 1890 г.) почти через год после того, как Великая резервация была разбита на части, из агентства на реке Шайен в Стандинг-Рок к Сидящему Быку прибыл индеец миннеконью. Его звали Пинающий Медведь, и он привез вести от мессии пайютов Вовоки, основавшего культ Пляски духов. Пинающий Медведь и его зять Низкий Бык вернулись из далекого путешествия за горы Шайнинг-Маунтинс, где искали этого мессию. Узнав об их паломничестве, Сидящий Бык послал за Пинающим Медведем, чтобы узнать поподробнее о Пляске духов.

Пинающий Медведь рассказал Сидящему Быку, как некий голос внушил ему идти навстречу духам, которые должны вернуться и населить землю. В вагонах Железного коня он, и Низкий Бык, и еще девять других индейцев сиу ехали далеко, к тому месту, где садится солнце, ехали, пока не кончилась железная дорога. Там их встретили двое индейцев, которых они никогда прежде не встречали, приветствовали их как братьев и дали им мяса и хлеба. Они обеспечили паломников лошадьми, и они ехали, пока не закатилось четыре

солнца, и наконец прибыли в лагерь поедателей рыб (пайютов) вблизи от озера Пирамид-Лейк в Неваде.

Поедатели рыб рассказали гостям, что Христос вновь вернулся на землю. Пинающий Медведь сказал, что, должно быть, это Христос послал за ними и предопределил их приезд. Чтобы увидеть мессию, они должны были еще проделать путь до агентства возле озера Уокер-Лейк.

Два дня Пинающий Медведь и его друзья вместе с сотнями других индейцев, говорящих на десятках различных языков, ожидали мессию возле Уокер-Лейк. Эти индейцы пришли из множества резерваций, чтобы увидеть мессию.

Перед самым заходом солнца на третий день появился Христос, и индейцы разожгли огромный костер. Пинающий Медведь всегда думал, что Христос - белый человек, похожий на миссионеров, но этот Христос выглядел как индеец. Немного погодя мессия встал и заговорил, обращаясь к ожидавшей толпе. «Я послал за вами и рад видеть вас, - сказал он, - сейчас я расскажу вам о ваших родных, которые давно умерли. Дети мои, я хочу, чтобы вы слушали все, что я должен вам сказать. Я научу вас некоей пляске, я хочу, чтобы вы плясали ее. Готовьтесь к пляске, а когда пляска кончится, я буду говорить с вами». Потом он приступил к пляске, все присоединились к нему, и Христос пел, когда они плясали. Пляска духов продолжалась до поздней ночи, когда мессия сказал им, что они уже достаточно плясали.

На следующее утро Пинающий Медведь и другие индейцы подошли к мессии поближе, чтобы посмотреть, есть ли на нем шрамы от распятия, о которых рассказывали миссионеры в резервациях. Был шрам на запястье и на лице, но были ли шрамы на ногах, рассмотреть не удалось: он был обут в мокасины. Он говорил с ними целый день. Вначале, говорил он, бог создал землю, а потом послал на землю Христа учить людей, но белые люди плохо обращались с ним, оставив шрамы на его теле, и он вернулся на небеса. Теперь он вернулся на Землю, приняв обличье индейца, чтоб вновь все стало, как было прежде, и чтобы сделать все еще лучше.

Когда вновь настанет весенняя пора и травы будут по колено, земля покроется новой почвой, которая похоронит в себе всех белых людей, и новая земля покроется сладкой травой, потечет вода и вырастут деревья. Вернутся стада бизонов и дикие лошади. Индейцы, плясавшие Пляску духов, будут подняты в воздух и будут висеть в нем, пока не уляжется волна новой почвы, а потом их плавно опустят вниз, и они окажутся среди духов своих предков на новой земле, где будут жить только индейцы.

Пробыв несколько дней возле Уокер-Лейк, Пинающий Медведь и его друзья научились Пляске духов, а потом они сели на лошадей, чтобы вернуться к железной дороге. Пока они скакали, мессия летал над ними по воздуху и учил их песням для новой пляски. У железной дороги он покинул их, наказывая вернуться к своим людям и научить их тому, чему научились сами. Когда же кончится следующая зима, он приведет к ним духов их отцов, чтобы они встретились в новом воскресении.

Вернувшись в Дакоту, Пинающий Медведь завел новую пляску в агентстве Шайен, Низкий Бык занес ее в Роузбад, а их друзья ввели ее в Пайн-Ридж. Пинающий Медведь рассказал, что группа индейцев миннеконьоу Большой Ноги состояла почти целиком из женщин, потерявших мужей или других родственников-мужчин во время боев с Длинноволосым, Трехзвездным и Медвежьим Мундиром; они плясали до обморочного состояния, потому что женщины хотели вернуть своих погибших воинов.

Сидящий Бык выслушал все, что Пинающий Медведь должен был ему рассказать о мессии и Пляске духов. Сам он не верил, что мертвые люди могут возвращаться и жить вновь, но его люди уже слышали о мессии и боялись, что он минует их и даст им исчезнуть, когда придет новое воскресение, если они не примут участия в плясках. Сидящий Бык вовсе не возражал,

чтобы его люди участвовали в Пляске духов, однако он слышал о том, что агенты некоторых резерваций вызывают солдат, чтобы прекратить церемонию. Он не хотел, чтобы приходили солдаты пугать его людей и, возможно, стрелять в них из своих ружей. Пинающий Медведь ответил, что, если индейцы наденут священные одеяния мессии - рубахи духов с магическими знаками, - им нельзя будет причинить никакого вреда. Даже пули «синих мундиров» не смогут проникнуть через рубаху духа.

Не без некоторого скептицизма Сидящий Бык пригласил Пинающего Медведя остаться в Стандинг-Рок с его группой и научить пляске его людей. В Месяце Падающих Листьев Пляска духов распространилась почти по всем резервациям Запада, как огонь в прериях при сильном ветре. Обеспокоенные уполномоченные индейского бюро и военные от Дакоты до Аризоны, от Индейской территории до Невады старались постичь смысл происходящего. В начале осени пришел официальный приказ: прекратить пляски.

«Более пагубного культа невозможно было предложить народу, который стоит на пороге цивилизации», - говорил Белые Волосы Маклафлин. Хотя он был убежденным католиком, Маклафлин, как и большинство других агентов, не смог признать Пляску духов явлением вполне христианским. А ведь если не принимать во внимание разницу в обрядах, догматы этой религии ничем не отличались от догматов любой христианской церкви.

«Никого не обижай, никому не причиняй вреда. Не сражайся. Всегда поступай по правде», - заповедовал мессия. Проповедь отказа от применения насилия и братской любви не призывала индейцев ни к каким действиям, кроме плясок и пения. Мессия же принесет воскресение.

Но из-за того, что индейцы плясали, агенты встревожились и вызвали солдат, и солдаты выступили в поход.

Через неделю после того, как Пинающий Медведь пришел в Стандинг-Рок учить людей Сидящего Быка Пляске духов, Белые Волосы Маклафлин послал полтора десятка полицейских-индейцев удалить его с территории резервации. Испытывая священный ужас перед аурой святости Пинающего Медведя, полицейские передали приказ Сидящему Быку, но вождь отказался что-либо предпринять. 16 октября Маклафлин отправил отряд побольше, и на этот раз Пинающий Медведь был под конвоем выдворен за пределы резервации.

На следующий день Маклафлин уведомил уполномоченного по делам индейцев, что реальной силой, которая стоит за «пагубным культом», является Сидящий Бык. Он рекомендовал арестовать вождя, выслать его из резервации и заключить в военную тюрьму. Уполномоченный обсудил этот вопрос с военным министром, и они оба пришли к выводу, что такой шаг скорее приведет к неприятностям, чем предупредит их.

К середине ноября Пляска духов так распространилась по всем резервациям сию, что почти всякая другая деятельность прекратилась. Ученики не появлялись в школах, магазины опустели, на небольших фермах никто не работал. Напуганный агент из Пайн-Ридж телеграфировал в Вашингтон: «Индейцы пляшут на снегу, они одичали и сошли с ума... Мы нуждаемся в немедленной защите. Вождей следует арестовать и заключить в каком-нибудь форте, пока все не успокоится. И медлить с этим нельзя».

Низкий Бык повел свою группу верующих вниз по Уайт-Ривер, в Бэдлендс, и через несколько дней число индейцев возросло более чем до трех тысяч. Не обращая внимания на зимнюю стужу, они надевали рубахи духов и плясали от зари до зари. Низкий Бык убеждал пляшущих не бояться солдат, если те придут прекратить церемонии. «Их лошади провалятся в землю, - сказал он. - Наездники соскочат с лошадей, но и они тоже провалятся в землю».

На реке Шайен группа Большой Ноги увеличилась до шестисот человек, в основном это были вдовы. Когда агент попытался вмешаться, Большая Нога увел пляшущих из резервации в священное место на Дип-Крик.

20 ноября Бюро по делам индейцев в Вашингтоне приказало агентам на местах телеграфировать имена всех «подстрекателей беспорядков», участвующих в Пляске духов. Список был составлен в Вашингтоне и передан в расположенный в Чикаго штаб Медвежьего Мундира Майлса. Среди «подстрекателей» Майлс заметил имя Сидящего Быка и тут же решил, что тот виноват во всех беспорядках.

Майлс понимал, что спешный арест Сидящего Быка солдатами наделает много шума; он хотел убрать его из резервации тихо и незаметно. С этой целью Медвежий Мундир вызвал к себе одного из нескольких белых людей, которым Сидящий Бык когда-либо симпатизировал или доверял. Это был Буффало Билл Коди. Буффало Билл согласился посетить Сидящего Быка и попытаться уговорить его поехать в Чикаго для переговоров с Майлсом. (Из отчетов неясно, знал ли Коди, что успехом своей миссии он будет способствовать тому, что Сидящего Быка заключат в военную тюрьму) Когда Буффало Билл прибыл в Стандинг-Рок, он встретил там агента, не желавшего содействовать ему. Испугавшись, что Коди помешает попытке ареста Сидящего Быка и только приведет того в ярость, Маклафлин быстро договорился в Вашингтоне о том, чтобы владельца шоу лишили полномочий. Даже не повидав Сидящего Быка, Коди в мрачном расположении духа покинул Стандинг-Рок и вернулся в Чикаго.

Тем временем в Пайн-Ридж уже были введены войска, отношения между индейцами и военными стали напряженными. Для того чтобы разобраться в этой трудной ситуации, был прислан бывший агент, доктор Валентайн Макджилликадди. «Я бы позволил им плясать, - сказал агент, - приход войск напугал индейцев. Когда адвентисты седьмого дня готовят себе одежды для вознесения, ожидая второго пришествия Спасителя, войска Соединенных Штатов не пытаются им помешать, почему же индейцам нельзя предоставить такой же возможности? Если войска не уйдут, непременно случится беда» Однако эта точка зрения не возобладала. 12 декабря подполковник Уильям Драм, командовавший войсками в форте Йейтс, получил приказ от генерала Майлса «взять Сидящего Быка под стражу. Призовите тамошнего агента (Маклафлина) - он будет содействовать вам и поможет наилучшим образом достичь той цели, которую мы имеем в виду».

Перед самым рассветом 15 декабря 1890 г. сорок три индейца-полицейских окружили сруб, в котором жил Сидящий Бык. В трех милях находился эскадрон кавалерии, который в случае необходимости мог прийти на помощь. Заместитель вождя Бычьей Голова, возглавлявший этот отряд индейской полиции, застал Сидящего Быка спящим на полу. Когда его разбудили, вождь недоверчиво уставился на Бычью Голову. «Зачем ты пришел сюда?» - спросил он.

«Ты мой пленник, - сказал Бычья Голова, - ты должен идти в агентство» Сидящий Бык зевнул и сел. «Ну ладно, - сказал он, - дай мне одеться, и я пойду с тобой» Он попросил этого полицейского оседлать для него лошадь.

Когда Бычья Голова с Сидящим Быком вышли из дома, они увидели снаружи толпу участников Пляски духов. Их было примерно в четыре раза больше, чем полицейских. Поймай Медведя, один из плясавших, подошел к Бычьей Голове. «Ты думаешь, что ты возьмешь его, - закричал он, - ты не сделаешь этого!» «Ну, пошел, - тихо сказал Бычья Голова пленнику, - не слушай их». Но Сидящий Бык уперся, так что Бычьей Голове и сержанту Красному Томагавку пришлось силой вести его к лошади. В этот момент Поймай Медведя отбросил свое одеяло и выхватил винтовку. Он выстрелил в Бычью Голову, ранив его в бок. Падая, Бычья Голова пытался застрелить его, но пуля попала в Сидящего Быка. Почти одновременно Красный Томагавк выстрелил Сидящему Быку в голову и убил его.

Во время перестрелки старая цирковая лошадь, подаренная Сидящему Быку Буффало Биллом, стала демонстрировать свое искусство. Она садилась, поднимала одно копыто, и присутствующим казалось, что она исполняет Пляску духов. Но как только лошадь перестала плясать и ускакала прочь, ожесточенная схватка возобновилась, и только прибывшее подразделение кавалеристов спасло индейцев-полицейских от уничтожения.

XIX. ВУНДЕД-НИ

Надежды на земле больше нет, и, кажется, Бог забыл нас. Иные говорят, что видели Сына Божьего, иные не видели его. Если бы Он пришел, Он сделал бы, как прежде, что-нибудь великое, но мы сомневаемся, ибо мы не видели ни Его, ни Его дел.

Люди ничего не знают, люди ни о чем не заботятся. Они ухватились за надежду. Они кричат как безумные, моля Его о милости. Они цепляются за то обетование, которое, как они слышали, Он дал.

Белые люди испугались и вызвали солдат. Мы просили сохранить нам жизнь, а белые люди решили, что мы покушаемся на их жизнь. Мы слышали, что идут солдаты. Мы не боялись. Мы надеялись, что мы сможем рассказать им о наших бедах, и ждали от них помощи. Один белый человек сказал, что солдаты хотят убить нас. Мы не поверили его словам, но некоторые испугались и сбежали в Бэдлендс.

Красное Облако

Если бы не укрепляющая сила Пляски духов, индейцы, полные скорби и гнева вследствие убийства Сидящего Быка, могли бы восстать, несмотря на ружья солдат. Так широко распространилась среди них вера в скорое исчезновение белых людей и возвращение их умерших родных и друзей, когда вновь зазеленеет трава, что они отказались от возмездия. Однако лишенные вождя хункпапы сотнями бежали из Стэндинг-Рок, ища убежища на какой-нибудь стоянке пляшущих или у последних великих вождей вроде Красного Облака в Пайн-Ридж. В Месяце, Когда Олень Сбрасывает Рога (17 декабря), около ста этих беглых хункпапов достигли лагеря индейцев миннеконью Большой Ноги, расположенного возле Черри-Крик. В тот же самый день из военного министерства пришел приказ об аресте и заключении в тюрьму Большой Ноги. Его имя значилось в списке «подстрекателей беспорядков».

Как только Большая Нога узнал об убийстве Сидящего Быка, он повел своих людей в Пайн-Ридж, надеясь на то, что Красное Облако защитит их от солдат. По дороге он заболел воспалением легких, и, когда началось кровотечение, он был вынужден ехать в фургоне. 28 декабря, когда они подходили к Поркьюпайн-Крик, индейцы миннеконью заметили четыре кавалерийских отряда, приближающихся к ним. Большая Нога тотчас же приказал поднять белый флаг над своим фургоном. Около двух часов дня он поднялся из-под своих одеял, чтобы приветствовать майора Сэмуэля Уайтсайда, командира седьмого кавалерийского полка. Одеяла Большой Ноги были в пятнах крови, голос превратился в свистящий хрип, из его носа текла кровь и, когда он говорил хриплым шепотом с Уайтсайдом, замерзала на морозе.

Уайтсайд сообщил Большой Ноге, что у него есть приказ доставить его в кавалерийский лагерь, расположенный возле ручья Вундед-Ни. Вождь миннеконью ответил, что он как раз и продвигается в этом направлении, чтобы укрыться со своими людьми в Пайн-Ридж.

Повернувшись к разведчику-метису Джону Шангру, майор Уайтсайд приказал разоружить отряд Большой Ноги.

«Послушайте, майор, - возразил Шангру, - ваша затея может кончиться схваткой, и тогда вы убьете всех женщин и детей, а мужчины уйдут от вас».

Уайтсайд настаивал на выполнении приказа: захватить индейцев Большой Ноги, разоружить их и отобрать у них коней.

«Лучше сначала отвести их в лагерь, а потом отобрать оружие и лошадей», - заметил Шангру.

«Хорошо, - согласился Уайтсайд. - Скажи Большой Ноге, чтобы он следовал в лагерь у Вундед-Ни».

Майор взглянул на больного вождя и приказал послать за своей санитарной повозкой. В ней было теплее, и в ней вождю было легче переносить дорогу, чем в безрессорном фургоне. Как только вождя перенесли в санитарную повозку, Уайтсайд построил свой отряд в колонну и повел к ручью Вундед-Ни. Два отряда кавалерии ехали впереди, за ними следовали фургоны и санитарная повозка, за ними шли сбитые в тесную группу индейцы, и два других кавалерийских отряда с батареей из двух орудий Гочкиса замыкали колонну.

С наступлением сумерек колонна преодолела последний подъем и начала спускаться по склону к ручью Чанкпе-Опи-Вакпала, или Вундед-Ни. Зимние сумерки и крошечные снежинки, крутившиеся в угасающем свете, придавали фантастический вид этой мрачной местности. Где-то вдоль берега этого замерзшего ручья в заветном месте лежало сердце Бешеного Коня, и те, кто участвовал в Пляске духов, верили, что его бестелесный дух с нетерпением ждет, когда явится новая земля с первой зеленой травой весны.

В палаточном лагере кавалеристов на Вундед-Ни индейцев остановили и тщательно пересчитали. Мужчин было 120 человек, а женщин и детей - 230. Поскольку сгущалась тьма, майор Уайтсайд решил подождать с разоружением пленников до утра. Он тотчас выделил им место для стоянки южнее военного лагеря, выдал им пайки и предоставил несколько палаток. В палатке Большой Ноги майор приказал установить печку и послал военного врача осмотреть больного вождя. Чтобы быть уверенным, что никто из его пленников не сбежит, майор разместил два кавалерийских отряда для охраны индейских вигвамов, а затем на вершине холма, господствующего над лагерем, поставил две свои пушки. Дула этих нарезных орудий, стреляющих дальше, чем на две мили, были расположены так, чтобы в случае чего покрыть все индейские вигвамы.

Позже в темноте этой декабрьской ночи остальная часть седьмого полка подошла с востока и бесшумно разбила лагерь к северу от отрядов майора Уайтсайда. Полковник Джеймс Форсайт, командовавший бывшим полком Кастера, взял теперь на себя руководство операцией. Он сообщил Уайтсайду, что получил приказ отвести группу Большой Ноги к Тихоокеанской железной дороге для отправки в военную тюрьму в Омахе.

Установив на пригорке еще два орудия Гочкиса, Форсайт и его офицеры расположились на вечер вокруг бочонка виски, чтобы отпраздновать поимку Большой Ноги.

Едва дышавший вождь лежал в палатке и не спал. Даже со своими непроницаемыми рубахами духов и верой в пророчества нового мессии его люди боялись кавалеристов, окруживших их со всех сторон. Четырнадцать лет назад на Литл-Биг-Хорн некоторые из этих воинов помогли одержать победу над окружавшими их теперь вождями солдат - Мойланом, Варнумом, Уоллесом, Годфреем, Эдгерли, - и индейцы гадали, осталась ли до сих пор месть в сердцах этих офицеров.

«На следующее утро раздался звук сигнальной трубы, - рассказывал Уазумаза, один из воинов Большой Ноги, через несколько лет сменивший свое имя на Борода В Росе, - и тут я увидел, что солдаты садятся на лошадей и окружают нас. Потом нам объявили, что все мужчины должны собраться в центре лагеря, где с ними будут говорить, а потом отправят в агентство Пайн-Ридж. Большую Ногу вынесли из вигвама и усадили перед его палаткой, индейцы постарше были собраны вокруг вождя и сидели, тесно окружив его».

Выдав сухари в качестве пайка на завтрак, полковник Форсайт сообщил индейцам, что сейчас они будут разоружены. «Они потребовали ружья и прочее оружие, - говорил Белое Копье, - и мы сложили оружие в центре лагеря. Вожди солдат сказали, что это не все оружие и послали несколько подразделений для обыска вигвамов». «Они заходили прямо в палатки, выходили оттуда с узлами и потрошили их, - говорил Собачий Вождь. - Они вытаскивали томагавки, ножи, палаточные шесты и складывали все в кучу рядом с ружьями».

Решив, что этого мало, офицеры приказали воинам снять одеяла и дать обыскать себя. Лица индейцев выражали их ярость, но лишь только шаман Желтая Птица открыто запротестовал.

Он сделал несколько движений Пляски духов и запел одну из священных песен, уверяя воинов, что солдатские пули не смогут пробить их священные одежды. «Пули не достигнут вас, - пел он на языке индейцев сиу, - прерия велика, и пули не достигнут вас».

Солдаты нашли всего две винтовки, одна из них - новый винчестер - принадлежала молодому индейцу миннеконью, которого звали Черный Койот. Черный Койот поднял винчестер над головой, крича, что он заплатил за эту винтовку много денег и что она принадлежит ему. Через несколько лет Борода В Росе вспоминал, что Черный Койот был глухим. «Если бы они не трогали его, он бы положил ружье куда надо. Но они стали хватать его и поворачивать лицом к востоку. Он все еще не понимал, что происходит. Он ни в кого не целился из своего ружья. Он хотел положить ружье на землю. Они подошли и выхватили ружье, которое он собирался положить на землю. Сразу после того, как они повернули, раздался довольно громкий ружейный выстрел. Никто ни в кого не стрелял, но после этой возни раздался звук выстрела». «Был такой звук, как будто рвут холст», - рассказывал Грубый Отец. Боящемуся Врагов показалось, что «грянул гром». Кружащий Ястреб сказал, что Черный Койот был «сумасшедшим, дурно влиял на всех и вообще ничего из себя не представлял». Он сказал, что Черный Койот выстрелил из своего ружья, и «тут же солдаты открыли ответный огонь и стали убивать без разбору».

В первые секунды избиения огонь карабинов был оглушительным, и воздух наполнился пороховым дымом. Среди умирающих, распростертых на мерзлой земле, был Большая Нога. Потом звуки выстрелов на время стихли. Небольшими группами индейцы и солдаты схватились в рукопашную, пустив в ход ножи, дубины и пистолеты. Так как мало у кого из индейцев было оружие, им нужно было бежать, и тут большие пушки Гочкиса открыли по ним огонь, выстреливая почти по снаряду в секунду, кося огнем индейский лагерь, разрывая шрапнелью вигвамы, убивая мужчин, женщин и детей.

«Мы пытались бежать, - рассказывала Луиза Пронырливая Медведица, - а они стреляли в нас, как будто мы бизоны. Я знаю, что бывают добрые белые люди, но солдаты, должно быть, были низкими людьми, потому что расстреливали женщин и детей. Индейские солдаты не стали бы так поступать с белыми детьми».

«Я выскочила оттуда и побежала вслед за убежавшими, - рассказывала Хакиктавин, другая молодая женщина. - Мои дедушка, бабушка и брат были убиты, когда мы перебежали через овраг, а потом меня ранило навывлет в правое бедро и в правое запястье, и я не пошла дальше, я не могла идти, и после того, как солдат поднял меня, ко мне подошла какая-то маленькая девочка и юркнула ко мне под одеяло».

Когда это безумие кончилось, Большая Нога и больше половины его людей были убиты или тяжело ранены; считалось, что было убито 153 человека, но многие раненые отползли в сторону и умерли позже. Кто-то подсчитал, что в общей сложности погибло около 300 из бывших там 350 мужчин, женщин и детей. Солдаты потеряли 25 человек убитыми и 39 ранеными; большинство из них пало от своих же пуль и шрапнели.

После того как раненые кавалеристы отправились в агентство Пайн-Ридж, одно подразделение солдат обошло поле боя на Вундед-Ни, подбирая оставшихся в живых индейцев и загружая их в фургоны. К концу дня стало ясно, что скоро будет метель, а мертвые индейцы так и остались лежать там, где упали. (Когда метель утихла и похоронная команда вернулась в Вундед-Ни, она нашла тела Большой Ноги и других индейцев, замерзших в гротескных позах.)

Фургоны, полные раненых индейцев сиу (4 мужчин и 47 женщин и детей) прибыли в Пайн-Ридж затемно. Все имевшиеся бараки были полны солдат, и, пока какой-то бестолковый офицер искал им жилье, они оставались лежать в открытых фургонах на сильном морозе.

Наконец, открыли помещение, занимаемое епископальной миссией, вынесли оттуда скамьи и набросали на необтесанный пол сена.

Был четвертый день после рождества в год 1890 от рождества Христова. Когда в освещенную свечами церковь внесли первые растерзанные окровавленные тела, те, кто был в сознании, могли видеть свисавшую с голых балок рождественскую зелень. Над амвоном висела хоругвь с неровно написанными буквами: «Мир на земле и я людях благоволение».

Тогда я еще не знал, сколь многому пришел конец. Когда я оглядываюсь назад с высокого холма моей старости, я все еще могу видеть зверски убитых женщин и детей, лежащих грудками вдоль узкого извилистого ущелья, я вижу их так же ясно, как видел молодыми глазами. И я могу видеть нечто иное, что умерло там, в кровавой грязи, и похоронено в метели. Там умерла мечта народа. То была прекрасная мечта... Обруч, скреплявший народ, разбит, и куски его разбросаны. Лишенное сердцевины священное дерево мертво.

Черный Лось

Земля одна продлится

Тот старик

рек:

земля

одна

продлится.

Ты рек

верно.

Ты был прав.